

**прот. СЕРГИЙ
БУЛГАКОВ**

**СЛОВА
ПОУЧЕНИЯ
БЕСЕДЫ**

Протоиерей СЕРГИЙ БУЛГАКОВ

**СЛОВА
ПОУЧЕНИЯ
БЕСЕДЫ**

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

1987

Обложка работы А. Ракузина

© *Ymca-Press*, 1987
ISBN 2-85065-123-0

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1938 году, по настоянию друзей, о. Сергей Булгаков выпустил небольшую книжку своих разрозненных проповедей, печатавшихся ранее в разных изданиях, под общим заглавием "Радость церковная".

В настоящий том вошли все имеющиеся в нашем распоряжении проповеди, слова и поучения о. Сергия, как публиковавшиеся, так и, в огромном своем большинстве, неизданные. В 20-е и 30-е годы о. Сергей редко записывал проповеди, но после операции горла (1939 г.) он проповедей произносить уже не мог и раздавал их в виде размноженных на машинке листков тому кругу друзей, который приходил на его ранние литургии на Сергиевское Подворье. Эта особенность объясняет обилие проповедей сороковых годов. У почитателей о. Сергия, в частности, у о. Георгия Серикова, у матери Феодосии (Соломянц), у сестры Иоанны (Рейтлингер), у матери Бландины (Оболенской), у Т.В.Ельчаниновой эти листки сохранились. В их же архивах были найдены и более давние слова, которые о. Сергей произносил в первые годы священства еще в Крыму, до высылки из России (1-го января 1923 г.), или в Праге до переезда в Париж (1926 г.). За пределами сборника остались лишь незавершенные проповеди или конспекты, находящиеся в записных книжках о. Сергия. Над составлением сборника потрудились многие. Почин его принадлежит прот. Георгию Серикову. Первую классификацию проповедей провел прот. Борис Бобринский. Обоим издательство приносит свою глубокую благодарность.

**ПРОПОВЕДИ
НА ЦЕРКОВНЫЙ ГОД**

РАДОСТЬ МИРА

Размышления на день праздника Рождества Пресвятой Богородицы

О самом событии Рождества Приснодевы умолчано в Евангелии. Оно остается под покровом богоматерного смирения. И если о рождестве Предтечи предвозвещено архангелом и поведано в Евангелии, то, напротив, ничего не говорится о рождении той, которую будут ублажать все роды, и только глухое и позднее предание соткало около этого события благочестивое повествование, конечно, не имеющее той силы и убедительности, которые были бы свойственны евангельскому. Господу и самой Пречистой угодно было утаить от мира совершившееся рождество ее, и Церковь лишь в богослужебных гимнах несколько поднимает этот покров, исповедуя силу и смысл свершившегося, хотя также не договаривая до конца всего, что совершилось.

В тропаре праздника Рождества Богородицы оно изъясняется как радость всей вселенной о той, от кого воссияло Солнце правды Христос Бог наш, так что вся сила отнесена к грядущему богорождению, а не к ней самой, ныне рождаемой. Конечно, боговоплощение есть самое важное и вместе самоочевидное последствие ныне празднуемого события, в свете его оно изъясняется как необходимое условие боговоплощения, именно как богоматеринство, дающее выше всякой меры освящение и самой Богородительнице. "В ней Бог престол свят на земле себе предуготова" (стих. на Господи

возвах), "Дева днесь и Богородица Мария, чертог бесконечный небесного Жениха рождается". "Се Божие место святое проявлено показася... светозарный рай светло процвете, рая ходатаице сущи, к Богу же человекоев усоеение" (канон; песнь 9 предпраздн.). "Пронареченная всех царица, Божие обиталище, присносущного рождества божественное пребывалище" (стих. на стихов., слава). "Днесь иже на разумных престолах почиваяй Бог, престол свят себе на земли предуготова, утвердивый мудростию небеса, небо одушевленное человеколюбием содела" (стих. на Господи возвах, вел. веч.). "Яже к Богу нашему примирения предопределенная скиния, еже быти ныне начинает" (канон, п. 8). "Днесь иже на разумных престолах почиваяй Бог престол свят на земли себе предуготова, утвердивый мудростию небеса небо одушевленное человеколюбием содела, от неплодного бо корене сад живоносен израсти нам, Матерь свою" (кондак праздника).

Во всех этих и подобных песнопениях Церковь прославляет Бога, уготовавшего себе престол одушевленный, грядущую в мир Богоматерь, так что все событие изъясняется в свете грядущего боговоплощения. Боговоплощение по своей важности и единственности, как солнце луну, собою угашает кроткий и смиренный свет рождества самой Богородицы. В свете таинства Тела и Крови, как плода боговоплощения, Мария именуется также и "Предложение божественного хлеба" (канон, п. 4), как давшая Сыну плоть и кровь свою.

Однако во всей силе остается празднуемое событие рождества Богородицы и само по себе, как явление в мир Приснодевы (как празднуется особо и само ее зачатие).

Что же оно собою означает и какая хвала приличествует ей самой, Приснодеве Марии? Церковный чин праздника и на этот вопрос отвечает скупое в словах и сдержанное в выражениях, однако веских и многозначных, исполненных таинственного и богословского смысла.

Приснодева Мария именуется "Всеми миру радость", является радостью всему творению: "Радостью бо радуются

всяческая и обновляются, срадуйтесь купно небо и земля”, “Да радуется небо и земля да возвеселится: Божие бо небо на земле родися, богоневестная сия от обетования” (седален). “Дева, небо и престол Божий и приятелище чистоты, радость провозглашающую всему миру” (стих. на стихов.). “Да празднует весь мир: се бо царица и непорочная невеста Отча от корене Иесева прозябе” (там же). Это рождение и эта радость о нем является от века предустановленною в очах Божиих. “Днесь неплодная Анна рождает Богоотроковицу от всех родов предизбранную в жилище всех Царя и Зиждителя Христа Бога, во исполнение божественного смотра” (стих. на Господи воззвах). Она есть пронареченная всех Царица, Божие обиталище, “всемирная радость от праведных воссия нам” (стихира на стихов.). “Се бо рождается яко прежде чрева предвиденная, Бога нашего Мати, девства сосуд. Рождается убо и мир с нею обновляется, рождается и Церковь в свое благолепие украшается, храм святой, Божие приятелище, девственный сосуд, царский чертог: в нем же преславное неизреченного соединения сошедшихся во Христе естеств совершенное содеяся таинство”. “Яже к Богу нашего примирения предопределенная скиния еже быти начинается”.

О чем же эта радость миру и в чем сила этого предизбрания? В ее совершенной святости и чистоте: “Превыше ангелов на земли отроковица рождается, в святыхи сущи и чистоте без рассуждения” (канон предпраздн., п. 4). “Едина и Единого вводящи Христа во вселенную”, “Яже премногия ради чистоты храм Божий одушевленный бывает” (стих. на стихов.). Посему она есть и “Чертог бесконечный небесного Жениха” (кондак) и “Царица и непорочная невеста Отча” (стих. на стихов.).

Итак, здесь свидетельствуется, что Приснодева есть, прежде всего, “пронареченная”, “предопределенная” и “предизбранная”. Ее пришествие в мир определено в вечности Божией как “Божье место” в творении, выше ангелов. Она изначала включена в мысль Творца о творении, как святейшее средоточие и престол Божий. При творении мира после каждого дня “виде Господь,

что оно добро зело”, и о всем творении сказано: ”и увидел Бог все, что Он сотворил, и вот хорошо весьма” (Быт. 1, 31), однако средоточием его все же остается то, что в нем заключено, и явление чего мы ныне празднуем: ”О, ты прекрасна, возлюбленная Моя, ты прекрасна” (Песнь Песней, 1, 14; 4, 1), и она, ”Невеста Агнца”, ответствует Ему: ”О, ты прекрасен, возлюбленный Мой, и любезен” (Песнь Песней, 1, 15).

Пришествие Сына в мир и вочеловечение Его обычно связывают с необходимостью спасти род человеческий от последствий греха Адама, для чего и предназначена была послужить ”Пронареченная”. Но грех Адама не связан с необходимостью, он был делом его свободы, ее злоупотреблением. Однако, если бы он устоял пред искушением змия и не пал вместе с потомством своим, то неужели не совершилось бы спасительное боговоплощение и ”Пронареченная” не послужила бы сему делу Божию и потому могла бы и вовсе не придти в мир; или же, придя, остаться вне этого своего служения? Очевидно, должна быть вовсе отвергнута такая мысль: Пронареченная пронаречена независимо от падения Адамова, ибо она сама собою, а не Адамом призвана к этому служению, как и Тот, Кто имел от нее родиться, не оставил бы мир лишенным соединения с собой чрез вочеловечение. Она явилась именно той, кто была достойна и способна быть призванной к сему высочайшему служению уже по самому своему сотворению. Господь творит мир и его человечество по своей мысли и воле, премудростью, всемогуществом своим, по образу своему и подобию. Но иначе творит Он мир неодушевленный и даже одушевленный, но лишенный духа Божественного, иначе ангелов и человека, в которых Он влагает дыхание своего бытия. Это дыхание животворит человеческое естество, на начале свободы, свободного, а постольку личного и, следовательно, различного приятия и осуществления мысли Божией о твари.

В творении свободных существ поэтому имеет силу как Божья мысль о каждом из них, так и образ ее усвоения со

стороны самой твари. И в этом сверхвременном, на грани времени и вечности стоящем самоопределении твари предопределяются ее судьбы и образ участия в жизни всего мира. И в отношении Пречистой и Преблагословенной, по свидетельству духа Божия, данному Церкви, божественный замысел и человеческое его восприятие соединились в полном соответствии. Посему и предустановленным явилось ныне празднуемое событие — пришествие в мир Преблагословенной. Какова же о ней мысль Божия? Что восхотел Творец сотворить, призывая к жизни это творение?

Отвечает Дух Божий: не отдельный, частный, односторонний и постольку все-таки скудный образ бытия мира, но объемлющий всю его полноту и мудрость, всю силу целомудрия, которая имеет своим условием всю безраздельность и безграничность богоотданности, иначе говоря, чистоту твари от тварности, ее послушную прозрачность для восприятия откровения Божественного, само приснодевство невесты.

Церковь дает нам возможность, — почти молчаливым движением уст своих, — дальнейшего постижения о Пронареченной прежде чрева в замысле Божиим, прежде рождения в мире. Именно с празднованием Рождества Богородицы Церковь русская соединила и празднование Софии, Премудрости Божией, в киевском соборе Софийском.

Этот праздник в применении к данному его разумению относится к Богоматери, как средоточию и славе творения Божия, как святости человечества, призываемого и способного осуществить эту призванность к богочеловечеству чрез богоматеринство. Но Богоматерь прежде своего богоматеринства, как условие его прития, должна явить в себе всю силу совершенного целомудрия и приснодевства, как осуществление Премудрости Божией и Славы в творении. И как это живое и личное явление Бога в творении и чрез творение, она есть и радость мира, радость вселенская, дарованная всему творению, и этою-то радостью радуется ныне Церковь земная и небесная.

Достоинo внимания, что в иконном изображении Софии, Премудрости Божией, свойственном храму киевскому, она изображается или как Церковь (по тексту Пр. Сол. 9, 1: "Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь"), или же как Пречистая Дева с молитвенно воздетыми руками, "Оранта" (по запрестольному изображению киевского собора), как и в некоторых других ее иконах ("Умиления"). Так она являлась, в ответ на их молитвенное призывание, преп. Серафиму и преп. Сергию, и такой именно ее образ свойственен и ныне празднуемому рождеству Богородицы.

Она есть радость и слава мира и его прямая цель. Мир создан был в своем внутреннем существе как явление Премудрости Божией, силы ее в творении, которая именно и состоит в полноте самоотдания. Сама Премудрость, в мире воплощенная, есть Слово Божие, Логос, но премудрость, Его приемлющая и воплощающая наитием Духа Святого, есть Приснодева. Она есть "Божие место" в Божием мире, престол Божий в храме творения, от всех родов предизбранная.

В последних словах раскрывается и ее средоточное значение в жизни всего человечества. Как премудрость Божия в творении, она соединяет в себе таинственно, но жизненно — нити всего человечества. Ее пришествие в мир подготовлялось его судьбами, как, прежде всего, в лоне избранного народа, в себе ее чревоносившего, так и за его пределами. Итак, Пречистая Богоотроковица собою являет всю силу человеческой святости в своем высшем достижении и полноте. Она есть поэтому "честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим". В этой святости своей она явилась достойна дать человеческое естество Господу, и, поскольку оно преподается нам в причащении Его тела и крови, она и есть "Предложение Божественного хлеба". Почему же святое человечество дано нам в образе женского послушного естества, а не в силе мужественного начала? Но человек, как новый Адам, явлен нам во Христе, истинно Боге и истинно человеку, в котором "обитает вся полнота Божества телес-

но”, т.е. человечно. Со стороны же тварного человечества Девы Марии приличествует быть явлено послушанию, смирению и чистоте естества женского, с тем, чтобы в обоих была явлена вся полнота человечества. При этом истинное человечество Девы Марии собою осуществляет подлинное человечество Адамово, однако в его греховной ослабленности после падения, и лишь на этом, в некоей мере поврежденном древе должна была прорасти здоровая ветвь, а на ней процвести благоуханный цвет.

В этом смысле Дева Мария, в полноте своего смирения, не отделилась от нас в нашей зараженности грехом, хотя и не знала греха в своем личном бытии, больного, но лично не подвластного греху человечества. Посему, если Церковь и славит Приснодеву в ее непорочном зачатии, то она, делая это, не хочет отделить ее от общего ствола всечеловеческого древа, но лишь свидетельствует о ее личной безгреховности даже и в отягченном грехом человечестве. Непорочное же зачатие, во всей силе этого слова, свойственно лишь бессеменному зачатию Господа Богомладенца.

Она есть ”Жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна и на голове ее венец из двенадцати звезд” (Откр. 12, 1) – образ боговоплощения. Она есть жена, приуготовляющая себя к браку Агнца (19, 7), она есть святой град, небесный Иерусалим, который нисходит с неба от Бога (Откр. 21, 9-11), имеющий славу Божию.

И она, приходящая в мир ныне в рождестве своем, но ушедшая из него в своем успении, придет в мир во славе Сына своего, которая есть Дух Святой, на ней почивающий. И днешний день раскрывается для нас в своем значении как начальное приближение к миру и человечеству Духа Святого, сходящего на нее в благовещении, как богозачатии, и в успении ее, как ее прославлении.

Весь мир и все человечество сотворены ради Девы Марии Божией Богородительницы и Сына ее.

Рождество твое, Богородице Дево,
Радость возвести всей вселенней,
[яко ты еси премудрость Божия сотворенная]
Из тебе бо воссия Солнце правды Христос
Бог наш [Премудрость и Слово Божие].
И разрушив клятву даде благословение
И упразднив смерть дарова нам живот вечный.

1940 г.

СИЛА КРЕСТНАЯ

На Воздвижение Креста Господня

Ныне творится "всемирное воздвижение" Креста Господня, днесь крест "воздвигается и мир освящается" (светилен Воздвижения), и призываются верные поклониться треблаженному древу, на нем же распяся Христос. Поклоняемся древу крестному и молимся самому пресвятому кресту живоносному, к нему взываем, его призываем: "ты мой покров державен еси, тричастный кресте Христов, освяти мя силою твоею, да верою и любовью поклоняюся и славлю тя" (канон честному Кресту). "Радуйся, живоносные кресте, благочестия непобедимая победа, дверь райская, верных утверждение, церкви ограждение ... оружие непобедимое, бесов сопротивоборче... даруй ми миру велию милость" (стих. Льва). "Кресте Христов, христиан упование, заблуждших наставниче, обуреваемых пристанище, в бранех победа, вселенная утверждение, недужных врачу, мертвых воскресение, помилуй нас" (стих. евангельск.). "В тебе, треблаженне и жизнедавче кресте, людие утверждающесе спразднуют с невещественными лики" (седален). "Непобедимая и непостижимая и божественная сила честнаго и животворящаго креста, не остави нас грешных" (молитва вел. повеч.). "О преславный и животворящий кресте Господень, помогай нам со святою госпожою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь". (Молитва на сон грядущ.).

Но сколь бы мы ни почитали честное и животворящее древо креста Господня, но ужели мы древопоклонники, которые

молимся дереву, как живому существу, как некоей умной сущности? Дереву ли, хотя и треблаженному, молимся здесь, или же божественной силе и тайне креста, в сем дереве явившейся нам? Поклонение дереву Креста Христова поистине соединяется для нас с почитанием креста, в небесах сущего, силы непостижимой, божественной. От образа дерева крестного возводится ум наш к первообразу креста небесного, с ним нераздельно соединившемуся, как нераздельно и неслиянно соединились во Христе Его божеское и человеческое естество. Пренебесный крест Господень воссиял на земле в дереве крестном, орудии нашего спасения.

Вместе с творением мира всеменено в нем дерево крестное, — и кедр, и певк, и кипарис; в тот день, когда повелено было земле произрастить всякое растение, были приуготованы древесина креста. Но крест сей древесный есть знамение креста предвечного, откровение тайны крестной. Знамение креста начертано во всем мире, ибо он есть, по слову песни церковной, "четвероколенная сила", связующая "четвероколенный мир", как "высота, глубина и широта"; и он же вписан и в человеческий образ, в крестообразном простертии рук: Моисей и Иисус Навин в молитве с поднятием рук прообразовали на кресте Распятого. Образ тела как бы зовет уже крестное дерево, ибо он есть крест, в сердце имеющий себе средоточие. Но образом креста Творец начертал в мире и человеке Свой собственный образ, ибо, по свидетельству Церкви, крест и есть "Божий образ, назнаменателен миру". О чем же возвещает это знамение? Оно возвещает о любви Божией и прежде всего о любви Божией к творению. Мир создан силою креста, ибо крестна любовь Божия к творению. Мир и спасен крестом, любовью крестною, и мир благословляется крестом, осеняется силою крестною. Но глубже и выше проникает тайна креста, ибо в нем сокровенно таится образ триипостасного Бога, Троицы во Единице. Церковь учит, что он есть "знамение непостижимой Троицы, крест трисоставный, Троицы бо носит триипостасный образ". Крест есть откровение Пресвятой Троицы, и сила крестная есть сила Божественная. И когда, молитвенно взывая к непостижимой и

непобедимой и божественной силе честного животворящего креста, мы молимся и божественной силе честного животворящего креста, то молимся Самой Живоначальной Троице, во Единице сущей, Ее единой божественной жизни и сущности. Крест есть Сам Бог в откровении миру, сила и слава Божия.

Бог есть любовь, и св. Крест есть не иное что, как любовь Божия. Крестная любовь. Сила, огонь и природа любви в ее крестности, и любовь не бывает некрестной. Крест есть жертвенность любви, ибо любовь и есть жертвенность, самоотдача, самоотречение, вольное истощание ради любимого. Вне жертвы нет и приятия, нет встречи, нет жизни в другом и для другого; нет и иного блаженства любви, как в самоистощании жертвенном, которое награждается ответным исполнением. Крест есть взаимность любви, но она и есть сама взаимность. Нет иного пути любви, ее ведения мудрости, кроме как крестного. Пресвятая Троица есть предвечная крестность, как жертвенная взаимность Трех, единая жизнь, порождаемая вольной самоотдачей, тройственным самоотречением, расплавлением в божественном океане жертвенной любви. Трисоставный крест носит знамение пресвятой Троицы. Почему это так? В кресте пересекаются три встречных линии, они идут друг ко другу из трех разных точек, но пересекаясь становятся воедино в сердце креста, в его пресечении. Так и в Св. Троице божественная жизнь Триединства есть вечная встреча, взаимность в самоотдании и себя обретении каждой в других Ипостасях. Для любви нет границ и пределов, нет их и для жертвенности. Самоистощаясь воскресать в другом – таково блаженство любви. Кто любит, тот любит и крест, ибо крестна любовь. И сущая Любовь – Бог в Кресте Предвечном – самоотвергается ради любви Своей. Три точки, определяющие линии креста, суть образы Трех Божественных Ипостасей, в себе сущих, и точка их пересечения есть единая жизнь Трех, Троица во Единице в крестной взаимности. И блаженство божественной любви есть жертвенное блаженство креста, и ее сила есть крестная. И если мир создан любовью, то не иною силою, как силой крестной. Бог-Любовь творит его новым подъятием креста в

откровении любви Своей к твари. Творя мир всемогуществом, Творец дает в нем место для тварной свободы, как бы Себя умаляя, ограничивая свое всемогущество в пользу тварности, для нее истощается. Мир создан крестом любви Божией к твари. Но создавая мир крестом, Бог в предвечном совете определяет крестом же спасти его от него самого, от гибели в его тварности. Бог так возлюбил мир, что предвечно отдал Сына Единородного на крестную жертву ради спасения мира, воззвал его к пакибытию крестною смертью и воскресением.

Бог ищет в творении друга, другого себя, с кем бы Он мог разделить блаженство любви, кому мог бы сообщить божественную жизнь, и в безмерности любви Своей к творению он не останавливается и в жертвенности ее, жертвуя ради твари Самим Собой. Превосходит всякое разумение беспредельность жертвы Божией ради мира и его спасения. Сын умаляется до воплощения, приемля зрак раба и быв послушен до смерти крестной: Отец не щадит Единородного Сына возлюбленного, но отдает и Сам посылает Его на крест; Дух Святой приемлет нисхождение в отпавший и ожесточившийся мир, почивая на Помазаннике-Христе, вселяясь в Матерь Его и исполняя Собою Церковь. Вместе с крестной жертвой Сына это есть жертва всей Св. Троицы, единосущной и нераздельной. Воплотился и страдал на кресте только Сын, но в Нем открылась и жертвенная любовь всей Св. Троицы – пославшего Его Отца и почившего на Нем и на страждущей Матери Его Св. Духа. Крест уготован был в мире Богом для Бога и потому был прообразован в Ветхом Завете многими знаменами и прообразами. И крест явился для мира спасительным деревом, победою, мир победившею; посему знамение креста победно явится на небесах во второе и славное пришествие Сына Божия, и в небесах небес сияет св. Крест, который сподобился зреть преп. Андрей Юродивый Христа ради.

Пред знаменем креста благословляющим трепещут демоны. Крест есть для них огонь попопалющий. Почему трепещут они сего огня любви? Ибо ненавидят любовь, омрачены себялюбием, не хотят пути крестного; они силой общей ненависти, но

не любви соединяются в свои легионы. Огонь веселящий и улаждающий становится для них пламенем нестерпимым.

Крест есть образное начертание Имени Божия, творящее чудеса и являющее силы, подобно Имени Божию, открытому Моисею. Крест есть ознаменование Пресв.Троицы, священный знак Бога-Любви, пополюющий нелюбовь, злобу и ненависть.

Сей Крест Пренебесный открылся нам, человекам, в кресте Христовом, в том всеблаженном древе, образу коего мы поклоняемся и со страхом его лобызаем. Им мы запечатлеваемся, как воины Христовы, его носим на персях и в сердце. Ибо христианин существенно есть крестоносец. Как в сердце св. Игнатия Богоносца, по преданию, нашли начертание сладчайшего Имени Иисусова, так в сердце христианина таится крест Господень, коим горит оно, уязвленное навеки. Христианин живет в Боге, и в меру того, как сопричащается любви Христовой, кресту Его, тяжести его и сладости. Поклонение кресту и радование им являются ему не внешней заповедью, но внутренним велением: кто хочет за Мною идти, да отвержется себя, и возьмет крест свой и по Мне грядет. Мы и можем поклоняться кресту только в силу своего к нему приобщения. Кто страшится креста и в глубине души его не хочет, тот ложно поклоняется ему, обманывает совесть. Посему сладостен, но и грозен, суров днешний праздник, в глубокий пост облекла Церковь день его торжества. Крест светит в греховных глубинах нашего сердца, он их просветляет, но и обличает. Его страшится и ему противится греховное, себялюбивое наше естество. К чему себя обманывать? Природный человек страшится креста. И однако нужно побороть этот страх, в сердце своем возвращать древо крестное, вознося его и поклоняясь ему. Нужно подставить и свои рамена, вместе с мимоходящим Симоном Киринейским, под тяжесть креста Христова. Каждому надлежит взойти на свой собственный крест, с тем, чтобы уже не сойти с него, и тем творя в себе воздвижение креста, приобщиться к всемирному его воздвижению. Заповедь креста, для каждого своего, данная Спасителем, есть не суровое истязательство, но великая милость

Божия к человеку. Это есть ознаменование любви Божией к человеку, великого его почитания: Бог хочет к Своей радости и блаженству, к Своей крестности приобщить Свое высшее творение. Первозданному Адаму еще в безгрешном неведении добра и зла дано было познать сладость креста через послушание заповеди Божией о невкушении плодов с древа познания добра и зла. В раю произращено было древо жизни и древо познания добра и зла (Быт. 2, 9). То было райское знамение крестного древа: отрекаясь воли своей, творя волю Отца Небесного, человек распинался на древе, и оно становилось для него древом жизни, полного вечного блаженства. Но шепотом лукавого змия прародители отверглись креста, они сошли с него, совершив своеволие, явив непослушание. И древо стало для них смертным, дало ведение греха и зла, повлекшее изгнание из рая. Но на сие крестное древо, с коего сошел Адам первозданньй, взошел Новый Адам, Господь, Сын Человеческий и Единородный Сын Божий; Он взошел на крест, дабы и всех привлечь к Себе (Ин. 12, 32), ибо нет иного пути, кроме крестного, к раю сладости. И его пытался искушать древний змий, говоря Распятому устами послушников своих: сойди со креста! Но отвергнуто было новое искушение, и древо познания добра и зла снова соделалось древом жизни, "живоносным садом", и вкушающие плода его причащаются бессмертия. И в каждом человеке, пока дано ему время жизни, живет и семя древнего Адама, он слышит в себе немолчный шепот, которому вторит природная немощ и слабость: сойди со креста, не мучься. Мир враждует кресту, ярится от слова крестного, любовь к миру есть ненависть ко кресту. Но любовь к Богу есть любовь и ко кресту Господню, ибо чем же и может любить стропотное, жестоковыйное сердце, если не крестной пронзенностью? Сладки раны Твои в сердце моем, о сладчайший Иисусе, и нет для него большей их сладости!

"О преславного чудесе, широта креста и долгота небеси равна есть, яко божественной благодатию освящает всяческая". Аминь.

1924 г.

КРЕСТ СВОЙ

И подозвав народ с учениками своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.

(Мр. 8, 34)

Трудно и страшно каждому из нас говорить и даже думать о кресте. А между тем именно о нем столь настойчиво и многократно говорил Христос, делая его условием самого последования за Ним. Кто не берет и не несет креста своего, "тот не достоин Меня" (Мт. 10, 38) и "не может быть Моим учеником" (Лк. 14, 27), а "если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною" (Лк. 9, 23; Мт. 16, 24). А к этому прибавлено и еще более страшное и так жестоко звучащее слово: "Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня" (Мт. 10, 37-38), и кто "не возненавидит отца своего и матери и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, то не может быть Моим учеником" (Лк. 14, 26).

Отречься от любви к самому любимому до возненавидения, чтобы самому взять крест свой ради любви ко Христу, — таков неумолимый голос правды Божией, от которого

содрогается плотское сердце, умеющее любить лишь плотскою и себялюбивою любовью. Но любовь Христова к нам, как ответная любовь наша к Нему, выше любви человеческой. Последняя должна ей уступать, как низшая ценность высшей. Не ожесточения сердца нашего хочет Учитель любви, но лишь правильного соотношения в блюдении заповеди о любви: первой и второй, любви к Богу и ближнему.

Но что же значит это страшное слово: "Крест свой"?

Кто же из нас в плотском себялюбии своем сам хочет креста, а не отрицается его, не просит у Бога благополучия, мира, здравия, спасения, ласки, покоя? Порою он их получает, но и неизбежно теряет, так или иначе, рано или поздно, в жизни или смерти, всякий по-своему. Крест есть наша судьба, рок, постигающий нас помимо или вопреки нашему желанию. И у каждого свой: неисчислимы в своем многообразии кресты, как неисчислимы судьбы человеческие. Болезни тела и души, нищета и голод, порабощение и бедствия войны, поругание святыни и тьма духовная, одиночество и неудачничество, страдания за любимых, за которых мы готовы отдать последнюю каплю крови, смерть и смертная разлука... Перед лицом своего креста можно испытывать страх и трепет, противиться, жаловаться, роптать, проклинать, как даже праведный Иов проклинал день своего рождения и ночь своего зачатия. А Господь неумолимо повелевает: взять крест свой, и принять эту свою злую судьбу как крест свой, и следовать за Ним. Мы знаем и любим только себя, а Он любил всех и знал все тогда, когда это говорил: настоящее, прошедшее и будущее. И сам Он был окружен непрестанно болезнующими и скорбящими, бедными и озлобленными, а также и в грядущем провидел Он эти великие бедствия, о которых сам сказал, что придет время, когда "будет великая скорбь, какой не было от начала мира и не будет" (Мт. 24, 21). И однако перед лицом всех этих грядущих бедствий Он настойчиво

возвещал о взятии каждым своего креста и следовании за Ним как некую высшую истину о жизни.

Ему ведомы и наши страшные дни, когда смерть реет в воздухе и на море, на земле и под землей, и болезни косят жизнь, и когда темнеет разум, и разрывается сердце от муки.

Жизнь — крестна, и крест ее есть мука. Он же не только все ведал, но все изжил, приняв в человечество свое, в крестные раны, в свое томление смертное все, все... Наш крест есть и Его крест, Он ранее нас и вместе с нами его несет. Истинность и полнота Его вочеловечения включает вселенскость и всечеловечность Его креста. И в крестной муке нашей Он ближе к нам, как и сами мы в страданиях своих становимся ближе к Богу, если только не погружаемся во тьму отчаяния и страха, но внемлем Его небесному благовесту. Отец небесный сам послал на крест своего Сына за нас и с нами. Ибо крест есть любовь Божия и ее благословение. Крест распятия есть и знамение победы и славы за пределами этой жизни, и ныне да явит нам свет и радость свои сила крестная.

Но мертво звучат эти обетования в омертвевшем сердце, и от каждого требуется подвиг любви и веры, усилие ощутить в себе Христа. Это и есть воздвижение креста Христова в нашем сердце, и оно совершается верою и любовью, упованием и молитвой.

Но для этого надо всегда жить во Христе и со Христом, Ему следовать, предавая самих себя, друг друга и всю жизнь свою Христу Богу. И тогда крест, сей тяжкий рок и злая судьба, засияет в нас святым знамением. Насколько в нас живет эта любовь ко Христу, мы верим слову Его, ибо оно есть слово любви, свет, разгоняющий тьму, нас обступающую. И в этом свете крест Христов становится для нас знамением любви Божией к страждущему человечеству. Бог, нас ради быв человек, в сошествии небес оставил небесный покой для того, чтобы распяться на кресте с

нами и за нас, но и чтобы в воскресении совоскресить и нас с собою.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим.

1940 г.

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА

И подзвав народ с учениками своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.

(Мр. 8, 34)

Воздвижение Креста Господня, как торжество церковное, есть память об его обретении и всенародном ему поклонении. Но великое его духовное значение в том, что он есть и ознаменование нашей жизни во всей ее силе и содержании. Самая жизнь наша есть или может, а потому и должна быть таковым воздвижением для каждого из нас его собственного креста. Но потому именно уже самая мысль о том повергает нас в смущение и трепет, ибо зовет к богомыслию крестному. Заповедь Христова призывает к крестоношению, со всей неумолимостью и даже как будто беспощадной суровостью. Но лишь на этом пути следования за Христом подается и достойная человека радость, блаженство Его близости.

Крест дается, каждому свой, в ответное его взятие, по слову Господа: "Возьми крест свой". Этот "свой крест" есть, прежде всего, жизненный жребий, человеческая судьба. Многообразна она и изменчива. Она несет в себе радость и горе, вдохновение и изнеможение, нужды и заботы, труд и лишения, болезни и утраты. Человек является ее жертвой

помимо воли, чаще вопреки ей, от стечения обстоятельств, случайности, редко благоприятной, но чаще роковой и недоброй. Под тяжестью судьбы своей человек ропщет, жалуется, изнемогает: он "не берет" креста своего! Христос же зовет всех и каждого к согласному, вольному его приятию, его воздвижению. Чрез это жестокая судьба становится уже собственным его жертвоприношением, по образу Христову. В чем же сила этого образа?

Крест Христов от века был уготован Ему, как данная Его судьба, как Он и сам о том возвещал ученикам своим. Крест Христов тяготел на Нем всей тяжестью греха мира. Горька была эта чаша, так что и Он молился Отцу в час ее приближения: "Если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мт. 26, 39). Покоряясь уделу своему, Он свидетельствовал покорность свою воле Отца, свое приятие креста: "Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя" (Мт. 26, 42-44). Но воля Отца была неотменна, и Сын вольно принял эту волю, тем сам совершил духовное воздвижение своего креста, за которым последовало распятие и крестная смерть. Тайна спасительного креста Христова — в этом его приятии тяжести грехов всего мира. Оно явило искупительную силу как жертвоприношение вселенское. Его мы держаем ныне праздновать, как и собственное наше торжество, праздник церковный. Но Христос зовет избранных своих с Ним вместе его разделить на путях жизни, в судьбах своих, в принятии и несении своего собственного креста.

Христос творил волю Отца, которую знал как Ему данную. Но как же можем мы воздвигнуть свой собственный крест и, прежде всего, его опознать, не только как внешнее стечение обстоятельств, но и как волю Божию о нас? Как узедать его правую меру и мысль Божию о нас? Это становится делом не одного лишь послушания, но и творческого усилия и вдохновения. Человеку на этом пути не дано безошибочности, напротив, его подстерегают здесь заблужде-

ния, пристрастия, уклончивость, самочиние. Ему мучительно приходится искать правого своего пути. Христос сам явил нам и заповедал образ правого избрания в молитве своей: "Не как Я хочу, но как Ты". Но Он-то знал это избрание, нам же мучительно приходится его искать, чтобы различить в собственном самоопределении правое от неправого, смиренное от самочинного, божеское от человеческого. Притом жизнь наша состоит не в простом избрании и единократном решении на путях всей жизни, она есть ряд многократных и многообразных событий. Она вся есть крестное восхождение всей жизни, возводящее к крестному исходу своему в "христианской кончине живота" нашего. Мы должны искать правого пути в молитвенном усилии, с упованием на помощь Божию, которая нам и обещана: "Просите и дастся вам, ищите и обрящете" (Мт. 7, 7). Поскольку судьба наша внешне дана нам, мы остаемся несвободны в ее избрании, но от нас требуется подвиг веры к принятию воли Божией в ее непостижимости и видимой ее суровости. Ибо Бог есть Любовь, и правы суды Его. Если же нашей воле остается еще избрать и искать своего решения в творческом подвиге жизни, мы должны молить Христа, да направит Он наш разум и волю Духом своим благим на путь правый. Бог внимлет человеку, взыскующему путей своих. Он не оставит его безответным, — через слово, знамение, событие, — хотя ему надлежит и самому искать выстраданного крестного самоопределения. Воздвижение креста не есть только торжество церковное, но и наше собственное дело.

Такова жизнь христианская, совершаемая в крестоношении и крестном подвиге. Но в ней разнствуют события и сроки, как в жизни отдельных лиц, так и обществ, народов, человечества. И кажется нам, что наша теперешняя жизнь особенно изнемогает под крестом, ныне посылаемым Богом, всем по-своему: гонимым и гонителям, воинствующим и от войны страждущим, для всех народов, особенно народа избранного и родины нашей. И кажется, что чем тяжелее крест, тем выше избрание!

Подклонимся же под крест, нам посылаемый, будем его воздвигать духовно с верою и любовью, упованием и покорностью, с желанием отвергнуться себя во Имя Христа и принять судьбы свои как веления Божии. И крест тот должен стать знаменем победы духовной, радостью, благодарением, торжеством. О такой выстраданной, ибо крестной, радости дерзаем просить самого Распявшегося на кресте за нас и с нами днесь распинающегося Господа. Аминь.

1942 г.

КРЕСТНОСТЬ ЖИЗНИ

Слово в день Воздвижения Креста Господня

Ныне совершается торжество Воздвижения Креста Господня и нашего ему поклонения. В торжестве этом выражается самая сущность христианской веры, знамение которой мы на себе носим, крестной смерти Христовой и славного Его воскресения: "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим". Распятие и воскресение, Страстная Пятница и Пасха Христова соединяются здесь в едином прославлении, каждая со своими вдохновениями и откровениями. Скорбь, облекающая его в пост, сочетается с величайшим победным торжеством. Тень креста и его тягота ложится над миром, и свет его в нем воссияет. Так некогда воссияет он в небесах, как победное знамение нового пришествия в мир Сына Человеческого. Нас одновременно влечет в храм, чтобы поклониться Кресту Господню, приобщиться его церковному торжеству, со-воздвига-
гая крест, отдаться молитвенному о нем восторгу, но вместе соблазняемся, опускаем очи долу, духовно страшимся ему предстояния. Лениность духовная и равнодушие наше зовут нас бежать от созерцания его, он давит нас, режет слабые плечи, исполняет нашу жизнь непосильною мукой. И чем больше мы погружаемся в глубину человеческой жизни, тем кажется он невыносимей. Таково противоречие, которое приносим мы в душах своих к подножию Креста Христова. Этот праздник в своем духовном веселии ставит нас лицом

к лицу пред крестностью всей нашей жизни, которая не тщетно осенена знамением Креста Господня.

Крест Христов, подъятый Богочеловеком для спасения всех, есть любовь Бога к миру, явленная не только в сотворении человека, но и в спасении его. Бог сам разделил с миром удел его крестный, вочеловечился и распялся. Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единородного (Ио. 3, 16). Отец сам посылает Сына на крест. Ибо был вопрошающий крестный вопль Сына: "Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мт. 26, 39). И был услышан Им молчаливый ответ Отца – "Отче Мой, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя" (Мт. 26, 42). Крест был дан Сыну Отцом и был принят от Него. Любовь Отчая, почиющая на Сыне Духом Святым, сокрылась в мраке Гефсиманской ночи, как и во свете Голгофского дня. Но она сокрылась ради любви, торжествующей в жертвенности ее, чтобы чрез то воссиять в силе и славе своей. И созерцание жертвоприносящей любви исполняет душу ответной любовью, благодарением и торжеством – воздвижения креста в сердцах наших. Оно дает вдохновение к тому, чтобы нам разделить это торжество, сказать Отцу и свое ответное слово о крестности нашей жизни: если возможно, да не будет она нашим уделом, но если невозможно – то да будет воля Твоя. Но пошли силу и волю принять и понести крест наш, зажги сердце "любовию креста Твоего", даруй терпение, к которому Ты призываешь: "Терпением вашим спасайте души ваши" (Лк. 21, 19).

И мало того: крест не есть только дело христианского терпения, но и подвиг веры, "слово о кресте для погибающих есть юродство" (1 Кор. 1, 17), "для иудеев соблазн, а для еллинов безумие" (1 Кор. 1, 23). Пред лицом человеческого разума он есть не только непонятность, но и зло, ибо страдание. А как же можем мы возлюбить страдание или поклониться бессмыслию. Но именно это означает Воздвижение Креста, оно требует от нас преодоления человеческого естества, – которое

не хочет креста и ему противится, — во имя любви нашей к Богу и любви Божией к нам. Мудрость века сего сулит нам счастье на земле, преодоление крестности. Она зовет нас не к воздвижению креста, а к его упразднению. Однако, пуста жизнь бескрестная и суетна, лишена глубины и мудрости, того духовного достоинства, которое приобретается страданием. Поэтому крест есть для нас высший дар любви Божией. Мы должны познать и принять крестность как наше соучастие в Кресте Христовом, ибо Крест Христов объемлет собою все кресты всего человечества, в нем каждый найдет и свой собственный крест, а в нем ответ о тайне своей жизни и ее судьбы. Этот крестный подвиг любви и веры, как высшее достижение человеческой жизни, состоит только в одном: не как я хочу, но как Ты, и да будет воля Твоя во всей ее для нас непостижимости. Таков должен быть единственный ответ каждого и для каждого о нем самом.

Но даже это разумение есть еще легчайшее и простейшее в нашем вопрошании о кресте. И легко, и трудно каждому за себя и от своего собственного лица принести эту жертву любви и сказать: да будет воля Твоя. Но "слово крестное" в юродстве его и безумии требует от нас и еще большей жертвы, и большего дерзновения веры: сказать это за всех. Поклонение кресту, совершаемое ныне, есть всемирное его воздвижение, принятие его от лица всего мира. Таков смысл празднования, которого не будем умалять. Каждый несет в сознании и совести ответ о своем собственном уделе, но он включен и в судьбы всего человечества, если только мы не отъединяемся от него в себялюбии, узости сердца, в мещанской его ограниченности. Мы разделяем судьбы мира, его скорбь, его крестность.

И именно в наши дни небывалой в своей разрушительной силе и ожесточении войны, с неисчислимыми бедствиями, безумным разливом жестокости, безбожия и всяческого идолопоклонства, мы искренно изнемогаем и честно недоумеваем: как же это возможно? Где же Бог и есть ли Он, посылающий мир

свой на пропятие? Разум и совесть как будто говорят нам, что Высший разум оказался бессилён не только создать мир, но и вывести его из этого ада, или же Он просто отсутствует, а мир есть сцепление случайных, бессмысленных причин. Но тогда человеческий разум сам призван его собою заменить, а он зовет нас не к воздвижению креста, но к преодолению крестности жизни. Если пред лицом непонятных страданий одного только человека, праведного Иова, друзья недоумевали, жена же призывала его к богохульству: "Похули Бога и умри!" (Иов. 2, 9), — то что можно сказать пред лицом всего совершающегося ныне, и не звучит ли слово крестное растерянностью безответности или же нечувствием? И даже преодоление крестности жизни в будущем не примиряет со злом, уже совершившимся и совершающимся в личной судьбе каждого из нас, а еще менее оно способно примирить со всеобщей смертью, уносящей из жизни каждого.

Но воздвижение Креста содержит не только вопрос, но и ответ, ибо в нем поклонение Кресту соединяется с прославлением воскресения Христова. Этим дается ответ о Кресте, единственный, исчерпывающий, достойный: крестная смерть Христова явилась силой и основанием Его воскресения, в котором содержится сила грядущего совоскресения и спасения всего человечества. Такова проповедь праздника всемирного Креста Воздвижения.

Только это одно, слово крестное, может явиться ответом о смысле бессмыслицы всего происходящего в мире, но он должен быть произнесен не устами только, а и сердцем, всей силой любви и веры. Крестность мира может быть принята только в Боге, как воля Божия о мире, ее благое попущение, она должна быть опознана в Кресте Христовом, как любви Божией к миру. Крест Христов в себе соединяет все кресты всего человечества, которому он содержит искупление. Страсть Христова в себе содержит все человеческие страдания, кроме греховных, ибо каждое из них собою превосходит и силою Того на него отвечает. Любовь Божия любит всякое создание

и не забывает каждого человека в его судьбе. Она не имеет границ и сильна против всякого бессилия. Но эта истина может ныне открываться для нас в меру нашей собственной любви ко Христу, а через это в познании любви Божественной к миру и к человеку, Им явленной. Сам Творец, Слово Божие, принял на себя, изжил в себе всякую муку, став человеком. Такова тайна любви Божией к миру.

Но она содержит в себе еще и другую тайну – спасение мира и человека от зла, с изгнанием князя мира сего. Зло и страдание вошли в мир не от Бога, сотворившего мир "добро зело", но от тварной свободы, от греха, вошедшего в творение из мира духовного и распространившегося на все человечество. Мир болеет греховностью и страдает от нее. Он сделался царством князя мира сего. Но он уже побежден Крестом Христовым, и эта победа, его изгнание из мира, явлена будет в грядущем веке воскресения. Поэтому судьбы человечества в его крестности – благи, ибо ведут к благу, к торжеству добра, достойному человека, к Царствию Божию. Вот истина, которую Христос возвещает крестною смертью своею и воскресением. Крестность Креста Христова есть крестность всех крестностей, но сила ее есть воскресение Христово, которое содержит в себе всеобщее воскресение.

К этому подвигу веры зовет нас Христос: "Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте" (Ио. 24, 1). Так учил Он учеников пред самую крестную смертью своей, которая явилась и наибольшим страданием, и злом в мире, но и источником всеобщего спасения. И не одно лишь это возвещал Господь своим ученикам. Он предвещал им, а в их лице и все человечество, о том, что предстоит ему в будущем, о крестности всего его пути. Он не обольщал его призраком земного благополучия. Он говорил: "также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите не ужасайтесь, ибо надлежит тому быть. Но это еще не конец" (Мт. 24, 6 и далее). "И если бы не сократились дни те (великой скорби), не спаслась бы никакая плоть" (Мт. 24, 27). "Тогда будут вас

предавать на мучения и убивать вас, и вы будете ненавидимы всеми народами за Имя Мое... и по причине умножения беззакония во многих охладает любовь: претерпевый же до конца спасется" (Мт. 24, 13). Этими и многими другими словами предварял Господь о крестности пути всего мира. Этот же скорбный путь пророчесвенно раскрывается в Откровении Иоанновом. Пред крестностью его даже отшедшие в тот мир соблазняются, подобно тому, как и мы ныне соблазняемся, и вопиют: "Доколе, Владыко святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу"? (Откр. 6, 10). Но и им сказано было, чтобы они успокоились, "пока их сотрудники и братья, которые будут убиты, как и они, дополнят число" (Откр. 6, 11). Таково же останется крестное и для нас "успокоение". Что же значат эти пророчества о будущем, для чего они даны? Они свидетельствуют, что ведомы Господу все грядущие судьбы мира и попущены мудростью Божией в качестве пути ко всеобщему спасению. Они даны для того, чтобы не смущалось сердце наше и не устрасалось, ибо Христос не оставляет мира своего в путях его.

И мы должны верить, что Он с нами и ныне, и до скончания века во всех судьбах наших. Посему, поклоняясь Кресту Христову, в нем поклоняемся мы и крестности всего мира, его страданию, ибо оно есть Крест Христов, принятый Им самим во спасение его вместе со всем человечеством, во всем, кроме греха. Она — крестность — есть путь, и нет иного пути, которым имеет пройти все человечество к торжеству Царствия Христова. Посему и в наши дни, каковы бы ни были настоящие и будущие испытания, нас ожидающие, нам надлежит быть христианами, нести крест своей судьбы во Христе, как крест Христов, Им на нас возложенный. Аминь.

1943 г.

КРЕСТНОСТЬ ЖИЗНИ

И, неся крест свой, Он вышел на место, называемое лобное, по-еврейски Голгофа. (Ио. 19, 17)

И заставили проходящего некоего Кириянина Симона... нести крест Его. (Мр. 15, 21)

Крестна жизнь, и каждому дается свой крест, как особая крестная судьба. Она проявляется различно и постигает каждого в разные времена, но нельзя избежать ее в этом мире.

Тщетно самообольщение, что возможна самодовольная, бескрестная жизнь в этом мире, отравленном грехом и отягченном смертностью, со всеми их проявлениями. Такая мечта есть детский самообман, и к тому же человека недостойный. Не может и не должна быть греховная жизнь безоблачно счастливой, как и не бывает до конца блаженной жизнь смертная. Подобного благополучия мир и не потерпит ни в ком. Самому Сыну Божию, единому безгрешному, суждено было понести крест свой, чтобы на нем быть распяту. И не только Ему дано было самому нести крест свой к месту распятия, но к тому же понужден оказался приключившийся прохожий, возвращавшийся с поля Симон Кириянин. Этим наглядно было показано, сколь неожиданно и неизбежно постигает нас крестношение, как некий рок или слепая случайность.

Однако, на самом деле не случайно то, что крест для мимоидущего Симона оказался крестом Христовым. Ведь таковым

же является или по крайней мере может явиться и наш личный крест для каждого из нас. Спрашиваем себя: как, и в каком смысле, на каком основании совершается такое отождествление наших крестов с крестом Христовым? Не является ли оно ошибкой или подменой? Конечно нет! Но на него открываются глаза лишь через вольное принятие своего креста как креста Христова и в последовании за Ним, по слову Его: "Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною" (Мр. 8, 34).

Взятие креста здесь обусловлено самоотвержением в подчинении своего произволения воле Божией, в принятии своей судьбы как Божьего определения. Судьба наша от нас не зависит, она нашу волю даже насилует, порой как злой, непонятный и тягостный рок, выпадающий на нашу долю независимо от того, хотим ли мы того или не хотим, соглашаемся ли на него или против него мятежимся. Однако при этом мы не лишаемся своей свободы, поскольку все же от нашей воли зависит принятие или непринятие судьбы в качестве креста, взятие его, или же, хотя и бессильное, его отвержение.

Внешняя наша судьба ставит перед нашей свободной волей вопрос о нашем к ней отношении. В чем же состоит самая сила этого взятия креста? Как оно внутренне совершается? Это происходит чрез узрение в нем креста Христова — этого креста всех крестов, этой судьбы всех человеческих судеб. Такое узрение оказывается и "следованием за Ним". Но как же это возможно, и что это означает? — таково невольно возникающее в нас недоумение.

Разве же Христос в земной своей жизни не имеет уже своей собственной личной судьбы, к тому же приуроченной к определенному пространству и времени и по-своему неповторимой, как неповторима и личная судьба каждого из нас в ее особой крестности? А с другой стороны, можно ли следовать за Ним, когда Его уже нет с нами на земле? Очевидно, призыв Христов не должен быть отнесен к внешнему следованию — что и невозможно, — но ко внутреннему, к особому вдохновению Его

образом — о чем и сказано у апостола: "В нас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе" (Фил. 2, 5).

Однако недостаточно и такого разумения. Крест, свойственный каждому из нас, и на самом деле является крестом Христовым, как это было и для Симона Киринаянина, который оказался в этом смысле, конечно, не случайным образом крестоношения. Христос есть всечеловек в человечестве своем, и Он разделяет с нами наши человеческие судьбы, которые совершаются тем самым в Его собственном человечестве. Он и сам свидетельствует о таком самоотожествлении своем со всеми людьми (конечно, только кроме греха) в своей беседе о Страшном Суде, в ее вопросах и ответах. Ткань жизни всечеловеческой содержит в себе узлы всех личных ее судеб, которые тем самым принадлежат человечеству Христову, с ним связаны, в него восприняты. Однако различно осуществляется отдельными людьми их таковая принадлежность. В ней могут раздираться крестные раны Христовы чрез непокорность, но и совершается самоотдание Христу чрез любовь и веру.

Христос принял крест свой как волю Отчую, истинную, правую, святую. Такова же и наша крестность, она есть единый крест, как и едина чаша, которая подается и нам вместе со Христом, в Его с нами и о нас совершающемся Гефсиманском борении и Голгофской богооставленности. Его искупительная жертва, единожды принесенная, всегда приносится "о всех и за вся", со всеми нами и о всех нас, если мы только, Ему предавая себя, вместе с Ним и себя сораспинаем и соприносим. Его гефсиманская молитва есть и от нас, поскольку и наша молитва: "Отче Мой, если возможно, да минует меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мт. 26, 39). Но именно против этого поднимается в нас искусительный шепот о непринятии креста: "Пусть теперь сойдет со креста, и мы уверуем в него" (Мт. 27, 42). Но сойти с своего креста, не подчиниться ему в качестве судьбы и необходимости, нам не дано. От нас зависит только образ его принятия и несения. Мы вольны принять его вместе со Христом, как Он его принял: "Да

будет воля Твоя"! Тогда он становится откровением благой воли Отчей, и превозмогается его скорбь, даже если остается вся его тягость. Или же человек своего креста не приемлет. Так происходит в душе человеческой крестная борьба, которая может и должна увенчаться и крестной победой. Однако остается в ней, возможно, и поражение с погружением во мрак отчаяния и богоборства.

В жизни каждого отдельного человека наступают свои особые крестные времена и сроки, но они же приходят и для человеческих обществ. Ныне весь мир восходит на крест, страх и изнеможение и недоумение охватывают души. Как понять и принять эту его крестность — со Христом или без Него? В сердцах порождается чувство богооставленности и одиночества в мире, как будто закрывается небо. В душах звучат вопли и жалобы, как у Иова на ложе скорби его — "за что Ты со мною борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь, что презираешь дело рук Твоих?" (Иов. 10, 2-3). Но Иов, на одре своем явившийся прообразом Испытателя, победил искушение силой веры и покорности воле Божией, полным и беззаветным ей себя отдаванием, еще не ведая, а только прозирая верою грядущего Испытателя (Иов. 19, 25-27). Мы же уже ведаем Христа и знаем путь Его и заповедь о принятии креста. Она нелегка, эта заповедь, ибо ее исполнение силою нудится. Она требует от человека всего его сердца и воли. Она не ограничивается краткими сроками, но простирается на все времена жизни. Бог почтил человека образом своим, но этот образ здесь, на земле, в веке сем, есть Христос, распинающийся с нами, нас ради человек и нашего ради спасения. Он есть для нас ответ на наше вопрошание, есть обетование и упование. Ныне испытывается вера наша во Христа и наша любовь к Нему. На Него должны мы взирать, Его помнить, Ему верить, в Нем обретать покой душам нашим. Образ приятия и несения креста и есть единственная мера христианского достоинства, ибо сказано об этом самим Христом: "Кто не берет креста и не следует за Мной, тот не достоин Меня" (Мт. 10, 38). Аминь.

ДЕНЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Пять с половиной веков отделяют нас от блаженной кончины преп. Сергия (1392 г.). Как все изменилось с той поры, какое историческое расстояние нас разделяет! И однако по-прежнему остается он для нас не только духовным вождем и небесным предстателем, но и другом и близким, как изведавший глубину нашей скорби и в ней с нами сроднившийся. Ибо и он был сыном безвременья, и по-своему не менее нас. Ныне полонена земля русская врагами веры Христовой, но разве тогда не изнывала она под игом татарским, и им не вынуждалось ли отречение от веры с поклонением огню и идолам в орде басурманской?

Нас разъединяют на чужбине раны духовные, мы разлагаемся в междоусобице, но какова же была и Русь тогда под тяжестью неволи, и каковы были тогда и внутренние раздоры? Мы пережили и теперь снова переживаем бедствия войн на родине и на чужбине со всею их жестокостью, но разве и он не был свидетелем браней и даже вдохновителем борьбы за освобождение родины, как бы духовным соратником битвы Куликовской? Мы ныне, изнемогая в разъединении, стремимся собраться под его стягом, дабы сохраниться духовно, но не собирал ли и преподобный малое стадо вокруг себя в обитель, которой суждено было стать средоточием русского возрождения? И если ныне живем мы в неведении о дне грядущем, и темная завеса повисла пред нашими глазами, то разве его обитель не жила в великой скудости и лишениях, и неоднократно не стояла перед последним

оскудением? И если мы изнемогаем порою от взаимного похуления и раздоров, то разве и он не принужден был оставлять собственную обитель ради братского похуления? И если мы влачим жребий изгнания из родины с тоскою беженства, то разве и ему не пришлось хотя временно его изведать вместе с братией, спасаясь от татарского набега? Нам кажутся теперь наши бедствия небывальными, но это лишь обман зрения из-за дальности расстояния, а если мы внимательнее всмотримся во все черты жития преподобного, то увидим, как велика была мера злостраданий его со-страдающего сердца.

И хотя не было тогда внешних орудий истребительных, но страсти истребительные были не меньше, как и не менее яростна была Куликовская сеча, нежели бои, которые перед нами происходят. Более позднее время имеет и большую зрелость в добре и зле, наивным и детским представляется ему былое. Но существует для каждого времени своя собственная мера, и эта мера была до конца исполнена в дни преподобного. И на своем пути испытаний он стяжал венец правды и стал вождем и целителем родины. Его духовная сила проявилась в области церковной, государственной, во всем творчестве народном.

В чем же состоял подвиг преподобного, и в чем и как можем мы ему последовать ныне, в столь изменившихся условиях жизни?

Внешне он был связан с особыми обстоятельствами своего времени, но внутренне он вполне сохраняет руководящее значение и ныне, ибо дух человеческий в обращенности к Богу не зависит от времени, в котором осуществляет творческие свои устремления, и в этом творчестве духовном призваны и мы следовать путем преподобного, вдохновляться его вдохновением. В его смиренном образе мы не найдем тех нарочитых даров, за которые прославляются величием человеческим, он назидает нас величием евангельским, о котором сказано: "Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою. И кто хочет быть между вами первым, да

будет вам рабом” (Мт. 20, 26-27), ”Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем” (Мт. 11, 29). Такое величие не есть даровое, как дарование природное: оно достигается подвигом веры и молитвы, исполнением обеих заповедей Господних о любви к Богу и ближнему.

Житие преподобного повествует о чудесах и знамениях и откровениях, о сослужении со ангелами, о явлении Пречистой, о причащении из чаши огня Божественного. Однако самое чудесное и самое потрясающее есть его собственный подвиг безграничного самоуничужения, смиренного несения тяготы братьев своих, непрестанное самоотвержение.

И вопрошаем себя: можем ли мы думать о подражании ему, мерить себя этой мерой? Назидает ли нас такое величие, нам недоступное и нас устрашающее? Однако есть единый и для всех общий путь христианской жизни, и, взирая на совершителя его, мы должны полагать в себе его начало, по слову апостола: ”Братия, не почитаю себя достигшим, а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе” (Фп. 3, 13-14). И далее он же прибавляет: ”Подражайте мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас”. Подражать ему, вслед за ап. Павлом, зовет нас молчаливым примером и преподобный. И именно в отчаянности нашей жизни, во всей ее безнадежности и должен совершаться сей подвиг молитвы и веры. Мы помним времена благие, прежде нынешнего безвременья, но как же изжить его тяготу, как преодолеть свое уныние? Мы знаем умом и исповедаем устами, что промыслом Божиим строятся судьбы человеческие, и судьбы наши суть дела Божии. От нас требуется перевести умовую отвлеченность этого знания в живую действительность, увидеть над собою руку Божию. Этому подвигу веры и учит нас преподобный, ибо и его житие представляет непрерывную цепь победных ее испытаний. Что случилось бы с родиной нашей, если бы Димитрий Донской не нашел в нем того ободрения, в котором нуждался для своего

ратного подвига, или если бы сам преподобный не выдержал внутренних и внешних потрясений в жизни обители, которой суждено было стать настоящим питомником русского духа? И не подобное ли испытание веры постигает ныне чад его на родине и в изгнании, в уничтожении и бедствии, как щепка носимых от одного берега к другому, без приюта и пристанища, пред лицом всей непонятности и ужаса судеб, как наших, так и вместе всего мира? От нас требуется духовно устоять, сохраняя в сердцах то, что нам дано и вверено. Это ожидает от нас последнего, изнемогающего усилия веры, но она-то и обещает нам помощь Божию. И на этом крестном пути веры пред нами сияет образ преподобного.

Преподобный давно уже изгнан из своей обители, как некогда Тохтамышем, но мы обитаем под его стягом, как его малое стадо. И для нашей обители остается все та же задача духовная: сохранить доверие к Провидению, устоять в вере и уповании. Много раз чудесно спасала нас милость Божия молитвами преподобного, но и остаются безвестны наши пути в будущем. Доколе не отнята от нас эта милость, мы призваны проходить свою череду, подвизаться в обители преподобного в богожитии, которое есть молитва, как небесные крылья души, и в богомыслии, созерцании тайн Божиих, которое отпечатлевается в богословии.

Да не заглушат в нас громы и ревы поднебесной и преисподней сего небесного гласа, и да не утратим мы тишины молитвы и вдохновения богомудрия. Да совершится путь наш по слову апостола: "Подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил" (2 Тим. 4, 7).

Да благословит преподобный труды наши в наступающее лето Господне благоприятно.

25 сентября 1940 г.

СВЕТЛЫЙ ПОКРОВ НАД МИРОМ

Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы

Днесь празднует русская Церковь событие, происшедшее в давние времена и не в русской земле, а на далекой чужбине – в греческом Царьграде уже более 1 000 лет назад, когда не было еще и русской Церкви. Событие это совершилось во храме Влахернском, в присутствии многочисленного народа, но зримо оно было лишь двумя друзьями о Господе, блаженным Андреем, Христа ради юродивым, и юным Епифанием, его учеником. Оба зрели, как в сем храме присутствовала, молясь о мире и людях, Сама Небесе и Земли Царица, и как осеняла Она молящихся пресвятым своим омофором. Кроме них, никто во храме не удостоился дивного сего и страшного видения, и через них уведала Церковь о радостном явлении Богоматери, кое "днесь благовернии людие светло празднуем".

Кто же был сей Андрей, блаженный избранник, которому явила Богоматерь Свое посещение? В великом граде царственной Византии св. Андрей казался самым убогим, нищим, худородным. Под зраком вольного юродства о Господе утаил он от людей светлый свой дух и благодатную премудрость. Был он чужероден в Византии, еще с детства продан в неволю из славянского, скифского, нам родного народа. Быв возлюблен господином своим Феогностом, он получил в доме его эллинское просвещение и явил особливую способность к книжному делу, почему был отмечен почетной должностью писца (нотара). Но его мудрость звала его от мирского знания

к богомыслию, а богатство даров влекло его к нищете духовной. Следуя внутреннему зову, подкрепленному еще чудесным видением, сложил он все свои дары к подножию креста, облекшись странным и смехотворным безумием. И под рубищем нищего сокрылись богатые ризы, под струпами и нечистотами утаилась духовная лепота. Он подъял подвиг юродства вместе с подвигами поста, нищеты, бесприютности, неустанной молитвы. И сего-то безумного, сего странного, сего юродивого избрала в таинники свои во Влахернах Божия Матерь. Оказался не избран патриарх и ни кто-либо из епископского, священнического и иноческого чина, не избран царь со всеми своими вельможами, не избран никто из мужей ученых и разумных, которыми столь богата была Византия, никто из именитых мужей царствующего града. Но избрала Божия Матерь сего Андрея, паче всех себя умалившего, паче всех себя обюродившего. Совлечься ума, его отречься для Господа, стать выше самого ума в святом юродстве — сей подвиг соделал носителя избранником Пречистой.

Св. Андрей был еще ранее удостоен ведения тайн Божиих, ибо, подобно ап. Павлу, восхищен он был до третьего неба, в райских обителях зрел честный Крест и поклонился Христу во славе Его. Он зрел и обиталище Богоматери, но Ее самой не было тогда в нем, ибо Владычица сходила на землю милосердствовать о людях. Но, не узрев в небесах, блаженный подвижник сподобился увидеть Ее на земле, во храме Влахернском. И он зрел Ее не один, но вместе с благоговеющим юношей, другом своим Елифанием. Сей юный возлюбил юродство наставника своего, он избрал себе в назидание не славу, не богатство и блеск, не ум и ученость в пышном и царственном граде, но смиренномудрие и безмерную любовь креста, за то и не разлучился он с другом своим в великом и страшном видении.

То было в конце жизни блаженного Андрея. Присутствуя на всеобщем бдении во Влахернах в последнюю стражу ночи, он увидел, как Богоматерь входила во храм чрез

царские (западные) врата в окружении воинств небесных и множества святых людей, поддерживаемая руками сродника Своего Иоанна Предтечи, величайшего из рожденных женою, и возлюбленного ученика Христова, Иоанна Богослова, Ей на кресте усыновленного Господом, сих двух великих Иоаннов. Она приблизилась к амвону, и св. Андрей спросил Епифания: "видишь ли Госпожу и Царицу мира?", на что сей с трепетом отвечив: "вижду, отче, и ужасаюсь". Богоматерь, преклонив Свои колена, молилась на долгий час, обливая слезами боговидный и пречистый лик Свой. Богоматерь коленопреклоненно молилась, Госпожа и Царица мира плакала о нем. Окончив молитву на амвоне, Она приблизилась к алтарю и здесь снова молилась о людях своих. По окончании же молитвы, сняла Она с главы Своей мафорий, подобно молнии блиставшее покрывало, и с великой торжественностью простерла его над народом, и оба святые зрели сие блистание славы Божией, доколе оставалась во храме Пречистая, и оно сделалось невидимым лишь по отшествии Ее.

Св. Церковь возлюбила паче прочих это видение и празднует его как великое и радостное откровение о Светлом Покрове над миром, о великой любви Богоматери. Ибо не только во храме Влахернском 1 000 лет назад молилась слезно Богородица, но молится ныне и здесь, и всегда, и всюду, и до скончания века. И не только над присутствовавшими тогда во Влахернах простерся честный Ее омофор, но и над всем родом человеков, и над всем миром, и над нами, грешными, сияет осеняющий и спасающий Покров Богоматери, хотя и не имеем очей, которые достойны сие увидеть. Божия Матерь посредствует между землею и небом. Она есть ходатаица мира, возносящая его молитвы к Престолу Славы Божией. Она есть любовь и милосердование, милость и жалость, прощение и заступление. Она не судит, но всех жалеет. Она — не правда суда и не суд правды, но материнское предстательство. И на Страшном Суде Сына Своего Она молит праведного Судию

о прощении. Грех мира и скорби мира ранят сердце вселюбящее, на лобу и грех Она ответствует любовью и слезами, оружие и ныне проходит сердце Ее.

Богоматерь плачет о мире. Что есть тайна сия? Царица Небесе и Земли, на небесах с Сыном сушая, превысшая твари, честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим, Та, на Коей почитет сам Дух Святой, Она плачет о мире! Сам мир плачет о себе Ее слезами. Его страдания и скорбь суть и Ее печали, его рыдания суть и Ее слезы. О, чудо чудес! О, дивное таинство! Как сочетается блаженство небесное со скорбью земли? О, благодатная лестница, соединившая небо и землю! Премирно сушая превыше всякого создания, Она чрез Сына своего приемлет славу Божию, но земли не оставляет, — сила и слава рода человеческого. Она — мать, Она — сердце, Она — земля неоранная. Она живет с нами в чудотворных иконах Своих, Она близка нам, чадам Своим. Что есть покров сей, простертый над миром Богоматерью? Сие есть слава Божия, венчавшая вознесенную в небеса Приснодеву, сие — Дух Святой, на Нее низошедший, сие — сила Божия, в мир сходящая и его освящающая. Сие — спасение мира и человеков благодатию Божией, сие — рассеяние и одоление духов злобы поднебесных, не мощных снести светлого Ее зрака, сие — спасение грешных от врагов, сие — освящение стихий и всей твари, сие — небо, сходящее на землю. Сие — Царица небес, сушая мира гражданка, сие — Матерь Божия, сушая мать всякой души христианской. Сие — радость творения, сие — радостей радость, невеста невестная, сие — сила целомудрия, девственное сердце творения, сие — блаженство любви, неместимое, неизреченное. Если бы очи людские зрели свет Богоматерний в мире, знали бы въяве они таинственно совершающееся мира преобразование. Если бы зрели слезы пречистых очей, дрогнули бы, растопились сердца жестоковыйные. Не может быть столь окамененного сердца, чтобы не размягчилось оно пред сею любовью, о нем милосердующей: на злобу — любовь, на грех — слезы, на

хулу — прощение, на вражду — благословение. Но не видят, не знают, смежены до времени очи наши. Откроются на грани мира сего и в оный день судный.

Страждет мир, плачет тварное сердце, изнемогает в богооставленности на кресте распинающаяся душа. Но мир не оставлен в скорби своей, человек не одинок в печали. Ранится и раздирается материнское сердце, вместе с нами плачет о нас Богоматерь. Слезная молитва Пречистой есть с нами и о нас молитва. Да ведаем же, чье сердце мы раним грехами, чьими слезами омываются наши падения. Но и то да ведает всякое создание, что оно не забыто у Матери, Коей близка всякая душа человеческая. Что больше сего утешения?

Возлюбила русская земля день Покрова Богородицы, явленного славянину в далеком Царьграде. И не там, а в далекой стране полунощной стали радостно петь и ублажать осенение мира Богоматерью. Приклонился душою народ наш к дивному сему явлению, воздвиглись храмы по всей земле русской во имя Покрова Богоматери, и преклонил он колена сердца своего вкупе с молящейся коленопреклоненно Богородицей. Ныне, в великой скорби своей, народ русский православный осеняет себя Покровом Ее. Она являет любовь Свою к избранным народа сего, Она являла им зрак Свой, Ее столпы освятили землю нашу ради угодников Божиих. И ныне в бедах и скорбях разве не слышит Она стонов и воздыханий, разве не внемлет плачу и рыданию? Верим и ведаем, яко и днесь предстоит Милосердная с молитвой и плачем о русской недове. Внемлет ли русское сердце сей плач Богоматери? Ведает ли Ее молитву и утешение? Знает ли оно покров Ее над русской землею? Да, внемлет и ведает, когда молитвенно склоняется перед Пречистой.

Не оставила Она русскую землю, хотя и пущены ей сатанинские испытания. Се тихим гласом — в явлении чудотворной Державной иконы Своей — возвестила в начальную годину искушений Богородица, что ныне Она русской земли Госпожа и Царица и содержит ее в Державе Своей. Она

поведала верному сердцу, что спасена наша земля Ее Богородичной силой, хотя еще доселе не явлен путь сего спасения. Она встречает на лоне смерти приходящих ныне от великой муки и тех увеселяет явлением Своим. Она умудряет избранных своих, в велией скорби сущих. Она спасает землю нашу от разрушения. Она утверждает мучеников и исповедников Своих. Она вразумляет пастырей. Она к великому свету ведет Церковь русскую. Да не смущается дух наш убожества пред высокоумием, Она убогого избрала явить Покров Свой честный, Она юродивому открыла славу Свою. Ныне, как и встарь, в сердце верных горит радость Покрова Богоматери и Ее молитвы о мире. Всесильна молитва. Господь рек: "просите и дастся вам". И если творит чудеса молитва и грешного человека, то всесильна молитва Матери Божией, которою молится сам Дух Святый, на Ней почивающий. И если верим, что и днесь Дева предстоит в молитве, то ведаем, что ко благу совершается все, происходящее с нами, и да умолит нам Богоматерь великое терпение во спасение душ наших. Да воссияет над нами и в нас, в сердцах наших и в стране нашей, радость и свет покровы Богоматери. Аминь.

1925 г.

ПОКРОВ БОГОРОДИЦЫ

Русская Церковь и русское благочестие нарочито возлюбили этот праздник. В нем видится образ материнской любви, заботы и ласки в небесах, которые так дороги и нужны христианскому миру, всегда, наипаче же в наши страшные времена: как дорого знать, что в небесах молится и плачет о нас сама Богоматерь. Однако это мы и всегда знаем, и к ней, к ее молитве и заступлению, непрестанно прибегаем. Особенность же этого праздника в том, что в его образах поведена нам некая вероучительная истина, которая в других празднованиях не содержится. Этот день есть явление ее покрова, который есть как бы перво-священнический ее омофор. Он осеняет ее главу, а она им осеняет мир. Вот как описывается это дивное видение: Богоматерь явилась блаж. Андрею и его ученику Елифанию сопровождаемая Предтечей и ап. Иоанном, в окружении многих святых. Она приблизилась к амвону (как повествуется в житии блаж. Андрея), "и когда смотрели они, Богоматерь, преклонив свои колена, молилась на долгий час, обливая слезами свое боговидное и пречистое лицо. Окончив здесь молитву, подошла она к алтарю, молилась и здесь за предстоящий народ. По окончании молитвы сняла с себя наподобие молнии блиставшее великое и страшное покрывало (мафорий или омофор), которое имела на

пречистой главе своей, и, держа его с великой торжественностью своими пречистыми руками, распростерла надо всем стоящим народом”.

Это явление омофора Богоматери не свидетельствует ли собою о некоем ее первосвященстве? Она его разделяет с Самим великим Первосвященником, Сыном своим, Который со Своею жертвенною кровью вошел во святилище небесное, принося в жертву Самого Себя. Но если так, то что же может означать первосвященство Богоматери? Как приносит она свою собственную жертву вместе и рядом со Христом? Очевидно, она не есть жертва крови, подобная приносимой ее Сыном, но жертва слез. Пресвятая остается в мире, стоя у креста и тогда, когда Сын испускает дух, ”приобретая кровью Своей вечное искупление” (Евр. 9, 12).

Но о Матери Его должно сказать, что она соучаствует в Его гефсиманской и крестной скорби, когда ”орудие пронзает душу ее” (Лк. 11,35). Она жертвенной любовью приемлет крестную страсть Сына как вольную, в послушании Сыну, вместе с которым она во смирении своем согласна воле Отца. В ее лице, вместе с Богочеловеком, со-страждет и со-искупается все человечество, которое воспринято от нее Христом. Она не только неволью участвует в жертве Христовой, к тому обреченная, но и вольно себя к тому определяет, в принятии путей Его. И когда из пронзенного ребра истекает Его кровь, она исходит кровавыми слезами. Ее присутствие на Голгофе, стояние у креста Его не есть лишь случайное совпадение, которого могло бы и не произойти, но оно необходимо для полноты жертвы, и Он не мог оставаться на кресте одним и одиноким, лишь посреди двух разбойников, будучи оставлен и Матерью, давшей Ему свое человечество. И если Пречистая рекла благовествовавшему ей ангелу: ”Се раба Господня, да будет мне по слову твоему”, то это сказано было не только на тот час, но и на все времена Боговоплощения: не

только о богозачатии, но и о смерти от нее вочеловечившегося Бога.

И чин Богоматери тем самым становится чином первосвященническим, хотя и не свою жертву приносящим, но Его жертву, однако себя в ней с Ним соприносящим. И по силе этого первосвященнического ее служения она вместе с Сыном и следуя Ему облачается омофором по чину Мельхиседекову, который в себя включает не только первосвященство Христово, но и Богоматернее.

Но Великий Священник с жертвою Своею восходит со креста на небеса со славою, чтобы воссесть там одесную Отца. И эта первосвященническая слава Его сообщается и ей, ибо и она по успении своем восходит на небеса во славе, какою и сияет ее омофор, небесной со-первосвященницы. Она и "во успении мира не оставила", но совершает свое предстательство о нас в небесах, принося там жертву своей любви материнской к грешному и страждущему человечеству, молитву и слезы о мире. Она осеняет его своим омофором, дает ему не материнское только, но и первосвященническое благословение.

Такова догматическая истина, которая если и не уразумевалась умом, то сердцем чувствовалась народом боголюбивым, ныне же пришло время явственно ее осознать. В небесах, у небесного жертвенника Господня, совершается богослужение, приносится жертва Агнца, в небе небес, в лоне Отца, но и в небе тварном она совершается первосвященницей-человеком, Матерью Божьей. Но вместе с ней молится и святое человечество, за ней следующее и с Ним и с ней сослужащее.

Таково было видение блаж. Андрея, и таково откровение, им данное. И для нас, ныне сидящих во тьме и сени смертной, содержится в нем великое утешение и ободрение. Ибо мы не одни — о нас молится и плачет в молитвах сама Пречистая, мы находимся под небесным ее покровом. И есть не только это видимое небо, поруганное

и потемневшее от черных крыл орудий смерти, с оглушающим ревом сатанинским, но и небо невидимое, где молится о нас Пречистая со святыми своими. "И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков" (Отк. 5, 13).

1940 г.

СВЕТЛЫЙ ПОКРОВ

Умное небо

Есть небо над нами с голубой и глубокой прозрачностью; оно наполнено несчетных звезд, пламенеющих светочей. Только не ведают неба те, кто томятся в пещерах и в подземельях, те, кто закрываются от его нерукотворного купола кровом своего очага. В просторе полей, на горных вершинах открывается небо человеку, и в душе тогда загораются звезды и в сердце проникают посланные ими лучи.

Но есть и небо духовное, которое открывается в прозрачности богообразного бессмертного духа. Однако и оно нам неведомо и невидимо, когда застлана прозрачность тяжелыми черными тучами, клубящимися над нашим страстным естеством. И лишь тогда, когда разрывается та густая пелена, нам является глубокое синее небо, с возжженными в нем вечными светилами.

Те, у которых очищена душа и ясен в ней воздух, те видят и знают это небо, которое насмешливо и злобно отвергают люди с замутненной душой и леденеющим сердцем. Долог извилистый путь восхождения и труден его подвиг, но поднявшиеся на высоты видят восход солнца и его величественный заход, в горном воздухе близки светила, и, нисходя с вершин восхождений, они говорят нам о виденном на высоте.

Так боговидец Моисей на своем сиянном челе приносил славу Божию вместе с научением заповедей Господних.

Одно из таких умных видений, которые доступны чистой и святой душе подвижника, запечатлела для верующих ныне святая Церковь. Святому Андрею Юродивому в храме, на молитве, во время всеобщего бдения, отверзлись небеса, и он узрел Богоматерь, молящуюся за люди и простирающую свой светлый покров над грешным миром и падающим человеком. Это

видение было и видение. Его дано было видеть и его ученику Епифанию, приобщившемуся духовной славе преподобного. И непрелестную правдивость этого видения нам засвидетельствовала святая Церковь, установив торжественное празднование великого события в жизни верующих.

Когда Богоматерь ушла от земли к своему Сыну и закрылись небеса, ее принявшие, то христиане, без особых откровений и нарочитых засвидетельствований, постигли сердцем, кого они теперь имеют в небесах – превысшую всех тварей, славнейшую без сравнения серафим, но и ближайшую к человеческому роду, воистину Дочь человеческую, но вместе и всеобщую Мать. Ибо Мать Богочеловека и Всечеловека, нового Адама, есть и мать всего человечества, и пронзенное оружием материнское сердце, изведавшее всю человеческую скорбь, изведавшее Голгофу, слышит всякую мольбу и чувствует всякую скорбь.

Нет слов выразить величие и высоту этой Матери, но и ее близость и доступность человеческому созданию. Посему единодушно, в священном восторге воспела святая Церковь молитву к Богородице: "Пресвятая Богородице, спаси нас!"

Нет ближе к Богу из всего тварного мира Богоматери. Она возглавила весь человеческий род – таинственная лестница восхождения от дольного к горнему. Она предстательствует о всем человечестве, она приносит мольбу о всех ее призывающих – вѣдущих и невѣдущих. Примечательно, что все почитание Богоматери возникало не из писаного слова, но из откровений любящего сердца и его прямых удостоверений. Все учение о ней соткалось из облака молитвенного фимиама, в укор тем окаменелым сердцам, которые не хотят верить, если не видят письменного свидетельства. Но сама Богоматерь дала о себе то удостоверение, какое нужно для любящего и верующего сердца. Она явила себя молящейся за люди своя со слезами и простирающей над ними свой покров, осеняющей всех покрывалом главы своей.

Это видение преп. Андрея посему явилось догматическим событием в церковном сознании. Впервые после Успения явлена была жизнь Богородицы по вознесении ее на небо, жизнь

любви, молитвы и бдения. Восклоните главы выше, молящиеся Богоматери, ибо она слышит ваши мольбы и делает их своею всеисильною молитвою. Она мѣлится непрестанно — не о себе, ибо о чем она имеет молиться во славе своей, но о нас. Ее пречистый лик орошается слезами — не о себе, ибо о чем она может изливать слезы в небесной радости своей, но о нас, скорбных, немощных, несчастных. Она осеняет и ограждает нас своим покровом, над этим небом простирается ее Богородицино небо, ее светлый покров. Свое покрывало, облекавшее священную ее главу и ниспадавшее на рамена, простирала она над миром, как архиерейский омофор, — символ силы любви молитвенной и власти премирной.

Оставьте страх, малодушные, отбросьте уныние, унывающие, вы под ее покровом, вы под ее защитой! Да радуются сердца радостью Богоматери. Этой радостью загорается ныне и наше холодное сердце в храме при радостных звуках священных песнопений.

Но помыслим, что́ совершается в небе и чего мы не видим, но что́ видит и знает Церковь Духом Святым. Если бы у каждого из нас отверзлись очи, как у блаженного Андрея, и он бы своими духовными очами зрел бы и ужасался, какой радости, какого ликования исполнились бы наши сердца, каким воплем радования огласился бы сей храм!

Но не нужно искушать Бога и требовать знамений даже и мыслью своей, ибо и без сего имеем мы меньшую достоверность, чем прямое зрение. И, не зря очами, но веруя сердцем, да приобщимся мы к радости Покрова Богоматери и, пребывая в его осенении, взываем: Радуйся, радости наша! Прими и нас под сень твоего омофора!

Памятуемое событие совершилось в Константинополе во Влахернской церкви, в Византийской державе, в начале десятого века, но празднование его, не удержавшееся в греческом народе, воспринято было с каким-то особым молитвенным восторгом далеким северным народом, тогда еще находившимся в язычестве.

Для русского народа день Покрова Богородицы соделался одним из самых чтимых праздников. Живое чувство Покрова стало особенно дорого русской душе. Видение преп. Андрея сделалось особливо желанным для русского народа, и он, возлюбив это видение, и любовь свою выразил и выражает радостным и торжественным чествованием этого события.

Нет случайностей или капризов в области духовной. Покров Богоматери простерт над всем миром, но его знают и чувствуют с разной силой, и русскому православному народу дано было его узреть духовными очами. И, повинувшись этому безотчетному зову своего сердца, он стал строить храмы, освященные памятью этого события, и одной из излюбленнейших икон стало его изображение.

Так было. Есть ли теперь? Этот вопрос жжет и мучит русское сердце. Сохранилось ли для нас духовное небо, которое закрыто ныне от нас кровавыми испарениями, ядовитыми миазмами, трупным зловонием и чадом богохульства, в котором мы задыхаемся.

Если мы не видим светящегося покрыва, значит ли это, что он не простирается над нами? Не поддадимся запугиванию злых сил! Да будет далеко от нас это богохульство! Богоматерь там, где человеческое горе и страдания. Она проливает слезы, молясь о грешном мире. Она проливает слезы над грешной Русью. И если мы ввергнуты в необъятную пучину горя и испытаний, тем ближе к нам ее молитвы, тем плотнее распростерт лучевой ее покров.

Не оставит Богоматерь русского народа у его креста, на его Голгофе. И пусть будет далека от нас эта малодушная мысль, что весь русский народ сделался жертвой злых чар. Нет, и ныне, как встарь, доступно нам чудесное явление преп. Андрея, и ныне раскрывается умное небо чистому сердцу, и, омытое слезами и очищенное страданием, внемлет оно Богоматерней молитве.

Вверимся ее молитве, защитимся ее светлым покровом! Тьма уже дрогнула пред немеркнущим светом, свет борется и побеждает тьму!

ДЕНЬ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Наступило празднование дня Архангела Михаила и всех святых ангелов — небесных хранителей, предстателей и покровителей наших. Снова молимся им, да оградят нас своими молитвами и осенят кровом крыл своих. Снова мы исповедуем свою веру во святых небожителей, стоящих у престола Господня, служителей Божиих, охраняющих мир и в нем все творение, в сей жизни и в будущей. Ныне нарочито исповедуем нашу веру в то, что святыми ангелами устроятся земные судьбы народов согласно воле Божией, в войне и мире, в радости и скорби, в крушении царств и гибели народов, так же, как и в спасении их.

Веруем, что в эти дни бедствий и испытаний мы не оставляемся помощью их, и ангельские воинства за нас и с нами воинствуют, силы небесные с силами поднебесными, и там, в небесах, определяются земные судьбы народов.

”И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и ангелы его воевали против них” (Откр. 7, 7). Война однажды произошла, но и ныне происходит. Неведомо, кому и как и в чем подается в небесах помощь и победа, только мы, человеки, не оставлены одни в земных своих судьбах, которые если и решаются на земле, то и не одними человеческими силами. Такая мысль дает успокоение относительно происходящего в мире, хотя бы нам и оставались непонятны нынешние судьбы его, как и предстоящие свершения. ”И восстанет в то время Михаил,

князь великий, стоящий за сынов народа твоего, — так было возвещено пророку Даниилу об Израиле о всех народах, — и наступит время тяжкое, какого не было с тех пор, как существуют люди, до сего времени. Но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге” (Дан. 12, 1).

Мы не знаем, к какому времени относится здесь предуманное, к нашему ли, или иному, от нас отдаленному, но и ранние свершения ему подобны и предобразуют позднейшие. Но каковы бы они ни были, и к нам относятся эти пророческие прозрения: Михаил Архангел с прочими святыми ангелами бдит прежде всего над судьбами народа своего, а далее и всех людей, а посему и ныне да не смущается сердце наше. Таковы откровения о мире ангельском, которые подаются нам в Слове Божьем, возвещаются Церковью. Мы им внимаем с неким утешением, однако и с немалым смущением. Мы воспринимаем их как бы только умом, бессильно и холодно. Они звучат для нас отвлеченно и не входят в наши сердца, и в жизни так легко забываются, — и если не всегда и не всеми, то часто и многими. В растерянности и некоторой пристыженности, в сознании своего греха пред своим ангелом-хранителем и всеми святыми ангелами предстаем мы в день молитвенной памяти их. Но зачем же так и почему? Не хватает ли наших сил, чтобы преодолеть изнеможение веры, прорываться через темную область духов злобы поднебесных к свету небесному? Но помощь посылается ее взыскиющим и сила подается просящим. В том состоит наше горе, что мы живем земными чувствами и помыслами, а призваны носить в себе небо и зреть в нем духовно силы небесные. В своем обмирщении и упадке духовном, мы не способны сердцем праздновать день святых ангелов, не воспринимаем их приближения, вместе с силой и укреплением, нами от него ожидаемых.

Что же делать, и как себе помочь в этом упадке. Да и можем ли мы себе помочь? Но если сами мы этого не

можем, то да помогут нам они, святые ангелы, к которым подьемлем духовные очи с мольбою о помощи. Однако и это не совершится без нас самих, без нашей воли и усилия. Этого надо возжелеть, жаждать и алкать мира духовного. Нужно о нем тосковать, и не быть сытым сытостью этого мира. В ответ лишь на эту несытость дает Свое обетование Господь: "Тии насытятся". Любовь к ангелам возгревается сердечною мыслью о них, постижением их естества, молитвою к ним. У большинства людей нет для этого досуга, как нет и богомудрия, его они почитают ненужным для благочестия. Но ужели во всем богатстве мыслей и откровений, которые даются Церковью об ангелах, не найдется хотя какой-либо мысли, от которой дрогнет и закипит сердце, как будто вспомнив о том горнем мире, откуда мы пришли на землю? Не будет ли то мысль об ангеле-хранителе, который не оставляет тебя и тогда, когда ты его оставляешь и забываешь? Не будет ли то мысль о славословиях ангельских, о которых возвещает Церковь в псалмах и песнопениях? Не пробудимся ли мы через созерцание красоты мира, в прозрачности которой зрятя крылья ангельские? Или же чрез потрясение от грозных сил природы, труса, потопа, ужасов войны, ибо и в них незримо и непостижимо проявляется действие служителей Божиих?

Будем искать близости ангелов и силою молитвы. Наша молитва может быть не только бедна, суха и рассеянна, но и корыстна. Мы ищем чрез нее своего, хотим исполнения своей воли, удовлетворения своих нужд. Да не осуждаются наши прошения о земном и человеческом, — "Просите и дастся вам", но может быть и иной еще образ молитвы, с проторжением к молитве ангельской, хвале, славословию и любви, их вдохновением. То́ есть любовь не мирская, но небесная, она зовет и возводит нас к Солнцу Любви, к престолу триипостасного Бога.

Пусть же в это празднование ангелов к ним подвигнется сердце наше и услышит в духе ответное их звучание.

Святой Архангеле Михаиле со всеми святыми ангелами!
Помогите вы людям страждущим, дайте познать вас, на-
учите молиться, да отряхнем мы страх жизни нашей, да
утвердится она верой и упованием! Посетите нас в земных
нуждах и бедах наших, но и озарите сердца наши светом
небесным!

8 ноября 1940 г.

ХРАМ ХРАМА

Прежде зачатия, Чистая, освятилася еси Богу, и рождшися на земли, дар принеслася ныне Ему, исполняющи отеческое обещание, в божественном же храме, яко сушой божественный храм.

(Седален во 2-м стихословии)

Днесь храм одушевленный и великаго Царя в храм входит, Тому уготоватися в небесное жилище: людие веселитесь.

(По 50-м псалме слава)

В таких словах изъясняет св.Церковь событие Введения во храм Пресвятой Богородицы. О нем самом нам ничего не поведало св.Евангелие. Но чрез свящ. предание узнаем, что Пречистая трехлетнюю юницей приведена была в храм своими родителями, во исполнение данного ими при Ее зачатии обетования, сопровождаемая девами со свечами в торжественном шествии своем. Она встречена была при входе во храм первосвященником Захариюю, который, безотчетно повинуясь велению Божию, ввел Ее во Святаия Святыя, куда имел доступ лишь первосвященник, притом единожды в год с кровию очистительною. Богоотроковица оставалась во храме, пребывая в общении ангелов, до времени обручения праведному Иосифу. "Тогда же и Гавриил послан бысть к Тебе, Всенепорочная, пищу Тебе принося, Небесная вся удивишася, зряще Духа Святаго в Тя всельшася" (стих.).

Уразумевая смысл и силу события, спрашиваем себя, что в нем составляет причину церковного торжества как одного из двенадцатых праздников? в чем он является основоположным в строительстве нашего спасения? Прежде всего, Введение во храм имеет уготовительное значение в жизни самой Святой Девы, — в жизни, всецело направленной к единому величайшему служению — вместить Богоматеринство. "Освященная прежде зачатия", святящаяся "всельшимся в нее Духом Святым", Пречистая должна была отделиться от скверны греховного мира и плена его и приблизиться к ангельскому миру для общения с ним. Невместно было Ей оставаться среди растленного мира, и только храм освященный достоин был стать Ее жилищем. Введение во храм, как удаление от мира ради ангельского общения и упокоения в Боге, есть образ иноческого посвящения, приятие Первоинокиней ангельского образа, который Ей, как Богоматери, однако, предстояло превзойти, ибо явилась Она и честнейшею херувим и славнейшею без сравнения серафим. На земном пути своем Она осватила Собою образ иноческого предстояния пред Богом, которое в сокровенности сердца одинаково нужно и может становиться в разной мере доступно всякому христианину, — и иноку, и не-иноку.

Событие это, далее, имеет силу для всей ветхозаветной Церкви, а в ней и для всего человеческого рода. Ветхозаветный храм был единственным богоносным местом на земле, как "скиния свидения", дом Божий. Здесь человеку дано было иметь встречу с Божеством. Слава Божия исполнила скинию и храм Соломонов при освящении, и Святое Святых вмещало ковчег завета, осеняемый крыльями херувимов, где слышался глас Божий (Чис. 7, 89). Однако и храм, во всех подробностях своего устройства предуказанный Богом, представлял собою лишь прообразовательное предвещение грядущего богоявления в мире, как "образ настоящего времени" (Евр. 9,9). Истинным местом боговселения, храмом Божиим, имел стать сам человек, и этим священным

храмом, вмещающим Невместимого, явилась Дева Мария в богоматернем рождении Сына Своего. Древний ветхозаветный храм упраздняется с явлением храма одушевленного, однако это упразднение означает не отмену, но исполнение прообраза в явльшемся Образе: "в храме Божиим ясно Дева является и Христа всем провозвещает". Сама Дева есть храм во храме, его истинное Святая Святых, одушевленный Божий кивот. Явление Девы во храме есть поэтому конец и исполнение Ветхого Завета, ибо вся жизнь ветхозаветной Церкви определялась уготовлением Пресвятой Девы, и самый храм, вместе с законом и жертвами, был одним из благодатных средств воспитания, данных Богом ради этого уготовления. Введение во храм Пресвятой Богородицы знаменует поэтому грань обоих заветов, Ветхого и Нового, ибо оно, исполняя, завершает первый и собою открывает последний. Входящая в храм Дева сама уготовляется в небесное жилище, в Ней обретается такое место на земле, куда может приклониться небо.

Но, восходя мыслью к горнему, не будем забывать и дольного. Пресвятая Дева, храм Божества, была и пребывает воистину человеком со всеми свойствами человеческого естества, хотя и без личной греховности. И Ее служение было также человеческим, и Ею пренебесная высота достигалась жертвенным путем, который для всех, как единственный, указан Сыном Ее. И в этом Ее посвящении храму была принесена Ею первая жертва — дочерней любви, которой соответствовала и жертва любви родительской. Введение во храм Богоотроковицы явилось и прощанием с престарелыми родителями, которые, согласно преданию, скончались ранее Ее исшествия из храма для обручения Иосифу. Здесь образ любви к Богу явлен и Дщерию, и родителями, и он должен сам говорить сердцу всякого христианина. Входя в храм, Пресвятая Дева принесла в него Свое чистое и святое детство, и к Своему детству Она призывает в храм, прежде всего, всякое детство. Этот призыв обращается ко всему

христианскому миру и, конечно, и к нашему русскому детству. Он снова пробуждает в русской совести чувство ответственности и заботу о христианском воспитании детей наших. Но Дева во храме призывает в храм не только детей, но и всех, Ее чтущих, а есть ли христианская душа, Пречистую не чтущая? И не только к вхождению в храм для молитвы, но и к охramлению, освящению всей жизни нашей мы призываемся смыслом днешнего празднования. Многие девы со свечами веры провождали Деву в Ее священное жилище, и к этому шествию присоединяется в веках и народах все христианство, ибо христианская жизнь и есть это непрестанное шествие к храму и вхождение в него. Русские люди, в рассеянии сущи, дети и юноши, отроки и отроковицы, мужи и старцы, внимлите зову Матери Божией, собирайтесь из рассеяния к храму, к истинному дому нашему. Дева-Отроковица во храме, и да услышится русскими сердцами зов Ее!

1928 г.

ВОСХОЖДЕНИЕ КО ХРИСТУ

На Введение во Храм Пресвятой Богородицы

В благодатной тишине своей приближается празднование вхождения во Храм Приснодевы. Это событие отмечено в Евангелии лишь многозначительным молчанием, так, как будто его и не было. Мы не удивляемся этому, ибо уже знаем, каким священным молчанием окружена тайна "смирения рабы Господней", и заранее смиряем себя в послушании ему, как ни просит испытующая мысль и любящее сердце хотя бы малого о том приоткрытия. Его дает, скупое, лишь церковное предание. И это священное молчание не обедняет, но обогащает душу, оно исполняет ее чувством невыразимости и неопишуемости торжественного восхождения Приснодевы к горе Сионской, во Святая Святыя храма Иерусалимского, и от этой наполненности духовной веселится сердце.

Не имея евангельского свидетельства, мы пророчески призываемся очами духовными созерцать небожественное сие восхождение, в котором Деву Марию провожает Церковь ветхозаветная и встречает ликами ангельскими Церковь новозаветная, ибо сама Приснодева есть этот завет Бога с человеками, — ветхий и новый и вечный, и первосвященник, по чину Авраама, передает принятое сокровище грядущему в мир Первосвященнику, по чину Мельхиседекову.

Но как трудно воспринять таящееся в этом молчании! — воспринять не празднично и бездейственно, но творческим усилием. И как неприметно на его место вкрадывается рассеянность

и пустота. Как легко спугивается в душах тишина громами войны и крикливостью внешних событий, и в душах воцаряется, вместе с испугом, забота с многотрудностью дня, со всею ее цепкостью. И день праздника оказывается будним. Пусто в храме, сколь многие против воли лишаются даже и того, что требует лишь наименьшего усилия — участия в богослужебном праздновании этого Богородичного дня, который уже озаряется первыми светями грядущего Рождества Христова: "Христос рождается, славите!" И в этот день настигает нас сумрачное "некогда" или "не до того", и посещение богослужения становится для многих как бы непосильною роскошью. А это внешнее бессилие не подменяется ли и внутренним? А неприсутствие — забвением? А молчание — обобранностью души?

Нам не дано уже сопровождать в храм восходящую в него Богородицу. Так совершается победа князя мира сего! Да будет же вырвана у него эта победа радостью духовной, которая не отлетает, но, вопреки всему, чудесно подается чуткому сердцу и во дни мировой брани, и среди мирового торжища. Ибо "дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит" (Ио. 3, 8).

Образ шествия во храм Богоизбранной Отроковицы стоит пред нами и зовет к себе и за собой. Куда и к чему этот зов? — От мира к Богу! Восходящая в храм Отроковица оставляет мир со всеми его благами, чтобы отдаться жизни иной, чем в мире. И эта инакость есть ее иночество, — сначала с пребыванием во храме, а после и вне его...

Что может каждый из нас для себя расслышать в этом зове? Не смеем притязать на полноту и возвышенность этого подвига, но нет иного пути к Богу. Он отнюдь не есть лишь монашеское служение, но необходимо объемлет всякое посвящение себя Богу в сокровенности, ибо к каждому обращена первая заповедь Христова о любви: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею

и всем разумением твоим” (Мт. 22, 37). В сердце человеческом пламенеет светоч этой любви к Богу, и с ним мы призываемся, вместе и вслед за Приснодевой, совершать и свое восхождение. Неровным светом он горит в нас, то вспыхивая, то угасая. В своей свободе мы властны посвятить себя Богу, но можем и затвориться в себе, предаться миру и в нем омертветь. Мир же нелегко уступает то, чем овладевает. Поэтому в человеке всегда происходит борьба духовная за его Святая Святых, и мы призываемся к ней со всей силой, со всей непримиримостью. Таково должно быть в нас и наше жизненное участие в ныне празднуемом событии. Не со-радование только, но и со-подвижничество. Ибо Богоотроковица, по ступеням восходя во храм, восходила и к крестному своему подвигу. И этой свободы в избрании своего пути не могут лишить нас силы мира своим насилием, если мы не отдаемся ему духовно.

Богородичное восхождение из мира ответствуется Божественным нисхождением к миру. Происходит встреча Бога с человеком, устанавливается богочеловеческий союз. Вхождение во храм Приснодевы не есть лишь одно из ряда событий ее жизни, но оно осуществляется вне времени, как исхождение из тьмы, укоренение творения в Боге. В нем заключена великая святость человеческой детскости со всеми в ней таящимися возможностями и упованиями. Из недр прошлого, от ограды Эдемского сада, который сокрывается от первозданного человека после его падения, путь восхождения во Святая Святых возводит к пещере Вифлеемской, месту Богорождения. Завершается же он и обетованным грядущим храмом на горе Сионской и ”святым Иерусалимом, который нисходит с неба от Бога, он имеет славу Божию” (Откр. 21, 10). Но человечеству первому надо начать свое к Богу восхождение, дабы Он отвечал Своим к нему нисхождением. Это предварение совершилось в Богородице, введенной во Святая Святых ветхозаветным первосвященником и имеющей вместить во ”чреве своем

пространнейшем небес” Невместимого. Творец спросил свое творение, которое Ему ответствовало не словом, но движением, в священном молчании. Этот образ святейшего детства, посвященного Богу, во всей его беззащитности, но вместе и неотразимости, сладкою силою овладевает сердцем. От него отречься, ему изменить в забвении или слепотством значило бы лишиться себя святыни и своего собственного детства, которое, помимо сознания, хранится в глубине души. И эта святыня нашей собственной души связана таинственно и неизреченно с ведением о том, что ныне ”в храме Божиим ясно Дева является и Христа всем предвозвещает”.

Потщимся же ответным усилием отозваться на этот зов праздника, в нашей душе звучащий. Подвигнемся мыслию и волею, освятимся молитвою, возгоримся любовью к Восходящей чрез храм земной в небесный и нас с собой возводящей. Не неподвижность наша, которая неизбежно становится и противлением, но усилие к восхождению духовному да будет ответным откликом нашей души. Аминь.

1940 г.

ВХОЖДЕНИЕ ВО ХРАМ СО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕЙ

Что празднует Церковь как Введение во Храм Приснодевы Богоотроковицы, какова сила и смысл этого празднования?

Прежде всего здесь вспоминается ее посвящение Богу чрез вселение в Храм, а через то и первое ее освящение. Родители ее, святые и праведные Иоаким и Анна, которых Церковь именует "богоотцами", как бы возвращают Богу чадо, дарованное им в лета старости чудесною милостью Божией, жертвоприносят Ему свое единственное и дорогое. Вместо жертв подзаконных, крови агнчей и тельчей, здесь приводится в Храм та, в которой проявились вся сила и плод ветхозаветной святости и благочестия. Ради того Бог заключил завет с избранным народом своим. Вместе с тем, здесь приносится Богу высшая жертва любви родительской и дочерней, и тем, поистине, совершается исполнение закона и пророков. И младенствующая возрастом отроковица не младенствует духом. Она вольно совершает то, к чему имеет призвание — рабы Господней. Она отрекается от мира и всей сладости любви родительской, от утешений семейного очага. Она хочет отныне принадлежать Богу и в ознаменование того вводится в Храм рукотворный, сама имея чрез то соделаться и храмом нерукотворным, Матерью Божией, явиться вратами человеческими для вхождения небесного — боговоплощения.

Она призвана стать Храмом Храма чрез освящение Духом Святым, а в ней и через нее освящается и вся вселенная явиться средоточием града Божия, о котором так поведано тайнозрителем: "храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель и храм Его и Агнец" (Откр. 21, 22). И все это — начало и конец строительства нашего спасения — предзаложено и заключено в сем небошественном вхождении во Храм Богоотроковицы, которую, повинувшись безотчетному велению Духа Святого, с превосхождением ветхозаветного церковного закона, и даже

вопреки ему, вводит во Святая Святых первосвященник, свидетельствуя тем о начале Завета Нового, о приближении Царства Божия.

Как из всякой точки окружности прямые линии ведут к ее середине, так и каждый праздник, свидетельствующий о Боговоплощении, по-своему содержит и всю его целостность, поучает о радостной истине веры нашей, есть ее торжество. Но не только вероучение содержится в празднике, но и пророчествование с особым молитвенным вдохновением, и его мы призваны в себе раскрывать и осуществлять. И оно относится ко всей нашей жизни, в ее прошедшем, настоящем и будущем. Первее всего, с благодарной памятью о прошедшем, мы созерцаем духовными очами, как в шествии во Храм Богоотроковицы, вместе и вслед за нею, сошествовало и совводилось в него великое множество, тьмы тем людей от всех племен и языков, среди же них и от нашего родного народа, начиная с того времени, как он был призван и озарен светом веры христианской. Путь к ней ведет и чрез ветхозаветный Храм, в который вошла и его освятила собою богоизбранная отроковица: это есть вселенский храмовой праздник ветхозаветного благочестия. Христианину, размышляющему об истинах своей веры, надлежит поэтому носить в сердце благодарную память о Храме Иерусалимском как молитвенном средоточии мира. В молитву же этого праздника посему должно быть включено и молитвенное обращение к Богу о помощи в бедах и о спасении народа, праотцы коего создавали этот Храм.

Молитвенная любовь наша да будет обращена к настоящему, к тем, которые и ныне призываются к соучастию в шествии во храм. Если же по благословным винам они в нем ныне отсутствуют, им да поможет и поведет за собою и вместе с собою сама Пречистая Богоотроковица. Таково современное человечество, донныне в огромной части еще не просвещенное светом веры христианской или же — к горести нашей — ее утратившее, от нее отвергнувшееся, или же насильственно опустошенное. Здесь и мысль и забота наша обращаются прежде всего к нашему народу, нарочито же к юности русской на родине и в изгнании.

День сей почитается праздником юношеского Движения ко Христу, обращения умов и сердец к вере христианской.

Здесь, в изгнании, оно подавало вначале светлые упования. Ныне уже поблекли они от разлагающих влияний нашего времени, его соблазнов и искушений. Однако главная наша молитва да относится к неисчислимым жертвам духовным гонения на веру, которое совершилось на родине нашей. Детство и юность духовно им опустошены, лишены святости, ибо не знают ее. Они томятся во мраке язычества и жаждут света. Им и нам да поможет в том сама Детоводительница Богоотроковица, да призовет и поведет она их за собою ко храму святому своему, да совершится духовное христианское возрождение земли российской. Об этом да возносится наша молитва, с пророчесственным упованием грядущего и ясновидением настоящего, ибо призвание Божие, как и дары Божии, верим, остались непреложны. Ведать это ныне есть для нас нарочитый долг и подвиг веры, испытываемой в искушениях. Народ наш издревле носил в себе призвание к святости, и да явит он миру Русь святую, проповедующую ему Евангелие наряду с другими христианскими народами и исповеданиями.

От мысли о своем народе в его ожесточении обращаемся и к этим другим христианским языкам, хотя и разделенным от нас разным исповеданием, но едиными в любви ко Христу и Богоматери. Да исцелит Пречистая расколы церковные и соединит христианские исповедания в едином шествии вслед Ее.

Далее мысль обращается и ко всему человечеству, к народам и донныне не ве́дущим Христа, не знающим Храма ветхозаветного и новозаветного, томящимся во тьме и сени смертной. Когда придет час их обращения и они будут призваны, то их поведет за собою Пречистая во Храм Господень, таково наше упование. Не замкнем же и для них и не ожесточим сердца своего, ибо о них обращено в лице апостолов и к нам слово Христово: "Шедше научите вся языки!"

Наконец, остается еще особый зов и нарочитое пророчество праздника, по силе и значению даже в нем первенствующее — это

молитва о преодолении ожесточения и о спасении в "малом остатке" "всего Израиля", как оно непреложно обетовано великим апостолом языков (Рим. 9-9).

Святейшую дочь Израиля в ее шествии в Храм Иерусалимский провождали и другие дочери, сретал же ее первосвященник Ветхого Завета. Ветхозаветная Церковь встретила ту, чрез которую явился миру "свет и откровение языков и слава людей Твоих Израиля" — Христос, но она принесла Ему свои лучшие дары, которые приготавлила в течение многих веков ее существования: богоотцов, богоприимцев, Предтечу Христова, как и тех, кто был избран и призван стать первоапостолами и равноапостольными.

Ветхий Завет влился в Новый и преобразился в нем. И однако на путях дальнейших совершилось самое ужасное событие в истории мира — Израиль не принял Христа, отторгся от Него и поныне пребывает в неведении, ожесточении и ослеплении. Шествие во Храм, вслед и вместе с Пречистой, для него остается прервано донныне. Однако великий апостол пророчествовал, "что ожесточение во Израиле произошло до времени, пока войдет полное число язычников" (Рим. 11,25), "ибо дары и избрание Божие непреложны" (Рим. 11,29). И если таково пророчество, то о нем должно быть и молитвенное упование, именно пред лицом ныне происходящего в мире. Христианам надлежит ведать и веровать, что празднование вхождения Богородицы во Храм некогда станет вселенским, совершится во всей полноте, ее молитвою и водительством.

Такова заповедь веры, пророчественно данная созерцанию этого дня, как бы оно ни казалось противоречащим современности. "Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых" (Евр. 11,1). Она утверждает нас в верности, в твердости христианского упования, в мужестве духовном. Да не отвергнет ныне и нас Пречистая, и да не отлучит по недостойнству нашему от числа входящих с нею и за нею в Храм Господень, в светлой радости праздника ее вхождения. Аминь.

1943 г.

И СЛОВО ПЛОТЬ БЫТЬ

Слово на дни предпразднества Рождества Христова

...шедший с небес Сын Человеческий,
сущий на небесах. (Ио. 3, 13)

Родословная Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. (Мт. 1, 1)

Иисус был, как думали, сын Иосифов... Давидов... Авраамов... Адамов, Божий. (Лк. 3, 23-38)

На небе духовном восходит звезда вифлеемская. Она возвещает "великую радость, которая будет всем людям" (Лк. 2, 10), и с ответным трепетом сердца внемлем небесному благовестию. Мы слышим его внутренним слухом, в нас самих оно исполняется. В наши души, растерзанные и растерянные, нисходит с высоты мир и благоволение. Мы приносим к яслям рождающегося Младенца себя самих, в наших немощах и печалях, и уповаем, что Он нас не отвергнет, Ему одному только верим, Его любим, и ныне вновь принимаем к тайне Боговоплощения. Христос рождается в мире. Да рождается Он и в нас, в наших сердцах, упованиях, во всей нашей жизни...

Сын Божий стал Сыном Человеческим. Как это могло совершиться? Сын Божий не знает земного отца, от Матери своей, Девы Марии, Он восприял человечество. Его вочеловечение

приготавливается ее пришествием в мир, соединяет в себе два события: зачатие Сына Божия от Девы Марии предворяется ее зачатием от святых богоотец. Оба празднования в текущем (1940) году как бы смотрятся одно в другое: предпразднственные дни воскресные посвящены памяти зачатия Богородицы от праведной Анны и святых праотцев и отцов Христовых, как единому свершению, отдельно прославляемому.

Вочеловечение Сына Божия есть принятие Им человеческого естества не в какой-либо ограниченности, но в его целостности. Им воспринята вся полнота человечности, из которой никто не исключается, в ней все мы являемся сочеловеками "Сыну Человеческому". Никакое другое имя не применяет к себе самому Христос в Евангелии чаще, нежели это имя "Сын Человеческий". Он есть нам брат единокровный, ибо "от одной крови Бог произвел весь род человеческий для обитания по лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитания" (Деян. 17, 26). Единое человечество есть не случайное и беспорядочное соединение отдельных единиц, но целостное тело, состоящее из многих членов. Каждому лицу, как и народу, дано свое назначение, предудказанное место и время, но все находят себя и свое исполнение во Иисусе, в котором "нет ни еллина ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос" (Кол. 3, 11). Сын Человеческий, в вочеловечении своем, вместе с плотию приемлет времена и сроки для земной жизни своей. Об этом свидетельствует св. Евангелие в родословиях Христа как сына Авраамова, сына Давидова. И этот ряд предков, приуроченных к избранному народу Божию, связует Его в земном происхождении и со всем человеческим родом, от самого его сотворения (Лк. 3, 38).

Такое избрание есть прямое дело Божие, коему должны мы подклонить разум и волю. Но не одни евангельские родословия, а и весь Ветхий Завет, прямо или косвенно, повествуют нам о земных Его предках, весь он есть, в этом смысле, распростра-

ненное родословие Христа. Восстание же против него неизбежно приводит и к отвержению Библии со всем богооткровенным содержанием не только Ветхого Завета, но и Нового.

Однако, веруя в истинность Слова Божия, мы призываемся к жизненному его постижению, во всем его богатстве и сложности. Ветхий Завет, представляя основание для Нового, не отвергается, но исполняется последним, освобождается от ограниченности и условности. И, прежде всего, спрашиваем себя: исчерпывается ли родословная лишь целью названных в ней богоотцов и означает ли она человеческую принадлежность Христа только к одному народу в его ограниченности и падениях, о которых не переставая сетуют пророки в своих обличениях? Является ли избрание лишь произвольным и пристрастным выделением одного народа из всего человечества, или же это есть тяжелое и ответственное служение? На это явственный ответ дан Господом. Когда пришли к Нему Его земные сродники, "Мать и братья", чтобы видеть Его, таков был ответ Его: "Кто будет исполнять волю Отца Моего, тот Мне брат и сестра и мать" (Мт. 12,50). Он как бы упразднил земное родословие, поскольку оно опирается лишь на единство крови, а не духа. А потому естественно, что одни из сродников Его по крови явились теми, вещания которых прошли по всей земле, во все концы вселенной, другие же отверглись Христа и Церкви Его, как и донныне отвергаются. Уповаем, что долготерпелив и многомилостив Господь, и не заблуждается Он в избраниях своих. Он возвещает через апостола языков (Рим. главы 9-11) о грядущем обращении людей своих, ранее чего не совершится и славное пришествие Его.

Но не один, а все народы избраны и призваны к Царствию Божию, суть братья во Христе, и тем самым включены в книгу Его родства, которое по силе своей распространяется на все поколения, как до, так и после Рождества Христова, до самого скончания века.

Пред лицом всечеловеческого братства во Христе все люди призываются к "почести высшего звания". "Шедше научите

все языки”, — так посылает Господь на проповедь Своих учеников. Существует земное различие кровей и народов, оно ныне даже утверждается как основа человеческой жизни. Но оно должно быть преодолимо единением во Христе, осуществлять которое все призваны.

Предпразднество Рождества Христова посему нас вразумляет о человеческом братстве и равенстве всех перед Богом. Его откровение требует от нас особого подвига веры тому, в чем мы теперь исключительно нуждаемся, веры в победу Царствия Божия в мире, невзирая на кажущуюся очевидность обратного. Как будто совершается победа князя этого мира с его лукавством и властью. Но в небесах голос возвещает миру: “Царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков” (Откр. 11, 15). “Ныне настало спасение и сила и Царство Бога нашего и власть Христа Его” (Откр. 12, 10).

Мы не видим сего, но призваны постигать верою в невидимое и уповаемое, вопреки преходящей и ложной видимости. Мы не знаем, когда и как откроется Царство Христово на земле. Напротив, поведано нам о наступлении тяжелых испытаний в его предварении, во испытание верности нашей. Одновременно сказано: “Веселитесь небеса и обитающие в них, но горе живущим на земле и на море” (Откр. 13, 12). С покорностью приемлем судьбины Божии, ибо явятся они спасительны для мира. Нам неведомы пути Провидения, но ведомы они Христу, Царю мира. Для нас же остается неизменна Господня молитва: “Да приидет Царствие Твое!”

“И Слово плоть бысть”. Все человеческое безвозвратно принадлежит Христу, Богочеловеку-Царю. И Ему посвящаем мы любовь и вдохновение, творчество жизни с дерзновением веры, радость упования и хвалы славословия.

Христос рождается, славите! Аминь.

24 декабря 1940 г.

НЕБО — ВЕРТЕП

Слово на Рождество Христово

”Бог любви есть” (Ио. 3, 16). Любовию Своей Бог вызвал из тьмы ничтожества мир сей и запечатлел на нем образ Свой в человеке. Его призвал Он быть другом Своим и войти в радость любви Своей. Ему отдал Бог весь мир и к нему приходил Он беседовать в Эдем. Человеку надлежало ответной любовью войти в славу свою, и Бог дал человеку заповедию явить любовь к Нему. Но не познал человек своего Господа, вняв лести искушителя, и явил немощь, измену и отпадение. Он восхотел стать богом без помощи своего Создателя, он от вкушения плода вознадеялся получить силу божескую. Человек отвергнулся жизни в Боге и утерял чрез то самого себя, свою славу, свою цельность, свою царственность. В нем самом и вне его и вокруг него восстали силы мира, он стал немощным пленником своего тела, повинным смерти. И смертная болезнь с неодолимой силой распространилась в человеческом роде и во всей твари. Человек оказался изгнанным из рая. Райские светлы бледнеют и гаснут, над миром опускается густеющая тьма. Нет спасения. Хотя мир очищается потопом и омывается его водами скверна греха, но снова она покрывает землю. Истребит ли Творец грешный мир силою Своей? или оставит его до конца разлагаться самому? Останется ли мир достоянием соблазнителя, князя мира сего, восхитившего создание Божие у Господа?

Но не для погибели создал Господь мир и человека, и не убоился Он немощи его, как не оставил его во грехе его. Творя мир, Господь в предвечном совете своем предуведал его отпадение, при творении его уже предначертал пути спасения. "Также возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть" (Ио. 3, 16). Творя мир во имя любви всемогуществом Своим, Бог спасает его, завершает его творение любовью, жертвенной силой любви, крестною силою жертвы. Бог вызвал мир и человека из пустоты небытия, из тьмы ничтожества с тем, чтобы самому Божеству для спасения человека низойти к сему ничтожеству: предвечному, всеблаженному Богу стать плотию, вочеловечиться, на Себе понести человеческую немощь, кроме греха, Собою спасти мир от греха, испытать всю муку от греха, всю силу немощи, принять всю тягость мировой скорби и победить зло в Себе и Собою, для спасения мира и человека, для нового их творения силою жертвы, Крестом. Господь во всемогуществе Своем может создать и разрушить миры, и наш мир вызван из небытия Его всемогуществом. Но спасти мир падший, утвердить его в жизни божественной, навеки победить немощь бытия и дать ему силу жизни вечной — это есть дело самоотвергающейся любви Божией. Сын Божий, Слово, имже вся быша, сотворяя землю словом Своим, творит в ней для Себя Самого Вифлеемский вертеп и Голгофу. Сотворяя растения, в них Он создает для Себя и терн, и крестное дерево, — кедр и пег и кипарис. Созидая человека, Он создает для Себя Самого тело для мучений, а вместе и своих будущих мучителей. Создание мира Словом уже носило в себе предначертание крестной жертвы Бога. Любовь Божия к творению безмерна и непостижима, она превышает всякую мысль. Что может еще примыслить разум? Что остается еще принести в жертву, что не было бы принесено? Бог оставляет Свое всеблаженство, соединяет Себя с миром. Сын Божий, Творец, отдает Самого Себя на беспредельные страдания и

самую смерть, испивает горчайшую чашу мирового страдания вместе с Матерью Своей. Отец отдает Единородного Возлюбленного Сына, Дух Святой освящает сию Отчую и Сыновнюю жертву Своею жертвенною любовью. И эта безмерная непостижимая жертва есть дар бесконечной любви, ибо мир не нужен для Бога в полноте жизни Его. Мир создается Богом в вольной любви Его к творению. Бог ищет в человеке друга для приобщения его к любви Своей, и ради этого приобщения приносит Свою жертву любви. Бог не только творит человека, но и Сам соединяется с творением, становится человеком. Бог вочеловечивается, соединяя Божество Свое с человечеством непостижимою и неразрывною связию. Небеса сочетаются с землею, "Царь Небесный за человеколюбие на земле явися", "Пресущественный рождается, яко младенец". Рождество Христово есть новое творение человека не всемогуществом, но жертвенною любовью. Бог воплощается в вольном самоистощании, "зрак раба прием". Свою божественную силу Он сокрывает и вольно ограничивает мерой человеческой, насколько может понести ее человеческая немощь. Он изнутри эту немощь преодолевает, не разрушая человеческого естества, и, будучи истинным Богом, пребывает истинным человеком. И се рождается ныне как младенец в Вифлееме Галилейском от Девы Марии.

Господь вступает в мир в глубочайшем смирении человеческом, в нищете и убогости. Ему нет приюта под человеческим кровом; в хладе зимней ночи пещера и ясли Его согревают, и мир не ведает о совершившемся таинстве Богорождения. Нас потрясает, а вместе и поражает этот образ смирения, однако он есть единственный образ и подлинного величия. Что может дать мир наш Ему угодное? Что предложит Ему как достойное место для Его рождения? Свои ли вавилонские города, утопающие во грехах и растлении? Свои ли раззолоченные палаты, созданные насилием и себялюбием? Свое ли богатство

и роскошь, купленные смертью и страданием? Свою ли знатность и пышность, с их суетной гордостью? Как мелко все человеческое, греховно, недостойно и ничтожно пред святостью этого рождения. Какой ничтожной песчинкой является всякий человеческий пьедестал для приближения к небу! Господь молча отстранил всякое человеческое притязание приблизиться к Его неприступности и не взял ничего для Своего величия. Он восхотел и во образе Своего рождения сокровенно явить смысл своего пришествия в мир. Господь избрал для Себя в мире лишь то в нем, что оставалось всего чище от осквернения грехом. Из всех царств мира и стран его избрана была земля Иудова, царственный удел в обетованной земле, освященной храмом и богослужением, предызбранной Богом для вселения народа избранного; об этой земле и граде Вифлееме, который был совершенно ничтожен для мира, провозвестили пророки. Пещера — она была убога в глазах человеческих, но она была чиста от человеческого греха, ибо и не жили в ней люди. Господь, не имевший крова на земле, и в Рождестве Своем удалился от всякого жилья. Звездный небосвод над вертепом более достоин зреть своего Создателя, нежели всякая человеческая кровля. Вол и осел у яслей, животные, страждущие с человеком ради человека, в своем неведении греха меньше отступили от первозданного своего назначения, нежели сам падший человек, их владыка. Бессловесных животных Господь предпочел гордым и суетным словам мудрости мира сего с ее напыщенностью и надмением. Из человек были удостоены присутствовать при страшном таинстве рождения Слова только Сама Таинница, предвечно избранная, в раю обетованная и от всего человеческого рода приуготованная Дева Мария, и Ее Хранитель, праведный старец Иосиф Обручник, от крови избранного царского рода предков Спасителя, живой носитель Его человеческого родословия. И только двое, Мать и Обручник, зрели и знали Божественное

рождение. Но сего довольно, ибо Мария есть и само олицетворение Церкви в человеческом роде, Она возглавление и Слава его. Обручник являлся носителем всего ветхозаветного благочестия, олицетворением Церкви ветхозаветной. Это тот, кто из всего человеческого рода один только был благодатно приурочен, чтобы присутствовать при Рождестве Христовом. Великое рождается в сокровенности, и величайшее таинство боговоплощения совершилось под покровом зимней ночи и Божьего неба, вдали от человека, в тайне от мира. И мир не заметил вовсе божественного рождения. Ровно и самодовольно текла его жизнь, как будто ничего не свершилось. И по великому смирению этого рождения, в самоуничижении Господа, не произошло никаких потрясающих знамений в природе. Не подвинулись небесные светила, не дрогнула завеса в храме иерусалимском, не восстали из гроба мертвецы, недвижны остались идола в капищах человеческого идолослужения. Мир был слеп и глух к происшедшему, занят собой и своими делами. Однако не могло не потрястись в глубинах, не могло не ощутить вифлеемского рождения Божие творение: природа, человеческий род и ангельский собор, и все они преклонились перед Младенцем. Светила небесные Его узрели, ибо в своем хороводе познали новую звезду — вифлеемскую: в ней природа вняла и ею ответствовала на совершившееся. Ответила ли по-своему и пещера, небо — вертеп, как и животные, которые стояли здесь рядом немymi, бессловесными свидетелями Рождения Слова? Нет сомнения, и они по-своему ответили, ибо свидетельствует церковная песнь, что "земля вертеп неприступному приносит": сей вертеп, и ясли, и скот в нем, есть приношение земли, ее предстояние пред Господом. Узрели рождение ангелы Божии, которые воспе-ли в небесах славословие. Узрели его и люди, те, кто удостоились явиться представителями человеческого рода в поклонении Божественному Младенцу: то были пастухи

вифлеемские, которые в простоте своего сердца узрели ангелов и услышали их хвалу, и то были мудрые волхвы с востока, которые разумом своим узрели новую таинственную звезду. И простота веры сердечной и мудрость верующего ума соединились в поклонении вифлеемском. Господь не отвергнул ни первой, ни последней, и вместе призвал их к Своему величию. Но кесарь земной остался недвижим на престоле, как не дрогнуло и все окружение его. Не заметили ничего и мудрецы мира сего, погруженные в свою мудрость, хотя и ожидали лучшие из них нового рождения. Однако заметила злобная зависть этого мира и двинулась, чтобы истребить Его. Из владык мира сего узнал новое рождение Ирод, который отвечает на вифлеемское событие страшным злодейством, заливши страну свою кровию младенцев. Сатана в лице Ирода делает первый приступ борьбы за свою власть в мире. Сыны света преклонились, но и сыны тьмы неистовствуют. Так совершилось разделение это уже вифлеемского вертепа: не мир, но меч, но разделение. — Поистине Вифлеем есть предварение и образ Голгофы, Вертеп есть уже предначинающаяся Голгофа, начало крестного пути. Вертеп — гроб в вертограде; пелены — погребальный саван, св. дискос с изображением Младенца, как агнца закалаемого, есть и вифлеемские ясли, над коими "пришедши звезда ста вверху, идеже бе отроча", и гроб, куда погребено было Тело Христово благообразным Иосифом. Дары волхвов: золото — на царство, но не от мира сего, ливан — Богу, но себя умалившему, зрак раба приявшему, смирна — на погребение, по образу мира жен мироносиц. И первые же дни земной жизни Спасителя ознаменованы бегством в землю далекую и чуждую, гонениями, нищетой, испытаниями; началась жизнь скорбей и лишений, единый и непрерывный крестный путь. Святая Церковь в предпраздничных богослужениях с особенной силой делает это сближение Рождества Христова и Страстей Христовых, она в

рождественское пение вводит измененные песнопения Страстной седмицы и сим молча назидает о внутренней близости Вифлеема и Голгофы. Царь славы уничижается, Бог из любви к миру становится его жертвой. О дивное таинство крестного Рождества Христова, безмерная любовь Божия к своему созданию!

Однако лишь к предпразднеству, к молитвенному приуготовлению относит св. Церковь скорбь Страстной седмицы, ныне же зовет она к ликованию, к празднеству спасения рода человеческого: ныне — Пасха Вифлеемская, рождается Агнец Божий, вземлющий грех мира. Ныне примиряется в Нем Бог со Своим творением. Ныне посылается Христов мир на землю, Им дарованный ученикам. Ныне благословение Божие человекам, отъятое силою греха, возвращается. И о сем свидетельствует пение ангелов на небесах: "слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение". Отъято было благоволение Божие от человека, не устоявшего в истине своей, но почитет на Том, Кто есть истинный Бог и истинный человек, в Ком восстановлен человек в истине своей, Он есть Сын Божий и Сын Человеческий, Которому благоволит Отец Небесный, а в Нем и через Него благоволение приходит и к людям. Он принес на землю мир Свой, и он пребывает в любящих Его всегда, в дни сии гонения и скорби. Христос стал новым Адамом, Он есть истинный человек и всечеловек, в Нем полнота и основание человечества. Рождество Христово совершилось для всего человечества, в каждом человеке Христос присутствует таинственную силою Своей, хотя столь многие не ведают этого, как не уведал мир и о Его рождении от Девы в вертепе. Должно совершиться Его рождение и в нашем духе. Душа должна познать в себе вертеп вифлеемский; дикие страсти, терзающие ее, как звери, утихнув, должны дать место кротости и смирению тельца и вола подъяремного. Разум должен преклониться с волхвами пред солнцем правды, восшедшим

с высоты востока, очи отверстые должны узреть лики ангельские. Да совершится Рождество Христово и в сердце нашем, ибо без этого рождения оно останется глухо, безучастно и хладно. Христос родился, Бог вочеловечился в каждого из человеков, все мы причастны, все лично приобщаемся к тайне Его рождения. Да приобщимся и к Его радости. Слава в вышних Богу, и на земле мир благоволения к человекам. Аминь.

ИЗДАЛЕЧЕ ПРИШЛИ МЫ

Слово на Рождество Христово

И роди сына первенца, и повит его, и положи его в яслях: зане не бе им места в обители.

(Лук. 2, 7)

Людие ходящие во тьме видеша свет велий: живущии во стране и сени смертной, свет воссияет на вы.

(Ис. 9, 2)

Издаlechе пришли мы поклониться Христу Младенцу, — не из страны волхвов, но из тьмы собственной души, из мрака греховности, из серой скудости, ведомые чудесной звездой, в нас загоревшейся, повинуюсь ее таинственному и властному зову. И мы приблизились к священному и дивному вертепу, над которым небесным стражем стоит Звезда Вифлеемская на лазурном своде приклонившегося неба. Мы издаleка завидели светлый вертеп и небесное сияние над ним, но нам трудно и страшно стало приближаться к святыне, и мы долго не смели поднять глаза свои, настолько тяжелая мертвенность и едкий стыд подавили нашу душу. Не лучше ли уж возвратиться в мрак, вновь погрузиться во тьму души своей, и от тягости пути, от трудности этого приближения еще раз укрыться в немолу

оцепенения? Но нет, уже поздно, не можем укрыться и не хотим закрыть глаз перед тем, что в них сверкнуло. Люди, живущие во тьме и сени смертной, мы увидели свет великий, и он нас влечет неотразимо. С трудом подняли мы веки, чтобы видеть, но теперь уже не можем отвести глаз своих. Пред нами Божественный Младенец, в очаровании человеческого детства: в красоте, чистоте и невинности, вместе с божественной, миру неведомой светоносностью. Свет этот входит в сердце, исполняет наше существо, веселит и просвещает, и мы стоим пред яслями вертепа в его сиянии. И мы видим уже в этом свете, как в очах Младенца сияет божественная мудрость, и в детских дланях Его сокрыто божественное всемогущество, и в сердце Его пламенеет божественная любовь, жертвенная, милующая и спасающая. Он столь высок и вместе так близок нам, в Его человеческом естестве содержится и святая, предвечная Человечность, облеченная в ветхого Адама. "Слово плоть бысть". Бог стал нам сочеловеком, среди нас родился отрок Эммануил — с нами Бог. На нас смотрит само Солнце правды и разума, и мы сами взираем на это Солнце. И однако мы не ослепляемся и не сожигаемся им, но зрим просветляясь, и — любим, любим, любим... Все существо наше растворяется в этом свете жертвенной любви.

Над Младенцем склонилась Матерь Его, и мы, Ему поклоняясь, поклоняемся и Матери. Это Она дает Его нам для поклонения, не отстраняет Его, не защищает от нашего нечистого, грубого, греховного взгляда. Она — юная Дева, и при этом — Мать Своего Младенца, святое Дево-Материнство. И Она не становится меж Ним и нами, не хочет заградить к Нему доступ — ни волхвам, ни пастырям, ни даже нам во грехах наших. Какова же Ее любовь, безмерная, всецелая, и, однако, отдающая, свободная от себялюбия? Мы не знаем любви не себялюбивой. Себялюбие неразлучно со всякой человеческой

любовью, его отсутствие столь непонятно для нас, так неуместимо, что изумляется ум наш. Кто же Она? Святейших святейшая, в жертвенной святости Своей жертвоприносящей любви...

Наше сердце горит, и глаза открываются на эту убогость царского чертога, Божьего Храма в вертепе. Для Царя Царствующих, пришедшего в мир Свой, скотская пещера и ясли вместо детского ложа в зимнюю ночь, вместо царского убранства нищета с заброшенностью и полная незащищенность: от холода, от голода, от демонской и человеческой злобы. К яслям приносятся царские дары, в небесах гремит пение ангелов, но Ирод уже точит оружие, дух злобы мечется в страхе и смятении, тварь ищет убить Творца, мир хочет погубить, что выше мира. Отовсюду движутся мстительные полчища врагов, они становятся все коварнее, озлобленнее, непримиримее. Они хотят отнять у человечества вифлеемский вертеп, стремятся засыпать в памяти людской вифлеемские ясли, искуснее и еще злее, чем Ирод, истребить Младенца и Матерь Его. А Он и Она? Он сияет пред нами божественной улыбкой и Своею детской десницею нас благословляет. Она же с смирением беззащитности и жертвенности беззаветно отдает Своего Младенца, Царя Иудейского, Который остается неизвестен миру, кроме проходящих к Нему. И в зимнем холоде скотского вертепа расцветают райские цветы. Сердце наше, расширяясь, само становится вертепом. В нем также Младенец рождается и в яслях полагается, и мы одно становимся с Пречистой Матерью, человечеством, в котором Он рождается. Вся тварь поклоняется младенчеству Творцу. Мир звездный шлет Ему звезду лучезарную. Мир ангельский в небесах славословит. Мир человеческий, волхвы и пастыри, вкуче и мы, человечество всех времен и народов, Ему поклоняется. Мир животный, вся природа Его превозносит. Гремит славословие во вселенной, от ангелов зачинаемое. То песнь о величии

Божьем и о славе человеческой. Бог примирился с миром и явил ему благоволение. Сие благоволение Бога к человекам есть Эммануил, Богочеловек. Бог сделался человеком, дабы человек стал богом по благоволению. В человеке рождается Бог. Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!

1930 г.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

И пришедше в храмину, видеша отроча с Мариєю материю Его, и падше поклонишася Ему: и, отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато, ливан и смирну.

(Мф. 2, 11)

Они пришли, мудрые волхвы, в храмину и поклонились Ему, и отверзли сокровища мудрости своей и принесли Ему дары: злато, ливан и смирну, все дары, какие только имеет и может принести Богу, пришедшему к человекам, человек, проходящий к Богу. Они предстали Ему как бы от лица всего человечества с человеческими сокровищами, которые для того только и существуют, чтобы стать дарами, приносимыми Христу. Вместе с ними и вслед за ними входим и мы ныне в храмину и видим отроча с Мариєю Матерью Его и поклоняемся Ему в мудрости и веселии любви благодарящей. Что же приносим мы и что можем принести от скудости нашей любви, от пустоты нашей души, от призрачности нашей жизни? Ужели стоим мы с пустыми руками, растерянные и смущенные, или же, что еще страшнее, рассеянные и равнодушные? Но нет, да не

будет! Мы хотим принести Ему дары, и мы имеем их, ибо это Он сам обогатил нас, обнищав для нас. Он сотворил нас сообразными по себе, и это — Его дары, которые мы должны обрести в себе, открыв сокровища свои. И мы не обделены у Господа, и мы призваны принести ему и злато, и ливан, и смирну, — злато яко Царю, ливан яко Богу, и смирну яко вкусившему нас ради смерть Человеку.

Злато... В темных недрах земли заключена его сверкающая слава, его звонкая полнозвучность, его нержавеющая чистота. Это как бы преображенная земля, это откровение темных недр, в которых таится сияние света. Тяжелым трудом, настойчивым терпением, по малым крупицам извлекается это злато, пока не соберется оно в таком количестве, чтобы озарить своим светом, озолотить своим сиянием. Таковы и недра человеческого духа, в которых и из которых человек своим творчеством извлекает умную красоту и ею мир облекает. Это злато принадлежит Царю Славы, и человеки должны принести Ему Им данную нашу собственную славу, Им данные дары Святого Духа. Каждый человек имеет свой дар Духа Святого, свою сокрытую в нем славу, свое злато, и он должен обрести его в себе, чтобы не тщетным, не с пустыми руками войти в храмину. Принесем же Ему творческий порыв нашего духа и плод его.

Ливан... Благовонный фимиам, возносящийся к небу и в нем истаевающий, как человеческая душа, восходящая на свою небесную родину. Душа крылата, она причастна ангельским воинствам, воспевающим в небесах славу в вышних Богу, она взлетает к престолу Божию в молитвах и созерцаниях своих. Ангельская природа человеческого духа есть этот ливан души, сокрытый в сердце его. Человек не знает, какие богатства имеет, какие сокровища даны ему, пока сам не изведает их, принеся их Христу-Богородителю. Очи Младенца, смотрящие в очи нашей души, ее нам открывают, и она возгорается благоговением любви, яко кадило пред Тобою... Но надо восстать от сна, в котором

мы пребываем, надо пойти в дальний путь, не по земным межам, но по звездам, чтобы обрести храмину своего духа, в которой покоится в яслях убогих Христос, и, поклонившись Ему, принести ему ливан свой. И всякая душа призвана быть этим кадиллом благовонным, всякая душа имеет свою молитву, знает свой путь в священную храмину... Да не убоится она малости своей, ибо в этой храмине ее почит сам Христос, пеленами повитый, Ему поклонимся...

И смирну... Погребальное миро любви, принесенное любовью, души — мироносицы, погребавшие Возлюбленного Жениха, и сами соумирающие с Ним в сердцах своих. Да, мы должны принести Ему не только жизнь, но и смерть свою, с Ним со-умирать, дабы с Ним воскреснуть... Мудрые волхвы познали, что Рождество Его было и началом смертного пути к Голгофе, и что ясли — символ гроба. Путь любви есть жертва, а цена жертвы — смерть. Он рожден был на земле для смерти, и вся жизнь Его есть жертвенное заклание. Но и наш путь не иной, и мы должны принести Ему свою смерть, свое умирание с Ним... "Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе", и кто хочет придти к Нему, да принесет Ему свою собственную смерть, решимость жить в Его смерти и воскресать Его воскресением... Не звучит ли это скорбью в этот ликующий день, в свете славы и в пении ангелов? Но эти дары наши суть выражения величайшей радости, блаженства любви. Ибо "сила как смерть любовь", ибо любовь есть жизнь, и любовь есть смерть, смерть нашего себялюбивого, мертвого я. Смерть во Христе и есть жизнь, есть воскресение с Ним. Да будут наши дары угодны Ему, да призрит Он милостиво на нас, к Нему пришедших, да укажет Он дланию на нас, как братьев Своих, Матери Своей, Его и нашей. Нас бо ради родися отроча младо, предвечный Бог. Аминь.

1934 г.

ЗНАМЕНИЕ ПЕЩЕРЫ ВИФЛЕЕМСКОЙ

Слово на Рождество Христово

Иже во образе Божии сый... Себе умалив, зрак раба прим, в подобии человечеством быв и образом обретеса якоже человек.

(Фил. 2, 6-7)

Пастухам на поле, содержавшим ночную стражу у стада своего, явился ангел Господень. Слава Господня осияла их, и они убоялись страхом великим (Лк. 2, 8-9). Этот страх был невольным движением их сердец, ибо кто из людей способен не вострепетать пред явлением Славы Божией, не убояться пред явлением небожителя, одинаково пастух и царь, простец и мудрец? Однако не к страху звало пастырей небесное явление. Они должны были преодолеть страх, ибо не трепетом от несоизмеримости Творца с творением призван человек ответить на совершившееся богоявление, но тем, что стоит за этим трепетом и выше его: радостью любви. "И сказал им Ангел: не бойтеся". Он снял с них оковы страха, освободил их дух для радостного приятия благой вести: "не бойтеся, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидове Спаситель, Который есть Христос Господь". Великая радость, радость навеки, возвещена была Ангелом в эту ночь: открылась любовь Божия к миру, благоволение к людям, Бог явился во плоти.

Слышали ли прежде эти пастухи о том, что было написано в священных книгах о чаянии языков, о грядущем Мессии, или же впервые теперь лишь об этом уведали? Однако познали они трепетным сердцем, что совершилось великое: во граде Давидове родился Христос Спаситель, Господь сошел с неба на землю, воплотился и — ”вочеловечился”. Пронеслось ли при этом в их мысли видение Его неземного величия, славы, всемогущества, ослепительного света Богоявления, или же мысль оцепенела в бессилии вместить невместимое? Но они не имели времени остановиться в созерцании им открывшегося, ибо дальше несло откровение, звало их слово небесного вестника: ”вот вам знамение: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях” (Лк. 2, 12). Таково оно было — знамение пришедшего на землю Бога: Младенец в яслях. Не в царских чертогах, и не на златом ложе, и не на престоле славы возлежит Царь царствующих и Господь господствующих, Пророк и Чудотворец, но как Младенец в яслях. Лишь как некое безумие для человеческого разумения могло войти в сознание такое ”знамение” пришедшего на землю Бога: оно разрывает ткань мысли, ниспровергает человеческое мудрование, противоречит разуму. Однако небо само снизошло на помощь человеческому бессилию и не оставило места пустому мудрованию. Недоумение было погашено, не родившись: ”и внезапно явилось со Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение” (Лк. 2, 13-14). Пастырям был дан ответ свыше, и человеческое недоумение умолкло перед лицом небесного откровения. И они понесли это принятое ими откровение в пещеру, куда пришли поклониться ”Младенцу, лежащему в яслях”, и здесь рассказали о том, что было уведано ими о Младенце, и ”все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи” (Лк. 2, 18). Они явились первыми провозвестниками благой вести Христовой, первыми Его апостолами. Прежде рыбарей галилейских пастухам этим была поведена с неба гайна боговоплощения, самоуничужения

Бога ради человек: знамение Бога как Младенца, лежащего в яслях...

И мы ныне также приближаемся для поклонения Младенцу к пещере Вифлеемской и духовно созерцаем над нею облако тихого света святой Славы, осенение Духа Святого, почивающего на Сыне Отчем. И для нас сохраняет всю свою силу это знамение вочеловечившегося Бога: Младенец в скотских яслях пещеры, в холодных пеленах долгою зимнею ночью. И наша мысль сперва изнемогает перед неместимым в уме противоречием: Творец миров Сам не имеет для Себя крова, который имеют птицы небесные и звери земные. Всемогущий предстает пред нами в образе беззащитного Младенца. Самое пламя жизни в этом Младенце как будто колеблется, угрожаемое от земного ветра и стужи, от настожившейся злобы сильных мира сего, хранителей закона его. Бог в образе Младенца не приемлет поклонения от Своих первосвященников, которые не способны узнать Его в Его унижении и — в черствости сердца и оскудении ума своего — отвергнут Его и предадут на осуждение смерти, возненавидят Его. Разум мира, который озаряет светом всякого человека, грядущего в мир, не примечен и не понят служителями разума. Прекраснейший из сынов человеческих, Образ Божий в Богочеловеке, не замечен служителями красоты. Как будто даже и сама природа, созданная Им, останется равнодушна к происходящему в Вифлееме, холодные звезды смотрятся в ночное небо в красе своей и не подвигнутся небесным хороводом на поклонение Ему, кроме только одной Звезды Вифлеемской, и как будто травинка не шевельнулась, чтобы поклониться сошедшему с неба Творцу. Не страшна ли вся эта беззащитность и хрупкость жизни Младенца во враждебном мире, вся опасность и как бы необеспеченность Его существования, а, стало быть, и дела, для которого Он послан в мир? И эта победная, торжествующая тупость самодовольного зла — не смеется ли она над лежащим в яслях Младенцем, Который пришел затем, чтобы "победить мир"?

И однако, вопреки всему, Младенец в яслях есть знамение воплотившегося Бога, рождающегося Христа, Спасителя мира.

И сердце начинает уразумевать священную тайну знамения. Да, это именно оно, знамение вочеловечившегося Бога. Оно не во внешних знаках величия, сколь бы ни были они потрясающи, единственны. Ибо Бог всемогущ, и Творцу мира ничего не могут прибавить знамения от этого мира, и Его собственное знамение именно и состоит в отсутствии всякого знамения, в Его обнаженности от собственной славы, в уничтожении, слабости, беззащитности, нищете Младенца, лежащего в яслях. Только Богу доступно такое уничтожение, только Бог может явить такую любовь к твари: "Себе умалив, зрак раба приим", только Богу свойственно одержать такую победу над миром. Эта победа над лежащим во грехе миром должна совершаться не силами и средствами этого мира, но есть полное отрицание всей его силы: никакой уступки миру даже в его отвержении, как бы его незамечание. Победа над миром — в беззащитности, в гонимости, в страданиях, смерти. Но все силы мира, все средства его власти не способны от Него исторгнуть своего признания, ему поклонения. "Отойди от меня, сатана, ты Мне соблазн", таков единственный, исполненный неземного достоинства, ответ князю мира от Спасителя мира, Который ныне безмолвно почит в яслях бессловесия, как бы уже предвещая свое молчание на допросе первосвященников и на суде Пилата и смертное молчание в гробе.

Такого явления Бога, такой победы над миром не знает этот мир, и он продолжает не знать ее. Но и для него придет время ее узнать, когда "восплачутся все племена земныя и воззрят нань, его же прободоша", и откроется победа кроткого Царя, во Славе входящего в град Салима. Донныне же еще продолжается темная зимняя ночь, с знамением Младенца, лежащего в яслях. И мир коснеет в равнодушном Его незамечании, злорадствует в злобном презрении, — или что еще злее — в лицемерном Ему поклонении.

И нам, приходящим поклониться Младенцу, лежащему в яслях, среди раздираемого злобою душезлобного мира, какой закон жизни, какая мудрость ее дается чудесным знамением, к чему зовут ныне небожители приходящих поклониться Христу? Они зовут принять в сердце Его уничтожение, Его гонимость, Его распятие, как единственное знамение христианской жизни, ее силу и победу.

Ибо лучшее самосвидетельство Добра есть беззащитность его пред силою зла. Лучшее свидетельство Истины есть молчание пред лицом многоглаголивой лжи. Высшее явление Красоты в неприукрашенности суетным украшением. Сила Божия побеждает самую собою, но не силою этого мира. Для мира нет силы Божией, он не видит и не знает ее, он смеется над нею. Но христиане ведают, что знамение Сына Божия есть мирское бессилие — Младенец в яслях.

И не нужно озлащать пещеру, ибо озлащенная пещера не есть уже Христова. Не нужно земной защиты, ибо излишняя она Христу Младенцу. Не нужно земного величия, ибо отвергнуто оно Царем Славы, Младенцем в яслях. Но нужно нам подлинное откровение Бога-Любви. Нужен образ всепрощающей кротости, молящейся за Своих врагов и мучителей, нужен образ крестного пути к Царству Христову, к низложению зла победной очевидностью добра. Нужен образ свободы от мира. И бессильные мы сильны, в царстве мира сего хотим мы служить Царствию Божию, верим, зовем и ждем его. Ибо мы познали знамение Младенца в яслях, Силу в бессилии, Победу в уничтожении. Да будет и наше сердце этою нашей скотьей пещерой, в которой носим божественное, крестное знамение.

Им царствует Царь царствующих, Младенец в яслях. В Нем и с Ним мы навеки соединены Его вочеловечением. Его зовем мы Эммануилом — с нами Бог.

1935 г.

СЛОВО НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Се Дева во чреве примет и родит
Сына и наречет имя Ему Еммануил,
еже есть сказано: с нами Бог.

С нами Бог! Не приблизился только и не открылся лишь с высоты, но пребывает с нами, среди нас, как один из нас, Человек, Бог и человек, Еммануил. Он предлежит ныне в яслях в пещере, мы приближаемся к ней, чтобы поклониться Ему, возрадоваться Его пришествием. Нет и не может быть для человека большей радости, нежели уведать Еммануила, Бога и Человека, Богомладенца. Сие есть радость совершенная, подаваемая Духом Святым в сердца наши. Но радость совершенная есть радость Богоматерняя, осененная Духом Святым, есть Сам Дух Святой и сама ипостасная Любовь, есть любовь Богоматери к Богомладенцу. И если мы можем внйти в пещеру Вифлеемскую, то нам надо приобщиться к любви Богоматери, к Ее радости, которая есть радость Рождества Христова.

Пречистая от своего рождения предназначена была к его чаянию. Она носила это чаяние Богоявления Христова в сердце как свою личную тайну, в беспредельной самоотданности любви. Она любила Его, еще не зачавшегося, уже до Благовещения. Она возлюбила Его по-новому в Благовещении, силой любви в Духе Святом, Его наитием. Раба Господня зачала Его во чреве, и днесь приемлет Рожденного,

на землю пришедшего, в ее руках трепещущего, живого Младенца: "Родила — и спеленала Его" (Лк. 2, 7) своими руками и "положила в ясли".

Как трепетна эта любовь к Еммануилу, Богу и Человеку, любовь от твари к Творцу, но и от человека к со-Человеку, от Девы-Матери к Сыну Младенцу. Влагает Церковь в уста Девы-Матери дивные слова этого трепета: "Носиши Адамов зрак, во образе Божии сый всесовершенный и хощещи руками держатися, всю тварь содержа силою Твоею, чистая пренепорочная провещаваше глаголющи: како Тя пеленами повию яко младенца, како сосцами питаю Тя, всяческая питающего, како Твоей паче ума нищете удивлюся, како Тя Сына моего нареку, раба Твоя ныне сущи. Пою, благослѡвлю Тя, подающего миру велию милость!"

Но трепет побеждается любовью, ибо совершенная любовь побеждает страх. Он преодолевается радостью любви. Эта любовь Девы-Матери к Младенцу и творения к Творцу расширяется в любовь всего человечества, любовь Церкви к Главе, к Жениху брачного чертога. Это есть вселенская, всеобъемлющая любовь, которая доступна человеческому сердцу как радость совершенная.

Такая любовь не вмещается в слово, она немолствует, в себе замкнутая. Безмолвствует Пречистая в молчании святой ночи, но слышит сердце ведающее звучание радости любви совершенной во вселенной, во всех мирах, во всей твари. Гремит она в мире ангельском, воспевают в небе воинства бесплотных песнь хвалебную: слава в вышних Богу! И отзывается она в сердцах человеческого смирения: пастыри приносят Матери весть о небесной славе. И просиявают высокие умы, достойные зреть звезду на востоке и ею водиться к поклонению Царю Небесному в образе Царя Иудейского, к принесению Ему полноты даров человеческих. Открывается радость вселенной о Родившемся в пещере, и, безмолвствуя, Мария "слагает

все слова сии в сердце своем” (Лк. 2, 19). Молчит ее невыразимая в слове радость, ее невместимая в мире любовь.

И в свете этой любви, в сиянии этой радости истаевают земные угрозы, незрима земная бесприютность: скудость яслей и убогость пещеры, земная стужа и холод сердец, равнодушие и злоба человеческая. Не призрак ли это, когда в яслях лежит в пеленах Еммануил, с нами Бог!

И мы приближаемся к радости вифлеемской, опыленные прахом земли, в страхах ее и заботах, испуганные и изнуренные, с душою, остылою в долготе и холоде зимней ночи. Как нам забыть себя самих, стряхнуть с души прах земли? Как войти в пещеру, чтобы озариться светом ее, человекам приблизиться к Богочеловеку? Но для нас отверста небесная дверь. Мы призваны войти в радость Богоматернюю, зажечь сердце наше от ее любви. Она — человек, как и мы человеки, и Она держит на руках Еммануила. Нет иного пути к радости, как любовь, и нет другого пути любви, как через самоотдание: да явится душа наша, по образу рабы Господней, да в ней совершится чудо любви. И она осенится Духом и станет богородящей, и в ней родится Христос. Сердце наше будет ясли вифлеемские, земной престол Царя Небесного. Пред кротким Его величием рассеются земные страхи и тревоги. Буйство страстей затихнет, послушное духу, как те смиренные животные в пещере Вифлеема у яслей Младенца. В уме воссияет “свет разума”, в сердцах простота и смирение пастырей, в душе прозвучат небесные звоны, песнь славословия. Растают темные тени, умолкнут сомнения о равнодушии и враждебности мира. Что до него, когда в сердце несем мы высшую достоверность, когда во тьме сидящим воссиял свет присносущный, когда открылась нам неземная, совершенная радость. Сердце объемлет рождшегося Младенца руками Богоматери. Оно любит ее любовью, ее радостью оно радуется.

Эта любовь рабы Господней в полноте жертвенная. Пречистая с Младенцем радостно грядет, послушна высшему велению. Она слышит в сердце своем все глаголы о Нем и о ней.

Да будет подобна ей наша любовь, верующая, покорная, всему радующаяся, мирная, благоволящая, радость любви совершенная.

Слава в вышних Богу,
и на земли мир,
в человецех благоволение.
·С нами Бог!

1936 г.

РУССКИМ ВОИНАМ НА ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Христос рождается, славите!
Христос с небес, срящите!

С таким призывом обращается ныне Христова Церковь ко всем христианам, а в том числе и к вам, дорогие братья, русские воины. Снова она возвещает миру реченное ангелом, явившимся пастырям в ночь Рождества Христова: "Не бойтесь, возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам в граде Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь" (Лк. 2, 10). Их осияла при этом слава Господня, вместе с явлением ангелов, славивших Бога. Знамение же совершившегося есть "Младенец в пеленах, лежащий в яслях". И пастухи сказали друг другу: "Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь". Ужели им оказалось недостаточно слышания и нужно было еще новое удостоверение? Однако, они пошли за ним и увидели обетованное — "увидевши же, рассказали о слышанном ими и виденном, и слушавшие дивились рассказанному им". О, сколь блаженны были эти немногие избранные, которым дано было слышать и видеть то, чего желали бы многие пророки и праведники (Мт. 13, 17), однако им не дано было того, как не дано и нам.

Для всех была возвещена "великая радость", но по непостижимому смотрению Божию лишь в подвиге веры открывается Господь не видевшим, дабы "не изнемочь им в

вере и не поколебаться в обетовании Божиим неверием, но пребыть твердыми в вере” (Рим. 4, 19-20), и ”верою вселиться Христу в сердца” (Еф. 3, 16-17; Евр. 12, 2). Поэтому и ныне спрашиваем себя: в вере ли мы? Как встречает христианский мир ночь Рождества Христова, воюющие и не воюющие? и как встречаете его вы, русские воины, на поле брани сушие, в земле неродимой, но в бездомности нашей нас приютившей и тем с собой сроднившей? Едким туманом сомнений и недоумений окутывается ныне наша душа.

Протекли уже многие века после той ночи вифлеемской, но как осуществились в них христианские обетования? Царство Божие приблизилось к человекам, ответили ли они сами на это приближение? Не воцаряется ли в сердцах хлад зимней ночи с ее призрачностью? Не начинает ли казаться нам лишь воспоминанием отдаленного детства повествование о событии в Вифлееме? Способны ли мы искать звезду вифлеемскую в небе, которое теперь вспыхивает лишь огнями орудий? Не опустела ли для нас духовно вселенная, и – повторяем – что остается от нашей веры? Так спрашивает себя охлажденный, растерянный, опечаленный разум, таков яд мертвящего сомнения.

И да не осудим сего вопрошания, и, если нельзя миновать его в пути к святой пещере, достойно встретим его, лицом к лицу. В чем же состоит эта кажущаяся его убедительность? Если мы могли верить в превосходящую силу Божию прежде, то что может разрушить в нас эту веру теперь? И наоборот, только так и можно и должно обрести свою веру, чрез преодоление испытаний и искушений.

Спросим же себя: что было тогда, когда возвещался ангелами мир на земле и благоволение человека? и как тогда встретил мир пришествие Царя Иудейского, Сына Божия, принявшего человеческое естество? как воспринял он совершившееся богочеловечество, ради которого мир и был создан? Это произошло в сокровенности тайны Божией, и видимо мир не потрясся от того. Только несколькими

пастырям было открыто совершившееся, и лишь немногие волхвы постигли силу явившейся звезды на востоке. Глухою ночью, в зимнем хладе встретила природа приближение своего Творца, скотью пещеру принесла Ему земля, и остался в равнодушном неведении римский кесарь с его легионами и римское царство. Они также не убоились Царя царствующих и Господа господствующих, как и ныне. Больше пренебрежение и не могло быть явлено от них к Родившемуся от Девы, и лишь ничтожный правитель Иудеи вышел из равнодушия, подвигнувшись в страхе и злобе к преступлению детоубийства, ища убить Христа, дабы защититься от Него. Святому Семейству осталось бегством спастись в далекую страну, претерпевая бедствия странничества. И, однако, пред лицом всего этого не умолкло пение ангелов в небесах. Оно явилось громогласнее громов небесных, ибо пронеслось по всему миру, вместе с шепотом пастырей, поведавших о совершившемся, они духовно слышимы нами и доселе, и во веки веков. Так было от начала. А что же теперь? Что произошло в мире в течение веков для дела Христова? На эти вопросы не может быть дано бесспорного ответа, ибо сокрыта от нас тайна времен и сроков и образ вскисания теста. Однако пройден огромный путь в христианстве, достигнута глубокая зрелость, хотя и омраченная человеческими грехами, падениями и отпадениями. Евангелие проповедано пред лицом всех народов, хотя еще и не достигло слуха многих из них. В течение веков мир воспитывается Христовой Церковью, хотя князь мира и воздвигает против нее свою брань, среди которой, однако, совершается служение правде Божьей. И не меньше, но больше подготовлено человечество именно теперь, в дни войны, с ее великими испытаниями, внимать сердцем благовестию Христова мира, нежели в дни мнимого мира, в котором "постигает внезапная пагуба" (1 Фес. 5, 3). Потеряв веру в мир человеческий, ищем мы мира Христова. И суровость воинского долга, с неизбежной готовностью к принятию смерти и ран, насильственное

переселение народов, в бедности и лишениях, невольная оторванность от родины и наше сиротство — не приближает ли все это к духовному миру больше, нежели то было во времена, когда под покровом видимого затишья таились вражда и немирность, теперь обнажившиеся... И в нынешнем потрясении не достигается ли свобода духа, недоступная, пока душа была связана земными благами, коих ныне лишается?

Рука Промысла вздымает нас над землей, и надо ответствовать встречным духовным восхождением. Сердце человека есть поистине пещера священной тайны, ведомой лишь ему самому, и это есть тайна Христова. Войдем в эту вифлеемскую пещеру и затаимся в ней, хотя бы на краткое мгновение. Его достаточно, чтобы услышать слухом сердечным пение ангелов в небесах и узреть оком духовным явление славы Божьей. Совершившееся в лучезарную ночь славы Божьей навсегда останется дано и доступно человеку, если только сам он приступит к тайне священной, своему дорогому сокровищу, сокрытому в сердце. Не клеветайте же о себе, будто это есть призрак детского воображения, который уходит с годами. Был бы дорог даже и призрак, если он умягчает сердце, растопляет его жестокость. Однако, остается невольно бессильным обман или самообман, который созревшая к правде душа, хотя и с нежной печалью, оставляет. Но то не призрак здесь, но самосвидетельство правды, однажды навсегда опознанной. И надо душой преклониться пред этими яслями, они суть наша собственная человечность, в которую вселился Господь, ее восприняв. В том узнается безмерное смирение Себя умалившего Бога, в жертвенности любви Своей не возгнушавшегося нашей жестоковыйности и греха. И как то было в золотые дни нашего детства, так станет и теперь, когда они, казалось бы, столь печально и безвозвратно миновали для нас.

Но не миновал нас Христос, приходящий на землю, не миновала и ночь Его Рождества, как не минует во все времена до скончания века... Мир никогда не был достоин принятия Христа, но Он низошел до него, и ныне снисходит, как и

всегда, во всех ужасах и преступлениях нашей жизни. Он становится оттого нам слышнее и ближе, чем в иные счастливейшие времена. Или Он не сильнее всех сил воюющего зла? И посему несмущенно, с дерзновением пойте Ему: "Христос рождается, славите! Христос с небес, срящите! Нас бо ради родися Отроча младо, предвечный Бог".

День Рождества Христова ознаменовывается торжественным богослужением в наших храмах, и дорого для нас это церковное празднование. Но вам, на поле брани, не будет оно доступно, предстоит смириться и пред этим лишением. Однако, ведайте, что его не было у людей и в ту ночь вифлеемскую, но ангелы совершали его в небесах, как совершают и ныне. Пусть же будет дано вам коснуться сердцем небесного богослужения. В кратком хотя мгновении, преклонившись в созерцании тайн Божиих, призовите Имя Рождшегося Христа с Матерью Его. Он ответит на зов сердец, Его призывающих, и Она пошлет вам свою материнскую ласку. И в этом касании сердец познается возвещенный от ангелов мир на земле и благоволение среди человеков, которые ныне воюют, но да не враждуют, и, хотя и в противоборстве, но не в лютой ненависти приличествует вести войну христианину. Да обретут же бездомные дом свой в пещере Вифлеема, в сердце своем; и бездельные да познают свободу от тоски изгнания в обретении вечности.

Чрез кров нашего сердца да отверзется небо с его небожителями, и да воссияет звезда Христова в небе небес, над престолом Всевышнего. Таковы незримые и неслышные чудеса, которые да пошлет Господь в эту ночь Его любящим. Дорогие братья! Нам нечем порадовать вас из того, чему радуются на земле, как не можем мы и освободить вас от испытаний, которые явились ныне вашим уделом, следует верить, — не без воли Божьей. Но у нас остается общая радость нашей веры, которой никто не властен лишить нас, ибо всем возвещается великая радость рождения Спасителя мира, Его новое к нам приближение.

Однако, спрашиваем себя невольно: как совмещается сретение Христа с стоянием пред лицом противника, на которое вы ныне призваны и обречены? Таков вопрос, ныне роковой для христианской совести. Да, совместимо, если сами мы себя блюдем во Христе, если мы и в войне остаемся христианами. Воля к победе в своей упругости оправдывается лишь правотою цели, но не должна быть ненавистью к врагу. А это становится для нас возможно в меру того, насколько мы в сердце носим рождающегося и страждущего с нами Христа.

Войною упраздняется ли заповедь любви к ближнему и заменяется ли для воинов иным, противоположным законом? Напротив, как и первая заповедь, о любви к Богу, она нарочито утверждается во всей трудности своей, — "Широка заповедь Твоя зело" (Пс. 118, 96). Блюдение христианских чувств еще нужнее здесь, ибо труднее, нежели в жизни обыденной. Были разные воины: и такие, которые находили в себе желание мучить Христа, Его поносить и бичевать, но и такие, как сотник, прославивший Бога в созерцании смерти Христовой (Лк. 23, 47), или Корнилий, благочестивый и боящийся Бога (Деян. 10, 1-2). Таков мог быть образ воинского благочестия даже в дохристианском мире, оно и ныне сильно воспитывать и укреплять христианскую доблесть.

Сретение рождающегося Господа требует от каждого из нас Ему жертвы в том, чем он обладает, а от воинов явления христианского лика в крестном испытании военного удела. Пусть же и ныне из недр земли, из пещеры сердец человеческих воспето будет славословие ангельское:

Слава в вышних Богу,
и на земли мир,
в человецех благоволение.

(Лк. 2, 14).

1939 г.

ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМСКАЯ

Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего едиnorodного... чтобы мир спасен был через Него.

(Ио. 3, 16-17)

...Пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

(Мф. 2, 1-2)

Как сретаеь ныне мир рождающегося Царя Иудейского? Видит ли и он звезду Его на востоке, устремляется ли поклониться Ему? Или же, напротив, вслед за Иродом и всем встревоженным его окружением (Мф. 2, 3), хочет упразднить и самую память о Нем, в презрительном равнодушии железного Рима, в самоупоеении мудрости века сего? Прошли уже многие века, и еще одна миновала година, но ближе ли стало, ощутиее ли умам и сердцам человеческим пришествие в мир Сына Божия? И как будто единственный ответ на это дается кровавым пиром душезлобного мира, раздираемого междоусобицей, и дымом смертоносных орудий сокрывается звезда вифлеемская. Не ангельская песнь о мире и благоволении в человеках слышится в мире, но лишь громко звучат призывы войны, ее вопли и стоны. Хладная ночь леденит сердца, и в душах рождается невольное вопрошание: сохраняется ли в человечестве сила совершившегося, — скоро уже две

тысячи лет назад, — в Вифлееме Иудейском? Не тщетным ли осталось пришествие Бога на землю, от которой Он снова на небо вознесся? Не излишним ли может показаться ныне и самое празднование Рождества Христова.

Но это-то и была бы победа Ирода, а вместе с ним и князя мира сего, если бы победили в нас испуг и малодушие, если бы дрогнула наша вера в Родившегося в Вифлееме, Царя Иудейского. Пусть не в силе и славе, а в бессилии и унижении Он предстает миру. Но таково только и может быть явление на земле Бога-Любви: в бессловесии Слова, в молчании младенческом, в сокровенности пещеры скотьей. Так предстает пред нами величие Божие, пред которым изничтожаются кичливые притязания земного самовозвеличения.

Все убожество скотьих яслей, земное бессилие в пещере сокрываемого Божественного Младенца, бегство в Египет ради спасения жизни, все это говорит сердцу громогласнее и не заглушимее, чем земные громы и человеческие вопли. Пещера светонеснее, чем земные палаты. И ныне, во святую ночь Христова Рождества, как и тогда, тишиною молчания свидетельствуется несокрушимая сила побеждающего всех князей мира Царя Иудейского. Не на полях браней, но в пещере Вифлеемской и на Голгофе Иерусалимской навсегда поражены насильники и "погашена смерть победой" (Ис. 25, 8). "Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?!" (Ос. 13, 14; 1 Кор. 15, 54).

Сменяются волны человеческой жизни, проносятся ее ураганы. Отходят в невозвратимое прошлое, чтобы предаться забвению, носители человеческой славы и земного величия, мудрецы и завоеватели, властители и законодатели, один за другим поочередно притязавшие и притязающие на мировластие. Но перед лицом этого всеобщего забвения остается непобежденной и непобедимой лишь кроткая сила лежащего в яслях младенца, Его истинная власть над миром, царственная держава в руках Младенческих... Пусть она пребывает еще в сокровенности. В полноту времен она откроется для всего

мира, как уж открывается в сердцах наших и ныне. Некогда придет Он в мир наш как Царь царствующих и Господь господствующих, и пред Ним преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних...

Пусть и доселе мир глумится над победным торжеством нашей веры и посмеивается над ее безумием. Ибо торжество наше не есть человеческое, как и наша победа. Оно имеет в себе ту силу убедительности и самоочевидности, которой не дано достигнуть человеческому величию, сколько бы оно того ни искало. Созерцание духовное звезды вифлеемской есть праздник и торжество нашей веры. Вера же рождается от любви и рождает ее же. Можно ли любить силу, порождающую страх, приводящую пред собою в трепет, ледяющую сердца своею жестокостью? Нет. Можно любить только любовь, ныне в яслях предлежащую, явленную в смирении Бога. Любовь есть сила единственно достопоклоняемая, ей и только ей одной принадлежит и власть, и величие, и победа, всегда — как и ныне — побеждающая мир. Посему наше сердце расширяется и трепещет победным торжеством, познавая истину жизни, явленную восточным мудрецам, Премудрость Божию, воплотившуюся и вочеловечившуюся. Для ясновидения любви и ведения веры торжество наше остается и ныне то же, как и в протекшие века. Оно даже не меньше, но больше, чем когда-либо прежде. Ибо власть мира ярится все более, все крикливее раздаются ее голоса, все обнаженнее предстают притязания повелевать человеческими душами. Все острее князь мира сего требует себе поклонения. Но слышанию веры все торжественнее и победнее звучат в небесах гласы ангельские. Они воспевают Царя Небесного, Богочеловека, в яслях почивающего, на кресте распятого, одесную Отца в небесах сидящего и паки грядущего со славою. Аминь.

В день Рождества Христова. 1940 г.

РАДОСТЬ ВЕЛИКАЯ

И сказал им ангел Господень: возвещаю вам великую радость... ныне родился Спаситель, который есть Христос Господь.

(Лк. 2, 10)

Великая радость эта возвещается нам ангелом и ныне: "Христос рождается — славите!" Да озарятся ею сердца наши, и да внемлем пению ангельскому, с небес приносящему благовестие. О чем оно? "Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение". Так звучит оно в градах и весях, над полями сражений, недугующим и плененным, над всеми и всюду. Да явится это ликование духовное радостью всепобеждающей, хотя на краткий миг и на одно мгновение да озарит оно тьму сердец радостью Христовой. И это уже будет победой Христа над князем мира сего с его тьмою, и она от нас да не отнимется. Христос Царь царствует, и придет час явления царства Его. Радость эта загорается не в разъединенных и одиноких сердцах, но она, их пронизывая, собой соединяет: мудрость волхвов и простодушных пастырей, мужей и жен, старцев и младенцев и всех тех, кого коснется вдохновение веры с радостным ее подвигом. Ибо вера есть "уповаемых извещение, вещей обличение невидимых" (Евр. 2, 1). Ею видим невидимое очами телесными, упованием узнаем незнание, творчеством духовным восполняем немощное.

Какова же была тогда мирская очевидность, в ту ночь, когда людей осияла слава Божия, прожгло сердца благовестие ангельское и родился "Царь Иудейский" (Мт. 2, 2) ?

Престолом для Царя царствующих явились скотьи ясли в убогом вертепе зимней ночью. И Он был встречен на земле от земного царя Ирода не радостью, но страхом слепым, нашедшим исход в избииении младенцев, новым плачем и материнским рыданьем Рахили о чадах своих, и сам Царь, родившийся в Вифлееме Иудейском, обречен был на потаенное бегство в дальнюю страну вместе с Матерью своею.

Но не устрашает нас ни слепота, ни небрежение мира, упоенного господством и победами своими. Они не достигают до небес, и им не обессилить благовестия ангельского. Пред лицом внешнего господства князя мира сего с кичливыми его победами пребывает иная достоверность, не от мира сего. Она свидетельствует о любви и благоволении Божьем к человекам. Она призывает очнуться от тяжкого сна и мрачных его видений. Она говорит о призрачности этого мира, который мнит себя подлинным и единственным. Она обличает временность и мнимость его преходящего бытия, с его победами. Она дает вдохновение, чтобы в эту святую ночь опомниться от удушающего его властвования над нами.

Вестнику небес, возвещавшему радость о Рождестве Христовом, разве не ведомы были земные Ироды и избиваемые ими младенцы, слезы матерей, клад и мрачность зимней ночи? Но, и все это ведая, возвещал он победу света, радость спасения, духовное торжество свободы. Да познаем же ее и мы, ему ныне внемлющие, идущие навстречу в мир пришедшему и паки грядущему, и с нами всегда пребывающему Христу. Страх и смущение пред князем мира сего побеждаются этим торжеством. Часто кажется, что такого торжества князя еще никогда не бывало. Но в этом испуге испытывается вера и мера духовного ведения. Не говорит ли

оно о том, что тьма сгущается пред солнечным восходом, а зимняя ночь темнеет пред весенним солнцеворотом?

Мы торжествуем начавшуюся в убожестве Вифлеема и совершившуюся на Кресте Голгофском Христову победу. Мы призываемся опознать ее верою, вопреки мнимой очевидности, для обличения которой настанут свои времена и сроки, и, может быть, близится уже час. Мы встречаем приходящего в мир Царя его – Богомладенца и поклоняемся Ему.

Христос с небес – срящите.

Христос на земли, возноситеся!

Аминь.

25 декабря 1941 г.

С НАМИ БОГ

И сказал им ангел: я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь.

(Лк. 2, 10-11)

Великая радость эта, всех радостей радость, есть пришествие в мир сшедшего с небес Господа, — с нами Бог вочеловечивыйся! Ей подобною является лишь пришествие в мир "Другого Утешителя", Христом посланного от Отца вместо себя, в день Пятидесятницы. В праздновании Рождества Христова сердце человеческое призывается вмещать эту божественную радость, до нее расширяться. И она не знает для себя предела иного, кроме как в нашей немощи, она имеет возрастать от меры в меру во веки веков, в жизни настоящей и будущей. В нашей земной доле мы, как бы покоряясь, отдаемся ей в своем ликовании, но вместе с тем призываемся и к подвигу радости, как подвигу веры. Так было уже и с пастырями вифлеемскими, которые возвещены были от ангела о Рождестве Христовом. Их "осияла слава Господня", и "они убоялись страхом велиим" (Лк. 2, 9). И они не сразу вошли в данную им радость. Но, лишь пойдя в Вифлеем, они возвратились, "славя и хваля Бога" (Лк. 2, 20). Ибо то радость была не земная, но божественная, не чувственная, но духовная. К ней нужно было восходить, в

смирении и трепете сердечном постигая совершившееся. Так же и волхвы, в мудрости сердца чаявшие издавна пришествия Господа и Его познавшие в явлении звезды, отправились в далекий путь, преодолевая трудность и безвестность его, ведомые таинственной звездой. И только увидевши остановившуюся над Младенцем звезду, они "возрадовались радостью весьма великою" (Мт. 2, 10). Так совершился в подвиге веры подвиг радости их.

И для сердечной простоты пастухов, и для мудрости волхвов одинаково оказался нужным подвиг радости и его труд. Напрасно нам кажется на расстоянии времен, что тогда эта радость пришествия Господа в мир, божественное о нем веселие, благодаря этим знамениям святой ночи, была доступнее, нежели нам теперь, лишенным этих знамений. Однако и тогда они были сокровенны и доступны лишь подвигу веры. И тогда, кроме явления ангелов пастухам и вифлеемской звезды волхвам, в мире ничто не говорило о совершившемся. "знаком" пришествия в мир Христа, обещанным ангелом, для пастухов явилось то, что они решили пойти в Вифлеем посмотреть, что там случилось, а пришедши, нашли Марию и Иосифа и Младенца, лежащего в яслях (Лк. 2, 16), — Царя Иудейского, не в славе, но в нищете и убожестве. И когда пред лицом этого смирения они поведали, что было возвещено им ангелами о Младенце сем, то рассказ их явился дивным и как бы новым для услышавших: они "дивились" ему. Даже о Марии самой сказано евангелистом (Лк. 2, 19), что она "сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем", а она ранее того уже слышала обетование о том же рождении из уст Гавриила, архангела Благовещения. Не чрез небесные громы, но в шепоте пещерном было возвещено пришествие в мир Богочеловека. За пределами же пещеры вифлеемской никто ничего не знал. Мир тогда не приметил пришествия Господа в рассеянии, нечувствии, духовном окаменении своем. И только сатанинская злоба князя мира сего подвигла послушное свое

орудие, Ирода, выведать от волхвов о рождении Царя Иудейского, ища погубить Его. Посему воцарение "Царя Иудейского" началось бегством в Египет вместе с Матерью Его. Рождество Христа, в небесах прославляемое пением ангелов, на земле было встречено убиением младенцев вифлеемских. Далее же Младенец вместе с Матерью надолго сокрывается в безвестности, до времени открытого своего служения, закончившегося распятием на кресте "Царя Иудейского". Является поэтому истинным чудом духовным, более потрясающим, чем земные чудеса, само это священное молчание, облекшее покровом неведения и тайны пришествие Христа в мир, но оно же явилось и наиболее действенной проповедью о Нем.

А ныне рождественская ночь встречается миром не в священной тишине, но в громах землетрясения, в сгущении ужасов взаимного истребления человеческого. Мир не слышит небесного пения ангелов, не ищет поклониться Младенцу в вертепе, не хочет или не в силах приметить пришествие Его. Оно как будто стало не нужно миру, который собственными силами умеет лишь обратиться во ад. Такова страшная действительность, от которой стынет сердце в зимнюю ночь мира, как бы безрассветную. Однако, если всегда и во все времена можно и нужно говорить о подвиге радости как подвиге веры, теперь это получает особую силу, когда тьма, сгущающаяся над миром, хочет угасить вифлеемскую звезду и от исступления человеческой вражды снова распинается Христос. И ныне можно и должно проповедовать и исповедовать радость богоявления и радоваться ей под грозы войны, о которых предвозвещено Христом: "Услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь" (Мт. 24, 6). Празднование Рождества Христова должно являться ныне духовной победой веры вопреки земной очевидности.

Вместе с земной бранью и в небесах происходит брань духовная, а в мире незримо совершается собрание и

напряжение сил духовных, пока еще и не получающее осязательного для себя проявления. Земные державы ищут для себя своих земных вождей, мы же, Христовы, собираемся около Царя царствующих, Царя небесного. Ответом нашим на знаки и печати "зверя и лжепророка", о которых нас предвеляет Откровение, да будет знамение креста Христова: сим победиши, с нами Бог.

С нами Бог, сошедший с небес в мир нас ради человек и вочеловечившийся нашего ради спасения. От рождения своего Он с нами и в нас пребывает Духом Святым, по неложному своему обетованию: "Се Аз с вами во вся дни до скончания века" (Мт. 28, 20). Наша неразлучность со Христом переживается и подтверждается в светлый праздник Рождества Христова, когда Церковь поет: "Христос рождается, славите!" И мы должны входить в его силу. Рождество Христово есть не только величайшее в единственности своей событие в жизни мира, но и навсегда продолжающееся пришествие в него Христа. Когда Он жил среди нас и на этой земле ступали Его пречистые ноги, а Его лик зрели человеческие очи, то была радость и откровение от земного Его присутствия. Однако, пришло время с Ним разлучения в крестной смерти Его. Хотя после Его воскресения Господь снова еще являлся ученикам, после сорока дней Он вознесся на небо, Он оставил мир сей.

Но Господь, оставляя мир, ублажал учеников своих, а с ними и всех нас, своим обетованием: "Не оставлю вас сирыми, приду к вам" (Ио. 14, 18), "приду опять и возьму вас к себе" (Ио. 14, 3). Также и ангелы на горе Вознесения сказали апостолам: "Что вы стоите и смотрите на небо! Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо" (Деян. 1, 11). И ученики приняли это обетование, они согласились жить в этом ожидании. После вознесения они "возвратились в Иерусалим с горы" (Деян. 1, 11), и для них началась иная жизнь, хотя духовно и со Христом

и во Христе чрез пришествие посланного Им "Другого Утешителя", но уже лишенная земного Его пребывания. Об этом отшествии Христа из мира и ныне вопрошает любовь наша, в праздник первого Его пришествия в мир, помышляя об Его возвращении. Перестали ли святые апостолы, и мы вместе с ними, "смотреть на небо" в священном ожидании и молитвенном вопрошании. Забыли ли они, и мы вместе с ними, обетование ангелов, возвещавших не только первое пришествие Христово в Рождестве Его, но и Его грядущее в мир возвращение? Нет, не перестали и не забыли, не можем и не хотим забыть. Но проходит век за веком, и люди все более разучаются "смотреть на небо", ожидая Господа. Они не разлучены с Ним, ибо Он никогда не оставляет Церковь духовным, таинственным своим пребыванием. А то радостное и настойчивое желание встретить Христа, в мир паки грядущего, которое воодушевляло первых христиан, постепенно сменялось благоговейным страхом Страшного Суда Христова во втором пришествии Его, этим спасительным чувством для погрязающего в бездне грехов человечества. Однако остается запечатленным еще и иное обетование. И в сию священную и спасительную ночь Рождества Христова, Его первого пришествия в мир, которого Он не возгнушался в любви своей, да не молчит в нас сия дерзновенная радость о самом пришествии Господа в мир, первом, но не последнем. И, утопая в грехах, не перестанем чаять этого нового Его пришествия, как беспредельной и ничем не выразимой радости новой Его встречи. Знаем, что тогда "восплачутся все племена земные", во страхе и трепете перед страшным судищем Христовым. Но не говорит ли нам еще и другого апостол любви, Иоанн Богослов: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; боящийся не совершен в любви" (1 Ио. 4, 18). И в ночь Рождества Христова, когда ангелы в небе возвещают мир на земле и благоволение Божие к человекам, эта радость о пришествии Господа в мир робко и дерзновенно да срастворится с смиренно

любящим шепотом души, ее немолчным призыванием: "Ей, паки гряди! Не оставь нас сиротами, прииди к нам, явно и таинственно, в приближениях и явлениях своих, и в последнем в мир возвращении".

Нам ли, окаянным, и теперь ли, в дни антихристового буйства в мире взывать и помышлять о сем? Однако, должны ли и смеем ли мы угасить в себе эту тоску души-невесты о Возлюбленном? Не есть ли она самая жизнь наша? Не ради достоинства человеческого пришел Господь в мир, но чтобы спасти овца погибшее, которое Он удостоил своего образа. И в обетованиях своих Он предвещает, что новое Его пришествие совершится в последние страшные времена. Но и в темноте мы не слепнем, но с тем большей силою жаждем света. И не от греховной немощи, но от верности любви своей Его взыскуем, в простоте души пастырей, в созерцании волхвов, в пророческом глазе событий, новом откровении жизни, ими рожденном. Таков да будет ответ наш пред лицом потопа и землетрясения: не испуг, не отчаяние, не утрата веры, но последнее упование.

Чем темнее и страшнее становится в мире, тем ближе Бог, Его свет невечерний. Когда не видятся пути земного спасения, тогда говорит небо, и оттуда оно приходит... Посему торжество Рождества Христова для нас сливается с радостью пасхальной Его воскресения, и славословие ангелов – с их же обетованием о грядущем пришествии Христовом, в мир Его возвращения.

Христос рождается, славите!
Христос с небес, срящите!
Ей, гряди, Господи Иисусе!

Аминь.

1943 г.

ПРЕЧИСТОЕ МАТЕРИНСТВО

Посвящается русским матерям

В наутрие дня Рождества Христова святая Церковь почитает собор Богоматери. Прославляя Рожденного, чтит и Родившую, убажает святое Ее материнство. Рождение Богомладенца было дивное чудо, "бессеменного зачатия рождество несказанное", безмужнее и безболезненное. Но в нем открылось и истинное человеческое материнство. Как истинная Мать, Мария носила во чреве (Лк. 11,27) Христа младенца, и, когда "наступило время родить Ей", Мария "родила Сына своего первенца и спеленала Его и положила в ясли" (Лк. 2,6-7). Она питала Его сосцами (Лк. 11,27), Она охраняла Его жизнь в бегстве в Египет (Мф. 2,14). Она пеклась о Нем в отрочестве Его (Лк. 2,41-51), Она была около Него при начатке знамений Его на брачном пире в Кане Галилейской (Ио. 2,1-5). И когда Он оставил Ее ради служения Отцу Своему, Она хочет увидеть Его (Мф. 12,46-47), и Она не оставляет Его и при крестном Его истощании (Ио. 19,26-27). Она же, согласно церковному изображению, прияла бездыханное Тело Его со креста вкупе с благообразным Иосифом и праведным Никодимом и вместе с дивными женами-мироносицами стремилась

помазать Тело Иисуса. Ей, также согласно преданию, было и первое явление Воскресшего, и Она же была с апостолами при Его вознесении на небо. Не прерывалась ни на мгновение связь Матери и Сына, которая началась чревоношением, не только чрез жизнь, но и смерть, ибо по честном Успении воссоединилась Она в небесах с Сыном Своим и с Ним пребывает во веки веков.

Священным молчанием облакает св. Евангелие радости Ее материнства. Можно ли сказать о радости иметь Божественного Сына? И однажды лишь сказано о Ней: "а Мария сохраняла слова сии, слагая в сердце Своем" (Лк. 2, 2), а слова эти были о явлении ангелов, возвещавших славу Божию. Но поистине в радости материнства стоит во главе всего земного материнства Матерь Божья. Однако Она же стоит во главе его и в материнской скорби. Ибо не только слова пастырей о явлении ангелов и о славе в вышних слагала Пречистая в сердце Своем, но и другие слова и недоумения усомнившегося Иосифа еще до рождения Сына, и пророческое вещание об оружии, имеющем пройти душу, и суровые, еще не вполне ясные тогда, слова Сына, обретенного с великою скорбью во храме: зачем вам было искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? (Лк. 2, 49-51). А вскоре значение этих слов раскрылось уже в суровой действительности, и Сын оставил Мать, чтобы отдать Себя Своему служению.

Когда Она отдалась однажды человеческому желанию Его видеть и говорить с Ним, то услышала строгое, немолчимое слово: указав рукою Свою на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои (Мф. 12, 48), и тем как будто расторгнул нерасторжимые узы плотского материнства. И эти слова сложила Пречистая в сердце Своем. Матерь услышала от Сына Своего лишь именование: жена! при первом чуде в Кане Галилейской (Ио. 2, 4), и

его же при последнем издыхании на кресте (Ио. 19, 26). Сын оставил Матерь Свою на время Своего земного служения. Она не видела ни Его чудотворений, ни Преображения во славе, ни Его царственного входа во святой град. Но Она не удалена была от лобного места в стоянии у Креста, зрела крестную муку и страшную смерть, от зрелища которой омрачилось солнце и земля потряслася. И таково же было не только слышание, но и самое дело. Материнская скорбь Приснодевы безмерно превышает всякую скорбь материнскую, как Ее рождение превышает всякое человеческое рождение. Чем выше и чище и безгреховнее существо, тем острее и мучительнее его страдание. Неизреченна скорбь Единого Безгрешного, до кровавого пота скорбевшего в Гефсимании о грехе человеческом, но и неизреченна скорбь Матери Его о Нем Самом, об Его страданиях. Оружие пронзало сердце Матери уже в самом рождении Его, обетованного архангелом Спасителя, в этой убогой скудости, в пещере, среди животных, когда люди отказали в жилище Сыну Человеческому, как бы знаменуя, что во всей жизни Своей Он не будет иметь места, где преклонить главу. Это сердце страдало и от вешего приношения волхвов, которые с златом и ливаном соединили надгробную смирну, и от слов праведного Симеона, обрекших Ее на крестный путь вместе с Сыном; и от кровавого неистовства Иродова и поспешного бегства в Египет, и от расставания с Сыном, Который в жертву служения Отцу принес не только Свое сыновнее, но и Ее материнское чувство; и на всем этом скорбном пути к Голгофе, который растянулся на целые три года и исполнен был трудов, горечи, опасностей; и, наконец, на Голгофе.

Здесь изнемогает слово, но Церковь возвещает нам о "плаче Богоматери" пред Крестом. Кто измерит муку Матери от крестной муки Сына, которую она до конца

созерцала? Кто измерит тьму, опустившуюся на Нее, когда могильная тьма покрыла Сына Ее? Кто измерит скорбное недоумение, которое придавило Мать, когда умолкли уста Слова, смежились очи Света мира, во мрак ада сошел Тот, о Ком возвещал Гавриил, пели славу вифлеемские ангелы? Это была смерть без смерти и ранее смерти, это было бескровное распятие, и жало орудия впивалось и обращалось в хладящем сердце.

Чтобы стать нераздельной во славе, нужно явиться неразлучной на Голгофе, и чтобы пройти путь от земли на небо, надо ранее до конца совершить и путь крестный. И это есть святое материнство, этот образ Матери есть высшее, что дано и доступно человеческому материнству, Богородичная Голгофа. В чем сила этого подвига, в чем его святость, в чем материнство этого материнства? Мать любит свое рождение, как себя и больше себя, ибо жизнь свою готова отдать за него: все лучи любви своей собирает она в эту точку. Но разве такую любовь может воздавать человек творению, и мать своему рождению? Не воцаряется ли тогда человек в сердце вместо Бога? не становится ли эта любовь слепю, себялюбивою, мертвою, безбожною?

И от Своей собственной Матери Бог восхотел материнской жертвы, самозаклания, жертвы Своим материнством. Пречистая рекла архангелу в ответ на услышанный вопрос в Ее слове: "се раба Господня, да будет Мне по слову Твоему". Слово рабы Господней звучит чрез всю Ее крестную жизнь, и оно сливается со словом Сыновним: "не яко же Аз хочу, но яко же Ты" (Мф. 26, 39). Жертвенная покорность Богу, готовность и решимость приять все и отдать все для Господа, и самое рождение Свое, — вот сила, и тайна, и святость Богоматеринства.

Нет ропота, нет жалобы, нет даже слез в этом бесслезном страдании. Богоматерь безмолвствует у Креста, и в этом крестном молчании слышится однажды реченное: се раба Господня. Но в этой сокровенности Богоматерь прияла

первая явление Воскресшего, Господа, и первая в творении пришла от земли на Небо.

В соборе Своем Пречистая собирает всю Церковь, но нарочито Дева-Матерь собирает ныне под кров Свой и дев, и матерей, и девство, и материнство. Богоматерь есть Дева, Невеста Невестная. Она уневещивает дев небесному Жениху, тех, которые приведутся вслед Ее, избирая путь девственнической любви к Богу без любви к человеку. Приснодева есть начальница лика монашеского, Игуменья игумений.

Но Богоматерь собирает ныне в собор Свой и всех матерей, Ее скорбным путем грядущих и крестом материнства спасающихся (1 Тим. 2, 5). Она есть Матерь матерей, слава материнства.

И вы, русские матери, днесь к Ней притеците. И вы приобщились скорби Ее материнства, и вы отдавали чад своих для высшего служения, и вы стояли у креста их среди распинателей, и вы погружались во мрак и сень смертную вечного разлучения, и вы лишались чад своих, тех вифлеемских младенцев, которых св. Церковь почитает мучениками Христовыми. Скорбен удел ваш, но он светел и славен, ибо он есть удел Богоматерний. Луч вашего креста утопает в свете креста Богоматернего. Она с вами в скорби вашей. Она вам состраждет и вас осеняет небесным благословением. И вы, будущие матери, призванные к материнству, вы, которые в смущении останавливаетесь на его пороге и тщитесь в немощи своей его уклониться, ведайте, что сей есть путь Богоматерний. Вы отвращаетесь от Ее пути, вы отказываетесь от Ее страдания, но чрез это вы теряете общение Ее радости, радости совершенной. Приидите, поклонимся возлежащему в яслях Младенцу и Матери Его, прославим честное и пречистое Материнство Ее.

1928 г.

ВЕЧНОСТЬ И ВРЕМЯ

Слово на Новый Год

Вся твари Содетелю, времена и лета
в Своей власти положивый, благослови
венец лета благодати Твоя, Господи.

(Тропарь новолетия)

Всякое мгновение жизни уже есть новое начало нового ее срока. Но человеческое воображение ищет четких граней в текущем времени, и в полуночный час условного новолетия, когда переворачивается для нашего сознания новая страница в нашей жизни, мы испытываем как будто неподвижность времени, чувствуем ее, словно остановку биения нашего сердца. Мы прозираем во времени лик вечности, мы смотрим широко открытыми, испуганными глазами в несущийся перед нами поток времени, со страхом и надеждою на то, что в его потоке нам суждено будет новое счастье и новая жизнь. Бог дает время, и в нем наша жизнь, с ее свободой и творчеством, в нем таится будущее, творится мир, открывается неизведанное, исполняемое, чаемое. Поэтому мы приветствуем друг друга с этою новою жизнью: с новым годом, с новым счастьем. Однако время имеет для нас два лика: прошедшего и будущего, рождения и умирания. Время стирает письменна жизни, погружает их в небытие: "нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после" (Еккл. 1, 11), скорбел Екклезиаст; "все течет", плакал древний мудрец. Все покрывается водами забвения и в нас самих, и вне нас, и после

нас. Однако и это забвение есть также лишь временное, ибо время содержит вечность и содержится ею, и ничто не исчезает, однажды сверкнувши во времени. В глубине, под поверхностью воды, хранится в вечной памяти мира все, туда опустившееся. В книге жизни начертано наше время, и она снова раскроется за временем, в жизни будущего века. И суд вечности будет произнесен Истиной на основании этой книги. Времени, текущему и преходящему, принадлежит высшая действительность. Время есть риза вечности, мысль Божия, дело Божие, свершение Божие, которое в полноту времен станет прозрачно для вечности.

Но ныне для нас время в течении своем окаймлено берегами небытия: в прошлом — время до нашего рождения, в будущем — зияющая темнота смерти. Каждый год, как и каждый день, для человека может быть последним, и конец неизбежно наступит для него. Пред этой мыслью содрогается наша тварность. Но этот ужас не достоин христианина, и он не отвечает естеству времени. Ибо хотя мы и подвластны времени, но время подвластно Богу, и через время совершаются над нами судьбины Божии. Во временах и сроках совершается дело Промысла Божия, осуществляется Премудрость Божия. Для Бога открыта книга нашего времени с его настоящим и будущим, ибо "Аз есмь альфа и омега, начало и конец" (Апок. 22, 13). И однако мы по-человечески считаем время нам самим принадлежащим. Мы ныне благожелаем друг другу, приветствуем с новой жизнью, новым годом, новым счастьем. Уместны ли и разумны ли эти пожелания? Но доколе мы живем во времени, оно есть для нас единственно данный образ нашей жизни, и почему же нам не давать места человеческой надежде, которая ведь лучше безнадежности? Надо любить и чтить жизнь, даруемую Богом, и в жизни всегда открывается для нас нечто новое, ибо такова природа жизни. И не по недостойному любопытству или падкости на новизну желаем мы друг другу новой жизни, но потому, что жизнь подлинно есть неисчерпаемое новое. Она не повторяется, как мнилось

в унынии древнему Экклезиасту (1,9-10). Однако такое отношение есть для нас еще языческое и земное, чего "ищут и язычники" (Мф. 6,32). Христианам же надо, сверх этого, стремиться к постижению воли Божией, в нас совершаемой, и к преданию себя этой воле даже и тогда, когда она не совпадает с нашим человеческим произволением: "не как Я хочу, но как Ты" (Мф. 26,39). Нужно молитвенно искать в себе силы, чтобы принять волю Божию, и в личной жизни нашей, и в жизни родины нашей, и всего мира.

В этот час мысли наши, как и молитвы наши, трепетно соединяют нас с близкими и дорогими, ныне от нас далекими, отделенными от нас жестокостью власти, — и с родиной нашей, поруганной, истерзанной и изнемогающей под тяжким игом. Мы молим Господа о возвращении нам близких и о спасении и освобождении родины, мы просим о том, чтобы скорее явил Господь милость Свою и пришел час тот. Так мы молимся от своего человеческого сердца, но и в этой молитве должны мы обращать свой взор к небу: да будет воля Твоя! Ты веши времена и сроки, и да свершится определение Твое!

Пред нами отверсты врата будущего, и чрез них мы переходим из времени за время, в вечность. Его, земного времени, не станет уже с нашей смертью, и еще более со смертью всего мира, за которой наступит его преображение. Его не станет, когда приидет Господь. К Нему, к Его пришествию к нам, ведет нас время, в этой точке оно свивается, оно есть то истинно новое, новая для нас жизнь и новое небо и земля, которых чаем. И час полуночный, когда свершается старый год и начинается новый, говорит нам об ином полуночном часе: "се Жених грядет в полунощи". И любя эту жизнь, чая и желая от нее нового, мы должны взирать за ее грани. Христианская вера, надежда, любовь не могут окончательно задерживаться во времени, но стремятся к тому, что за временем, что есть и основание времен. И наша новогодняя молитва содержит в себе, как биение христианского сердца, христианский зов и призыв: "ей, гряди, Господи Иисусе!" (Апок. 22,20).

СЛОВО К НОВОЛЕТИЮ

В час новолетия в нас естественно рождается потребность встретиться со своими близкими, вместе с ними его провести, обменяться взаимными благожеланиями и приветствиями. Но Церковь зовет нас прежде всего предстать пред лицо Божие, воспринять новолетие как дар милости Божией, в Боге его пережить. В новолетие обостряется откровение вечности. Мы не видим света, хотя в нем лишь различаем все видимое. Мы не опознаем и вечности, так как знаем времена и сроки, но в ее лишь свете мы ощущаем сверхвременность нашего бытия, как укорененного в вечности.

Поворотные времена и сроки говорят нам прежде всего о нашем рождении и смерти, о вступлении в мир и исхождении из него, о гранях жизни во временной ее ограниченности. Нам даже тягостно исчислять время нашей текущей и утекающей жизни, нас при этом охватывает смущение, но вместе с тем испытывается и чувство легкости при созерцании этого течения, как свободы от времени, взлета над ним.

Мы причастны вечности в каждом мгновении жизни. "Царство Божие внутрь вас есть", как сила вечности и ее откровение, касание Божества. Мы — дети Божии, несущие в себе образ Отца Небесного, вечного, превыше временного бытия. Живя во времени, мы носим в себе этот образ вечности, такова противоречивость нашего тварного бытия, но и свобода чад Божиих.

Мы встречаем новолетие в молитвах, которые суть дыхание нашей жизни. О чем же надлежит нам молиться в этот час? Есть у нас общая церковная молитва, в которой мы все объединяемся, как найдется у каждого и своя личная, особая молитва. Господь сказал: "Чего ни попросите с верой в молитве, получите" (Мт. 21, 22), таково чудо-творение веры. И знаем, однако, что не обо всем мы смеем молиться со всем дерзновением. Есть, прежде всего, многое в нас, о чем мы вовсе не должны молиться, таково в нас все греховное себялюбивое, низкое, что владеет душой, но чего мы не можем принести на суд Божий, который есть совесть молитвы. И есть своевольное, которое, если даже облекается в образ молитвы, не возносится к небу, но опускается на землю, как сухие листья, упadaющие с дерева жизни. И не всякая молитва, хотя и слышима Богом, исполняется согласно нашему желанию, как нам этого хочется. Премудрость Божия и воля Отца Небесного правят миром, и не всякое наше желание и молитва подлежат прямому исполнению. Не было никогда молитвы более всесильной, нежели Сына Божия к Отцу своему – и такова была Его Гефсиманская молитва "Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мт. 26, 39). И эта молитва Сына не была исполнена Отцом, ибо чаша не миновала, не могла Его миновать. Но тогда Сын так вторично молился: "Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя". И нас примером научил Он так молиться всегда и обо всем, ко всякому нашему, даже благому и праведному, молению приразумевать: "но да будет воля Твоя", как бы ни казалась она нам сурова, неприятна, несоответственна. Будем же прежде всего желать друг другу этой готовности к принятию воли Божией, с христианским мужеством, терпением, упованием, верою, побеждающими страх, изнеможение, отчаяние.

Так будем молиться и ныне пред лицом всего теперь совершающегося в мире. Ведь и тогда, когда в небесах пели

ангелы о мире на земле и благоволении в человеках, Ирод готовил избиение иудейских младенцев ради умерщвления Царя Иудейского, которого надлежало спасти бегством в Египет. И Царь Иудейский воцарился в мире, чрез распятие на кресте, такова была Его победа, и Он, во славе сидящий в небесах одесную Отца, Он и ныне сораспинается с человечеством своим. Мира нет и не было в этом мире, и не тщетно ли надеются народы теперешнею ценою достигнуть земного благоденствия? Таковы неумолчные вопрошания наши и в этот час новолетия. Как и тогда, в душах людей звучит искусительное слово: "Пусть теперь сойдет со креста, и мы уверуем в Него. Уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему" (Мт. 27,42-43). Но молчаливый ответ Отца, услышанный Сыном, был таков, что надлежало Ему до конца испить чашу крестную, чтобы крестом спасти мир. Каждому же из нас дается собственный крест, и лишь претерпевший до конца спасется...

Однако и в этой юдоли скорби вслед за испытанием подается и земное утешение. Войны сменяются миром, междоусобие согласием, порабощение освобождением. Молитвенно призываем все это для многострадальной родины нашей, которой да будут беспредельно посвящены и наша мысль, и любовь, и упование в лете наступающем.

Промысел Божий ведет нас через настоящее и будущее ко Христу Грядущему, к Царству Его, приходящему в силе. В свете грядущего гаснет наше временное земное борение. Из плена временности должны мы чаять победы над нею и в час новогодний наипаче призывать Христа грядущего; молясь молитвой первохристианской, которая есть молитва всех молитв христианских: "Ей, гряди Господи Иисусе!" Аминь.

1943 г.

УГЛЬ ПЛАМЕНЕЮЩИЙ

Через сто лет

И послан бысть ко мне един от серафимов,
и в руке своей имяше уголь горящ, его же
клещами взят от алтаря...

(Исаии, 6, 6)

Русская Церковь празднует ныне столетие со дня кончины великого избранника Божия, вестника небес, преп. Серафима. Подобно небесному серафиму в видении пророка Исаии, который коснулся сердца человеческого клещами со углем от жертвенника небесного, и сей земной Серафим касается сердец, не воспламятся ли они от небесного угля. До небес поднимается над землей великий Серафим и с высоты осеняет благословением молитв своих русскую землю. Преподобный Серафим есть нам почти современник, родной и близкий по земному отечеству, по языку и всему обычаю. То дивно и знаменательно, что в наше время оказалось возможно его явление, — как и сам он всегда назидал, остерегая от заблуждения, будто лишь в древние, отдаленные времена могли восставать угольники Божии. Не словом только, но собою самим убеждает он, что Бог во все времена являет благодать Свою хотящим приять ее подвигами веры и любви, усилием сердца и воли. В разные времена своей жизни он совершает многие и великие подвиги: монах-пустынник, строгий затворник, но и любвеобильный старец, столпник

и трудник, казалось, он превзошел человеческую меру на всех путях подвижнического своего восхождения, и житие его было непрестанной молитвой и богомыслием, боговедением и боговидением. Как древние пророки от среды народа своего, — Амос, пастух Фекойский, или Иоил, сын Вафуилов, или священники Иезекииль и Иеремия, или иные, — в среде народа своего он стал как бы новозаветным пророком, возвещающим Царствие Божие. Не в предзрении будущего или обличении и проповеди только выражалось дело пророков, но прежде всего и больше всего — в явлении Бога чрез человека. Пророк не тот, кто способен мыслить о Боге, но кто собою, в жизни, о Нем возвещает, чьими устами говорит Бог. И великий святой, собою являющий на земле Бога, тем становится уже причастен пророческому служению. Пред наступлением великих, никогда еще не бывших испытаний для веры, послал Господь родине нашей своего пророка, чтобы примером научить людей вере и молитве, явить для них в небе живущего Бога. Что нужнее, а вместе и труднее всего теперь для христианина? То, что кажется извне самым простым и как будто само собою разумеющимся: вера и молитва, прорыв к небу из мира верой и касание его крылом молитвы; и в этом — корень нашей любви к Богу. И те, которые видели преподобного Серафима и нам передали — большей частью немолчающим языком — это видение, сами через него трепетно касались неба, печатлелись духовно его ликом пресветлым, им утверждались, как и мы ныне, в малодушной вере своей. Как будто за нас и с нами совершил он восхождение свое. Не словесные поучения о монашеских правилах, которые относительно и применимы лишь к определенному укладу монастырского жития, и не общие поучения, по памяти записанные, но этот живой образ превозмогающей пламенности веры и дерзновенности молитвы есть для нас сокровище неоскудевающее. И если видели его, дивно поднимающегося над землей в молитве своей и чудотворящего ею, то самым дивным чудом был сам он с пламенеющим любовию сердцем. Светом и радостью

исполнено это видение, оно пронизывает и тьму ада, в которую ныне мы погружаемся. Преподобный Серафим тягчайшим подвигом взыскал благодать Св. Духа, стяжанию которой научал как главной цели жизни христианской, — и этот подвиг был небом увенчан, ибо изначально явился преподобный его нарочитым избранником. История знает и великих подвижников, подвиг которых остается в Боге сокрытым и не увенчанным в земной жизни; иные в пророческом служении, с проповедью обличения и покаяния проходят в мире и из него уходят, не зная награды своей, — и таковы были великие пустынножители и даже пророки, и великий Иеремия, и величайший среди рожденных женами Предтеча. Но не таков был удел преподобного, ибо он знал, "убогий" Серафим, сколь велик он у Бога, сколь сильно его дерзновение перед Ним. В нем явлены были сила и торжество Православия накануне великих испытаний для него. Божественные тайны неба и земли открывались этому избраннику. Еще юным диаконом, в самом начале общего монашеского пути, он видел Господа Иисуса в сонме святых Его, во время малого входа на литургии, — подобно великому Павлу Апостолу и Стефану Первомученику. Многократно видел он небожителей — силы небесные, которые с нами невидимо служат. Дано было ему возноситься в горние обители, в небеса небес, в силе дивного Павла. Дано было ему знать явление Духа Святого в осиянии славы Божией и даже сделать его доступным "службе" своему (Мотовилову). Тот свет Фаворский, в котором явил славу Свою Господь действием Св. Духа ученикам Своим, и являет Господь избранникам Своим, преподобный Серафим силен был явить его также духовному другу своему, которому показал он образ преображения мира, новую тварь, новое небо и новую землю, действием Св. Духа, здесь, на земле. Сам духоносец, преподобный явился нарочитым избранником Духоносицы Пресвятой Богородицы, которая возвестила о нем, что он "из Нашего рода", и ему являлась, вкупе с Предтечей, Первоапостолами Петром и Иоанном, мучениками и преподобными

двенадцать раз в жизни, — сколько Она никому из святых не являлась. Ему Она являла волю Свою, и в земных делах он творил ее, действуя по прямым Ее указаниям. Она Сама сходила для него на землю, прошли по ней "стопочки Царицы Небесной". Живя на земле, был блаженный старец в том общении с горним миром и в него отшедшими, которое обетовано для имеющих царствовать со Христом в воскресении первом, как был он в общении и с миром природным, жил "со зверями" (Мр. 1,13), и звери послушествовали ему. Пройдя до конца путь покаянного подвига, преподобный исполнен был того мира, который Господь оставил ученикам Своим: "мир оставляю вам, мир Мой даю вам" (Ин. 14,27). — "Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спасутся", говорил он окружавшим его, и из него самого струился этот мир. И познал преподобный ту небесную радость, которую Христос оставил Своим ученикам: "да радость ваша в вас пребудет, и радость ваша да будет совершенна" (Ин. 15,11). Он явил лик победной христианской веры, радость на веки. И эта христианская радость есть радость пасхальная. В разные времена года церковного он одинаково встречал к нему приходящих пасхальным целованием: Христос воскрес! Та радость о Духе Святом, которую дано нам бывает испытывать в пасхальную ночь, светила в душе его и пела пасхальную песнь свою, как при его посмертном восстании пред народом русским в Саровском торжестве его. Было явление его бело, как белоснежные ризы ангелов воскресения: "побеждающему... дам белый камень" (Откр. 2,17). Из-под черной монашеской мантии ангельского образа выступали ангельские крыла.

Преподобный явил исполнение первой заповеди, о любви к Богу всем сердцем, всею крепостию, всем разумением, но он исполнил и вторую заповедь, которая подобна ей, о любви к ближнему, показав воистину их внутреннее "подобие", их тожество и неразрывность. Таковые не всегда выступают на исторических путях монашества, почему

возникает даже соблазн их противоположения: уход в спасающееся себялюбие не есть ли, мнится иногда, забвение о ближнем? Преподобный явил в величии своего образа обое: и уход от людей, и возвращение к ним, жертвенную любовь к Богу вместе с жертвенною же любовью к ближнему. Совершив полноту отшельнического подвига, преподобный возвращается к служению близким, им он становится "другим", — другом их: старцем, молитвенником, целителем, утешителем, — про роком, ибо с вершины Синая сошел он к людям, и свет виденной славы Божией озарял его лик. Он обрел дар любви к людям, — не человеческой чувствительности, ибо немощна, слепа и пристрастна может быть любовь человеческая, но духовной, ревнующей. И в этой любви для него стало ведомо откровение о человеке, как возлюбил и почтил его Бог, вложивший в него образ Свой и высшую радость Премудрости Своей, пребывающей в сынах человеческих (Пр. Сол. 8, 31). Прозревая образ Божий в каждом человеке, с радостью духовной о нем, встречал его дивный старец с небесным приветом: радость моя, радуясь о нем. Эти светлые, умильные, райские слова, — они таят в себе целое учение о человеке, они открывают любовь Божию и радость Божию о творении. Человек человеку волк, — говорит мудрость бесовская; человек человеку радость, — гласит мудрость христианская. Накануне величайшего поругания образа Божия в человеке и величайшего насилия и глумления над человеческой личностью, восславил человека преподобный, он озолотил его лучами любви своей и как бы благословил на грядущие страдания. И сам он стал для русских людей радость наша, ибо радостно загорается сердце при мысли о белом старце, "убогом Серафиме", в белой одежде, с крестом на персях и десницей, прижатой к сердцу...

Собственная жизнь преподобного утаена на высотах его духа. Он высится, как белоснежная вершина, закрытая облаком и непостижная, лишь в отдельных явлениях показуемая человеку. Не всегда и не всеми уразумевалась эта

сокровенность, и не всем — даже достойным и славным из его современников, — оказалась она ведома. По-человечески жизнь преподобного протекла в простой русской среде, в быту уединенного русского монастыря и в обычаях русского монашества, которое и сам он хотел сохранить и умножить, ревнуя особенно о женской Дивеевской пустыни, "уделе Богородицы на земле". И по человеческому разумению казались незыблемы и нерушимы ему эти обители. Однако уже миновало время незыблемости. Преподобный имел в духе своем таинственные прозрения о грозных судьбинах, грядущих для родины и Церкви, как и о грядущей славе их, ныне еще не открывшейся. Они исторгали порой его слезы и невнятные окружающим, загадочные и отрывочные речи. Слова эти относились к этому не вполне и не до конца понятному будущему, ибо даже и в пророческих прозрениях грядущего у пророков Израиля, подаваемых Духом Божиим, бывало содержание, превосмогающее их собственное, человечески ограниченное, разумение, для них самих не до конца понятное и восприимлемое. И в таком же соотношении пророческого и человеческого, в смешении дальнего и близкого, следует уразумевать нам иные слова преподобного в том виде, как они сохранились нам в посильной, а то и непосильной передаче их слышавших. Мы видим ныне, что разрушена и осквернена его обитель и само Дивеево, перейдена канавка, где "стопочки Богородицы ступали", и как будто не исполнились обетования преподобного. В тягостном недоумении остаются верующие, тщетно стараясь как бы не заметить происшедшего, чтобы не дать воли искушению. Но можно ли противиться неправдой и неискренностью воле Божьей, насилуя события? Богом попущено то, что совершилось. Однако неложны остаются слова прозорливца, сокрытая в них его мысль. Ибо явно теперь, что не к видимой для всех и ощутимой неприкосновенности удела Пресвятой Богородицы следует относить эти прозрения, — но к духовной, запредельной и заисторической яви они относятся. Поистине "стопочки Богородицы", коснув-

шись, освятили землю, и есть избранный род Ее на этой земле под небесным водительством преподобного, и этой веры не отнимут у нас разрушители. В высотах недостижимых пребывает град святых, откуда изливается источник грядущих радостей и вдохновений, новой жизни и творчества. И если в этой новой России не останется прежних земных стен и камней, и даже разрушен оказался тот быт и уклад, в котором протекала земная жизнь преподобного, то останется в мире тот свет фаворский от Духа Святого, который был явлен через него на русской земле, он зовет и ведет нас к новой жизни и вдохновениям... "Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик... Как с живым со мной говорите, и я всегда для вас жив буду". Этот завет звучит в нашем сердце. Преподобный сам восхотел быть неким вождем нашим, и к нему можем мы говорить на своем языке, о нуждах наших дней. Ему можно в воздыханиях поведать, что и ему самому не было в его земной жизни ведомо, ибо и она была ограничена всеобщей ограниченностью человеческой, но что ныне ему и ведомо и явно в свете лица Божия, в Духе Святом. Веруем и уповаем, что и ныне преподобный Серафим, вкупе с преп. Сергием Радонежским и другими угодниками, пребывают вкупе с народом русским в страданиях его и испытаниях, исканиях и обретениях, упованиях и вдохновениях. Преподобному дано обетование о Пасхе Христовой в середине лета, о сладости гимнов пасхальных, о новой радости воскресения. Христос Воскресе!

ВОДА СКАЧУЩАЯ В ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ

Слово в Навечерие Богоявления

Господь создал воду, яже над твердию и яже под твердию, и отделил воду от суши на земле. Она есть первозданная стихия мира, текущая и всезаполняющая, прозрачная и всепроницающая, напоющая и омывающая, живящая и увеселяющая. Вода окружает землю и окружается ею; в суше находит она границу свою, а вместе и основание свое: вода не может утверждаться без суши, и земля без влаги рассыпается в прах. Вода угашает огонь, как противоположную и отталкивающуюся стихию, и однако пребывает с ним в сопряженности, ибо водой умягчается жгучесть огня и огнем умалывается действие воды, от их соединения порождается влажная теплота жизни. Огонь и вода таят в себе смерть миру – во всеобщем потоке и последнем огне, в коем небеса и земля прейдут с шумом, но они же его обновляют, через омовение и очищение. Крещение совершается водою и духом, Духом Святым и огнем. Огненные языки Пятидесятницы низошли и на водную стихию. Это совершилось в крещении Господнем. Стихии мира почувствовали Христово Богоявление и вострепетали от Него. Море "побеже", водяная стихия подвиглась, зря приближающегося Господа, приемля Его в себя и на краткое мгновение покрывая Его Пречистое Тело. Церковь свидетельствует о трепете водной стихии псаломскими словами (прокимен): "море виде и побеже, Иордан возвратися вспять. Что ти есть море, яко побегло

еси, и тебе, Иордане, яко возвратился еси вспять?" — "Днесь вод освящается естество, и разделяется Иордан и своих вод возвращает струи, Владыку зря крещаемая" (тропарь). В крещении Христовом не только малая часть Иордана, но и всех вод освящается естество: оно прияло в себе Невместимого и покрыло собой Неприступного. Воды прияли воплотившееся Слово, Сына Божия, но вместе с Ним и Духа Святого в виде голубине, посланного Отцом, здесь совершилось — очистительное всей пресущной Троицы действие. Благословение Иорданово исполнилось силою, действием и наитием Св. Духа, которое и ныне спрашивает святая Церковь на освящаемые воды. Дух в виде голубине, сошедший на крещаемого Господа, нисшел и на воду крестящую и соделал в Иордане новую благодатную духовную воду, скачущую в жизнь вечную. "Ты Иорданския струи освятил еси, с небесе ниспослав Святаго Твоего Духа" (Требник). О сей воде сказано Господом Никодиму: "аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие" (Ин. 3, 5). Вода иорданская соделалась святой и святящей, ибо крещение Господа явилось начатком крещения человеческого рода. Событие иорданское не было преходящим, исчезнувшим бесследно, но сила крещения Господня пребывает в Церкви, и в ней пребывает и благодать водоосвящения иорданского. Всякое крещение христианское есть крещение в водах иорданских, ибо крещальные воды освящаются благословением иорданским. И великое водоосвящение, совершаемое ныне в навечерие Богоявления, было первоначально таким освящением вод крещальных для готовящихся к просвещению и в этот день обычно приступавших к св. крещению.

Освящение вод силою и действием и наитием Св. Духа есть потрясающее тайнодействие, проникающее водную стихию во всем мире. Когда св. крест погружается в воду, с произнесением совершительных молитв, трепещет и содрогается приемлющая освящение стихия, хотя и недоступно очам нашим зреть это движение. Но для нужды

человека изъе­м­ле­т­ся к освя­ще­нию лишь ма­лая часть вод­ной стихии, и она ста­но­вит­ся при­я­те­ли­щем Св. Ду­ха, св. во­дой, ве­ли­кой а­ги­ас­мой.

Что же озна­ча­ет освя­ще­ние во­ды, сей яко­бы без­душ­ной и мерт­вой стихии? Но не та­ко­ва она пе­ред Гос­по­дом, ибо нет ни­че­го мерт­во­го для Гос­по­да, Бог смер­ти не со­тво­рил, и т­варь о­мерт­ве­ла лишь для че­ло­ве­ка, под­чи­нив­ше­го ее сво­е­му соб­ствен­но­му греху. Раз­ве не взыва­ет псал­мо­пе­вец и к не­о­ду­ше­в­лен­ной т­ва­ри с при­зы­вом хвалить Гос­по­да (Пс. 148)? раз­ве не при­зы­ва­ет про­рок (Да­ни­ил) всю т­варь петь и пре­воз­но­сить Гос­по­да? Раз­ве не сви­де­тель­ствует д­не­сь св. Цер­ковь: "Те­бе поет сол­нце, Те­бе сла­вит луна, Те­бе тре­пещут бездны, Те­бе ра­бо­та­ют ис­точ­ни­цы"? И по­се­му вод­ная стихия, при­ем­ля дей­ствие Св. Ду­ха, ста­но­вит­ся ду­хо­нос­ным ве­ще­ством, и вку­ше­ние ее и­ме­ну­ет­ся не­ким "при­ча­ще­нием: Со­тво­ри ю не­т­ле­ния ис­точ­ник, освя­ще­ния дар, грехов раз­ре­ше­ние" (Т­ре­б­ник). Освя­ще­ние вод есть та­ин­ствен­ное пред­ва­ре­ние жи­зни бу­ду­ще­го ве­ка, ко­гда Бог бу­дет все­че­ская во всех. Это во­да бу­ду­ще­го ве­ка, ис­точ­ник во­ды жи­вой (Откр. 21, 6), от ре­ки во­ды жи­зни, свет­лой, как кри­сталл, ис­хо­дя­щей от пре­сто­ла Бо­га и Аг­нца. Это ви­ден­ное та­ин­о­вид­цем стек­лян­ное мо­ре, сме­шан­ное с ог­нем (Откр. 15, 2). Это — ду­хов­ная стихия но­во­го не­ба и но­вой зем­ли, цар­ство бу­ду­ще­го ве­ка. Нет гра­ни­цы для все­про­ни­ца­ю­ще­го дей­ствия Ду­ха Свя­то­го, как нет и гра­ни­цы, от­де­ля­ю­щей че­ло­ве­ка от ми­ро­вых стихий, ибо сам он есть их жи­вое со­сре­до­то­чие, а все они его как бы внеш­нее, рас­ши­рен­ное те­ло. Освя­ще­нием во­ды освя­ща­ет­ся че­ло­век, ибо для че­ло­ве­че­ско­го спасения воп­ло­тился и не­пре­лож­но во­че­ло­вечился Сын Бо­жий, крестив­ший в Иор­дане, и ра­ди че­ло­ве­ка со­вер­ша­ет­ся вод­ное освя­ще­ние. Оно творится, "да вси по­чер­па­ю­щие и при­ча­ща­ю­щие­ся имеют ю ко очи­ще­нию душ и те­лес, ко ис­це­ле­нию стра­стей, ко освя­ще­нию до­мов и ко вся­кой поль­зе из­ря­дну". Оно есть ду­хов­ное вра­че­ство, по­да­ва­е­мое че­ло­ве­ку для со­хра­не­ния его ду­ше­в­ных и те­лес­ных сил, для огра­жде­ния и оз­до­ро­в­ле­ния

всей жизни его. Да не усомнится маловерный, говорящий себе: нужно ли Духу Святому вселяться в воду сию, когда Ему доступны души наши? Но не безумие ли отрицаться человеку двойственного состава своего? Разве имеет он душу без тела? Разве не воплотился Сын Божий? И разве в святейшем Таинстве Причащения не сообщается Он нам под видом хлеба и вина, и, соединяясь с нами духовно, соединяется и телесно, подавая вкушать Тело и Кровь Свою? Посему человек нуждается и в причащении воды святой ко причащению Духа Святого, ко приятию благословения иорданского. В сем сила обожения, единение божеского и тварного естества, богоснисхождение и человеческое богоприятие. И не только сам человек ее причащается, но и освящает ею все свое житие, жилище и одежды и всякие вещи свои, ко отгнанию всякого навета видимых и невидимых враг.

Во святой воде подается верным великая благодать и сила вспомоществующая. Св. Церковь назидает благоговейно вкушать ее и кропить ею для освящения во всяких местах, даже и "скарედных" (Типикон). Вкушающие святую воду Богоявления примечают, что обычно она сохраняет вкус свой и свежесть в течение долгого времени.

Днесь свет и сверканье вод, днесь их прозрачная зеркальность, днесь звенит их усладительное журчание, днесь веселится пустыня жаждущая, днесь сходит дождь с небесе и напоет землю, да родит и прозябнет, днесь увлажняются иссохнувшие уста. Глас Господень на водах вопиет глаголя: приидите, примите все духа премудрости, духа разума, духа страха Божия, явльшегося Христа.

1924 г. Прага.

РАЗВОДЯЩИЕСЯ НЕБЕСА

Се Агнец Божий, взявляя грех мира, рек Предтеча, зря грядущего к нему Христа. Христос явился днесь вселенной. Из тишины и безвестности, где Он возрастал в повиновении у Матери и названного отца (Лк. 2,52), Он являет Себя миру. И праздник сей есть Богоявление Господне. Оно совершилось уже в Рождестве Его, когда ангелы воспевали о благоволении Божиим на человек, как и ныне, когда Сам Отец свидетельствовал о Сыне Своем: о Тебе благоволих (Лк. 3,22). Церковь сближает оба празднования воедино, как Богоявление Господне, согласно приутопяля к ним в предпразднестве. Вместе с радостными предпразднественными песнопениями звучат в них и напевы Страстной седмицы, напоминая о том, что и Крещение, как Рождество Христово, есть предварение Голгофы: Агнец приутопяляется на заклание. Явление миру есть уже начало пути к пропятию.

Господь вочеловечивыйся принял на Себя человеческое естество, кроме греха. Он сохранил нерушимыми его возрасты, времена и сроки. Он пребыл отроча, возрастал и укреплялся духом, восходя к полноте сил, "и благодать Божия бе на Нем" (Лк. 2,40). "Он преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человек" (Лк. 2,52). Его совершенная безгрешность и святость делали для Него невозможными человеческую слабость и удобопреклонность

к греху, но Он сохранил постепенность развития и созревания душевных сил, свойственную человеку. Господь не совершил насилия над человеческой природой, но дал ей всю свободу развития, изнутри преодолевая ее немощи и побораая их искушения. Евангелие хранит почти полное молчание о сей тайне отрочества и юности Богочеловека. Событие в Иерусалиме, когда Иосиф и Мария, потеряв 12-летнего Отрока, нашли Его в храме, приоткрывает таинственную завесу, и мы видим, что в Отроке уже созревала решимость принести в жертву Отцу даже сыновние чувства Свои, и невзирая на родительскую тревогу, Он отвечает им: "зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?" (Лк. 2, 49). Приходя в возраст мужа совершенна, Господь в человечестве Своем достиг полной зрелости и решимости принести Себя яко Агнца мира Отцу Своему и тем исполнить волю Отца. Богочеловек из Богомладенца сделался совершенным Богомужем. Зачатый от Духа Святого и Марии Девы, Он был освящен Духом Святым от рождения: как Сын Божий, Он был нераздельно соединен с Духом Святым почивавшей на Нем любвию Отчиею; в человеческом Своем естестве Он был облагодатствован дарами Его. Но для совершенного обожения человеческого естества нужно было вселение Духа Святого в это естество, и оно совершилось в Богоявлении. Дух Святой сошел в виде голубине на Иисуса и пребыл в Нем, как свидетельство благоволения Отца. Крещение Господне явилось как бы Пятидесятницей для Господа, сошествием Святого Духа на Богочеловека, предварив общую Пятидесятницу мира, ниспослание Духа Святого на апостолов и в лице их на всю Церковь. После Крещения Господь сделался совершенным Мессией, Христом Божиим, Который прямо относит к Себе пророчество Исаии: Дух Господень на Мне (Лк. 4, 18). Его Тело стало тем самым Телом и Кровию Христовыми, которых Он и приобщил Своих Учеников на Тайной Вечери. Здесь

совершилось как бы окончательное предложение человеческого существа в Нем в совершенное Богочеловечество. К сему свершению Своего вочеловечения приблизился Господь, когда сказал Иоанну: "подобает нам исполнить всякую правду" (Мф. 3, 15). Правда закона была в том, что грешники должны были креститься в знак совершившегося покаяния и приносить его при сем. Господь не имел греха и не имел нужды в покаянии, посему Он, по свидетельству Евангелия, а б и е, тотчас же вышел из воды. Но соделавшись Агнцем, вземлющим грех мира, Он хотел приять и образ покаяния, умалив и уничтожив Себя до него в безмерном смирении и послушании Отцу. И это приятие рабья зрака было жертвой Отцу и исполнением правды Его. Но и другое значение таилось в сих словах: надлежало исполнить правду и о самом крещении Иоанна, и бессильное возродить падшего человека крещением водою сделать банею возрождения, крещением водою и духом. Во Христе крещение Иоанново, предобразовательное и приуготовительное, соделалось истинным спасительным крещением. Богочеловек крестился для того, чтобы в Нем и с Ним крестилось все человечество, да освятятся Им воды крещальные. В Крещении Господнем таился и образ Его спасительной смерти и пребывания во гробе: елицы во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся. Являя Себя миру, Господь явил и образ нашего спасения смертью и воскресением Своим.

Если Рождество Христово было первым Богоявлением Сына Божия, вочеловечением Своим явившего послушание Отцу в Божестве Своем, то Крещение Его сделалось окончательным Богоявлением, в котором Богочеловек явил послушание Отцу и в человечестве Своем. Но Богоявление Слова, неотлучного от Отца и Святого Духа, было вместе с тем и явлением всей Пресвятой Троицы. Боговоплощение, которое непосредственно относится лишь к Сыну, к Второй Ипостаси, предполагает участие и

прочих Лиц Пресвятой Троицы. Когда Иисус исходил из воды, то отверзлись небеса, и Дух Святой в виде голубине сошел на Него, а глас Отчий воззвал о Нем, свидетельствуя о возлюбленном Сыне Своем. Со Христом и во Христе миру явилась вся Святая Троица, "троическое явися поклонение". И как крещение человеческое, по прямому повелению Христа, совершается во Имя Пресвятой Троицы, Ее сила явилась и здесь при крещении Христовом. И, подобно Пятидесятнице человеческой, и Пятидесятница Христова становится днем явления Святой Троицы.

Господь Иисус явился днесь миру яко Христос Господень: Явился еси днесь вселенней и свет Твой, Господи, знаменася на нас в разум поющих Ти: пришел еси и явился еси, Свет непреступный!

СЛОВО НА КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

”Днесь вод освящается естество и разделяет Иордан и своих вод возвращает струи, Владыку зря крещаемая”.

Днесь совершается чудо – вода, наитием Св. Духа, становится благодатной силой. Смысл события: что такое водная стихия? Что случилось на Иордане? Свойства воды: жидкость, всерастворяемость первоводы, над которой носился Дух Божий, далее, разделившаяся на ”яже над твердию и под твердию”, первая – жизнь и (вторая) – все разрушающая и все разом смывающая: потоп. Вода – пучина жизни и – могила, погружение.

Вода – прозрачное, светоносное естество, журчащая и утоляющая жажду: ”море стеклянное” Апокалипсиса, ”чистая река воды жизни, светлая, как кристалл, исходящая от Бога и Агнца” (Ап. 22, 1). Вода – учение, текущее в жизнь вечную (беседа с самарянкой, праздник Пятидесятницы). Вода исцеляющая – вифезда и омывающая грехи. Вода крещения, прошение покаяния, символ омовения и обновления. Пришествие Господа, трепет Иоанна и Иордана: исполнити всякую правду – дать воде силу своей смертью чрез наитие Св. Духа. Дать в распоряжение эту воду можно было лишь по воскресении: дадесе Ми всякая власть, шедше... крестяще... Вода крещальная – таинство крещения. Но и питание, утоление жажды, помазание, омовение.

Не есть ли освящение вод колдовство над мертвой материей? Но кто сказал, что она мертвая и не внемлет Слову

Господа, ей повелевавшему, не слышит Господа по слову Божию, не имеет своего ангела вод (Ап. 16, 5), она жива, но не достаточно ли духовного утешения, зачем вещество? Но разве человек чужд вещества и оно не человечно? Как хлеб и вино – естество, причащение, так и вода причащение Иорданово. Человек не дух и не плоть, но дух воплощенный, и Господь непреложно воплотился и дал нам св. воду, омывающую пречистое Его тело! Небо и земля веселятся, как поет обычно Церковь, но ныне веселится водная стихия, празднуя свое освящение. Вода Иорданова есть вода будущего века, преображенного и претворенного, когда будет Бог все во всех, и ныне, еще в этом веке и этом теле, прикасаемся мы мира будущего.

ПРАЗДНИК БОГОСЛОВИЯ

**День собора трех вселенских великих учителей и святителей:
Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого,
30 января.**

В день этот творится Церковью память вселенских учителей и великих богословов. Он посвящен поэтому прославлению богословия, как служения Церкви, как особого образа любви к Богу, которую надлежит осуществлять не только всем сердцем и всюю душою, но и "всем разумением" (Мт. 22,38) своим. Оно есть особый дар духовный, ибо в числе других даров дается Духом "слово мудрости и знания" (1 Кор. 7,7), и, соответственно сему, "иных Бог поставил учителями" в Церкви (1 Кор. 27,9). Не все призваны к учительству, но всем христианам вверено учение, блюдомое как предание церковное, священные догматы веры: "Ты получил золото, золото и отдавай" (Викентий Леринский, Коммонит. 1, 22).

Пусть не думают, что ведение и блюдение догматов свойственно лишь немногим и вообще может быть отделено от благочестия. Св. Кирилл Иерусалимский говорит: "Образ благочестия состоит из двух вещей: из благочестивых догматов и добрых дел. И догматы без добрых дел не благоугодны Богу, и дела, совершаемые без благочестивых догматов, не приемлются Богом" (Катех. 4, 2).

Исповедание ап. Петра, открытое ему не плотию и кровию, но Отцом небесным: "Ты Христос Сын Бога

живого” (Мт. 16,16), как и заповедь Христова крещения ”во Имя Святой Троицы”, в развернутом виде содержится в Символе Веры, читаемом при совершении таинства крещения и на божественной литургии пред совершением таинства евхаристии.

Мы наблюдаем христианскую жизнь непрерывно пронизываемой догматами веры, как в отдельности, так и в совокупности. Символ же веры по содержанию своему раскрывается в системе богословия, хотя и не для всякого доступно в равной мере это раскрытие, как в различной степени совершается оно и для разных эпох. ”Может быть, скажет кто-нибудь, что в Церкви Христовой не должно быть никакого преуспеяния религии? Оно непременно должно быть и притом величайшее. Кто так завистлив к людям и ненавистлив к Богу, что решится отвергать это?.. Цветущая пора детства и зрелый возраст старческий между собой весьма различны, однако стариками делаются те же самые, которые прежде были детьми... все (в них) существовало уже прежде в зародыше, так что потом в старцах не обнаруживается ничего нового, чего не таилось бы уже прежде в детях... Таким образом, следует догматы небесной философии с течением времени укреплять, обглаживать, обчищать, но не следует их перемещать, не следует их обсекать, не следует уродовать” (Викентий Леринский, Коммонит. 1, 22).

Итак, Церковь знает особый дар и служение богословствования, как жизненного, действенного блюдения божественной истины в единстве и непрерывности церковного предания, как вдохновенное богословие, — умозрение и созерцание, священное творчество, — не из ничего или из собственного лишь мудрования, но из сокровища общецерковного приходящее. Не все призваны к этому деланию, однако всем оно нужно и всех касается, — так или иначе, рано или поздно — в плодах своих, и подвигов особой ревности ждет оно от всех служителей своих, да

не явятся они рабами лукавыми и ленивыми, и да не будет сказано о них: "Проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением" (Иер. 48, 10).

"Вселенские учителя и святители" учат нас не только своему богословию, имеющему руководящее значение для своего времени и сохраняющему авторитет для всех времен в истории Церкви, но еще более и самому богословствованию. Они являют собой, в чем сила и источник богословского вдохновения.

И прежде всего, важнейшим в этих образах является то, что вселенские учителя суть святые, прославленные Церковью. Все христиане призваны к святости, являют ее собой в меру христианской жизни, и вне всякого касания этой святости или приятия этого освящения от Церкви бесплодно было бы приступать к богословствованию, ибо мертво явится таковое. Однако, совершившуюся святость мерит Бог и являет святой своей Церкви уже после конца этой жизни, и поэтому никто не мог бы приближаться к богословию, если бы от него заранее требовалась явленная и признанная святость. Но от каждого требуется на этом пути воля к святости, ее блюение через принятие и усвоение святящей силы Церкви. Это значит прежде всего, что началом и источником богословского вдохновения должна быть молитвенная жизнь, вскормленная и вскормляемая таинствами Церкви, жизнь во Христе со стремлением стяжать Духа Святого, живая и личная любовь к Богу.

Истинное богословствование только и может быть в этом смысле повестью об этой жизни, изложенной лишь на особом языке понятий, запечатлением личного духовного опыта, и огонь этой жизни должен согреть его письмена, и ответ его от них излучаться. И является не случайным, что вселенские учителя были и святителями, совершителями таинств в предстоянии престолу Божию, возвещавшими им поведенное Богом из глубины святого алтаря.

Не случайно поэтому то, что вселенские учителя при своей возвышенности и силе их пастырского богословского труда являются еще и литургистами, носителями молитвенного вдохновения. Не говоря уже о том, что имена двух из них связаны с особым изложением божественной литургии, носящим их имена, — св. Василия Великого и Иоанна Златоустого (причем даже и чисто редакционная работа для сокращения древнейших литургий не могла, конечно, оставаться только формальной, а требовала для себя особого проникновения в дух их). И сколько отдельных молитв или последований обязано существованием их собственному вдохновению. Богословствование в них переходит в молитвенный гимн, а последний снова вливается в богословие, — черта в высшей степени важная и знаменательная.

Однако, не будем слепы по отношению и к другим чертам их богословствования, чтобы не умалить его чрезмерным и односторонним противопоставлением энергий божественной и человеческой, доходящим до полного разрыва между ними. Известно, что все они прошли чрез "Афины", и в некотором смысле и не разрывали с "Афинами", как школой человеческого знания, познавательного усилия, умственного труда, от которого иногда так легко и ошибочно освобождают себя приходящие к богословию, ослепляемые яркостью собственных душевных переживаний, преувеличенно иногда принимая их за откровения духовные.

Господь хочет от нас любви к Богу всем разумением, а не краем лишь поверхностного ума, избегающего усилия. Можно сказать, что вселенские учителя являют нам образ и научной совести, которая повелевает узнать все, что только можно узнать, и изучить все, что лишь доступно изучению, для углубления в избранном вопросе.

Если богословие в известном смысле может быть наукой и есть таковая, то оно повинно исполнению всех требований научной ответственности ("критики"), разумеется, в том, что подвластно науке, в частности, при исследовании

памятников предания церковного: прежде всего, во всестороннем изучении Слова Божия, также в принятии во внимание данных письменных и монументальных, литургических и иконографических. И так как эта область изучения развивается, обогащается и уточняется в истории, то исполнение этого долга не позволяет нам задерживаться на уровне времен прошедших, но требует от нас исполнения научного долга современности.

Есть, наконец, и еще одна черта, не менее драгоценная в образе вселенских учителей. Все они, каждый по-своему (в особенности же св. Григорий Богослов и Иоанн Златоуст), являются не только мыслителями и учеными, но и художниками мысли и слова, которые богословские созерцания превращали в достижения искусства, поэзии понятий (как некоторые определяют и философию, причем в еще большей мере это определение применимо к богословию). В их творчестве чувствуется не только молитвенное, но и художественное вдохновение и напряжение.

Вспомним неотразимую красоту и особую, благодаря этому, проникновенность Слов св. Григория Богослова, которые не только убеждают, но и пленяют, вспомним религиозную лирику его стихотворений, в которых искала себя выразить его пламенная душа. Вспомним словесное искусство "златоустого" проповедника, которому дано было восхвалить св. Пасху, выразить торжество ее не на человеческом, но как бы на сверхчеловеческом языке, словом поистине боговдохновенным. Вспомним красоты священнических молитв в литургии Василия Великого, в которых возвышенное богословие соединяется с потрясающей величавостью словесного выражения и молитвенного вдохновения. Это свидетельствует, что и художественный дар может быть посвящен богословию и принести ему свои богатства, ибо церковное вдохновение неразделимо связано с художественным в своем служении небесной красоте Царствия Божия, в его искании.

Поэтому-то богословствование осуществляется и через художественные образы мастерства иконописного. Богословие часто обвиняют — и не всегда несправедливо — в прозаической сухости, как и в "схоластической" мертвенности, и поистине "схоластика" есть прозаизм богословия. Однако, это не только не есть неизбежное свойство богословия, но лишь слабость некоторых богословов, черта его упадочности. И не таков образ богословия, который дают нам наши вселенские учителя. Ибо подлинные богословские умозрения всегда исторгаются из вдохновенного созерцания ума, потрясенного небесным видением, из сердца, расплавленного огнем небесным.

И однако, эта огненность, идущая от Духа Святого, соединяется в величественных образах вселенских учителей и с духовной трезвенностью и аскетическим самообладанием, тем особым даром меры и мерности, без которой изобилие даров может угрожать хаотической раздробленностью, богатство становится причиной бедности. В частности известно, что они — каждый по-своему — в своем иерархическом служении явились деятельными устроителями церковной жизни, хранителями церковного строя, составителями или блюстителями правил церковных, а также и для иноческого общежития. Ибо внутренним не отменяется внешнее, и многим не умаляется малое. Напротив, лишь верный в малом будет верен и во многом.

Свою жизнь и трудами "вселенские учителя" восславили подвиг богомыслия, как путь к боговедению, о котором сказано самим Словом воплощенным: "Сия же есть жизнь вечная, да познают Тебя истинного Бога и Его же послал еси, Иисуса Христа" (Ио. 17, 3).

1938 г.

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДА В ХРАМЕ

На земле родился Отроча младо – предвечный Бог в убогом вертепе, но Ему было присуще место в Храме, ибо Ему построен был Храм. И Он принесен был в Храм Свой, где благоволил обитати Имени Его (3 Ц. 8, 29). Но Он явился туда не для принятия поклонения, но послужить многим, в зраке раба, в смирении убожества плоти закрывая сияние Своего Божества. Он прибыл сюда, как сын подзаконный, послушный закону, Им Самим данному Моисею, Собою являя образ послушания: ибо не нарушить закон Он пришел, но исполнить. Мать Его пришла посвятить Богу первородного Сына, Богу-Отцу отдать Бога-Сына, и принести жертву искупительную и очистительную. В рождении Младенца Она не знала греха, но как Он, безгрешный, пришел принять от Иоанна крещение покаяния, так и Она в непорочном рождестве Своем пришла принести жертву за грех, имея на руках Того, Кто был воистину Жертвой за грехи всего мира. "Христос, входя в мир, глаголет: "жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне... вот иду исполнить волю Твою, Боже" (Евр. 10, 5-7). Не для славы, но для жертвоприношения приносится Господь в Дом Свой, который должен был принять Невместимого.

И завеса уничтожения Господа была столь густа и непроницаема, что Храм не узнал и не приметил Своего Господа-Младенца, с Матерью Своей затерявшегося среди множества приносящих повседневные жертвы. Завеса храмовая не разодралась от края до края, Первосвященник не вышел навстречу Грядущему во Имя Господне, и не отверзлись

Святая Святых, дабы явиться престолом Царю царствующих. Все оставалось неподвижно и равнодушно, как остался неподвижен и равнодушен мир вокруг Него, и близкий, и далекий, в ночь Его рождества в вертепе. "В мире бе, мир тем бысть, и мир Его не позна". Однако встреча Господа должна была совершиться в Храме, Ему должна была поклониться ветхозаветная Церковь, которая вся только и жила чаянием "грядущих благ" (Евр. 10, 1). Его должно было узнать ветхозаветное человечество, которое в лице своих пророков, патриархов, исповедников тысячелетиями всматривалось во тьму времен грядущих, чая света и откровения языков. Нужно было, чтобы Родившийся в вертепе был принят и признан человеческим родом, для спасения которого Он явился, в лице предуказанных к тому богоизбранников, и не только тогда, когда засвидетельствовал о Нем крестивший Его Предтеча, но уже здесь, на пороге жизни и на этом пороге храма. Ветхозаветная Церковь должна была поклониться вступившему в Храм в зраке глубокого уничтожения Спасителю своему и Богу. И это поклонение, эта встреча совершились. Среди избранного народа Божьего была уготована блаженная старость для встречи Господа. Целая жизнь подвига, молитвы и веры была посвящена этому ожиданию настолько, что молитва об отпущении из мира слилась воедино с молитвой об этой встрече. И молитва эта была услышана, и праведному Симеону было обещано Духом Святым не видеть смерти, доколе не увидит Господа. Для сего был избран не носитель священства, ибо священство не могло совершить эту встречу, не упразднившись перед лицом Архиерея по чину Мелхиседекову: первосвященник должен бы снять свой кидар и наперсник, и самая жертва прекратиться пред лицом Самой Жертвы, и завеса церковная упраздниться ранее времени. Но сему надлежало еще сохраниться до исполнения времен. И посему к сретению Господа избран был старец пророчественного служения, особым осенением Святого Духа, Который и привел его в Храм в день и час урочный.

И он, сретив Богочеловека, взял Его на руки, — благословил и изрек: ныне отпускаеши. Час его отшествия из мира пробил, ибо увидели очи его чаемое спасение. Его прощальная песнь явилась боговдохновенным исповеданием веры в Спасителя, в первые прозвучавшим на земле, так что, сказано евангелистом, Иосиф и Матерь Его дивились сказанному о Нем. И Ей, Матери, рек Симеон с благословением пророческое слово. Но какая же встреча, какое приветствие, какое поклонение приличествовало Матери Царя царей, Которая еще богоотроковицей, появившись в этом храме, встречена была Первосвященником и возведена во Святая Святых? И се — ныне Она, с нищенской Своей жертвой затерявшаяся в толпе, слышит от пророка грозное и неутешное слово пророчества о грядущем кресте Ее жизни, об орудии, которое пройдет Ее сердце, вместе с гвоздями, разрывающими руки и ноги Ее Сына. Вкупе с Симеоном встретила Господа и Анна пророчица, старица, отходящая из мира, так же, как и вся ветхозаветная Церковь. И она пророчествовала, славя Господа.

Встреча совершилась. Ветхозаветный мир завершил свое дело, устами Симеона изрек свое ныне отпускаеши. Но храму и законному обряду еще предстояло сохранять прежнюю видимость, пока не пришло время ему упраздниться и дать место новому поклонению Богу в духе и истине. Матери же и Младенцу, возвратившимся в Назарет, предстояло бегство в Египет во спасение от неистовства Ирода: пророчеству Симеонову уже положено было начало исполнения... Да прозвучит "ныне отпускаеши", песнь лицезрения Господа, и в нашей душе в тот час, когда, на грани этой жизни, будет она вступать в мир духовный. Да будет это вступление "срещением" Господа и Матери Его, которого в этой жизни жаждет и чает верующая и любящая наша душа! Аминь.

1924 г.

НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ РАБА ТВОЕГО, ВЛАДЫКО

Как предзакатное благословение звучит нам это прощание с жизнью праведного Симеона Богоприимца, в спокойствии веры ждущего своего конца. Его очи узрели обетованное, "увидели Христа Господня". Этого не дано было никому даже из великих пророков, которые еще за века пророчествовали о пришествии Господа на землю и Его чаяли, да и сам дивный старец только на краткое мгновение выступает из сумрака Ветхого Завета, осиянный светом Богоявления, чтобы снова в него сокрыться. Однако в памяти сердец наших всегда сохранится его слово: "Ныне отпускаеши", как призыв, но вместе соединенный и с молчаливым укором. Не должно ли оно пробуждать в нас самих некоего соревнования в желании ему уподобиться? Если через свою жизнь праведный Симеон мог пронести это чаяние "утешения Израилева", то разве и для каждого из нас не должна она быть вдохновляема великим упованием? И разве не увещевает ли к тому Господь, всех призывая искать Царствия Божия и правды Его? Ибо вне такого искания она является лишь рядом бессодержательных дней в случайном их чередовании. Но такового оправдания жизни не могут дать какие-нибудь временные успехи или частные достижения, но лишь высшая цель, которая даже не вмещается в земное время, но выходит за его пределы, как нового века начало.

В человека вложено призвание к служению высшей цели в непрестанном усилии и напряжении. Однако такую цель, дающую направление всей человеческой жизни, можно или

утратить, или же подменить. В этом может даже проявиться некая человеческая мудрость, но не сходящая свыше, а земная, бесовская, душевная (Иак. 3,15). Она довольствуется и срединным, и даже если не опускается до низшего, то не стремится и к высшему. В ней не заложено светлого "ныне отпускаеши".

О таком ослеплении духовном говорит Господь в притче о богатом, который еще накануне смерти собирался построить новые житницы для будущего урожая. "Но Бог сказал ему: Безумный! В сию же ночь душу твою возьмут у тебя". "Так будет со всяким, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет!" (Лк. 12, 19-22).

То, что достигается на земле, отнимается в смерти, а что здесь недостижимо в полноте и силе своей, Царствие Божие, оно только и пребывает за гранью жизни. Поэтому надо искать недостижимого и служить неосуществимому. Однако перед этим устрашается наша душа. Не обесценивается ли этим все, что мы любим на земле, с ее утехами и радостями, хотя бы и краткосрочными? Не возбраняется ли она в естественной любви своей к жизни? Однако, да не будет испуга, ибо нет места и возбранению. Нуждам земли со всею правдою их отдадим внимание и заботу, но они не должны занимать первенствующего места в душе, оставаясь только ступенями восхождения. Недостижимость высших целей в их полноте не устраняет и того, что человек на своем собственном месте имеет свое личное дело, которое ему вверено Богом, включено в пути всечеловеческой жизни промыслом Божественным. От этого дела жизни, своего у каждого, нельзя уклониться и ссылкой на немощь. "От всякого, кому дано будет много, много и взыщется" (Лк. 12, 48), но всякое дело равновелико перед Богом: "В малом ты был верен, над многим тебя поставлю" (Мт. 25, 21). Всем одинаково говорится: "Вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали все то, что должны были сделать" (Лк. 17, 10). То, что

совершает человек на земле, всегда останется малым и недостаточным для него самого. Оно не должно давать места горделивому самодовольству. Однако и при этом может оставаться сознание ответственно исполняемого, хотя до конца и не исполненного долга. Поэтому человек должен и сам уважать свое собственное делание, если сам Бог к нему призывает, наделяя талантом всякого в его собственной мере. И совершаемое творческим усилием каждого дня трудового, как и всей жизни, в конце ее приносит человек на суд Богу, говоря: "Господи, этот талант дал Ты мне, а вот другие таланты я приобрел на них" (Мт. 25, 20-30). Но горе тому, у кого останется личное сознание того, что им оставлен его дар без употребления: "Вот Тебе Твое!", но без всякого прибýtка, будет ли это какое-нибудь особое дарование, или смиренный труд в несении своего креста. Во всех положениях может осуществляться это призвание, которое явится основанием для Божьего суда, и всякий идет навстречу своему собственному "ныне отпускаеши". Блажен тот, кому дано будет познать свою оправданность на суде Божиим и сказать себе это слово дивного старца, и да послужит оно каждому из нас призывом к неленостному прохождению пути жизни, в обетовании светлого конца, доколе не исполнится мера ее. Аминь.

1941 г.

НЕДЕЛЯ О СТРАШНОМ СУДЕ

Святая Церковь в любви своей применяет разные средства, чтобы тронуть наше сердце, умягчая его и устрашая. И в преддверии великой четырехдесятницы она зовет нас к покаянию, поставляя нашу мысль пред Божиим прощением и Божиим судом, Божиим милосердием и Божьей правдою. Минувшую неделю притчей о блудном сыне она возвещала о прощении грехов и о радости прощения, какая бывает в небесах о едином грешнике кающемся. Отец издалека выбегает навстречу блудному сыну и облакает его всеми почестями и славой его сыновства. Прощение возвещается всякому грешнику, как бы ни был блуден грех его, если только он вздохнет к Господу о прощении: разбойнику забывается вся его жизнь, полная злодеяний, блуднице ее разжжение блудного греха, мытарю — его корыстолюбие. И как будто законом любви прощающей является то, что чем больше отпадение, чем тяжелее грех грешника покаявшегося, тем больше радость прощающей любви Божьей, тем больше сама любовь: "кому мало прощается, тот мало любит" (Лк. 7, 47), сказал Господь женщине-грешнице в доме Симона фарисея. Как будто сама Божественная благодать ласкает человека, утешает его в его грехах близостью и доступностью прощения всякому грешнику, как бы ни был велик его грех. Но ныне — о Страшном Суде Христовом возвещает нам Церковь, о

неумытном суде правды, на котором спросится ответ во всяком слове и деле и на котором на основании временной жизни и дел будет совершен приговор о вечной судьбе. И покаяние, и прощение доступны в этой жизни, пока продолжается время, но окончится век сей и время его, и дела наши будут неизгладимы и неисправимы в скрижалях нашего сердца и в вечной памяти мира, и прочтутся эти записи, и в них будет суд над нами. Милосердием Божиим не отменяется правда Его и гнев Божий на грех и грешников, и, уповая ныне на прощение грехов, мы должны ведать о неизбежности предстать на суде, почему и зовет нас каждодневно Церковь молиться о "добром ответе" на Страшном судище Христовом.

Господь открыл нам эту тайну Своего смотра о мире в той мере, в какой мы можем ее вместить, в страшных и потрясающих душу приточных образах. Свою последнюю речь, сказанную ученикам перед страданием, в которой Он открыл им грядущие судьбы мира и кончину века, Господь заканчивает, по Евангелию от Матфея, словом о Страшном суде, о том, что будет за этой кончиной. Небо и земля прейдут, словеса же Мои не прейдут (Мф. 24, 35), сказал Господь, вещающий истину, и только Сам Царь и Судия мог возвестить нам о делах Своих, насколько мы можем вместить. Не для удовлетворения нашего любопытства или даже любознательности сказаны эти божественные глаголы, но для вразумления нашего сердца. Нам нужно это знать ради нашего спасения, да не услышим слова отвержения. И к каждому из нас обращено это слово. Господь отделяет овец от козлищ на Страшном суде, и каждый из нас, подобно апостолам, вопрошавшим Господа о предателе, спрашивает: не я ли, Господи, не я ли из тех, которые будут поставлены ошуюю вместе с козлищами и услышат слово отвержения? Найдется ли безумный, который бы в мыслях своих себя поставил одесную, хотя в молитве и надежде своей молит о том Господа? Самопревознесением

он осудил бы себя, так же, как и отчаянием. "Трепещу страшного дне суднаго", но и "надеюсь на милость благоутробия Твоего". И как на древних иконах Страшного суда бедная душа судимая в трепете ждет своего приговора, не зная, каков он будет, так и ныне Господь всех нас заключил в неведение о нашей собственной судьбе и о судьбе наших ближних, хотя бы самых нам близких и дорогих. Мы сами себя не знаем и не видим, как знает и видит нас Господь: "Господи, не Твоим ли Именем пророчествовали, не Твоим ли Именем чудеса творили? А Он скажет: отойдите, Я не знаю вас". Господь возвестил нам во всей суровости и строгости карающей правды Божьей об возможности, одна из которых станет для каждого бесповоротной действительностью в оный час суда Божия, но дотоле, пока мы проходим путь своего спасения, ни одна из них еще не стала, но лишь только становится действительностью. Вечная жизнь со Христом, в Царстве Его, уготованном от создания мира, или вечное от него отлучение, адская смерть? Итак, не с тем, чтобы утратить, но чтобы призвать к духовному бодрствованию (Мф. 25, 12), к ответственному и строгому прохождению земного пути изрек Господь пророчественную притчу о Страшном суде. К каждому из нас она относится, каждый предстанет пред страшным судилищем Христовым, и каждый да внемлет Его слову о сем. Нет среди людей совершенных праведников, как и совершенных грешников, все мы являем собой серые смешения добра и зла, одновременно принадлежим к овцам и козлищам. Однако, некогда произойдет разделение — не только добра и зла в недрах каждой человеческой души, но и между людьми. Господь подведет некий итог жизни с ее смешением добра и зла, и преобладавшее в душе станет единственно господствующим: одни станут сынами царствия, и убелятся ризы их, другие разделят удел сатаны с беспросветной тьмою адского огня. Имущему десять талантов дадутся другие десять

талантов, а у имущего один талант и не приумножившего отнимется и этот последний.

Господь открывает, чем определяется таковая судьба человека, от чего зависит его спасение или гибель, и это для всех людей из всех народов, и даже не просвещенных Христовой верой. Это начало, эта сила жизни есть любовь, дела любви и путь любви: накормить алчущего, напоить жаждущего, приютить странника, одеть нагого, посетить болящего и заключенного, и это не только телесно, но и духовно. В этих вопросах Господа объемлется вся область отношений между людьми, все возможности любви. Однако, невольно возникает вопрос: не к одной ли благотворительности сводится вся христианская жизнь? Значит ли это, что не имеют значения для спасения правая вера, христианская надежда, исполнение уставов церковных, приникновение к учению веры, молитва? Или значит это, что не имеют значения ереси, расколы, неверие при наличии добрых дел? Нет, все это требуется от христианина и вменится правым Судией, но отделенное от любви, без любви это становится сухой добродетелью надменного фарисея или старшего сына в притче о блудном. Сердце милосердующее — вот чего хочет Бог от нас: будьте милосердны, как Отец ваш небесный. Если в сердце человека нет любви, все, что он имеет, мертво и малоценно, по слову апостола: "если я говорю языками ангельскими и человеческими, а любви не имею, то я медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы" (1 Кор. 13, 1-3). "Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь" (1 Ио. 4, 8). Бог-любовь познается любовью, и без этого познания сердца остаются бессильны и бездейственны все пути богопознания. Но сама

любовь есть благодатный дар Божий, высший из даров Божиих, дар богоуподобления. Наше себялюбивое, грешное сердце знает лишь заповеди и согласные им дела любви, но не самую любовь, лишь путь любви, идти которым мы принуждаем себя деланием заповедей. Но Господь и не спрашивает нас о том, чего мы не можем понести, чего не можем иметь без благодати Божией, Он вопрошает нас о делах любви к ближнему, о воле к любви, ее хотении. И уже самое намерение Он вменяет в исполнение, дела любви приемлет как любовь. Итак, Господь спросил каждого из нас, есть ли в нас любовь, и если не любовь, то дела любви, хотение любви, любовь к любви, или же сердце наше мертво в себялюбии своем и потому становится уделом того себялюбца, которому уподобляется, разделяя его удел, — сатаны и ангелов его. Закон любви вложен Богом в человеческое сердце, это печать Божия в нем, образ Троица единосущного Бога в человеке.

Но в словах Господа на Страшном суде содержится еще и другая мысль: любовь к ближнему есть и любовь ко Христу, ее в Себе содержит. Единственным Ближним нам, к которому относятся и могут относиться все дела любви и вся любовь, является Сам Господь Иисус Христос. И мы в человеке и через человека любим Самого Господа, того не ведая, и Ему, Творцу, впечатлеваем дела любви. Этого в смирении своем отрицают праведники: "Господи, когда видехом Тя алчуща и напитаном Тя?" (1 Ио. 25, 37). В своем ослеплении и ожесточении отрицают и грешники. Природному человеческому сознанию остается закрыта та истина, что приемлет любовь Господь. Господь снова подтвердил здесь истину Ветхого Завета, что есть лишь две заповеди, в которых "висят закон и пророки": первая — любовь к Богу, и вторая — подобная ей, любовь к ближнему. Нельзя любить Бога, не любя ближнего. "Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не

видит" (1 Ио.)? Но и нельзя, любя ближнего, в этом и через это не любить Христа. Эту истину Господь открывает миру и в Своей притче о Страшном суде. Он говорит здесь в сем народам, как Его ведающим, так и неведающим в земной жизни, как крещенным, так и не крещенным, что их подлинная любовь к ближнему, выражающаяся в делах любви, содержит и сокровенную любовь к Господу и тайное Его ведение. Это — крылья, на которых можно взлетать ввысь. И если очи сердца их остаются сомкнуты в этой жизни, тогда они, по слову Его, откроются, и они увидят, что, не ведая Христа, они Ему служили и Его любили и ныне Им оправданы. Здесь тайна милосердия Божия о тех, которые остаются в этой жизни в неведении о Господе. Но здесь и другая тайна, открытая Церкви, именно, что в Боговоплощении Господь стал Новым Адамом, истинным Человеком, живущим в человеческом роде, как лоза живет в своих рождиях, и посему устанавливающим истинную человечность во всяком человеке. В каждом человеке живет Христос, есть сила Христова, каждый человек очам любви есть образ Божий, образ Христов, есть Сам живущий в нем Христос.

Господь оставил небеса, чтобы низойти к нашему уничтожению, и, воплотившись, Он навсегда соединил с Собою человеческую плоть и рек через апостолов Своих: се Аз с вами есмь до скончания мира. В одном из апокрифических преданий передаются слова Господа: рассеките дерево — Я там, разбейте камень — Я там. Но в речи о Страшном суде Христовом Господь явственно говорит: каждый человек, каков бы он ни был, есть "один из братьев меньших Моих" (Мф. 25, 40), и что сделано им, то "сделали Мне". Я в них, и они — Я. Каждый человек есть близкий своему ближнему, все люди друг другу ближние, но есть один Ближний всем ближним — Господь Иисус Христос. Каждый человек, уже только как человек, объемлется человечеством Христовым и содержится

в любви Христовой. И, любя человека, мы любим Господа. Посему страшное для человеческого сознания слово Господа о Страшном суде Его да будет для нас ныне, пока Господь дает нам с жизнью сей время для покаяния, не словом устрашения, но кротким зовом покаяния и любви. Нам не дано знать вечного суда Божия над нами, но в нашей воле еще остается то, что служит основанием этого приговора. И посему да услышит наше сердце ту заповедь, в которой висят закон и пророки: возлюби Господа твоего и ближнего своего, как сам себя. И пока нет в сердце нашем этой любви, страшен для нас образ последнего суда Христова, и тот, Кто кроток и смирен сердцем, Кто принял крестную муку из любви к человеку, кажется ему грозным и неумолимым карающим Судией. Но для очей верующей любви Он есть наш Спаситель, сама Любовь Божественная. В любви к Богу содержится страх Божий, да не оскорбим Его нарушением воли Его, но, по слову апостола любви (1 Ио. 4, 17-18), "любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх".

Последнее слово Господа на прощальной беседе с учениками, сохраненное нам в Евангелии Иоанна, было таково: "заповедь новую даю вам: да любите друг друга". Но и последнее слово Господа пред своими ближайшими учениками накануне свершения Тайной Вечери, поведенное евангелистом Матфеем, в речи о Страшном суде, есть та же заповедь любви. Не с устрашением, но с увещанием и с убеждением обращается Господь ко всем людям, проходящим земной удел: любите друг друга, ибо только любовь переходит в жизнь вечную. Или, по слову ап. Павла, и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится, любви николиже отпадает (1 Кор. 13, 8). Аминь.

1925 г.

ДВЕРИ ПОКАЯНИЯ

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!

Об отвержении дверей покаяния молится ныне церковь. Каковы же эти двери? Где они? Как часто жалуемся мы и вздыхаем о том, что не знаем покаяния, что не можем, не умеем каяться. Пусто и хладно остается сердце, даже когда взыскуем мы покаяния, и дремотно наше сознание. И однако знаем мы, что нет спасения вне покаяния. Нельзя приблизиться помимо него к Царствию Божию, нет вне его живой веры. Оно — соль, его осоляющая. Как нам войти в его силу?

Покаяние в нас начинается сознательным видением и ведением греха своего: яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну (всегда), так свидетельствует о себе душа в покаянном плаче псалмопевца (пс. 50). Можно до времени вовсе не сознавать греха, пребывая у него в пленении. Душа объята глубоким сном, подобным смерти, и если не очнется она, он окажется сном настоящей смерти духовной. Пока люди остаются в неведении о грехе, в языческом своем ослеплении, они ненавидят и самое слово грех, приходят в гневное раздражение от мысли о нем. Хотя и смутно, но чувствует душа, что здесь сокрыто осуждение всего бывшего ее пути, содержится призыв к обновлению: покайтесь и веруйте в Евангелие (Мр. 1, 15), и этому призыву в нас противится косность и себялюбие. Не войдя в покаяние, не может душевный человек родиться в духовного. И вот

она, первая дверь покаяния: ведение греха своего и ведение себя во власти его. В примрачности души внезапно загорается луч, и в свете его человек видит себя пред лицом Божиим. Око Божие зрит нас чрез нашу совесть, она есть самосвидетельство Божие в душе человека. Совесть нас судит судом праведным, неподкупным и необманным, и этот нынешний суд ее как бы есть предварение Страшного судища Христова. Она есть величайший дар любви Божией, которым почтил Бог человека, ибо что есть "совести нужнейше" (по выражению великого канона св. Андрея Критского)? Чрез совесть мы видим себя в свете правды Божьей: яко да оправдишися во словесех твоих и победиши внегда судити Ти (пс. 50). Каждому человеку, даже не только христианину, но и язычнику, по ап. Павлу, вверен сей бесценный дар Божий. Но первым движением души, когда она видит себя при свете совести во грехе своем, является желание укрыться от лица Божия в тени дерев, подобно прародителям нашим во Едеме, когда узрели они свою наготу. Покойное самодовольство и горделивое самоудовлетворение оставляет человека, на место их водворяется стыд, смущение, даже испуг пред тем, что открылось человеку о нем самом. Это трудный и опасный предрассветный час, потому что здесь обычно поджидает малодушное уныние, глубокое в себе разочарование. Однако не к бездейственному созерцанию греха, но к действенной борьбе с ним влечет нас далее сила покаяния. Оно нудит искать освобождения от греха, очищения. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей, молится душа вместе с псалмопевцем (пс. 50). Отзде начинается труд покаяния, без коего не содевается спасения, и он имеет начало, но не знает конца, ибо простирается на целую жизнь. Без этого труда нет самого дела покаяния, остается только мечтание о нем. И се вторая дверь покаяния. Горе нам, которые ограничиваемся только ведением о грехе, но, чуждаясь сего труда, уклоняемся от прямой борьбы с ним, ибо такой человек

не имеет извинения во грехе своем (Ио. 15, 22). Но самопознание приводит к самоукорению, а самоукорение к новому самопознанию: все шире распахивается бездна сердца, открываются в памяти его новые грехи, и на самом дне его клубится змий первородного греха. Внимание к себе, труд духовный не приводит, однако, к расслабленности или упадку. От него крепнет мужество, обновляются силы души, осоляется ее естество. Кающийся во грехах совершает незримое усилие, пребывает в духовной напряженности, которая отражается и во всей его жизни. И он имеет свои утешения, ибо Отец Небесный дарит его щедротами в таинстве покаяния, дает ему радость прощения. Воздаждь ми радость спасения Твоего и духом владычним утверди мя, снова молится с псалмопевцем (пс. 50) кающаяся душа. Подвиг покаяния есть сердце всех подвигов, вот почему у великих подвижников и сочетается он с благодатным цветением всех сил духовных. В покаянии освобождается перводанное естество человека от искажений греха. Чтобы явить грешнику спасительный плод покаяния, Господь и даровал отпущение грехов в таинстве покаяния. В нем бывшее становится небывшим, язвы греха исцеляются силою Христовой. Однако лишь то изглаждается, что обретоено человеком в сердце его, осуждено и поборяется. Человек сам должен развернуть печальные страницы в книге жизни своей, дабы изглажены были они благодатию таинства. Нераскаянное и не изглаживается. На все полезно истинное покаяние: оно дает исцеление и здравие, мир и радость, смирение и мужество, трезвение и бодрствование. Оно чрез вражду с грехом укрепляет любовь к Богу и свидетельствует о ней. Всегда нам нужна сила покаяния, но св. Церковь выделила и благословила для нарочитых дней покаяния св. Четырдесятницу. И се ныне призываются к нему души наши молитвою: покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!

О СВЕТЛОЙ ПЕЧАЛИ

В преддверии Великого поста

Есть духовное чувство различия времен церковных. Словно разным воздухом дышим мы в будни, или воскресенья, или в дни великих праздников. И совершенно исключительным в нашей жизни является время Великого поста, светлое и покаянное, радостное и трудное. Торжественная серьезность и особая легкость входит в душу, когда она отдается покаянию. Она поднимается тогда над уровнем обыденности и дышит разреженным, бодрящим воздухом горных вершин. Великий пост дает чувство ответственности за свою жизнь, видение себя пред Богом в свете вечности, вместе с острым чувством сознания грехов, как бы страшного суда над самим собой. Светом Великого поста проникаются сумерки нашей души. Радость ведения духовного родит "печаль яже по Бозе", зовет к труду покаяния, изнурительному и тяжкому, но и целительному и спасительному. Не напрасно в самый канун Великого поста, в неделю сыропустную, вспоминается изгнание прародителей из рая. Это чувство потерянного рая сопровождает дни Великого поста. Мы помним рай в чистоте золотого детства, как изначальную стихию нашей души, и, не зная его, мы тоскуем о нем. Из противоречий соткана душа в состоянии ее падения, и это чувство обостряется до боли, когда она углубляется в себя. И эта острота противоречий есть жгучая сила покаяния. Оно есть в кающемся себя — отрицание в данном своем состоянии, и, однако же, оно неразрывно

связано с памятью о райской чистоте в первозданности. Оно есть страдание блудного сына в омраченности грехом, и однако и в нем хранит он память отчего дома, печать своего богосыновства.

В дни Великого поста Церковь облачается в темные ризы и как бы возвращается в Ветхий Завет. Непрестанно повторяются в ней молитвенные слова покаяния. И однако мы вступаем в Великий пост через обряд прощения под пение пасхальных гимнов, и тьма греховная прорезывается в нас светом Христова Воскресения. Все духовное устремление Великого поста определяется этой его связью с грядущей Пасхой. Вообще о каждом из времен церковных следует сказать, что оно определяется не только по себе, но и по всей связи своей с другими временами, и было бы неверностью, если бы мы воспринимали его вне этой связи, как единственное и самодовлеющее. И особенно важно это знать относительно Великого поста, как особого образа нашего самосознания в покаянии. В его напряженности, во всем ужасе и отвращении перед своей греховностью, мы ощущаем в себе силу зла, власть небытия, глубину ничтожества. И чем острее в нас это чувство, тем более слепнем мы в обступающем мраке. Природа покаяния связана не только с бременем греха, которое всегда невыносимо, но и с острым сознанием недолжности его, с болью от противоречия, нас раздирающего. Покаяние в глубине своей подобно смерти, которая страшна и беспощадна, неотразима и убийственна. Как мрачную тень, сопровождается оно бледным спутником уныния и отчаяния, от каковых нарочито остерегает Церковь в дни покаяния, когда душа как бы замыкается в темницу греха (см. Иоанн Лествичник) и в ней задыхается в печали и в ужасе. Дух уныния лукаво нашептывает человеку, что весь он принадлежит греху и ничтожеству, вместе со всем миром. Взяв повод от греха и покаяния, клеветник (диавол) оклеветывает и мир, и человека. И во имя покаяния эта клевета порой принимается за всю силу и истину

христианства, которое как будто все исчерпывается и ограничивается особой природой Великого поста.

Однако, что есть истинное покаяние, что оно собою предполагает и в себя включает? Оно есть, прежде всего, различие, ведение грани добра и зла, тьмы и света: "и свет во тьме светит" (Ио. 1,5). Чернота тьмы без света невидима и неошутима. Чтобы каяться во зле, надо видеть добро и, мало того, любить его, чувствовать его силу, верить в него. Истинное покаяние рождается от духовной силы, а не слабости. Оно менее всего есть слезливое и трусливое себялюбие, корыстное чувство раба, боящегося бича своего господина. Оно рождается из любви человека к Богу и к человеку, к себе самому, как Образу Божию. Если покаяние и связано с чувством смерти, то лишь в том смысле, что память смертная есть непрестанная проверка образа временности пред лицом вечности, но не отрицание ее значения. Нельзя духовно бежать от смерти, стараясь забыть о ней, но и нельзя жить во имя смерти, ибо это есть хула на жизнь. И смерть может и должна быть радостна, подобно весне духовной Великого поста, ибо и она есть жизнь. Христос соединил жизнь и смерть во Своем воплощении, поправ смертию смерть.

Много зла принесла и приносит эта проповедь о тьме без света, о покаянии без надежды, о ничтожестве твари без ее вечной пребываемости... И для этого не-христианского умонастроения берется предлог и от Великого поста. Но пусть умолкнут эти клеветники жизни, ибо Великий пост есть и благовестие Пасхи, и печаль его есть только путь к радости Воскресения, и зовется он пост "светоносный" и "светлый". И не один призыв к покаянию содержит в себе проповедь Великого поста, но и то благовестие, из которого рождается и самое покаяние. Оно — о Богосыновстве человека, носящего образ Божий. Оно — о Богочеловечестве, в котором Бог навеки соединил Себя с человеком и с миром. Об этом говорит нам не только светлое торжество божественной

евхаристии, общего причащения, к которому ведет нас Великий пост в "говении", и не только невечерние светлые дни воскресных, но нарочитые ознаменования этих дней, которыми пронизана долгая ночь Великого поста. Эти ознаменования именно свидетельствуют о той первоизданной природе человека с изначальной его близостью к Богу, которая нарушена, но не разрушена грехом. И именно эти светлые ознаменования дают нам то, что нужно для полноты покаянного чувства. Они дают для него ту внутреннюю опору, вне которой оно теряет свой подлинный смысл. Вслушаемся в этот язык священных символов.

Первое воскресение Великого поста, "неделя Православия", посвящена торжеству иконопочитания, празднуемому, конечно, не только как историческое воспоминание, но и в его догматическом значении. Признание изобразимости Христа на иконе свидетельствует, что Богочеловек Иисус, соединяя в Себе две природы, божескую и человеческую, имеет один нераздельный образ, притом не просто лишь человеческий, но и богочеловеческий. Это значит, что образ Божий есть Первообраз для человека, и человек в себе имеет образ Божий: "есмы неизреченные Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешения". В дни покаяния, когда человек как бы теряет веру в себя самого, ему одновременно напоминает, что образ Божий в нем есть основа его существования, неистребимая грехом. Покаянием она призывается явить в себе этот суций в нем первообраз. Природа человека не есть пустота и ничтожество, но таит в себе основу богосыновства. И такова должна быть внутренняя основа его покаяния.

Второе воскресение, посвященное памяти св. Григория Паламы, есть догматическое свидетельство Церкви об обожении человека Божественною благодатию. Является ли то благодатное осияние, которое подавалось подвижникам на путях их "умного делания", непрестанной молитвы, истинным явлением Божества и человек подлинно

может стать достоин приятия Божественного света? Это снова говорит о богопричастности, как той цели, которая ведет кающегося грешника на путях покаяния.

Наконец, третье воскресение Великого поста, крестопоклонное, есть торжество нашего искупления. Кресту мы поклоняемся как орудию нашего спасения, вместе с тем соединяя это поклонение и с созерцанием Христова воскресения. Как горькие воды Мерры услаждаются деревом, брошенным в них по повелению Божию Моисеем, так и созерцанием креста Христова услаждается горечь покаянного подвига. Но символ креста говорит нам еще и о горнем: он "носит Троицы триипостасныя образ". В нем знаменуется тайна взаимоотношения любви в Св.Троице, которая есть жертвенное самоотречение или самоистощание каждой из Ипостасей, но вместе и жизнь ее в других: "троица в единице и единица в троице". И Бог, Любовь крестная, сотворил человека по Своему образу, начертав в нем образ креста. И этот образ крестной любви Бога к человеку начертывается и в качестве ответной любви человека к Богу. Какое иное знамение может более возвеличить человека? Но как бы для того, чтобы уравновесить в душе человека эти радостные знамения зовом к покаянию, в четвертое и пятое воскресение Великого поста Церковь ставит пред нашим духовным взором суровые и величественные образы подвижников и проповедников покаяния, прошедших его путем к предуказанной человеку славе: св. Иоанна Лествичника и св. Марии Египетской. Однако и это не есть еще последнее слово Великого поста, обращенное к человеческой душе. Он завершается прославлением Богоматери ("акафист") и Лазаревым воскресением, уже соединяющим Великий пост со Страстной Седмицей. Имя пресвятой Богородицы начертывается и праздником Благовещения, который обычно приходится на время Великого поста. Церковь ставит пред нашим созерцанием высоту и святость пресв. Богородицы. Но Она, благодатный сосуд Духа Святого, Матерь Божия, давшая

человечество Богочеловеку, есть и Мать человеческого рода. Она принадлежит ему, как его отпрыск, его слава и святость. Она свидетельствует Собой, как много дано человеку Богом, к чему он призван Им, куда ведет его восхождение на путях Богочеловечества. Кающегося грешника Церковь снова и снова уверяет и в его богосыновстве, и в его славе.

В такой осиянности проходится тягостный путь покаяния. Это есть путь веры — веры в Бога, в Его милосердие кающимся, и веры в человека, которому присуще богосыновство. И чем сильнее переживается первое, тем жизненнее ощущается второе. Посему покаяние не есть саморасслабление человека, его отречение от своих человеческих сил и призвания, но есть его укрепление в истинной человечности. К жизни, к деланию во имя Божие, к любви к человеку и к Божьему миру возвращается он с горных вершин, где дышал он хладным и чистым воздухом покаяния, к светлым подвигам и вдохновениям.

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ МЫ ТАМО СЕДОХОМ И ПЛАКАХОМ

Снова зазвучали эти слова, слова песни в изгнании. Мы их слышали на родине нашей, потрясались дивной красотой этих художественных образов; душа растаявала, нам мечталось под них, но мы не понимали настоящего их значения. С такой силой исторглись они две тысячи лет назад из сердец народа Божия — плач обо всем потерянном, плач об алтаре, плач о святыне, о противлении делу Божию... Теперь и мы в том же положении.

В Вавилоне евреи были десятки лет, целые поколения погибли, они потеряли все: родину, святыню, язык (вернулись с арамейским языком, на котором говорил и Христос). Но не потеряли веры и любви (этого нельзя терять) и с этим они вернулись.

Нам в хорошие времена и на нашей родине пелась эта песнь, чтобы мы помнили и взыскали град Божий, Иерусалим небесный. Тогда мы этого не понимали, а только умилялись красотой, а теперь понимаем и чувствуем, так как сами в изгнании.

Не иметь родины — это значит всегда болеть. Помните, что в Вавилоне, в земле изгнания, умерла большая часть, кто телесно, кто душевно забыв Иерусалим. (Десять колен погибли, остались лишь два). Смерть не есть смерть души, а развоплощение ... лишились тела. Так и лишившиеся

родины как бы умерли: и живут, и не живут, как бы не имеют тела. (Они не могут по-настоящему принимать участия в чужеземной жизни). Это удел изгнания, такое же изгнание несут и на родине нашей те, которые не соглашаются с неистовством злобы, с разрушением алтарей — они там также изгнанники. Там лишены времен и сроков, лишены святой седмицы... Куда нам нести свою скорбь, куда обращаться, чего ждать?

Мы никогда не возвратимся на родину в настоящем смысле этих слов. Те, которые возвратятся, будут и там "на земле чуждей". Много придется претерпеть, чтобы предаться там деланию в сознании, что это наше тело.

Родина наша — святыня, место святого Града, созидаемого посреди стен Вавилона. Песнь эта есть одновременно плач об отечестве земном и отечестве небесном — а мы лишены и того и другого. Наш подвиг заключается в том, чтобы жить полнотой жизни русской и нашей веры и любви к Богу.

Изнеможение веры есть слабость и суд над самим собой, до Страшного Суда. А вера есть любовь. Неужели мы любим родину потому, что мы там были господами и хорошо жилось? Нет, любовь должна быть жертвенной. Не о счастье, не о благополучии мы должны мечтать в связи с мыслью о возвращении на родину, но должны молиться, как блудный сын: не достоин уже назваться сыном, но прими, как наемника.

12 февраля 1933 г.

АЩЕ ЗАБУДУ ТЕБЕ, ИЕРУСАЛИМЕ, ЗАБВЕНА БУДИ ДЕСНИЦА МОЯ!

Когда звезды на небесном своде обращаются в меру суточного времени, светила стоят то над нашей головой, то справа, то слева, то совсем скрываются. Так и песнь эта в разные времена нашей жизни вызывает в нас разные чувства, разное нами воспринимается. Может, мы плакали над ней в дни счастливого детства, волнуемые грустью этой вдохновенной песни, дивной красотой этих совершенных образов — дев, повесивших арфы на прибрежных деревьях. Тогда было сладко и безответственно легко воспринимать это великое произведение. В настоящее время созвездие стоит прямо над нашей головой и поется эта песнь о нас самих и о нашей родине, обостряет нашу боль и ставит нам вопросы. Около пятидесяти лет были евреи в изгнании — это смена почти двух поколений. Не те люди вернулись на родину, которые ушли в изгнание, а новое поколение. Но это был тот же Израиль, но в меньшинстве, в нищенстве, и пришел он не с пустыми руками, а с тем, что приобрел в изгнании.

За это время у Израиля были величайшие пророки: Иеремия, ранее предсказавший Божье наказание, плакал на развалинах Иерусалима; в плену Иезекииль пророчествовал о новом храме и храмовом благочестии, полагая законы,

ограждающие его; Даниил вещим взором прозревал мировую историю. За это же время возник и псалом 136-й, который мы сегодня слышим. За время пленения Израиль созрел мудростью и ведением своей веры, обогатился и просветился, укрепил закон в письме.

В Вавилоне Израиль находился среди самого могущественного, самого просвещенного и самого развращенного народа. Многие не устояли против этих соблазнов и остались там; иные, уйдя, сожалели о брашнах Вавилонских. Но те, которые шли с Ездрой и Неемией, донесли на родину свою веру и укрепили народ свой в законе и благочестии, что при дальнейшем развитии и возрастании дало полный расцвет и привело к рождению Девы Марии.

Никто не может мерить себя с избранным народом, но и нас Бог не оставляет своей помощью, не лишает нас ангелов хранителей.

Что же должны мы делать, в каких чувствах укреплять себя, чтобы достойно вернуться на родину, кому это суждено?

Достойнее всего то чувство, которое выражено в последних словах песни: "Блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень", но это чувство мертвящее. (И слова эти могут служить некоторым соблазном, если не понимать их духовно).

Если мерить себя по созвездию этой песни, нужно иметь силу веры, нужно помнить, что Израиль, вышедший из Вавилона маленьким народом, стал впоследствии всемирным Израилем духовно. Как это сказать, как начертать себе? Нельзя сказать: я хочу быть мудрым, святым, добрым... Это можно иметь только, как внутреннее око, как любовь, как стремление к небесному Иерусалиму... Мы приступили "к горе Сиону и ко граду Бога живого, небесному Иерусалиму и тьмам ангелов; к торжественному собранию и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших

совершенства, к Ходатаю Нового Завета Иисусу..." (Евр. 12, 22-24).

Не будем говорить себе, что лишь мудрые, сильные могут творить связь с родиной небесной и родиной земной; а мы маленькие и слабые, нам только бы просуществовать, стиснув зубы пройти через все испытания. Будем помнить, что в духовном стоянии всегда есть видение неба, от него нельзя заслониться (в меру нашего зрения мы можем видеть и небо, и звезды)...

Некоторые вернутся в нашу родную святую землю, а иные останутся и уподобятся народам, среди которых живут. А с чем вернутся? Вспомним притчу о двух сыновьях. Младшего возлюбил отец, не за его грехи, но за его смирение, веру и любовь. Старший считал себя ближе всего стоящим к отцу, но в нем не было любви, не было Бога. Встретим ли мы заблудших братьев, оставшихся на родине, словами: "блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень" (чувство мести)? Или как старший сын, который не хотел войти на вечерю, чтобы не оскорвиться? Или как младший, со смирением? Вспомним слова, слышанные нами вчера и которые поются при пострижении: "Объятия Отча отверзти ми потщися: блудно иждих мое житие, на богатство неизживаемое взираю щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее сердце не презри. Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою!" Это призыв к монашескому подвигу — смирения и любви.

воскресенье 4 февраля 1934 г.

В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Постыщися, братие, телесно,
постимся и духовно.

Наступает и для этой тяжелой години время Великого поста. Он установлен Церковью на многие времена, во всем многообразии их. Устав поста остается неизменным, этого как будто и не замечая, на это не взирая. Но и в стремительном потоке времени, и во всей пестроте жизни, в сущности, всегда по-новому мы ощущаем веяние Великого поста, его стремимся ощутить особенно ныне. Миновали те времена, когда размеренно и спокойно проходили великопостные сроки. Мы ввергнуты в житейское море, кипящее от мирового пожара, поставлены пред испытаниями и искушениями, которых не знали наши предки, хотя никто и из них не был свободен от своих собственных трудностей. Нам же теперь особенно необходимо — каждому по-своему — спросить себя, как же ему надлежит осуществлять веления Четырнадцатидневия. Есть ли в них то, что послабляется и даже отпадает, устраняется современной жизнью, и что, наоборот, получает особую, как бы новую силу?

Прежде всего, слабее звучат для наших современников, которые давно уже и помимо воли повергнуты в состояние оскудения и нужды, суровые требования телесного воздержания. То, что по мысли Устава должно

явиться подвигом воздержания, в нашей повседневности является невольным. Здесь применимы поэтому более гибкие и снисходительные требования, соответствующие особым условиям нашего времени, и уже не пользуется фарисейское блюение буквы, согласно слову Господню: "Суббота для человека, а не человек для субботы". Разумеется, оно не должно применяться как благовидный предлог к полному освобождению от поста телесного, потому что и воздержание может осуществляться различно. Если человек искренно и добросовестно ищет, как его применить, он находит должную меру и степень.

Однако же, если силою обстоятельств телесное воздержание теряет первенствующее значение, как вольное делание, тем большую важность получают веления "поста духовного", как особого напряжения мысли и воли в соответственном направлении. Пусть не под силу большинству из нас, кроме совсем немногочисленных исключений, и продолжительность и частота великопостных богослужений. Наше напряжение может относиться к непрестанному памятованию о Боге, к проверке себя в свете совести, к духовной самособранности, к углублению в свой духовный мир. Видение себя в грехах своих пред лицом Божиим есть покаяние. Оно взыскует благодатного освобождения от тяжести грехов через таинство покаяния, к покаянной встрече со Христом: "Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое"... А эта покаянная встреча ведет и к брачной встрече со Христом, к принятию Небесного Жениха в душу, Ему уневестившуюся, в таинстве причащения. Покаяние рождает в душе новую жажду такого соединения и дарует новую от того радость. Причащение святых Тайн Христовых, в связи с покаянием, должно явиться основным событием нашей жизни в дни Великого поста, единократным, или же, лучше, повторным. Всем этим создается и особая вдохновенность великопостного времени, с духовными его восторгами.

Оно может быть и должно явиться не только печалью по Боге, но и светлой радостью о Нем. Наряду с богожитием великопостным, в нем должно найти себе место, хотя в качестве коротких просветов, и богомыслие. Сколь бы ни были малы наши духовные досуги, оставляемые трудною жизнью, они не исключают возможности молниеносных озарений, особых, великопостных откровений о Боге и человеке, об Искупителе и искуплении, о грехе и спасении. Они навеваются и богослужениями Великого поста, с их нарочитой богословской насыщенностью. В нас обостряется сознание нашего удаления от Бога в страну далеку, вместе с зовом к возвращению блудного сына под кров Отчий. В некоей прозрачности духовной зрится глубина небес, в ее лазури ощутима близость Божия. Есть особое духовное чудо Четыредесятницы, которое мы переживаем, часто вовсе не отдавая себе отчета, — детскость души, обретающей открытые объятия Отчи.

Духовная пробужденность возрастает от силы в силу, достигая вершины к свершению Великого поста, к Страстной седмице, которая есть чудо всех чудес великопостных. Христиане забывают, а чаще и не доверяют тому, к чему они призваны в духовности своей.

Рассеянно и хладнокровно слушают они о вещах духовных, как о чем-то постороннем, чуждом и недоступном. Но о ней-то и должна гореть и ревновать душа, чаять и верить.

А в наши дни нужды и смятения, войны и бедствий в этом и состоит главная задача великопостного подвига: духовно победить свое маловерие, познать Бога в землетрясении и буре, обрести радость веры.

С нами Бог. Вот для чего дан нам Великий пост как время великого духовного делания сокровенного. "И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно" (Мт. 6, 6). Аминь.

1941 г.

В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Приблизился Великий пост. Но невольно себя вопрошаем: как встретим и проведем его в наши дни великого и всяческого смятения? Душу щемят дорогие сердцу воспоминания прошлого в "доме отчем": сны золотого детства воскрешают пред нами его светлые образы. Тогда, на родине дальней, в прозрачности близящейся весны, звучали нам протяжные кроткие звоны, звали в храм, а мы послушно следовали им. Тихое умиление наполняло душу, торжественная важность и простота, вся красота духовная ее расплавляли. Им внемя, как будто останавливалась и природа и жизнь в безмолвии: омывалась и светлела душа в покаянном делании своем. Таково детство души, хранящей память Эдема, которого лишилась. Этому вторила и вся уставность жизни в святые дни: телесное воздержание с длительным храмостоянием, настойчивость в молитве с "говением", завершающимся таинствами покаяния и причащения, как новым рождением.

Но где же теперь эти светлые дни для многих, если не для большинства, и придут ли они? Так спрашиваем себя невольно, с тревогой и болью о страждущей братии нашей. Церковь неизменно хранит память о них в размерности своих времен и сроков, но не отнята ли от нас весна духовная, — здесь вместе с родиной, но и там, в стране

родимой? Тяжелое темное облако уныния и недоумения легло на души: не мир, а бедственные войны, не умиление церковное, но гонение на святыню, не воздержание, но изнуряющая душу и тело скудость, не покаяние, но надрывающая сердце забота, не чреда богослужений, но иная чреда со своими собственными временами и сроками: такова ныне жизнь.

Как будто в ней торжествует только мирское, мертвящее и иссушающее, обнажающее душу, срывающее светлые ее одеяния. И по-иному начинают тогда звучать напевы церковные с глаголами их, не вдохновляя, но утомляя, как бы не доходя до слуха. Для этого нужен незнаемый досуг души и тела. Пред лицом этого, себя как будто переживающего, уклада жизни в душах поднимается горечь и раздражение, почти враждебность к тому, чем прежде питалась и согревалась душа. Что теперь с нами происходит? Есть ли отсюда исход иной, как в забвение, в "страну далеку" блудного сына?

Таковы чувства эти и мысли, которые давят на сердце, как "дух праздности и уныния", о победе над которым учит молиться Церковь в великопостные дни. Как его побороть, как устоять пред этим распадом духовным, не своей человеческой немощью, но помощью Божией? Где найти слова ответные, победные, утешающие, возрождающие?

Дорогие братья и сестры, они есть, эти слова, они сказаны давно и на все времена, для всех условий жизни с ее событиями. И они сказаны Господом Иисусом, сказаны и многократно повторены: "Это Я, не бойтесь! Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Веруйте в Бога и в Меня веруйте". Христос всегда с нами и один и тот же. Не забывает и не оставляет нас Бог, когда мы Его оставляем, и нет в Нем лицепрятия. Каждого ведет Он особым, ему свойственным путем, милует, избирает и призывает, и ныне мы призваны и избраны Им не меньше, чем в дни благополучия, и должны явить себя достойными

этого избрания, которым почтены мы от Бога. Мы призваны к особливому подвигу веры, мужества, "терпения и любви". Мы должны познать и приять многое через малое, радость через скорбь, не в многоглаголании, но молитвенно обрести на дне души своей ее жемчужину. Нам доступна лишь мытарева молитва, в ее краткости, но и в ее силе, за нас пусть молятся полнее те, кто и поныне остаются к тому призваны. Если отнят у нас вольный подвиг постного воздержания, да вменится в него терпение и братолюбие. Превыше же всего да явим силу веры и ее мужество. Если многое у нас ныне отнято из того, что прежде было дано, однако не выстрадано, то теперь, когда уже нет этого дарового дара, Господь дает страдать за Него и с Ним, таков великопостный зов Его к нам.

Потому да не смущаемся и малостью и краткостью нашей молитвы храмовой и келейной, если она такова не от лености нашей. Она может стать и великой пред Богом и мытаревой: он молился "стоя вдали, не смея даже поднять глаза на небо".

Вот каковой требуется от каждого из нас подвиг великопостный, вот от чего не можем мы уклониться: память о Боге сердечная, сокрушения и воздыхания о грехах своих в сердце, чувство ответственности за свою жизнь.

Благодать поста, которая и ныне от нас не отнимается, дает нам ту прозрачность в духе, в которой мы видим себя во грехах своих, но вместо успокаивающего услаждения она хочет от нас мужественно страждущего сердца, в приятии своего креста, в следовании за Христом. Бог дает, каждому в свое время, ему нужное.

Войдем же в силу Великого поста с покаянным самопознанием и творческим его вдохновением.

Горé имеем сердца! Аминь.

1942 г.

В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Снова звучит благовест весны небесной, отверзаются двери покаяния, к плачу зовется душа на реках Вавилонских в приближении Великого поста. Доносятся ли до нас эти зовы? Касается ли нашего сердца тихая их благодать? Способны ли еще мы на них отозваться? Так мы проверяем себя невольно в своем оцепенении, растерянности и испуге духовном. Уже не один раз в последние годы нам казалось, что переполнена мера грехов и страданий и наступают последние времена. Удел человечества становится как будто все тяжелее, и в тяжести непосильных испытаний изнемогают наши немощные души. И однако Господь, пророчествуя и о последних временах, все-таки прибавляет: "Претерпевший же до конца спасется!" (Мт. 24, 13). Значит, не должно быть границы христианского мужества и долготерпения, все побеждающего, с такой неумолимостью нам это повелевает христианская совесть. Если мы и станем, жалуясь, исчислять тягости жизни, ее скорби и ужасы, то все равно не исчерпаем изобретательности во зле духов злобы и их служителей и только будем ввергать себя в состояние страха. А этого-то и хочется "мироправителям тьмы века сего", победы над нами духовной, но и ее-то именно и не должны мы над собой допустить .

Во времена былые нам естественно являлась доступной духовная жизнь, теперь же мы призваны к трудной и

мужественной борьбе за самое ее существование в нас. От нас требуются ныне непрестанные усилия как для внешнего, так и внутреннего самосохранения. Однако судьбы мира неизменно остаются во власти Божьей, поущение зла знает свою меру и промысел Божий ведает пути человеческие. Он запечатлевает свою печатью избранных своих, от всех колен и языков, и ангелы Божии вместе с нами поборают воинства вражии. Такова наша вера. Бог знает и немощь нашу, и мы должны искушаться ею и ныне. Сам человек не имеет собственных для себя весов, которые пребывают в руках Седящего на престоле, и мера эта различна во дни благополучия и времена испытаний.

Великое может явиться ничтожным, как и малое великим. А потому мы и сами одинаково не должны искушать себя требовательностью непосильной, как и поблажать себя в лености духовной. Мы знаем, сколь трудно дается теперь жизнь духовная, и как редки и малодоступны ее вдохновения. Нам кажется порою в унынии, что нас постигает богооставленность, но сами впадаем в окамененное нечувствие, охладевает молитва, оскудевает любовь, в душе воцаряется серая тупость. Но то не Бог оставляет нас, ибо всегда Он близок к нам, а мы Его оставляем, не ищем познать Его близости, утвердиться в ней, тогда именно, когда это всего нужнее, ибо всего труднее. Мы вспоминаем, каким благодатным даром, легко и радостно нам подавалось это чувство близости Божьей, каким торжеством духовным являлись для нас и эти дни приближения Великого поста, погружение в его спасительные воды. Теперь немногим уже, лишь на краткие мгновения доступны эти утешения. Однако нищий ценит последнюю лепту, которую еще имеет, притом не меньше, но, может быть, полнее и больше, нежели былые богатства. Ныне испытывается наше терпение и верность. Но — говорит Христос — "не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть" (Откр. 2, 10). К нам, верным ныне, как неким избранныкам, запечатленным печатью Божьей, призванным к великому долготерпению, обращена

и Его любовь и обетование: "Кого Я люблю, тех обличаю и накажу. Итак, будь ревностен и покайся" (Откр. 3, 19).

Итак, и ныне, вступая в дни čtyрдесятницы, станем не утрашаться своей немощи, но радостно вдохновляться хотя бы крохами, которые упадут нам от трапезы духовной, и жадно ловить их.

Златоустый проповедник радости пасхальной зовет к ней постившихся и не постившихся, пришедших не только в ранний, но и в последний час, и пусть каждый да не страшится и ныне своей скудости духовной. Каждому доступно погрузиться в себя, став пред Богом, хотя и на краткое мгновение. Едва ли не у каждого найдется возможность хотя бы малого и редкого участия в молитвенном пире Церкви в недели Великого поста, если только этого искать и жаждать.

И каждый призывается очиститься в эти дни покаянием и освятиться общением со Христом чрез приобщение Его тела и крови. Надо лишь искренно того возжелать, и это требование к себе не устраняется никакими внешними препятствиями, а только внутренним самоустранением и самоотлучением.

Пусть будет мало это свидетельство нашей верности Христу, но Он ведь обещал нам: "В малом ты был верен, над многим тебя поставлю: вниди в радость господина твоего!" (Мт. 25, 21).

Поэтому с приближением Великого поста каждый да спросит себя, как он откликнулся на это призывание и что может он принести Богу в жертву духовную, — не больше того, что ему по силам, но и не меньше, ибо Господь любит любовь ревнующей. Он сказал: "Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет" (Мт. 25, 29). И Он же обещал нам: "И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя в годину искушений, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле ... держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего!" (Откр. 3, 10). Аминь.

1943 г.

”И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША”

Есть священные времена и сроки церковного года. Есть особая благодать этих времен. Мы это испытываем или сознательно, или бессознательно. Иное — воздух буден или воздух воскресенья, иное — воздух Рождества, поста, Пасхи. Когда душа приближается к посту, она светлеет и радуется. Мы, которые незаслуженно имели счастье провести детские годы на родине, в земле обетованной, вспоминаем, как мы проводили там пост; вспоминаем разрешающую зиму, раннюю весну, звон колоколов... Нам было естественно блюсти пост, вся жизнь прислушивалась к этим редким великопостным звонам. А еще в большей и дальней выси христианской жизни на Великий пост закрывались монастыри и подвижники уходили в пустыню. Пост проводили в молитвенном созерцании и стоянии.

А мы? Мы, живущие здесь, на Подворье, по милости Божьей, имеем возможность проводить пост надлежащим образом, но вы все, находящиеся в земле изгнания, не имеете этой возможности. Вам, чтобы вдохнуть этот воздух поста, нужны особые мысли и усилия. А тем, кто остался на родине, где нагло торжествует богоборчество, — еще труднее.

Нам нужно нести Великий пост в своем сердце, он состоит не только в соблюдении поста и в церковных службах. Сегодняшний евангельский текст (Мт. 6, 14-21) отвечает на это. Господь предвидел времена, когда нельзя и немудро внешне поститься, но да будет сердце наше открыто, да волеется

в него благодать поста. Те, кто постится, пусть не осуждают тех, кто не постится. Соблюдайте, что можно, главное — не должно быть неумеренности. Если вы уже заранее решили, что пост неисполним — это неправильно. Невоздержание — есть поругание поста. Для всех неустрашим и обязателен закон прощения, воля Божия о прощении. В молитве Господней: и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим — "якоже" не означает "также", но "поскольку". Это закон Божий и внутренняя необходимость. Может, и не нужно просить не наказывать за грехи, мы просим не об этом, а о прощении, о примирении с Богом, чтобы мы обновились. Можем ли мы принять Божье прощение, если мы сами не прощаем, если мы этого не можем вместить? Тогда это будет нам лишь "в суд и во осуждение".

Наша греховная природа подобна животной, где царит гнев и истребление. Мы должны сделать великое усилие — Бог хочет от нас противоестественного, да мы и находимся в противоестественном состоянии.

Мы думаем иногда, что прощение есть примирение со злом, но это не так. Именно, кто безразличен — тому легко простить.

Господь обличал фарисеев, Ирода, молился за распинающих. Это показывает, что можно быть непримиримым и прощать, но надо не носить зло в сердце своем, не иметь чувства мстительности, надо отделять зло от себя. Все мы нуждаемся в прощении, взгляните в свою совесть — мы все беспредельно друг перед другом виноваты, но мы это увидим лишь некогда в свете совести. Чтобы сегодняшней обряд прощения не был лишь обрядом, надо осознать себя — сегодня память изгнания из рая: "И седе Адам противу рая, взывая..." Надо почувствовать себя изгнанным из рая. Рай — это наше сокровище, потерянный рай, который нам дано искать и обрести.

Милосердый Господи, помилуй нас, падших!

Прощеное воскресенье. 26 февраля 1933 г.

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Неделя о Прощении, и Церковь повелевает мыслить о прощении. Что это значит? О чем мы просим, когда просим о прощении своих грехов? Просим ли мы, как ленивые и лукавые рабы, быть освобожденными от заслуженного наказания? Так бывает в гражданской жизни, где виновных иногда освобождают от наказания, но иное в духовной жизни, здесь закон неумолим. Да если бы так просили, мы были бы недостойны прощения, и просим мы не об этом, а о том, чтобы Господь сгладил наши грехи, сделал бы их несуществующими, чтобы действительное стало бы недействительным. Христос всех сделал своими, всех искупил и тем приобрел эту власть — покрывать, делать как бы несуществующими наши грехи. Прощение — это любовь Бога к нам, Он как бы не видит наших грехов.

Но закон в том состоит, что если мы не прощаем, то и нас Господь не прощает. Воля Божия есть воля Творца, создавшего нас на подобие свое, — и Он нас сотворил так, что если мы не прощаем, то прощение остается для нас недействительным, мы не можем вместить его и Бог не может нас простить. Как же это? Мы должны сделать по отношению к ближним то, чего хотим себе от Бога — покрыть любовью их грехи. В притче о блудном сыне отец все покрыл любовью у младшего сына, а старший поступил исключительно по закону, но без любви.

Богу грех ненавистен, но Он покрывает его своей любовью. Это богоподобие требуется от нас для прощения. Но сердце

жестоковейное и черствое, которое хочет прощения только для себя, — не может быть прощено. Это заповедь о любви к ненавидящим; надо совершить нравственно чудо — ожесточенное, ненавидящее сердце сделать прощающим. Бог помогает нам простить. Что значит простить царящее зло? Не значит ли это примирение со злом? По холодности сердца и малодушию мы это так понимаем и закрываем глаза. А надо открыть глаза и с силою и напряжением простить. Надо, любя грешника, ненавидеть грех; надо отделять наше прощающее чувство к нему от ненависти к злу.

Иные спрашивают, как прощать большевиков? Ответ на это — слова распятого Христа. Непримируемость с тем, с чем нельзя примириться, должна быть, но нельзя носить зло в своем сердце, иначе мы отравляемся, заражаемся сами и становимся подобными им. Трудна заповедь эта для понимания. У многих, может быть, нет личных врагов, но если это так и у нас нет преступлений, мучающих совесть, незаметные грехи садятся как пыль на сердце. Неизбывный грех — это неделание: отчего не посетили, не накормили, не одели...

Любовь жадна и бывает неудовлетворена. Всегда можно найти недостаток внимания, недостаток сочувствия. Если бы мы умели любить, вся наша жизнь была бы светла. В тот день, когда мы не сможем глядеть не только на Судью, но и друг на друга, — мы поймем, как мы виноваты перед всеми за недоделанное.

Но может быть даже благо нам, если мы грешны и смиренны, как мытарь, и не имеем мыслей фарисея. Это вызовет искреннее покаяние. Пусть каждый остаток сегодняшнего дня употребит на обдумывание всего этого; тогда для него вечернее прощание не будет простым обрядом. Прощальный поцелуй будет действием веры.

18 февраля 1934 г.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ СЫРОПУСТНУЮ

Благословение Церкви к пути покаяния и заповедь прощения. Евангелие учит о прощении в молитве Господней, притче о немилосердном рабе, заповеди до седмижды семидесяти раз прощать, примиряться ранее принесения дара, такова воля Божия к апостолам о прощении, раз Бог простил во Христе. Прощение есть богоподобие в человеке, образ Божий; и в этом Бог дает и создает саму возможность прощения. Прощение есть условие и нашего прощения. Гнев Божий на непощение; оно создает невозможность прощенности, ибо есть нераскаянность. Покаяние есть движение сердца к Богу и, чрез то, освобождение от греха, смирение; непощение есть плененность злобою, отврат от Бога, победа зла и дьявола, искушение злом и удаление от Бога. В чем эта сила прощения, что она есть и что не есть? Ее подделки: 1) равнодушное безразличие к добру и злу или забвение под предлогом прощающего неосуждения: в гл. 17 Матфея, где притча о прощении до седмижды семидесяти раз и притча о должнике, притча и об обличении брата и отвержении его даже от церкви. Как Бог не мирится со злом и грехом, хотя прощает их, так и человек не должен; 2) безнаказанность зла и сопротивление ему. Зло, грех требуют наказания прежде всего для самого преступника и для всего общества, и всякая борьба со злом, если нужно, даже вооруженная. Прощение не должно давать развиваться злу и торжествовать греху.

О каком же прощении говорит Евангелие? Оно говорит о том, что делается в человеческом сердце, о покрытии чужого зла и греха любовью, как Бог покрывает наши грехи. Когда мы прощены, не только невменение греха, но и особая радость свободы от него, прощенности. Также и прощение нами состоит в освобождении сердца от ответной злобы, мстительного

чувства, ненависти, власти сатаны. Это есть победа над силой зла в себе.

Образ прощения — Господь наш. Но разве Он, безгневный, не судил, не называл фарисеев лицемерами, порождениями ехидны, Ирода — лисой, не изгонял торжников из храма, не будет судить на Страшном Суде? Он незлобив был в страдании Своем: Отче, прости им. Сатана вызывал Его на месть врагам: "сойди со креста", но это и была бы победа зла. Церковь поет: "незловиве Господи, слава Тебе!" И, однако, исполнилась кара Божия над святым градом и над женами и дочерьми иерусалимскими, и над теми, кто призвал кровь Его на детей своих. Правда Божия совершилась, но победа добра была чрез Агнца безгласного, ведомого на заклание. Прощение есть исторжение злобы, победа над сатаной, торжество любви к врагам своим, которой учит нас Господь. Где нет прощения, там нет и любви, и тот далек от Бога. Прощать противоестественно. Весь тварный мир движется отмщением, и закон правды, но еще не любви, был и ветхозаветный закон: око за око. Прощение есть дело в нас благодати Божией, которая, однако, никогда не дается помимо нашей воли. Но хотеть прощения, молиться о нем, стремиться к Тому, кто кроток и смирен сердцем, кто льна курящегося не угашает, хотя может испепелить весь мир... Рубцы и раны сердца у каждого, воля к прощению, отвращение к злобе.

В личной жизни и в делах гражданских. В отношении к родине мы должны соединить непримиримость к злодейству с немстительностью к злодеям. Иначе месть заведет борьбу и кару дальше, чем это достойно, и отравит новую злобой.

Постоянная самопроверка, аскетика осуждения и наказания. Своя личная жизнь и личные враги. Отделите злобу от праведного гнева, простите, если не можете остановить гнев, или не можете осудить себя, не отдавайтесь упоению гнева. Кто не может найти путь верный, кто не может стать, пусть оглянется и увидит свою злобу и ужаснется ее. И это может быть уже началом прощения.

РАСПЕНШЕ С НИМ ДВА ЗЛОДЕЯ, ЕДИНОГО ОДЕСНУЮ...

Ныне, в день поклонения Кресту Господню, уместно остановиться мыслью на учении о Кресте. Вообще это учение необъятно, но мы остановимся сейчас на словах: "Аще кто хочет по Мне идти, да возмет крест свой". Во взятии своего креста есть два начала: 1) взятие вольное, личный выбор и 2) принятие креста. Взятие креста трудно, жертвенно, но в этом есть и радость. В этом высшее раскрытие человеческой свободы, высший героический подъем. Вольное взятие креста есть творческое дело человека. Но кроме вольного взятия креста есть и его принятие, есть внешние условия, судьба, рок, неизбежность. Образ принятия креста мы имеем на Голгофе, где Господом принимается вся мировая скорбь, все неисчислимое и неисследимое горе человечества.

Нелегко принятие креста как судьбы. Нельзя себе даже представить ту бездну зла, которая существует в мире. Мироздание до того искажено падением твари, что иногда бывает трудно распознать мудрость и справедливость Божию. (Есть религии, считающие, что мир создан не добрым, а злым Богом, — настолько сильно в этих религиях ощущение мирового зла!) Иов в глубине своего страдания испытал эту трудность, но он угодил Богу больше, чем его разумные рассудительные друзья.

Человек не создан для страдания, а для радости. И Церковь молится: "О избавитися нам от всякия скорби". В Гефсиманском молении о чаше Христос не хотел страдания ("Аще возможно, да минует Меня чаша сия"), но принимал их ("Но да будет воля Твоя!"). Однако, в мире есть скорби и страдания, и волны их высятся и многое покрывают. Что делается сейчас на родине нашей, да и в других местах... Ответ на это — три креста на Голгофе, именно три, а не один крест Христа. Рядом со Христом распяты два темных, несчастных существа, именуемых в Евангелии "злодеями", очевидно, живших во грехе и творивших преступления. Тут они распяты и изнемогают телесно и душевно. Они умирают. Их души вопрошают о том, что происходит, они спрашивают: есть ли Бог ("Если Ты Христос, спаси себя и нас!"). Если Он — Бог, то он бы их избавил и упразднил бы этот крест. У евангелистов Матфея и Марка говорится, что оба носили Христа. У обоих одинаково напряженное неприятие страданий своих и Христа. У обоих недоуменный вопрос: "Если Ты — Сын Божий, — сойди со креста". Добро должно быть силою, и не должно быть побеждено.

По Евангелию от Луки, одному из разбойников раскрылся смысл происходящего, он осознал, что в его судьбе есть справедливость, так как он совершил зло, а Тот, кто с ним распят, не совершил. Вероятно, в лице Спасителя он увидел всепобеждающую любовь, ведущую к принятию креста. Если Бог добрый и мудрый, то почему существует в мире страдание? — На этот вопрос Бог ответил крестом своего Сына. Сын — это распинающаяся любовь, приятие воли Божией.

Тварь не имеет сил постигнуть волю Божию — в том и заключается подвиг, что, не зная, мы верим и любим. Христос сам пришел в мир и с миром страдает и умирает. "Вскую Мя оставил еси!", но Он же говорит: "Ныне же будешь со Мною в раи", — это ответ, что мир не создан для страданий, но для блаженства, к которому идет через крест. Ответ на

мировую скорбь есть Сын Божий, висящий на кресте. Христос в своем страдании вместил страдания всего человечества. "Ныне же будеши со Мною в раи" – это не ответ, которого ищет рассудочное человеческое сознание, а это ответ, что Бог этого хочет и ведет нас к этому. Как это совершится, никогда не узнаешь и не поймешь. Надо верить, не зная, не видя, не понимая, и тихо отойти в объятия любящего Бога. Эта вера должна быть подвигом всей человеческой жизни. "В чем застану, в том и сужду".

Сила креста есть для нас сила веры, а вера питается любовью ко Христу, вера, которая утешает и воскрешает.

"Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое поем и славим!"

Крестопоклонная неделя 1933 г.

СЛОВО НА УТРЕНИ В НЕДЕЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ

Нет и не может быть символа, который имел бы большее значение в православии, нежели честный крест: его мы поставляем над храмом и водружаем во храме, имеем на престоле и носим на персях, крестным знамением непрестанно себя осеняем. Почитание креста находит для себя достаточное объяснение уже в том значении, какое имеет крест Христов как орудие нашего спасения, то "преблаженное древо, на немже распялся Христос" (стихира Кресту). Поклоняясь спасительным страстям Христовым, мы поклоняемся и животворящему древу крестному. Господь наш не только сам распят был на кресте, но и всех верных своих призывает к приятию креста и его несению. Учение Христово зовет к вольной жертве любви самоотвергающейся, ею определяется духовная мера и всякого человека.

Крест имеет для Церкви не только нравственный, но и космический смысл, ибо в четвероконечном единстве креста знаменуется вселенная со всеми ее концами. Церковь придает "непобедимой и непостижимой, божественной силе" (великое повечерие) креста и еще более таинственное и высокое значение: "он носит образ триипостасныя Троицы" (канон Креста), печать вечной жизни Божества. Единство естества и жизни трех Ипостасей во Святой Троице осуществляется самоотвергающейся взаимной любовью Ипостасей, и эта сила любви есть крестная жертвенность, которая победно торжествует божественною радостью совершенной.

Троичный Бог есть предвечная любовь Трех как Одного и Одного в Трех, и триединство любви есть образ и многоединства.

Бог сотворил человека по образу Своему и наделил его даром любви. Крест не только вписан в телесный образ человека, но и начертан в сердце его, которое есть средоточие этого крестного образа. Человек становится человеком, исполняет меру человечности своей в многоединстве любви церковной, где все суть одно — тело Христово, Церковь. Святой крест и есть ее эмблема. Но и сотворение мира совершилось крестною силой самоотвергающейся любви Божией к творению. Бог вольно самоограничивается в безусловности своей, давая место миру с его самозаконностью и самобытностью. Сотворяя человека свободным и способным к падению, Бог тем самым уже подымлет на себя и крест его спасения. "Тако возлюби Бог мир, яко и Сына своего едиnorodного дал есть" (Ио. 3, 16).

Агнец Божий предназначен к закланию за мир ранее сложения мира (1 Петр. 1, 20) и в определенное время приходит в мир распяться на древе крестном для спасения его. И, во втором славном пришествии Господа, первое, что явится миру, это "знамение Сына Человеческого на небе" (Мт. 24, 30), т. е. честный крест. Посему отовсюду предстает человеку св. крест: в небе и на земле, во вне и внутри, прежде творения и в творении, в сем веке и в будущем.

Святая Церковь непрестанно поклоняется честному кресту: нарочитыми ему песнопениями отмечены дневные службы среды и пятницы. Но, кроме повседневных служб и особых памятей (1 августа и др.), Церковь имеет два особых празднования, когда крест торжественно износится из алтаря на средину храма для лобызания и поклонения. Первое есть праздник "Всемирного Воздвижения" Креста, которое обычно связывается с обретением животворящего древа царицей Еленой. Этот день (14 сентября) относится к числу

великих двенадцати праздников. Второе же торжество креста совершается ныне, в третье воскресенье Великого поста, "крестопоклонное". Особое его значение прежде всего в том, чтобы подать православным в трудах и подвигах святой сорокостнице ободрение и утешение в созерцании креста Христова. Вторая же, не менее важная, обращенность этого праздника есть к воскресению. Крестный путь Господа через Голгофу ведет к воскресению, и крестным же путем идущие вслед Его движутся к блаженству в воскресении. В печали крестной просиявает свет воскресения. Поэтому и в нынешнем песнопении Церковь соединяет крест и воскресение. "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим".

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ 5-Ю ВЕЛИКОГО ПОСТА

Первые три воскресенья Великого поста нас призывают к созерцанию тайн Божьих: св. иконы, фаворский свет, крест. 4-е и 5-е посвящены почитанию человеческих образов: Иоанна Лествичника и Марии Египетской. Это заставляет нас сосредоточить наше внимание на человеческой стороне великопостного подвига.

На пути к Богу – лестнице к Богу – человеку не дано оставаться неподвижным. Он движется вверх или вниз, вперед или назад. Бог зовет вперед и ввысь. Сами себе кажемся значительными, если нет сравнения с другими. Но у нас в Церкви есть снеговые вершины, и на фоне их мы видим свою малость.

Струн нашей души всегда касается духовный мир. И душа должна отзываться на эти прикосновения и восходить. Иногда это постепенное восхождение, иногда перелом жизни, когда зовет голос. Нужно ему внимать, как апостолы внимали Спасителю, шли за Христом. Во имя святого послушания этому голосу надо святое безумие. Надо уметь не пропустить час этого зова и безумия. Лествица из неравных ступеней. И есть такие, на которые только в безумии можно войти. Бывает, что человеку дается ступень, на которую он должен стать подвигом веры. Можно свергнуться, если не принять воли Божьей о себе. Жизнь течет во времени, и на движение реки жизни человек должен отвечать движением сердца и воли к вере. "Верую, Господи, помоги моему неверию". Неверие и малодушие изгоняются молитвой и

постом. Молитва светит нам. Пост — работа над собой. Царствие Небесное силой нудится. Аскеза требует от каждого преодоления немощи и маловерия. В душе должно быть сознание лестницы нашей жизни. Но лестница — переход с земли на небо. Она открывает обители небесные. Мы должны любить земную жизнь, но и помнить о лестничном чувстве, лестничности жизни. Когда люди встречаются со смертью, они это чувствуют, но надо всегда. Это мы видим на великих подвижниках Иоанне Лествичнике и Марии Египетской, которые головами уходят в небо. "И будут... на земле уныние народов и недоумение... Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную..." (Лк. 21, 25-26). Но почему же только уныние, и о чем недоумение? Ведь сгорает лишь то, что доступно огню, а сотрясается, что, не имея собственной прочности, облепляло душу, как кора. И душа обретает свободу покаяния.

Снова и снова свидетельствуется неудача земного царства, которое утверждается призраком благополучия и духовным порабощением. Потрясения земного града не знаменуют ли некоего освобождения от его духовных оков, от того лишнего и ложного, что входит в человеческую жизнь в качестве ее устоев. В ответ на наши страхования об этом Господь и призывает: "не ужасайтесь, но бодрствуйте". "Когда увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие" (Лк. 21, 31). "Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте" (Ио. 14, 1). Христиане знают утешение веры и во времена безутешные. И однако Господь остерегает от чрезмерной легкости утешения, в котором истинный подвиг веры подменяется суеверным чаянием скорого избавления. Со всей силой Господь подтверждает: "надлежит всему тому быть; но это еще не конец" (Мф. 24, 6); напротив, "о дне и часе том никто не знает: ни ангелы, ни люди, ни Сын, но только Отец" (Мр. 13, 32). И могут ли люди, одержимые смятением и страхом, определить, что уже исполнилась мера и наступили времена и сроки Второго

пришествия Господа. То говорит не вера, а испуг, не пророческое вдохновение, а человеческая растерянность. В ответ на это сказал Господь: "бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время" (Мр. 13,33). "Тогда явится знамение Сына Человеческого, грядущего на облацах небесных с силою и славою великою" (Мр. 13,26). Сказано было Господом о времени бегства в горы находящимся в Иудее (Мр. 13,19) "тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне и не будет". Но и тогда не наступил еще конец, пришествие его определяется не мерою бедственности, но полнотой свершений для Царствия Божия. Иные из этих свершений указаны в слове Божьем: прежде всего проповедание Евангелия по всей вселенной во свидетельство всем народам, после чего придет конец (Мр. 13,10). Сюда относится также обращение и спасение Израиля, после того как войдет полное число язычников (Рим. 11,25). Но даже и это еще не конец. Посему мы находимся еще в середине пути, хотя и не знаем, сколь далека от конца эта середина. Для нас остается Будущее, исполненное еще не исполнившихся обетований. Однако при всем том Господь нас призывает: "Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и подымите головы ваши, потому что приближается избавление ваше" (Лк. 21,28). "От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. Так, когда вы увидите сбывающимся все сие, знайте, что близко, при дверях" (Мф. 24,32-33; Мр. 13,28-29; Лк. 21,29-31). И последнее, завершительное слово всего Нового Завета звучит молитвенным призывом: "Ей, гряди Господи Иисусе" (Откр. 22,20) — с ответом Призываемого: "ей, гряди скоро. Аминь". Однако невольно недоумеваем, не стоим ли мы здесь пред противоречием, которому нет места в слове Божьем? [...] С каким благоговением должны мы созерцать первое явление Христа миру и внимать первым словам Его проповеди, приносящей благовестие миру. И одинаково

важно в ней не только то, что в ней прямо указывается, но о чем и вовсе умалчивается, и именно о том, что нам, суетным сынам мира сего, представляется самым нужным и важным, об устройении земной нашей жизни. Господь не отвергал и не осуждал наших забот и трудов в искании насущного хлеба, как и во всем созидании этого земного града. Сюда относится общее руководящее слово Господа: отдавайте кесарево кесарю, однако лишь в той мере, насколько это совместимо с служением Богу. Искать же, посвящая все силы своей души, повелевается лишь Царствия Божия и правды его. К этому призываются сыны Царствия Божия сначала Предтечей Христовым, а потом и самим Господом: покайтесь, ибо оно приблизилось. От нас требуется не только изглаждение отдельных грехов, но общее изменение всего пути жизни, с непрестанной проверкой и переоценкой себя самих в свете совести, своих дел, мыслей, желаний пред лицом Божиим. Такое посвящение себя Богу, совлечение греховной своей человечности требует напряженного и болезненного усилия, "силою нудится" (Мф. 11,12). Оно необходимо не только монашествующим, но всем, и притом на всех стезях жизни. Оно касается притом не одних внешних деланий, которые так же различны, как и земные служения, но внутреннего человека, его сокровенного самоопределения. От каждого требуется все, что он делает, посвящать Богу, совершать во имя Его. Напротив, все то, что не может иметь на себе такого благословения, должно быть отвергаемо и изгоняемо из жизни. К непрестанному духовному рассуждению призывает Господь в св. Евангелии. Знаменательно, что и собственное земное служение Христа начинается Его искушением от сатаны в пустыне. Господь, сама Истина, Сын Божий, не противится искушению, в котором открывается положительное и явное избрание истинного пути, с отвержением ложного. Сатана предлагает земную власть и славу при одном лишь условии: падши, поклониться ему, сделавшись послушным орудием князя этого мира. И в

ответ на это искушение дается неколеблющийся ответ: "отойди от меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи" (Мф. 4,10). Решение высказано относительно всего земного пути, от горы искушения до Голгофы. Явив его миру, выходит Господь на проповедь "Евангелия Царствия Божия" (Мр. 1,14), ибо оно "приблизилось". Но почему же Господь допустил до себя сатану с искусительными его вопросами и даже на них отвечал? Ради нас и нашего вразумления. Сатана в безумии мнил соблазнять Господа, Он же явил полноту Своего уничтожения до конца, даже до принятия человеческого искушения: "как Он сам претерпел искушение, быв искушен, то может и искушаемым помочь" (Евр. 2,18). Ибо искушение продолжается над родом человеческим до конца века, хотя оно однажды и навсегда уже обессилено. Род наш искушается и в заботе о хлебе насущном, и могуществом над силами природы, и властью земного царства. Эти искушения теряют свою силу, если человек хранит в сердце своем память о Боге и прежде всего ищет воли Его, но они тотчас ее проявляют, поскольку овладевают сердцем человеческим. Каждому времени свойственны свои особые искушения. Таковым роковым искушением для наших дней является соблазн безбожной самоутверждающейся власти, "кесарева" в качестве Божьего — будет ли это мнимое превосходство крови или общественного состояния с порабощением духовным. Особую силу получают ныне прельщения искусителя: "тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне и я, кому хочу, дам ее. Итак, если Ты поклонись мне, то все будет твое" (Лк. 4,6-7). И тот, кого охватывает жажда власти, ища поклонения себе, искусителю поклоняется. Но исповедники имени Божия пред лицом этого искушения, раньше и теперь, неизменно отвечают: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Кесарю отдавай лишь кесарево, не безусловное, но ограниченное, относительное послушание.

Так отвечали христианские мученики римскому кесарю, так отвечают они и ныне пред лицом безбожной власти на родине нашей, и только так могут христиане всегда и всюду относиться к притязаниям земной власти на полноту поклонения, в котором торжественно призываются и повторяются призывы искушителя. Ибо первая заповедь Божия гласит: "Я есмь Господь Твой, и да не будет у тебя других богов пред лицом Моим" и "не делай себе кумира" (Исх. 20, 1-2). Аминь.

1940 г.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГЛАС

Днесь спасения нашего главизна и еже
от века таинства явление.

Голубой свод объемлет темную землю, и в его прозрачной глубине горят небесные светы. И есть голубое небо в душе Божьего творения, в которой сияет Свет, просвещая каждого человека, грядущего в мир. В дни Богородицы облакаются храмы в голубые ризы, и души людские источают лазурь, принося ее к ногам Богоматери, под Ее небесный покров, во славу Приснодевы.

Бесконечное мировое пространство, пустотой своей являющее то небытие, из которого воззван к бытию мир Всемогушим, до глубины пронизывается Его светом. Оно приемлет в себя и сохраняет огустевающий свет, темная пустота небытия облакается в небесную лазурь, бесцветность облакается цветом. Голубая глубина неба есть прямой образ Божия творения: не-сущее приняло свет бытия, зиждительное Слово, и ничто стало миром, творением Божьим, на нем почует любовь Божия, в него изливаются благодатные лучи. Она есть образ благодатного просвещения твари, того обожения, силой которого ничтожество твари облакается лепотой Божественной Славы. И в этой огустевшей, уплотнившейся синеве загораются светила, зажженные от единого Света светов. Голубой свет небес знаменует Божье снисхождение к миру, приятие творением Божьих даров, встречу Бога с тварью. Мир содержится силою Божьею, и непрестанно

струятся в него потоки божественной любви. Мир создан ради человека, человек же создан к обожению. И все, в жизни мира совершающееся, имеет значение как приуготовление к полному облагодатствованию человека. Но эта полнота исполнилась, облагодатствование осуществилось в тот день и час, когда послан был с небесе архангел к Благодатной с вестью Боговоплощения, когда на голубом покрове сверкнула райская белизна небожителя, когда весть Благовещения была услышана и принята Благословенной. Тогда исполнилось изначала предустановленное — еже от века таинства явление: Дух Святой нисшел на человека в лице Пречистой, и Сила Вышнего, Слово Божие, осенило Ее, в Нее вселившись. Лествица между небом и землей установилась, человек получил силу стать богом по благодати, ибо в чреве Благодатной зачался Богочеловек.

Благовещение, спасения нашего главизна, является и началом Богоявления, ибо в нем предоткрывается спасительное действие всей св.Троицы через посылаемого от Отца Духа Святого, зачатие от Девы Сына Божия. Сей день является предварением и св.Пятидесятницы, ибо творение в лице Благодатной удостоилось в нем приятия Духа Святого, — не только в зримом образе голубине или в видении огненных языков, но в осязательном действии богозачатия. Тот день явил собой и силу Боговоплощения, ибо Мария стала Матерью Бога, Господа нашего Иисуса Христа. К Благовещению от создания мира предназначена была тварь, его ждала она и жаждала. Его восхотел для нее всеблагий Бог, от века приивший в божественном совете Своем сотворение человека по образу Своему и подобию. Грехопадением Адама и Евы потерян был прямой путь к нему, изменился его образ, однако любовь Божия не могла обессилиться человеческой немощью. В раю после грехопадения изрек Господь слово о той Жене, семя от Коей сотрет главу змия. Слово сие есть определение Божие, сила, вложенная в мир и человека Господом. С тех

пор человек и мир весь стали ожидать явления дивной Жены сей. Сам Бог премудрым избранием и благодатным водительством избранных Своих верной стезей вел людей навстречу Благовещению. Прошли тысячи лет, пока приблизился род человеческий к дню исполнения, и на древе человеческого рода от предизбранной его ветви воссиял цвет райского насаждения. Безвестный Назарет Галилейский вместил предизбранную Деву, имя же Деве: Мария (Лк. 1,27). Мир исполнял свое предначертание, человеческий род достиг своего цветения, Господь возрастил богоносную отрасль в вертограде Своем, на земле явилась Та, Которая "обрела благодать у Бога" (Лк. 1,30), достойная встретить благовествующего архангела. В шестой месяц после зачатия Предтечи, уже вступившего в мир провозвестником Христа, послан был Гавриил "войти к Ней" (Лк. 1,28), рещи благодатную весть. Однако ту весть еще надлежало принять и услышать человеку. Нерушимо Господь чтит свободу твари, посему и Благовещение было обращено к сей свободе, силою ее оно могло быть принято или не принято, услышано или не услышано, ответ предваряется вопросом, благая весть от Бога ждет исполнения в человеке. Никакое создание ни на земле, ни на небе не способно было дать нужный ответ, приять весть Благовещения, токмо одна Дева Мария, ни к кому, кроме Нее, она не была и не могла быть обращенной. Когда обратился к Ней со словом архангел, пришло время решения судеб человеческих, судеб всего творения. В это мгновение, составляющее сердцевину человеческого времени, вечные судьбы человека определялись решением Вопрошаемой, незримым движением сердца, хотением воли Ее. Древле Адамом и Евой решались судьбы человеческого рода, им дано было послушанием заповеди удержаться на пути прямого движения к богосыновству или отвратиться от него в грехопадении. Ныне новой Еве — Марии, Ее человеческому самоопределению дано было принять или отвергнуть боговоплощение: то, что предвечно решено в

небесах, должно исполниться и на земле. Не было и не могло наступить в жизни мира другого мгновения более решающего. Благовещение есть предельное и окончательное явление любви Божией к миру, Божьего снисхождения, но в нем же осуществилось и предельное и окончательное уважение Божие к творению в его свободе. Боговоплощение могло явиться только свободным и любящим богоприятием. Творец испрашивает на то согласие у твари, ищет в ней воли к боговоплощению. Архангелу устами Марии отвечает человеческий род, как и ветхий Адам вкупе с древнею Евой за весь род свой отвечал искусителю. В Ней, Благодатной, сосредотачивается вся сила и вся воля человека к богоприятю, вся его возможность. Но при этом нерушимой остается свобода выбора или склонения воли в ту или другую сторону, как дана была она Адаму и Еве в час искушения. Благодатная была подготовлена к этому часу всеми духовными дарами, которые только способна принять человеческая природа, как в богоугодной жизни всех предков Ее, так и в собственной Ее богопосвященной жизни. Но благодать не насилует человека, не поражает его свободу, а для нее остается наличной возможность соблазнов и искушений, которыми пытался искушать сатана Самого Единородного Сына Божия. Пречистая неблаженно прияла благую весть, Благовещение исполнилось, соединение небесного и земного, божественного и тварного, обожения человеческого естества и вочеловечение Божества совершилось. И тогда отыде от Нее ангел (Лк. 1, 38), и Дева Мария с того часа стала Матерью Господа (Лк. 1, 43).

Согласно преданию, входящий архангел застал Марию размышляющей над пророчеством Исаии о рождении Эммануила от Девы (Ио. 7, 4). В великом смирении Своем Она помышляла о том, сколь блаженна последняя служанка сей дивной Жены, желая быть ею и через это приобщиться к великому таинству. Господь внял голосу Ее сердца, призрел на смирение рабы Своея (Лк. 1, 48). Решимость

отдать себя безраздельно на служение боговоплощению горела в Ее сердце небесным огнем, движение навстречу Благовещению совершилось в духе Ее, когда слуха Ее коснулось ангельское приветствие. Она была смущена не явлением ангельским, как смущались им мужи ветхозаветные, ибо, пребывая при храме, находилась в общении ангельском и, конечно, ведала язык ангельский. Но Она "видевши смутися о словеси его" (Лк. 1,29), потому что таково было его приветствие, еще не слышанное ни одним человеческим существом, никаким творением: "радуйся, облагодатствованная, Господь с Тобою" (Лк. 1,28). И усилением смиренномудрия Своего Она хотела проникнуть в сокровенный смысл этих слов, "размышляя, каково будет целование сие" (Лк. 1,29), что именно оно означает. То был Ее молчаливый ответный вопрос архангелу, и на него тотчас же последовал ответ: (Лк. 1,30-33). Архангел уже неприкровенно, въяве свидетельствует Ей, что Она Сама и есть та избранница, которой Она хотела только служить, ибо Она Сама во чреве приемлет и родит Сына. И весть о зачатии сопровождается здесь же священным именованием: "наречеши Имя Ему: Иисус", – великое, страшное и сладчайшее Имя, пред Которым преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних, которым творятся знамения и чудеса, и спасается мир. Имя, как духовное семя зачатия, названо в вести о богозачатии. О Рождающемся говорится архангелом то, что читалось прилежно Марией в пророчествах, глаголаных Духом Святым, – древние Исаия, Даниил и Иезекииль и Михей с другими пророками раскрывают в слове архангела хартии, в коих начертана благая весть, ныне исполняемая. И Дева Мария поняла и приняла издавна ведомое содержание вести архангела, о нем Она уже не вопрошает, когда снова отвечает вопросом: "како будет сие, идеже мужа не знаю?" (Лк. 1,34). Тайна бессеменного зачатия и безмужного рождения от Духа Свята, неведомая и ангелам, безусловно

превышает меру человеческого разумения, и даже Ей, совершительнице этого таинства, она могла быть открыта только теперь, в час исполнения. Для Девы Марии незыблемым законом жизни было Ее приснодевство, Она не видела от него отступления, но неотъемлемым же законом человеческого естества было и рождение через мужа. Посему неумолимо подымается этот недоуменный вопрос: как будет это? Здесь не маловерие и не отрицание, но недоумение самой человеческой природы, не ведающей сверхчеловеческого, божественного зачатия, и вместе с тем это уже прямой вопрос о Деве-Матери, пророчествованной Исаиею. И теперь ангел ответствует прямым же раскрытием тайны боговоплощения, которая есть вместе и тайна пресв. Троицы, — Духа Святого, сходящего на Марию, Сына, рождаемого от Нее, и Отца, предвечно рождающего Сына и изводящего Духа Святого. "Дух Святой найдет на Тя и Сила Вышняго осенит Тя: темже и рождаемое свято наречется Сын Божий" (Лк. 1, 35). И в подтверждение сего, возможного у Бога, хотя и невозможного для человека, архангел сообщает Ей тайну зачатия Предтечи "от Елисаветы, нарицаемой неплоды, яко не изнеможет у Бога всяк глагол" (Лк. 1, 36-37). Благовещение, как раскрытие благой вести о человеке, совершилось, сказано от Бога все, и теперь наступило время ответа от человека. В этом ответе будут взвешены и определены судьбы всего мира, и содержится в сердце человеческого рода неисследимо значение этого уже последнего ответа. Был лишь один, единственно истинный ответ, который должна была избрать Пречистая из неисчислимых возможностей разных ответов. Все искушения человеческой природы — от ее немощи и ограниченности, от гордости и самообольщения — вставали здесь на пути, порождая эти возможности для всякого человека. И прежде всего искушение маловерия: разве легко человеческому естеству восхотеть веры в безмужнее рождение, не усомниться, что не изнеможет у Бога всяк глагол? Но и малейшего сомнения, почти неодолимого, было

достаточно, чтобы оказалась не принята благая весть, и не совершилось бы Благовещения. И далее, искушение гордости: если Денница возгордился близостью к Богу, не в силах явился перенести преизобильные дары свои и пал с неба, то сколь естественно было изнемогнуть и немощному человеческому естеству под тяжестью дара единственного сего избрания, "без сравнения" превосходящего серафимское. Но достаточно было бы хотя только в незримом движении сердца обратить этот дар на себя, собой залюбоваться в нем, и благая весть не была бы уже принята, не совершилось бы Благовещения. И далее, искушение немощи: разве не естественно человеческому естеству хотеть для себя покоя и благополучия, отвергаясь страшного сего избрания, в котором вся жизнь есть подвиг самоотречения, крестный путь? Но достаточно было бы только в мыслях своих убояться подвига или восхотеть для себя самого преимуществ от своего служения, и благая весть не была бы принята, не совершилось бы Благовещение. Но оно совершилось. Ответ Марии оказался тем единственным истинным ответом, который соответствовал вопрошанию. Пречистая рекла: "се раба Господня, да будет Ми по слову Твоему" (Лк. 1, 36). Благая весть стала действительностью. Не может быть сказано больше, чем сказано в этих немногих словах, не может быть сказано вернее, точнее и кратче, с устранением всего лишнего, ненужного, несоответственного, нежели изглаго- лано Пречистою. Но Ею рекла и с Нею рекла это слово и радующаяся о Ней всякая тварь, ангельский собор и человеческий род, вместе со всей тварной природой, чутко принимающей и затаившейся в слышании тайны Благовещения ("птица гнезда не вьет" в этот день, по свидетельству русского православного народа). С Нею рекла и изрекает ныне и всякая человеческая душа, открывающаяся к приятию Святого Духа и обретению рождающегося Христа. Мария вся до конца отдала Себя Богу, Она стала вполне прозрачною для Духа Святого, открыта для Его вселения, для обожения

в Ней твари. И в огуственной голубизне тварного неба воздвигся пренебесный престол Слова Божия, и чрево Марии бысть пространнейшее небес. И "отыде от Нея ангел" (Лк. 1, 38). Мир соделался иным после благовещения. Земля и небо, божеское и человеческое, расстоящиеся естества соединились, человек получил силу стать Богом по благодати, ибо Бог соделался человеком. Сотворение мира и человека впервые вполне осуществилось и внутренне закончилось. Дух Божий, носившийся над водами, низошел внутрь тварного естества, зачатие Сына Божия и Сына Человеческого совершилось. Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление.

1925 г.

СТРАСТНОЕ БЛАГОВЕЩЕНИЕ

В нынешнем году Благовещение пресв. Богородицы праздновалось в неделю крестопоклонную, и сладостная песнь "архангельского гласа" соединялась со строгими песнопениями Креста — радость и печаль в одной гармонии. По самому первому впечатлению, душа, как будто, смущается от этой трудности: не ослабляется ли здесь самая сущность и сила каждого из этих торжеств, не вносится ли здесь внутреннее раздвоение в празднующую душу? не имеем ли мы здесь литургического нагромождения двух больших и сложных служб, с перебоем смыслов и сил обоих празднований? Или же в этом году нам дано их нарочитое и дивное сочетание, как бы особый праздник Кресто-Благовещения, хотя и требуется особое напряжение и вдохновение, чтобы его вместить? На этот вопрос, во всяком случае, утвердительно должно ответить наше церковное самосознание: слово крестное и весть благовещения неразделимы, и Церковь, обособляя их в праздновании, их не противопоставляет, но применяется к естественной ограниченности человеческой восприимчивости, давая возможность поклониться обоим, насытиться того и другого в отдельности. Однако, разделение это есть применительное, но не существенное.

Эта мысль выражена в одном из древнерусских изводов иконы Благовещения, поражающем смелостью вдохновения.

Эта икона называется Страстное Благовещение.* Архангел Гавриил является с крестом (восьмиконечным) к Богородице, держащей уже на руках Младенца, Который от этого явления как бы отбрасывается. И следующая надпись (сверху справа): "Рече Святая Богородица ко архангелу: о архангеле, уже прежде благовестил еси радость, егда зачнешь в утробе и породити Сына, Его же царствия не будет конца, а ныне вижу тя крест держаща, утробую уязвляюся. Воспоминаю Симеоново проречение: твое бо, Владыка (?), нетленное (?) сердце пройдет копие. Отвещавает архангел: Подобаает Сыну человеческому много пострадати и распяту быти и в третий день воскреснути". — Не есть ли это прямая икона и нынешнего праздника? Однако, о каком же это крестном, втором Благовещении говорится здесь в живописных образах? Ни Евангелие, ни предание ничего нам не поведали о нем. Или же более естественно видеть здесь в нарочитых образах раскрытие того смысла Благовещения, который остается обычно сокрытым от внимания? Он ускользает, как тень, тающая в лучах Благовещения. Это есть Благовещение, как крестная весть.

В словах архангела Пресвятая Дева услышала всю силу его вести и постигла ее глубину. Он застал Ее, согласно преданию, за чтением книги пророка Исаии, но из нее уведала Она, что "Отрок Божий будет умален паче всех сынов человеческих. Муж скорбей, Он изъязвлен будет за грехи мира, как агнец будет предан на заклание и претерпит казнь в жертву умилоствления за людей Своих" (гл. 53). Мудростью Своего пречистого сердца Дева постигла, что Тот, Кому дано спасти людей Своих, спасет их Своею кровью, и это сознание входило в Нее вместе с вестью Благовещения, и на это Она также ответствовала: "се раба Господня", и тем

* Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас т. 1, табл. С. 11. № 264: "Страстное Благовещение" (собрание автора, икона, описанная в каталоге Н. М. Постникова под № 972).

подклонила выю под Крест Своего Сына, который явился и Ей собственным крестом. И эта сокровенная весть Благовещения открывается в Страстной его иконе, и она же нарочито указывается нынешним праздником Кресто-Благовещения.

Благовещение есть прямое свидетельство о любви Божьей к миру. Любовь жертвенна по природе своей, сила любви есть мера жертвенности. Любовь Божия безмерна и неизяснима в жертвенной крестности своей. Бог, в Троице сущий, во взаимной любви Трех Ипостасей, предвечно самоотвергается, ибо "Бог есть любовь", и "непостижимая божественная сила честнаго и славнаго Креста" есть сила жизни Божьей — всепобеждающей, безмерной любви в недрах Самой Пресвятой Троицы, Бог-Любовь, — предвечно крестная, — подымлет новый крест ради любви к творению. Он дает бытийное место миру наряду с Собой, Себя самоотвергает ради мира, вольно самоограничиваясь, чтобы дать творению в его ограниченности обрести себя в медленном и трудном развитии. Мир сотворен крестом любви Божьей. Крестом он и спасается, ибо самодовлеющий мир по тварной немощи своей в себе содержит возможность греха и отпадения от Бога, которое неудержимо, раз совершившись, влечет его к гибельному распаду. И в ответ на эту возможность Бог в предвечном совете своем уже подымлет крест жертвенной любви в боговоплощении ради спасения мира. "Так возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть" (Ио. 3, 16). Сын посылается в мир "землий грех мира", дабы выстрадать этот грех даже до смерти крестной. И исполнение этого предвечного совета совершается крестною силою любви Божьей. То, что являет силу Креста в небесах, есть на земле, в сынах человеческих, радость Благовещения, ибо нет и не может быть истинной радости бескрестной.

Но и само Благовещение содержит весть о кресте, и тяжким крестом оно ложится на саму Пречистую Деву, "рабу

Господню”, которая ныне отрекается от всего самоличного и Себя вверяет власти Господней. Она приемлет орудие, пронзающее Ее сердце, — во всей жизни Сына Ее и в Его крестной смерти. Крестный путь Ее Сына есть и Ее собственный, с Ним Она сораспинается у креста Его. Радость Благовещения совершается через крест и в нем находит свое основание. Но где эта радость? — усомнится малодушное сердце, — когда единственным непосредственным исполнением вести Благовещения является крест? И, однако, крест, вольно или даже невольно принимаемый, есть единственный прямой путь к радости спасения, к водворению царствия Божия в сердцах и во всем мире. Скорби его уже нет в побеждающей радости, но в ней последняя имеет силу и правду свою. Крест — знамение победы, которое явится в небесах в день Второго пришествия Сына Божия. Он есть вечное свидетельство любви Божьей к миру, как и нашей любви к Богу и к человеку. Он есть сила любви. Эта любовь и есть подлинная радость, победная, торжествующая радость на веки. Потому Кресто-Благовещение есть сугубо Благовещение, ибо в нем благовествуется зараз и начало, и середина, и конец, — и путь и цель. И в нем архангельский глас — ”радуйся, благодатная, Господь с Тобою” — естественно переходит и сливается с крестопреклонением, во всем его разуме: ”Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим”.

1929 г.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ – ГРОБ ГОСПОДЕНЬ

Днесь спасения нашего главизна и еже
от века таинства явление.

(Тропарь Благовещения)

Животе, како умираеши, како и во
гробе обитаеши.

(Похвалы в Вел. Субботу, статья 1-я)

Просияла голубизна небес при вести архангела Пречистой, но затмилось солнце, Владыку всех зрящи мертва. Разрывается мысль и не вмещает сердце того, что ныне воспоминательно совершается: радость Благовещения и глубочайшая печаль Великого Пятка. Теснят одно другое литургические празднования, происходит одновременно и солнечное и лунное затмение. Солнце лучи свои скрыло, и луна угашает трепетный свет свой. Не есть ли нечто насильственное и противоречивое в таком соединении, пред чем смущается и даже содрогается сердце наше? Не противоречит ли печаль гроба Господня радости Благовещения, и не ищет ли душа их разделить, хотя бы на время празднования, чтобы не потерять ничего и в полноте принять то и другое?

Однако это говорит нам голос немощи нашей, Церковь же ныне хочет от нас силы и напряжения, чтобы принять радость в печали, как дано было то самой Богоматери. Благовещение явилось первым сошествием Духа Святого, ипостасной Радости, на землю чрез осенение Им Богоматери: "Радуйся,

Благодатная, Господь с тобой, благословенна ты в женах". Таким ублажением приветствовал Деву Марию архангел. И, по силе согласия Пречистой, сошел на нее Святой Дух, а вместе с Ним сошел и Сын. Она зачала от Духа Святого, стала Матерью Эммануила, и в небесном торжестве вострепетала вся тварь, рекшая устами Пречистой: "Се раба Господня, да будет мне по слову Твоему". И то была радость несказанная, радость навеки: принять Господа, сошедшего на землю, стать Матерью Божьей. Ибо для этого и был создан мир, к свершению Богочеловечества, к "радости Благовещения, девственному торжеству". "Радуйся обрадованная, Господь с Тобою, радуйся вместилище невместимого Божества: Его же бо небеса не вместиша, утроба вмести Благословенного, радуйся, радости мира и веселие рода нашего" (стихира на лит.).

Но радость эта не есть мирская радость, которая ищет человеческого услаждения и бежит скорби, ибо путь ее крестный. То, о чем вопрошал Деву архангел, относилось к принятию креста Богоматери, о чем до глубины уведала она вещим целомудрием. Она познала всю силу вопрошания и на него ответствовала: "Се раба Господня". Благовещение было вестью о кресте Сына и о стоянии у него Богоматери, и на это дала она свое согласие архангелу.

Царь мира грядет в мир воцариться в нем, но не от мира сего будет Его Царство. Он не сойдет со креста, чтобы покорить врагов своих, требующих от Него этого сошествия, Он примет смерть, чтобы ее ею же победить. На этот же путь призывается Мать Его, чтобы стать Царицей Небесной. Но венчание на это Царство совершится в предзрении крестной смерти Сына ее. И к этому также относится слово Пречистой: "Да будет мне по слову Твоему". Если мы приемлем Благовещение как радость мира, по силе его, то для нее самой оно явилось прежде всего приятием орудия, пронзающего сердце, — чрез всю жизнь Сына ее и в крестной смерти Его. Духовно она имела с Ним сораспинаться и

вкусить смерть Его как свою собственную. Телесно же ей не дано было ее вкусить, но не меньше оттого было ее страдание. Церковь в песнопениях своих открывает тайну этого крестного Благовещения.

”Где, Сыне мой и Боже, благовещение древнее, еже ми Гавриил глаголаше Царя Тя, Сына и Бога вышнего нарицаше: ныне же вижу Тя, свете мой сладкий, нага и уязвлена мертвеца? — Избавляй от болезни, ныне прими мя с Тобою, Сыне мой и Боже, да сниду, Владыко, во ад с Тобою и аз, не остави мене едину, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе сладкого моего света. — Ни от гроба Твоего восстану, чадо мое, ни слезы точити престану, раба Твоя, дондеже и аз сниду во ад: не могу бо терпети разлучения от Тебе, Сыне мой. — Радость мне николиже отселе прикóснется, рыдаючи глаголаше непорочная: свет мой и радость моя во гроб зайде: но не оставлю Его единого: zde же умру и погребуся с Ним”. (Плач Богоматери, творение Симеона Логофета: песнь 7, тропари 1-2; песнь 8, тропарь 4).

”Увы мне, о Сыне, неискусомужная рыдаючи глаголаше: на Него же яко на Царя надеяся, осуждена зрю ныне на крест. — Сия Гавриил мне возвести, егда слете, иже рече о царстве вечном Сына моего Иисуса”. (Утренняя Вел. Суб., статья вторая, стихи 119-120).

”О, Боже, и Слове, и радость моя, како претерплю тридневное Твое погребение, ныне терзаюся утробю матери”. (Статья 1, стих 60).

Такими чертами живописуется духовное умирание Матери Божьей. И только из глубины этой скорби, из гроба слышится ответный голос Сына, подающий радостное упование исполняющегося Благовещения:

”Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе... восстану бо и прославлюся...” (канон Вел. Суб., песнь 9, ирмос). Весть Благовещения, реченная архангелом, возвещается к исполнению устами смерти — из гроба. Уже в службе Благовещения говорится о том, о чем здесь вполне повествуется, об

истощании Сына Божия: "Себя поставил во истощание, благоволением и советом Отчим". (Стихиры на литии Иоанна монаха).

Из сказанного проистекает, что это соединение праздника Благовещения и Великого Пятка хотя и трудно воспринимается немощным нашим естеством, однако оно полнее раскрывает всю силу и смысл Благовещения, как и радость Господня гроба, из которого воссиявает свет воскресения. В этой радости креста и заключается вся сила веры нашей — в восстание из гроба Христа и с Ним Христовых...

Подвижный праздник Благовещения падает на время между четвертком 3-ей седмицы Великого поста и средой светлой седмицы. Каждый из этих дней, совпадая с Благовещением, привносит свой собственный цвет в его сложную окраску, и тем придает ему каждый раз свой особый дополнительный оттенок. Наибольшее же различие между этими дополнительными тонами, разумеется, имеет место тогда, когда Благовещение приходится на один из исключительных по значению дней, каковы крестопоклонная неделя (так было несколько лет тому назад), неделя Вайй, "стояние" Марии Египетской с Великим Каноном, Великий Четверток, и, самое резкое противопоставление, Великий Пяток и св. Пасха.

Именно в этом году небесная лазурь Благовещения покрывается темным одеянием Четырдесятницы и одевается в великую печаль Великого Пятка. Лучи благовещенского утра пробиваются лишь через темные тучи. Это именно соответствует великой туче и тяжелым испытаниям нашего времени, когда "дракон стал пред женой, которой надлежало родить дитя, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца" (Откр. 12,4). Однако, в ответ на эту злобу его слышится песнь Рабы Господней: "Низложи сильныя со престол, и богатящыя отпусти тщи" (Лк. 1,52-53).

1939 г.

КРЕСТНОЕ ВОЦАРЕНИЕ

Восхвалите согласно людие и языцы, Царь бо ангельский взыде ныне на жребя и грядет хотя на крест поразити враги яко силен. Сего ради и дети с ваием зывают песнь: слава тебе, пришедшему победителю, слава тебе Спасу Христу, слава тебе благословенному, единому Богу нашему.

Днесь грядет Господь воцариться во граде святом, по писанному пророками: радуйся зело, дщи Сиона, торжествуй, дщи Иерусалима: се царь твой грядет к тебе и праведен и спасаей, той кроток и всед на подъяремника и жребца юна (Зах. 9,9). Ныне торжествуем блистание царствия Христова, которое благоволил Он явить грядый на вольную страсть, в предварение Своего царствия вечного, коему не будет конца. Смирив Себя до зрака раба, закрыв человеческой плотью блистание Божества, Господь закрыл и царство Свое, умален быв паче сынов человеческих. Но перед страстию Своею, в уверение учеников, в укрепление их веры при страданиях Его, во свидетельство о Себе, Господь явил ученикам славу Свою на горе Преображения, якоже можаху вместити они, и ныне в шестии царственном с горы Елеонской являет Себя как Царя и Господа, Владыку твари, которому дается всякая власть на небеси и на земли.

Господь есть Царь твари. В пророческих обетованиях и благочестивых верованиях ветхозаветного иудейства Он чается как Царь, царство коего есть царство вечное, царство правды, мира и святости. Он благовестован был как Царь архангелом Пречистой (Лк. 1,32-33) и так возвешен был и пастырям (Лк. 2,11), волхвы искали поклониться Ему, как

Царю Иудейскому (Мф. 2, 2), и они поднесли Ему в числе даров дар царский — золото. Его явление проповедалось Предтечей и Им же Самим как приближение Царствия Божия. Он учил Евангелию Царствия. Его именовали слепые, бесноватые, апостолы (Нафанаил) Сыном Давидовым, Царем Израилевым, и Он ни когда не отклонял от Себя этого наименования. Напротив, и Сам Он называет Себя Царем в речи о Страшном суде. На суде синедриона и Пилата спрашиваемый с настойчивостью, прещениями и заклинаниями, Он не отвергнул, но подтвердил, что Он есть Царь. Но в чем же проявлялось царство Его в дни Его земного служения? Господь чудотворил, свидетельствуя тем о подвластности Ему, творения. Но он не проявлял Своей власти над людьми, оставляя их свободе любить Его или ненавидеть, служить Ему или враждовать против Него. Он свидетельствовал, что Он кроток и смирен сердцем, к Нему относится пророческое речение, что Он трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит (Мф. 12, 20; Ис. 41, 3), и нищете духовной обетовал Он Царствие Небесное. Он учил, что ученики Его должны быть не так, как цари народов, господствующие над ними, но больший должен быть как меньший и начальствующий как служащий (Лк. 22, 25-26). Господь прямо отвергал земное царство, которым искушал Его сатана, обещавший Ему царства мира, а затем и вдохновляемые им иудеи. Они хотели однажды сделать Его царем после чудесного насыщения (Ио. 6, 15), но Он удалился от Них, и даже во время страстей и распятия вопрос о Его царстве остается все время волнующим их то в положительном, то в отрицательном смысле. Они говорили не то злобно, не то с надеждою: "если Он царь Израилев, пусть теперь сойдет со креста, и мы уверуем в Него" (Мф. 27, 42). Господь отвергнул земное царство Свое и не хотел необоримую мощь Свою делать орудием власти. Когда ап. Петр хотел защитить Его мечом, Он остановил его и сказал: "или думаешь, что Я не могу умолить теперь Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?" (Мф 26, 53). Зраком раба, уничиженного и умален-

ного паче всех человек, закрывал Господь блистание Своего царства. И когда Пилат спросил Его о царстве, Он ответил: "царство Мое не от мира сего" (Ио. 26, 36) и еще прибавил: "ныне Царство Мое не отсюда"... Это царство еще невидимо и как бы не существует для людей, они не ведают божественной власти Царя царствующих в зраке уничижения.

Но это уничижение и было образом истинного воцарения. Кротость и смирение сердца были путем к Царствию Божию, знамением победы — крест, местом ее — Голгофа, и на кресте Его, по воле Пилата и по смотрению Божию, было надписание: Царь Иудейский. Победным шествием Господа к воцарению на небеси и на земли, к славе, которую Он, по Божеству Своему, имел до создания мира, было восхождение в Иерусалим на вольную страсть, и пропятие было Его победным венчанием. Посему бессознательно, помимо ведома, иудеи все время вопрошали сами себя и Его, Царь Он или не Царь. Грядый на вольную страсть и на вольную смерть, Господь воцарился над миром, побеждая в главном, решительном бою с последним врагом — смертью, смертию смерть поправ. В славном Его воскресении открылось Его Царство над миром, и посему страсти Христовы есть истинное венчание Его на царство, последнее Его обнищание нас ради есть Его воцарение, путь к Голгофе есть путь к победе. Господь никогда не переставал быть Богом, скрывая Божество Свое человеческой плотью, никогда не переставал быть царем и владыкой, хотя и покрывал свое царство зраком раба. Но Он не покинул мира, не явив ему Своего Божества и Своей власти: на горе Фавор мир облистало сияние Его Божества, и ученики узрели Его в славе Его, которую имел Он до создания мира, и от горы Елеонской явил Он царственную силу Свою: вход Господень в Иерусалим был как бы новым, вторым преображением во славе Господа нашего Иисуса Христа перед Его страданием. Он явил ученикам силу и славу Свою, да "егда Его узрят распинаема, страдание уразумеют вольное" (кондак Преображения), и перед страданием Своим, "общее воскресение прежде Своя

страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже”.

Сын Давидов, Царь Израилев, Царь Сиона и Иерусалима, Царь будущего века, идя на вольную страсть и этот мир оставляя, явил себя царем на этой земле и в этом святом граде. Он совершил царский вход в Иерусалим, и это явление царственности Его убожает св. Церковь в нынешнем празднике. Всех верных зовет она днесь во встречу грядущему Царю. ”Приидите и мы днесь, новый Израиль, яже от язык Церковь, со пророком Захарией возопиим... яко се Царь твой грядет к тебе кроток и спасаем” (стих. на Господи воззвах). Господь явил Свою царственность, и пред нею преклонились люди, они встречали Царя, постилая одежды свои, с ваиями, знаменами победы, с ликующим осанна: ”Всесвятый Дух, апостолы научивый глаголати иными странными языки, той детем еврейским неискусозлобным повелевает звати: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев” (на лит. стих.). Кроткий и спасающий Царь царит не страхом, но любовью, как Возлюбленный Жених Церковный. Событие входа нераздельно связано с событием воскрешения Лазаря. Это было самое великое знамение в ряду чудес Господа, Он явил Себя как владыка над смертью и, накануне победы над смертью, как предварение этой победы, Он воззвал из гроба четверодневного Лазаря. То не был только обморок жизни в Лазаре, как у дочери Иаировой, о которой сказал Господь: ”девица не умерла, но спит”; здесь Сам Господь изрек прямо: ”Лазарь умре”, и о воскрешении его гласит церковная песнь: ”глас Твой услышан, Господи, в г л у б и н а х а д о в ы х”. Дивное и страшное чудо, явление власти Господа над миром загробным, совершено было Господом ради того, кого Сам Господь называет в Евангелии Иоанна другом Своим (Ио. 11, 11) и которого сестры его называют: его же любими, болит (Ио. 11, 3), — только о возлюбленном ученике Христовом этими же словами говорится в его же Евангелии: ”ученик, его же любляше Иисус”. И о всем семействе, жившем в Вифании, сказано: ”Иисус же любил Марфу, и сестру ее, и Лазаря” (Ио. 11, 5), — и более ни о ком

в Евангелии так не говорится. И смерть Лазаря вызвала глубочайшее волнение в Самом Чудотворце, пред самым совершением чуда Он восскорбел духом и возмутился, и прослезился Сам (Ио. 11,35), так что поражены были и сами иудеи, говорившие: "смотрите, как Он любил его" (Ио. 11, 36). И, совершая чудо, Господь говорил о нем, как о явлении славы Божией (Ио. 11,40). Это было ощутительное явление Царствия Божия, громовое его откровение, и оно потрясло сердца: "ради него многие из иудеев приходили и веровали в Иисуса" (Ио. 12,11). И это потрясение сердец было внешним и внутренним поводом к тому, чтобы сердца открылись Господу, по слову евангелиста: "потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо" (Ио. 12, 18). Сердца народа стремились к Нему, но и Он Сам пошел навстречу этому устремлению. Господь нарочито устроляет торжественное Свое шествие в Иерусалим. Он посылает из Вифании, с горы Елеонской, двух учеников – привести из селения привязанных ослицу и осленка – и научает их, как нужно ответить хозяину их, что они надобны Господу, и неведомый хозяин отпускает их беспрекословно; об этой подробности говорят все три первые Евангелия. Цари земные совершали свой победный вход на конях, Господь, Царь кроткий и спасающий, вход совершает на смиренном осле, причем молодой осленок, на которого Он воссел и на которого никто ранее не садился, означает грядущую Церковь языков, а подъяремная ослица, мать его, означает иудейскую Церковь подзаконную, она также участвует в шествии. Господь обычно таил славу Свою от людей, Он запрещал рассказывать о чудесах Своих и нередко удалялся в другое место после их свершения. Теперь не то: пред множеством народа совершал Он чудо воскрешения Лазаря, явил славу Свою; и после этого чуда Он не только остается здесь, но Сам хочет торжественного явления народу, Сам повелевает это торжество устроить. Это торжество есть единственное в событиях Его земной жизни, столь же единственное, но вместе и пребывающее, как и славное Его воскресение. И событие это

имеет столь важное и существенное значение, что оно особо предсказано было пророком Захарией (Зах. 9, 9), и пророчество это воспоминается евангелистами Матфеем и Иоанном. И когда Господь воссел на ослики и двинулся к Иерусалиму, учеников, а вслед затем и народ, объяло некое ликующее вдохновение восторга. "Приближающему же ся Ему к низхождению горы начаша все множество ученик радуящихся хвалити Бога гласом велиим о всех силах, яже видеша, глаголюще: благословен грядый Царь во Имя Господне: мир на небеси и слава в вышних!" (Лк. 19, 37-38). И когда фарисеи просили Его запретить им, Господь строго и решительно им ответствовал: "сказываю вам, что если они умолкнут, камень возопиют" (Лк. 19, 40). К ученикам присоединилось множество народа, которые постипали одежды свои и ветви дерев по дороге, оказывая царские почести Грядущему, и приветствовали Его как чаемого Мессию-Царя: осанна сыну Давидову! благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних! (Мф. 21, 9). "Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида!" (Мк. 11, 10). К ним присоединились и дети, также восклицавшие: "осанна сыну Давидову!" (Мф. 21, 15), и когда "вознегодовали" первосвященники и книжники и негодуя "сказали Ему: слышишь ли, что они говорят? Иисус же говорит им: несте ли чли николиже, яко же из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу" (Пс. 8, 3; Мф. 21, 15-16). Господь не возбранял этого прославления, напротив, Он принимал царскую хвалу и царские почести как следуемые и должные. Господь совершал царский вход, Он вступал Царем-Мессией в святой град. И когда Он вошел в Иерусалим, "потрясся весь град, глаголя: кто есть сый?" (Мф. 21, 10). Окаменевшие в своем бесчувствии книжники и фарисеи были в бессильной растерянности, ибо боялись Его, потому что весь народ удивлялся Его учению (Мф. 21, 26) и "неотступно слушал Его" (Лк. 19, 48). Царь вступил в Иерусалим и храм (Мк. 11, 11), и "там соглядав вся", во храме исцелил приступивших к Нему слепых и хромых, во свидетельство Своего могущества, и с властью Он изгнал торжников

из храма (Мф. 21, 12). Пред народом был тот Царь, которого ждали и обетовали пророки. Господь в этот день царственного входа Своего имел полную власть в Иерусалиме, Он в этот день был Царем народа Своего. Он не восхотел пользоваться этой властью и к вечеру дня оставил город, выйдя в Вифанию, ибо не ради обладания земной властью явил Он царственную силу Свою, но Он ее явил. Как на Фаворе вдруг сделалась видима слава Божества, так и ныне ощутима стала всепобеждающая и всепокоряющая Его царственность. Ее вдруг узрел и почувствовал род человеческий, сначала ученики, затем народ, наконец, дети еврейские. И что покорило их? не страх, не оружие, не внешний блеск, но кротость и смирение, соединяющиеся с явленным всемогуществом. В образе смирения вдруг стала ощутима сила и слава Божия, — как свидетельствует песнь церковная, "ризы же подстилали Ему введуще яко Той есть Бог наш" (на лит. стих. самогл.). Так воины, пришедшие взять Его, "когда сказал им: это Я, отступили назад и пали на землю" (Ио. 18, 5), не стерпев величия вида Его. Если бы Господь возжелал земной власти в тот день, ничто не могло бы противиться Ему; затаив ненависть, и враги говорили между собой: "видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним" (Ио. 12, 19). Была бы у ног Его Иудея, а за нею и Рим, и все земные царства, но не для этого пришел Господь в мир. Его царственная победа вела Его за пределы этого мира. Господь шел к победе над миром крестом, чрез вольную страсть на Голгофе. Он вошел в Иерусалим на эту страсть, как Он не раз предвещал Своих учеников, и, идя к победе над миром и ее предугадуя, совершил Он царский вход Свой. Праздник входа Господня в Иерусалим, открывающий Страстную неделю, есть предварение Пасхи, некая пред-Пасха, явление победного Царя, который пришел не для того, чтобы Ему служили на земле, но да послужить многим, ибо "ныне царство Его не от мира сего".

И однако — шепчет в душе неумолчный голос — Господь в день оный царского Своего входа и здесь, на грешной земле, в

Иерусалиме, был Царем, в этот день и час, здесь, в юдоли греха и страдания, явлено было Царство Христово. Мир не в силах был понести его в себе и удержать его, и Царство сие побеждает лишь на пути крестном, в противоборстве, скорбях и гонениях. Но мир удостоен был видеть его, хотя и в предварении победы над князем мира сего, в победе над смертью. И мир помнит это явление, он знает, что совершился в Иерусалиме вход Господень, что Господь был на краткое время Царем на земле. И сим осветил и освятил Он и земное царство, соделав его причастным Царствию Своему. В устройении земной своей жизни, в поисках правой гражданственности хочет человеческий род не разлучаться со Христом, не отдаваться во власть зверя и кесаря, но иметь Его Царем и Господом, в Его земных служителях содевать священное царство. Господь — Царь, и царство Свое имеет на земле и на небеси. И земные цари и земные царства помазуются от сего освящения, хотят быть не без Христа, но со Христом. Человеческий род жаждет Царствия Божия на земле, ибо явлено оно в мире, и из дел Христовых, явлений Славы Его на земле ни единое не остается бессильным, не угасает ни единый луч света в мире, луч Фаворского света, и пребывает на земле слава царственного входа Господня.

Однако надо знать христианину, что не имеет пребывающего града земное царство, оно есть лишь прообраз и предварение, через него проторгается дух наш к Царствию Божию вечному. Господь вышел из града Своего воцарения, чтобы войти в него для страдания, для вечной победы, и зовет к тому же и верных. Любите землю родимую, любите царство отеческое, но чрез него устремляйтесь туда, куда ведет нас Господь, входящий днесь во святой град, к царствию вечному чрез Голгофу, к несению креста Своего. И поет Церковь ныне об этом несении своего Креста.

Днесь благодать Святого Духа нас собра, и вси взявши Крест свой глаголем: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне! Аминь.

1927 г.

БЛАГОСЛОВЕН ГРЯДЫЙ ЦАРЬ ИЗРАИЛЕВ!

Размышления в день праздника Входа Господня в Иерусалим

Грядет, идет Христос ко Иерусалиму, яко Царь, сидя на жребята осли, языческое бессловесие подклонити под ярем Отцу.

(Канон 2-ой понедельника Ваий, п. 1, тр. 2)

Праздник Входа Господня в Иерусалим имеет свои внешние и внутренние особенности. Внешне он является преддверием Страстной седмицы и с нею как бы сливается, так же как и в предпразднестве своем (седмице ваий) он сливается с памятованием воскресения Лазаря. Эта связь отражается и в тропаре праздника, где говорится не о входе Господнем в Иерусалим, но именно о воскресении Лазаря. "Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже". То, что явилось, по Евангелию от Иоанна (Ио. 12, 18), внешним основанием для торжественной встречи народом Господа, вменяется как бы в самую силу празднования. Праздник этот, единственный из всех, не имеет попразднства, если только не считать таковым Страстной седмицы. Но и внутренне этот праздник срастворен с мыслью о вольной страсти и с шествием ко

кресту, и царское величие здесь есть победа крестная, поправление смерти смертию: "на престоле херувимсте и на жребяти возседый нас ради и ко страсти вольней достигий, днесь слышишь детей, возглашающих осанна..." Христос есть Царь, но царство Его не от мира сего, и Он являет Свое Царство в мире кротостью и послушанием распинаемой любви. Крест есть Его оружие, пропятие на нем есть Его победа. Он есть Владыка твари, Творец и Промыслитель, Чудотворец и Воскреситель, Он есть Царь царствующих, но Он ищет еще иного царства в творении, — не всемогущества, но любви, не власти, но жертвы, не покорения, но убеждения: "не воинством, не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф" (Зах. 4, 6). И знамение победы Его есть крест — скипетр страдающего Бога, под сень которого все призываются: "Днесь благодать Святого Духа нас собра, и вси взявши крест Твой глаголем: благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних" (стих. праздника на Господи воззвах).

Господь вступил в мир, родился как Царь Иудейский, и как таковой же Он принял и крестную смерть. Звезда вифлеемская, возвестившая рождение Царя Иудейского, привела избранных, мудрых волхвов, поклониться Ему, и ответом мира было Иродово неистовство: избиение младенцев. Оно предназначено было для родившегося Царя, но еще не пришло время Его. Оно настало для Него тогда, когда Он сам совершил Свой царский вход, "нас ради на заклание грядый волею". И он Сам исповедовал себя Царем перед Пилатом, и это исповедание было запечатлено в надписи на кресте и явлено было в силе и славе в воскресении Христовом. Посему и во втором Своем пришествии и Страшном Суде именует Он Себя: Царь (Мф. 25, 34). Его звезда, ярко загоревшись на небе, быстро падает и гаснет в строгой и величественной скорби великих дней Страстей Христовых. В течение земного служения Христова всякое явление Его царственной власти над миром в чудотворениях

потрясало видевших, хотя и не всегда пробуждало в них добрые чувства. Обычно Господь и сам запрещал разглашать о Своих чудесах. Был случай, когда, после чудесного насыщения народа, хотели "придти, нечаянно взять Его и сделать царем" (Ио. 6, 15), но Он удалился. И обычно, хотя Он никогда не отрицал Своего царственного достоинства "Сына Давидова", Он сокрывал Свою царственность под образом смирения Своего. Однако пред Своею страстью Господь поступил иначе: совершив в присутствии народа потрясающее чудо воскрешения четырехдневного мертвеца, Он не только не уклоняется от народного торжества, но напротив, как будто идет навстречу ему. Он сам посылает апостолов привести ослицу и осленка и, воссев на них, торжественно вступает во Святой град, встречаемый и приветствуемый как Царь: "благословен Царь, грядый во имя Господне!" (Лк. 19, 38). Это было всенародное явление Царя Иудейского, и Господь в этот день был поистине Царем во Иерусалиме. Это событие по важности своей было предуказано в пророчествах, которые раскрылись перед очами богодухновенных евангелистов: "Радуйся зело, дщи Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведен и спасаей" (Зах. 9, 9). На это же указывает Церковь в избранных для праздника паримийных чтениях: кроме пророчеств Захарии и Софонии, здесь читается благословение Иакова Иуде как царственному корню: "не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресел его" (Быт. 49, 10).

Господь хотел явить Себя Царем ранее Своей вольной страсти, и Он во исполнение этого хотения совершил Свой царский вход, не по образу завоевателей и насильников, но как победитель смерти, царь кроткий и спасающий, покоряющий сердца, возлюбленный и царствующий силой любви. Это явление непосредственно было во ободрение и уверение учеников пред страшным испытанием веры во время вольной страсти Христовой, во внимание и снисхождение к их человеческой немощи. Однако, оно имеет и самостоятельное

значение, ибо без такого явления не раскрылась бы в мире полнота боговоплощения. В данном отношении нынешний праздник имеет сродство с Преображением Господним, которому также присуща обращенность к вольной страсти ("да егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное", кондак Преображения). Господь завесой плоти сокрывал свет Божества Своего, Он "принял зрак раба", и не было в Нем "ни вида, ни величия" (Исаия 53, 2). Однако должно было человечеству увидеть Его Божество, хотя бы в лице избранных учеников, и Он явился пред ними в славе на горе Фаворской. Земля узрела Его свет присносущий. Подобно и царственное величие Его, как Царя царствующих, которое всегда оставалось сокрыто в Учителе, не имеющем, где главу подклонить, должно было воочию явиться на земле, — во свидетельство истины. Это земное явление Небесного Царя и совершилось во входе Господнем в Иерусалим, его Церковь по важности события и выделяет как двенадцатый праздник (хотя, казалось бы, так естественно было бы связать этот праздник с Лазаревым воскресением).

Двенадцатые праздники, относящиеся к основным событиям в деле нашего спасения, имеют значение не только воспоминательное, но и совершительное. Сила их остается в жизни Церкви и действует в ней. Свет Фаворский, явленный в Преображении, по учению Церкви остается видим и ныне сего достойным. Христианство знает на земле не только гонения, скорби и крестную муку, но и победы и одоление. Воспитывающее и укрощающее сердца влияние Церкви в мире, которое проявлялось во все времена ее существования, не есть ли свидетельство об этом? Не есть ли оно явление власти Царя-Христа, хотя и не от мира сего, но и над этим миром? Тайнственные пророчества Ветхого и Нового Завета содержат обетования не только о пришествии Царствия Божия за гранью этого мира, но и об явлении его и в этой жизни. Оно не становится оттого царством от мира

сего, но, однако, не является и бессильным в этом мире. Напротив, оно должно быть явлено миру в той предельной силе, в какой он только способен его вместить, во свидетельство истины Христовой, еще прежде его конца. И оно бывало являемо миру в избранные времена его истории, в блаженные часы его. Но кто же решится сказать, что эти часы уже навсегда миновали и что сила Царского Входа Господня себя исчерпала, что действие ее лишь позади, а не впереди? И не окажется ли такое слово лишь человеческим малодушием, которое ищет укрыться от исполнения долга под сень креста? Да не будет! Посему день праздника Входа Господня да явится нам источником радостной бодрости и христианской надежды, да обновятся силы наши к деланию в вертограде Христовом, к работе для Царствия Божия и внутри нас, и вне нас, здесь на земле! Ибо на этой земле люди постилали одежды и взывали: осанна! И чрез путь земной прошел Христос, и мы с Ним восходим к славе Его. Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом!

ОСАННА В ВЫШНИХ !

Слово на день Входа Господня в Иерусалим

Когда Господь пред вольной страстью своей совершал царственный вход на ослиати в Иерусалим, народ еврейский встречал Его восклицаниями: "Осанна Сыну Давидову! Благословенно грядущее во Имя Господа царство отца нашего Давида! Благословен грядущий во Имя Господне Царь Израилев! Осанна в вышних!" (Мт. 21,9; Мр. 11,9; Лк. 19,38; Ио.12,13). И при этом вспоминались, по слову Евангелий, и древние о том пророчества, обращенные к дочери Сиона, народу еврейскому: "Вот Господь объявляет до конца земли: скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой... И назовут их народом святым, искупленным от Господа, а тебя назовут взысканным, городом неоставленным" (Исаия 62,11-12). "Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе" (Зах. 9,9).

Ученики, так же как и народ, ликовали о том, что ныне уже исполняются обетования пророческих книг, Бог дает царство святому Израилю и воцаряется в нем. И только сам Господь знал, что означает это воцарение. Он предварял учеников о том, что совершится в эти дни: "Вы знаете, что через два дня будет Пасха и Сын Человеческий будет предан на пропятие" (Мт. 26,1).

Он ведал также, как скоро ликующие "Осанна Царю Иудейскому!" сменятся полными злобного презрения выкри-

ками воинов: "Радуйся, Царю Иудейский!" (Мт. 27,37; Лк. 23, 38; Ио. 19,20-21), с заплеванием и биением Его тростью по голове. И на кресте будет утверждена насмешливая "надпись вины Его: Царь Иудейский" (Мр. 15,26), "Сей есть Иисус Царь Иудейский" (Мт. 27,37; Лк. 23,38; Ио. 19,20-21). Но также и сам народ, ожидавший вместе с Его воцарением и своего царства, оставался слеп относительно своей собственной судьбы, которую, однако, ведал Царь Израилев: "И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем. И сказал: О, если бы ты хотя в день сей узнал, что служит миру твоему. Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят камня на камне, за то, что ты не узнал времени своего" (Лк. 19, 42-44). Он плакал среди всеобщего ликования о грядущей скорби своего народа.

Поэтому и радость праздника без всякого перехода ("попразднества") сменяется печалью Страстной седмицы, и светлые его обетования словно забываются в сумрачности грядущего, остаются неисполненными и даже не начавшими исполняться. Вот почему этот день всегда оставляет нас в некотором хотя и радостном, но трудном недоумении сердца.

В наши же дни, пред лицом всего происходящего в мире, это недоумение потрясает, как мучительное противоречие, словно смеющееся над нашей верой. Христос в вознесении и славе своей сокрывается в небесах, с нами же пребывает Он распинаемым, поношаемым, страждущим во всем человечестве своем. Царь Израилев в учении современного безумия отделяется от своего народа, как и сам он также отрицается своего Царя. Исполнилось уже пророчество Христово о разрушении святого града, как и об избииении чад его, но не совершилась еще мера его, ибо и ныне продолжается оно с новым ожесточением. И когда теперь призываем мы, христиане, к ликованию о воцарении

Царя Израилева, то является ли это в нас искренним, и не самообманным и лживым?

Однако нет, именно к свидетельству веры нашей, в о п р е к и всей непосредственной действительности, всей очевидности нынешнего дня, она нас призывает. Ибо неотменно Слово Божие и откровения веры, зовущие к ее подвигу. Мы должны вмещать в свое сердце пусть не всю полноту, но хотя бы предчувствия и предвестия истины, ею обетованной, чтобы оно загоралось и вдохновлялось ими. "Да не смущается сердце ваше", говорит Господь, заранее предваряя наше смущение, "веруйте в Бога и в Меня веруйте", и "Утешитель Дух Святой... напомнит вам все, что Я говорил вам". Если в нас живет Христос, и мы в Нем, то мы получаем от Него удостоверение истинности Его слов Духом Святым. В этом есть и тайна, и сила, и подлинность того откровения, которое дается нам и нынешним праздником. Он есть пророчесственный, возвещающий две истины веры.

И первая из этих истин свидетельствует о воцарении Христа в мире. Христос, пребывающий в вочеловечении своем во образе уничижения, являет себя Царем во входе царском. Это явление Его есть образ и предвестие того воцарения, когда Он придет как Царь царствующих и Господь господствующих, во всеобщий суд и воскресение мертвых. Это будет на грани будущего века, но эта молния грядущего пришествия Христова, однажды сверкнувшая в мире при входе Господнем в Иерусалим, пусть и ныне озаряет светом своим испуганные и мрачные сердца, и наша "осанна" да прозвучит в нас, как перво- и всехристианская молитва: "Ей, гряди, Господи Иисусе!"

Вторая же истина, возвещаемая нынешним праздником, относится не к будущему веку, наступающему после Второго его Пришествия, но еще к здешней, человеческой жизни, в Его вочеловечении. Господь воспринял человеческое естество в избранном и к тому уготованном народе. Его встретили и прияли в мире от века избранные пророки и

апостолы. Последних Он послал учить и крестить все языки, и апостолы вопияли: "Осанна!", когда Он входил в свой град как Царь Израилев. Этому Израилю и даны были пророческие обетования о том, что на земле будет явлено царствие Христово. Это же обетование, и доньше не раскрывшееся в своем значении, было подтверждено Господом торжественным, царственным входом своим. Мир есть царство Христово, он не принадлежит князю мира сего, его зверю и лжепророкам, хотя доселе он и остается в их обладании. И Христос входил в святой град как Царь Израилев. Это свидетельствует, что Он не восхотел отделиться от народа своего, Он не умалил, но утвердил во всей силе пророчество о царстве своем на земле, как престоле Давида, отца своего. Но это имеет совершиться тогда, когда узнает час свой народ Его, преклонится пред Ним как Царем и Богом, по неложному апостольскому обетованию (Рим. 9-11). Господь не придет в мир во Втором и славном пришествии своем прежде, чем совершится на земле Его воцарение в его предварении. Господу угодно было явить и ознаменовать оба обетования в одном и том же событии, явлении Христа как царя Израиля на земле, и Его нового пришествия во славе Царя Небесного.

Но нет ничего, чему бы более противилась мысль и действительность наших дней, нежели это двойное обетование. Народ, избранный Богом, чтобы явить миру Христа, преследуем и поношаем, как будто вопреки всем пророчествам о нем.

Неисполнившимся остается и другое слово обетования об Израиле. Остается сокрытым в грядущем светлый час его обращения, которое явится спасительным и радостным для всех народов.

Однако не мимоидет слово Божие, и в этом будем находить утешение и руководство.

Мы, христиане, не верим в царство князя мира сего, хотя он ныне и царствует; но мы чаем царствия Божия, приходящего

в силе всех своих обетований. Господь научил нас всегда молиться: "Да придет Царствие Твое!", которое есть воля Божия на небеси и на земли. К христианскому мужеству веры зовет нас праздник Входа Господня в Иерусалим.

"Приидите, и мы днесь, весь новый Израиль, церковь от язык, возопиим: Радуйся, дщи Сиона, проповедуй, дщи Иерусалимля, яко се Царь твой грядет тебе кроток и спасаая. "Осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев!" (стих. на велик. вечерни). Аминь.

1943 г.

ВЕЧЕРЯ АГНЦА

Приближаются святые дни Страстей Господних, и сердце наше трепетно ждет их. Все желанны и жданны они: и воскрешение Лазаря, и царский вход Господень, и последние слова и речи Господа, и величественно потрясающие события конца: Гефсимания и Голгофа, крестная смерть и погребение. Воспоминательно они совершаются перед нами, мы созерцаем и переживаем, любим и молимся, плачем и поклоняемся им.

Но есть в этом ряду событие, которое ныне не только вспоминается, но и совершается, происходит. Мы в нем участвуем, на нем присутствуя, вместе со Христом. Оно является средоточием и Четырдесятницы, и Страстной седмицы, всего церковного года, и всей жизни человечества и всего мира: то Вечеря Господня, брачный пир Агнца, Его прощальная трапеза с человеками на земле, по слову Его: "Уже не буду есть с вами сию пасху, пока она не совершится в Царствии Божием, и не буду пить от плода виноградного, доколе оно не придет" (Лк: 22, 16-18). Эта Вечеря, единожды совершившаяся, установлена на все времена, творится в Его воспоминание, которое не есть лишь наша человеческая память о том, но и вся сила Господня присутствия и нашего от Него причащения. "Ты бо вся приносяй и приносимый, приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш" (мол. на Херувимск.). Оно было тайным и сокровенным, это прощальное собрание друзей Христовых,

апостольской двенадцятимерицы, не выключая и предавшего, но оно не было закрытым и ограниченным в отношении отсутствующих на нем. "Пейте от нее все!" (Мт. 26, 46), призвал Господь, обращаясь не к одним апостолам, но и ко всем нам.

"Горница большая и устланная" (Мт. 14, 15) тогда уготована была для Вечери Господней, но она ширится для всех в нее приходящих, и мы в ней ныне вмещаемся, духовно соприсутствуем вместе со святыми апостолами, хотя и после них. И нам дает Он Сам пречистыми руками Своими через руки священника Тело и Кровь Свою "во оставление грехов". И мы все внемлем заповедание — "сие творите в Мое воспоминание", "доколе Он придет" (1 Кор. 11, 24 -26). Примите же в сердце, христиане, силу повеления и крепость обетования: все призываются на пир веры.

Пусть христиане, в течение веков разделявшись в учении и жизни, утратили способность сообща приходить на пир веры, но чаша Христова остается едина и Христос един призывает и Сам причащает всех соединяющихся в торжестве веры. И горница Тайной Вечери, всех в себя вмещающая, становится средоточием мира и всего творения. Земля и небо, солнце и луна, все звезды и силы небесные, в ней поклоняются, внемля словам Господним. И Тайная Вечеря, единожды совершенная Господом, продолжается и во все времена на всех алтарях и для всех приходящих с тою же силой, как и тогда совершилась.

То не есть преходящее мгновение в жизни мира, но всегда хранящееся воспоминание, всевременное, событие самое важное, самое нужное и самое спасительное. Наши земные события и потрясения, разрушения и восстановления, все земное ничтожно, бессильно и пусто пред даром Господним, преподанным и преподаваемым в смирении горницы Сионской. Так должны мы мыслить и чувствовать, пред лицом такого свершения себя ставить пред алтарем Господним.

Не будем страшиться невместимого, ибо мы призваны к нему Господом. Он Сам пришел на землю "зрак раба приим, в подобии человеческого быв" (Фил. 11,7). Он Сам смирился до нас, пренебесное небо вместив в пещеру вифлеемскую и горницу сионскую. Свое богочеловеческое естество Он влагает в хлеб и вино причащения. Царь мира вошел в него как "кроткий и смиренный сердцем" (Мт. 11, 29), слуга, умывающий ноги и дающий пример, чтобы и мы делали то же, "что Я сделал вам" (Ио. 13, 15). Всякое временное земное величие изнемогает пред истинным величием небесным. Но оно остается тайною Тайной Вечери, величием, зримым очами веры. Господь не восхотел и здесь вязать и нудить нашу свободу, поражая ее страхом и знаменами, но охранил ее в полноте. Верить и не верить, любить и враждовать предоставлено человеческому самоопределению. Пред лицом святых апостолов, а с ними — всего мира, "зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу... Он, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их" (Ио. 13, 1) и даже до смирения Тайной Вечери. Возлюбив же Его ответной любовью, и мы до конца Его возлюбим. А если остается бессильным и холодным сердце наше, то да поможет Сам Он любить Себя Своею любовью. Да поможет нам Пречистая Его Мать, которая молчаливою силою любви Своей с нами соприсутствует на пасхальной трапезе заклания Агнца.

Христос, переходя из мира к Отцу, таинственно в нем пребывает, по Его обетованию: "Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания мира" (Мт. 28, 20), доколе не придет явно в Богочеловеческом лике Своем. Но таинственное присутствие равно по силе явному. И если тогда пришествие Его будет и страшным судом для грешного мира, то и нынешнее присутствие Его во святых Дарах уже является для нас судом нашей совести над нами: "Да испытует себя человек и так да ест от хлеба сего и пьет от чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не

рассуждая о Теле Господнем... тот виновен будет против Тела и Крови Господней" (1 Кор. 11, 27-29).

Однако да не искушаемся мы и страхом своего недостойнства. Никто и никогда да не почтет себя дара Христова достойным, но да уповает он на Божественное искупление, ибо в нем торжествует любовь. "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх... Будем любить Его, потому что Он прежде нас возлюбил" (1 Ио. 4, 18-19).

Свет и жизнь пребывают в горнице сионской, на Вечере Господней, "ночь" вне ее (Ио. 13, 30). Христос пришел к грешникам спасти нас, и Он Сам призывает нас ныне: "Со страхом Божиим, верою и любовью приступите!" Аминь.

1941 г.

СЛОВО В ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ

Плач Богоматери

Свет, мир и радость от Гроба Господня в созерцании судеб Божиих, любви Божией и мудрости. Обличенное бессилие зла пред непреклонным и самозаконным добром, победа смертью над смертью, приятие до конца человеческого удела и прохождение сени смертной, сходжение во ад и проповедание мертвым, славное воскресение. Торжество веры в созерцании тайн путей Божиих раскрывшихся. Но для полноты свершения нужен путь и действительность каждого шага.

Находясь по сию сторону, в этом мире, при еще совершающемся свершении, мы переживаем ужас и скорбь: истреблен Свет мира, торжествует злоба, ограниченность, своекорыстие, — мир опустел, солнце померкло, светила затмились, земля сотряслась от ужаса. И в душах людей: предательство, измена и трусость, равнодушие, бесцельная хула и злоба.

Пречистое тело явилось возможностью истязаний и крестной муки, пречистая душа приняла всю горечь человеческого греха, безумия и малодушия, дух — судорожно искал Бога, оставившего Его. И в этом истощании — издше — совершишася.

Переживать эту судьбу дано человечеству, поскольку оно достойно этого имени, и от лица всего человечества

пречистая Матерь Его, давшая Ему страждущую на кресте плоть, матерински переживающая крестную страсть, Его страдание, Его утрату. Но здесь есть и большее, чем просто страдание за любимого Сына, есть и недоумение, искушение, испытание веры. Церковь влагает в уста Богоматери свои недоумения, граничащие с желанием смерти, стало быть унынием и отчаянием.

Смерть Праведника и торжество зла — это мировая скорбь всего человечества, которая есть плач Богоматери. Это не есть личная, но общая, всечеловеческая скорбь и недоумение, от праведного Иова до наших дней. Кому не суждено было в жизни стоять пред непостижимым и как будто бессмысленным и злобным началом, когда стынет душа и далеким становится Бог?

Это в личных судьбах, во всех бесконечных страданиях и гибели людей, — от болезней, от грехов, от злобы, от случайностей, — вся непонятность жизни, и это в жизни народов, ибо Христос живет и страдает и умирает в человечестве своем: страшная судьба нашей родины, богохульство, богоборчество, торжество зла, насилия, презрения к святыне, лютость и зверство!

Разве можно это понять и принять человеческим разумом, не изнемогая, не недоумевая? Мы по сю сторону, не знаем, не видим смысла. И на пути каждого встает это голгофское борение, которое в сердце своем, от лица человечества, пережила Пречистая.

Плач Богоматери, "Не рыдай Мене, Мати" — немая беседа души с Богом: закрытые, мертвые очи Спасителя и широко раскрытые зеницы Матери. В глубине скорби слышен ответ, в бездне мрака загорается свет: "Восстану бо и прославлюся". Это прозвучало раньше в сердце, как победа веры, как познанная духовно самоочевидность, вопреки очевидности чувств.

Недоумение и скорбь таит в себе разные возможности, оно на острие жизни и смерти. В одну сторону — отчаяние Иуды

и равнодушие измены, в другую — победа, единственно возможная только на этом пути. В душе Девы совершилась эта победа — вдруг над отчаянием, высшей очевидности пред низшей, она услышала "в тайне" сказанное в сердце. Это была победа веры и послушание Отчей воле, явленные не только на кресте, но и у креста, в человеческом роде. И это путь всего человеческого рода, путь Церкви: сохранить веру в победу при внешнем уничтожении, в истину — при внешней непонятности, в добро — при внешней силе зла, во тьме видеть свет, жить вопреки внешней очевидности.

Путь Церкви есть путь скорбей, гонений, нужды, — царство не от мира сего — но это есть единственный путь к победе веры, к спасению от отчаяния и уныния, это есть путь Матери Божьей. И гроб Христов для нас становится еще по-новому и по человечеству нашему священным: он таков, ибо в нем источник жизни, не только совершившегося спасения, но и непрестанно, в борении совершающегося подвига веры, чрез умирание к воскресению. Зерно пшеничное, если не умрет, не даст плода.

Не рыдай Мене, Мати!

Сергиевское Подворье. 1929 г.

У ГРОБА ГОСПОДНЯ

Женщины, которые и прежде "следовали за Христом из Галилеи, служа Ему", (Мт. 27,55; Мр. 15,41; Лк. 23,55) теперь "с другими многими, пришедшими вместе с Ним в Иерусалим" (Мр. 15,41), стояли при кресте (Ио. 14,25), иные же "смотрели издали" (Мт. 27,55-56; Лк. 23,49; Мр. 15,40). Они видели, как снято было со креста Иосифом и Никодимом пречистое тело Его, ими помазано благовониями, обвито чистою плащаницею (Ио. 19,39-40) и погребено во гробе новом (Ио. 19,38-41; Лк. 23,50-53; Мр. 15,42-43). Мария Магдалина и Мария Иосиева при этом "сидели против гроба" (Мт. 27,61) и "смотрели, где Его полагали" (Мр. 15,41; Лк. 23,54). После того, проведя ночь "в покое, по заповеди" (Лк. 23,56), они в свою очередь "приготовили благовония и масти" (Лк. 23,56) и с ними поспешили "посмотреть гроб (Мт. 28,1) и помазать тело Иисуса" (Мр. 16,1), "когда было еще темно" (Ио. 20,1), "очень рано" (Лк. 24,1), "при восходе солнца" (Мр. 16,2). Тогда они были удостоены услышать от ангела весть о воскресении Христовом.

Души наши горят восторгом, созерцая эту любовь и верность, проходящую через испытания. Эти сердца, раздиравшиеся от муки пред лицом крестной смерти Иисуса, от нее не окаменели и не замерли, напротив, они сохранили всю жизненную силу любви своей. Теперь, как и прежде, устремляются они послужить Ему, уже бездыханному мертвецу, чтобы достойно Его погребсти. Их не останавливает в этом порыве страх перед стражей, приставленной ко гробу, или робость о немощи своей, как им отвалить камень от гроба (а "он был весьма велик!" Мр. 16,4).

Горе оказалось неспособно обессилить волю их. На крыльях любви они стремятся ко гробу, а первую среди них та, которая еще при жизни Господа удостоилась Его помазать "на день погребения" (Ио. 12, 7; Мт. 26, 12; Мр. 14, 8), Мария Магдалина. Зов и веление любви заставили умолкнуть в них другие мысли, другие желания, но на них и отвечает Христос чрез ниспослание ангела, вестника воскресения, а затем и своим собственным явлением. Как обеднел бы наш мир, если бы лишен был радостного созерцания этого подвига. Как окрыляет и ныне нашу бескрылость, побеждает сердечную вялость вдохновенным безрассудством это движение любящих сердец ко гробу Господню. Их убажает Церковь, именую женами-мироносицами наряду с Иосифом и Никодимом, которым дано было совершить погребение и первыми помазать пречистое тело Господне.

Невольно вопрошает себя мысль испытующая: как это было? Как протекли для них томительные часы этой бесконечной ночи в скорби беспредельной? Но прямо не говорят об этом Евангелия. Все, что сказано здесь о мироносицах, есть только то, что "в субботу они оставались в покое, по заповеди". Но это относится лишь к внешнему блюдению заповеди. А то, что сказано о внутреннем их состоянии, лишь прорывается кратким намеком в Евангелии Иоанна, в рассказе о Марии Магдалине. Она, придя ко гробу "рано, когда было еще темно", убедилась, что "камень отвален от гроба". Тогда она бежит сказать Симону Петру и "другому" ученику (самому Иоанну): "Унесли Господа из гроба, и не знаем, где Его положили". Ученики также тогда побежали ко гробу, увидели его пустоту, "другой" ученик тут же уверовал в воскресение, однако после этого они "опять возвратились к себе". Но Мария не возвратилась. Она "стояла у гроба и плакала", и даже тогда, когда "увидела двух ангелов, во гробе сидящих". На их вопрос: "Жена, что ты плачешь?" она отвечала: "Унесли Господа моего, и не знаю, где Его положили". Потрясение скорби не оставило ее даже при этом явлении, и оно было в такой мере

подавляющим, что она не узнала и самого явившегося Господа, приняв Его за садовника. Его она еще спрашивает: "Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его" (Ио. 12, 15). И лишь когда до слуха ее донесся призыв Учителя "Мария!", тогда только, с радостным воплем "Раввунни", она бросается к Его ногам "прикоснуться" к ним. Таково было это оцепенение от горя, что от него не могли освободить Марию ни часы субботнего покоя, ни впечатления воскресного утра, с пустотой гроба, явлениями ангелов и самого таинственного "Садовника".

Но, что было с Марией, то же, даже если в меньшей мере, происходило и с другими женами, завтра пришедшими к гробу с плачем погребальным.

И, однако, эта святая скорбь все-таки оставалась ограниченной в мере своего постижения, еще человеческой, так же, как радость. Господь возбрал даже выразиться последней в естественном движении: "Не прикасайся ко Мне"! Он пояснил Марии Магдалине таинственную силу своего восхождения к Отцу, которая оставалась ей еще непонятной в ее человеческом чувстве. Лишь после этого вразумления она идет возвестить ученикам, что "видела Господа". Ее избирает Господь стать первой проповедницей воскресения Христова (к чему не были призваны ни Петр, ни сам "возлюбленный ученик"). Подобное же свидетельство об этом избрании имеем мы у евангелиста Луки (Лк. 24, 4-8) — уздав от ангелов о воскресении "и возвратившись от гроба, возвестили это одиннадцати и всем прочим. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем апостолам". При этом вера и ясновидение любви упреждают даже апостольское постижение: "И показались слова их пустыми, и не поверили им". С тем же повелением ангел посылает жен-мироносиц к апостолам и в Евангелии Матфея (Мт. 28, 1-5): "И пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых". "И они побежали возвестить ученикам Его". (То же и у Мр. 16, 5-7, 9-11).

Так проходят это дивное свое служение Христу жены-мироносицы. Они небоязненно вмещают в сердце свое события, которые столь трудно вмещались в сердца апостольские (кроме Иоанна). Есть одна черта, которая свидетельствует и о всей трудности их подвига, это в первом конце Евангелия Марка (Мр. 16, 8). Здесь указано о них: "Вышедши побежали от гроба, их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, ибо боялись". Однако во втором конце Евангелия от Марка о том уже не говорится, но прямо сообщается, что Мария Магдалина пошла и возвестила о явлении Воскресшего бывшим с Ним (Мр. 16, 10). Очевидно, страх тот оказался проходящим и был ими преодолен, и это заставляет еще больше ценить жертвенность служения жен-мироносиц, с Марией во главе.

Но теперь спросим себя о том, о чем безмолвствуют евангелисты: где пребывала Пречистая в эту ночь воскресения? Была ли она с женами-мироносицами, с которыми вместе она стояла у креста, созерцая крестную смерть Христа и Его погребение? Однако, нет, Евангелия теперь ее с ними не называют. Нет ее и среди апостолов, и даже вместе с возлюбленным учеником, который приял ее в дом свой согласно повелению Господа (Ио. 19, 27). Он один, без нее, вместе с Петром лишь, идет ко гробу, чтобы здесь уверовать в воскресение. О самой же Пречистой Евангелия отселе начинают опять говорить лишь языком молчания. Пелена его тайны сокрывает от нас бывшее в эту ночь воскресения с Матерью Божьей. Лишь некоторые песнопения церковные дают смутные указания об этом. Они свидетельствуют прежде всего о всей силе материнской скорби, в которой она разделяет смертное бремя Сына. Делит она и с мироносицами их человеческую скорбь. "Своего Агнца Агница зряще к заколению влекома, следовала Мария терзающихся со неми женами". Это есть смертное для нее томление: "Ныне прими мя с Тобою, Сыне мой и Боже, да сниду, Владыка, во ад с Тобою и аз, не оставь мене едину, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе, сладкого моего света, но не оставлю Его единого, zde и умру и погребуся с Ним".

Однако, в этой скорби соединяясь с апостолами и мироносицами, Пречистая от них уже отделяется. В ней совершается тайна богородичного откровения, чрез единение с Матерью Сына воскресающего.

Пребывание Христа во гробе сопровождается и сошествием Его во ад, в нем вся великая тайна и сила Его — проповедь во аде, загробное явление и служение Христово. Уведано ли и разделено ли было это и Матерью Его? Церковь хранит молчание об этом, не потому ли, что эта тайна, совершившаяся за пределами земного круга, оставалась неведомой и для самой Пречистой, ранее ее честного успения. Однако, если не все ведение, то предведение происходящего в сошествии во ад, в нем могло быть ей доступно, вместе с ведением совершающегося в мире и для мира Христова воскресения, которое и она уже переживала в Сыне своем.

И об этом ведении воскресной радости, свойственном Богоматери, хотя и сдержанными словами, свидетельствует Церковь.

Из тьмы гроба воссиявает свет воскресения. "Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе... восстану бо и прославлюся", слышит она в молчании гроба. "О, како утаися от тебе бездна щедрот, Матери в тайне изрече Господь: тварь бо Мою хотя спасти, изволих умерети, но и воскресну". И Матерь отвечает: "Воспеваю милосердие Твое, человеколюбче, и поклоняюсь богатству милости Твоея, Владыко, создание бо Твое хотя спасти, смерть подъял еси, рече Пречистая".

Из этого постигаем, почему не было Пречистой ни с мироносицами, ни с апостолами в ночь воскресения, ибо она пребывает выше даже этого чина. Когда были они еще во власти скорби, она была уже в радости совершающегося воскресения, в ее душе звучало его благовестие, ранее ангельского. Но с этой священной тайной она удаляется в самую глубокую тень молчания, в котором и пребывает в ночь воскресную: "яко призре Господь на смирение рабы своя". Аминь.

1942 г.

ЖИВОТЕ, КАКО УМИРАЕШИ . . .

”Животе, како умираеши? Како и во гробе обитаеши?”
Да, Жизнь во гробе. Погребению предается Его израненное тело... После смерти к Распятому приблизилась любовь погребаящая:

”Благообразный опрятает Тя страшно, Спасе... И ужасается образа Твоего страшного”.

”Красный добротою паче всех человек, яко беззрачен мертв является, естество украсивый всех”.

”Меры земли положивый, в малом обитаеши гробе”.

”Землю содержи горстию, умерщвлен плотию, под землею ныне заключается”.

”Под землею скрылся еси якоже солнце ныне, и нощию покровен был еси”.

”О чудес странных! О вещей новых! Дыхания моего Податель бездыханен носится, погребаем руками Иосифовыми”.

”Иисусе сладкий мой и спасительный Свете, како во гробе темном скрылся еси!”

Над Мертвцом в тихой печали склонилась Богоматерь с мироносицами:

”Увы мне, свете мира! Увы мне, свете мой, Иисусе мой вожденный!” В священном ужасе опустили крыла свои силы поднебесные, пророки в трепете склонили свои вещие хартии, и преклонилась вся небесная и земная Церковь. Тихо и благоговейно приближаются верующие, преклоняют пред

Гробом в глубокой думе светящиеся любовью лица свои, и восстанавливают свои светы в пылающем множестве огней у Гроба. В торжественной тишине совершается мистерия смерти Бога, Его субботствование. Вместе с ними и мы, худые и последние, дерзаем приблизиться к "Блаженному Гробу: в себе бо прием яко сляща Содетеля, жизни Божественное хранилище показася", и к сему субботствованию Создателя мира: "Седьмый день днесь освятит еси, егоже древле благословил еси упокоением от дел... Сия бо есть благословенная суббота... день, в оньже почи от всех дел Своих Единородный Сын Божий".

Станем робко с предстоящими у Гроба, они не отвергнут нас, ибо и в нас тоже горит любовь, ибо и мы принесли Ему свечу своей темной жизни, возлагаем цветы от всей любви своей и прикасаемся со слезами сердца к Его ранам...

Но откуда же здесь, в месте печали, эта тихая радость, и, вместо терзания сердца, сей торжественный мир, а вместо мрака — серебрится тихое сияние света? Откуда это блаженство скорби, и как ужас снятия со креста сменяется победностью свершения? **СОВЕРШИШАСЯ!** Да, здесь совершилась крестная победа, и свидетельствуется она в наших сердцах радостью неизреченной, радостью снятия со креста, торжеством этой смерти крестной и ран: ликующей полнотой этой жертвы любви, все понесшей и все отдавшей, и самую жизнь...

А еще несколько часов назад мир весь переживал судороги смерти. Померкло солнце, не вынеся мирового отчаяния, и разодралась завеса храма, созданного для освящения земли, после того, как на ней совершилось христоубийство, вкусил крестную смерть Жизнодавец. Никогда не было и не будет в мире такого отчаяния, угасания всяческих смыслов, в восстании на Бога и Христа Его. Тварь возмязежилась против Создателя и восхотела убить Его, дать торжество князю мира, и Он отдался этой смерти, не воспротивился ей... И на Него, кроткого и смиренного

сердцем, принесшего миру откровение божественной любви, обрушилась вся ненависть, чуждость, непонимание, равнодушие, малодушие, измена, предательство, превосходящая всякую меру жестокость и злоба. Его поносили, мучили, бичевали, разрывали Его тело ранами гвоздинными и, наконец, повесили Его на кресте умирать в страшных мучениях, в оставленности и одиночестве, как в удел отчаянию во всем Своем деле и во всем человечестве. Ученики разбежались, — Иуда предал, и Петр отрекся, — и только один единственный остался у креста. Народ, внимавший Его учению, принимавший дары Его чудотворений, с ненавистью обратился на Него, и немногие верные лишь биением себя в грудь и слезами способны были отозваться на происходящее. И последней скорбью, переполнившей чашу Его страдания, были муки Матери, которой оружие проходило сердце, вонзаясь и в умирающее сердце Сына, — ее крестное истощание:

Ныне прими мя с Тобою...

Да сниду во ад с Тобою и аз:

не оставь мене едину, уже бо жити не терплю,

не видяще Тебе, сладкого моего света...

Радость мне николиже отселе прикоснется,

рыдаючи глаголаше Непорочная:

свет мой и радость моя во гроб зайде:

но не оставлю Его единого,

зде же умру и погребуся с Ним...

Такова была эта ночь мира и агония его. От смертных судорог останавливалось сердце мира, и казалось, только смерть, погружение во тьму небытия, могли положить ей конец.

И смерть пришла, конец страдания. Но она не сделалась торжеством небытия, а явилась победою жизни. Ее тьма озарена лучащимся светом, мертвое молчание исполнено полнозвучной тишины, ее скорбь погасла в сиянии Жизни во гробе. И воинство церковное преклоняется и торжествует

торжество победившей, ибо до конца все отдавшей и все принявшей любви, оно теснится вокруг Богоматери. Она уже познала, в глубинах своего страдания, что пройдет единственный путь к последней победе Жизни над смертью.

О, како утаися от Тебе бездна щедрот,
Матери в тайне изрече Бог:
тварь бо Мою хотя спасти,
изволих умрети, но и воскресну.
Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...
Восстану бо и прославлюся.

В сердце воцаряется субботний покой, последняя достоверность, и становится ему ведомо, что там, за воротами смерти, совершается из этого гроба:

Иисусе Христе, Царю всех,
что ища к сущим во аде пришел еси?
Или род свободити человеческий?

Воистину, Он пришел на землю для спасения человеческого рода:

На землю нисшед да спасеши Адама:
и на земли не обрет его, Владыка,
до ада снисшел его ища.
Якоже пшеничное зерно, зашед в недра земная,
изобильный воздал сего клас,
восставив человеки, сущие от Адама.
Зерно двоерасленное жизнеподательное
в недра земли сеется со слезами днесь,
но прозябнув мир обрадует.
Да Твоя славы все исполниши,
сшел еси в преисподняя земли:
от Тебе бо не скрися мой во Адаме состав,

и погребен быв, истлевша мя обновляещи, Человеколюбче.
Разрушился пречистый храм, но с собою восставляет
падшую скинию, ко Адаму бо первому вторый Адам,
в вышних живый, сниде даже и до адовых хранилищ.

Господь, пребывающий во гробе, проходит путь и загробной,
жертвоприносящей любви, свет невечерний Богоявления
озаряет тьму смертную.

У гроба Господня прикасаемся к таинству смерти.
Светом этого гроба озарена каждая христианская кончина, как
упокоение о Господе. Светлая тишина и говорящее молчание,
откровение смерти возвещается у гроба любимых, и успокоен-
ное от зноя земного небесной прохладой тело посылает нам
весть о мире нездешнем. И знамение этой жизни в смерти, как
умирание в жизни, есть крест Господень, крестная жизнь и
крестная смерть.

Якоже лев уснув плотию, Спасе,
яко некий скимен млад восстаещи,
отложив старость плотскую.*

1937 г.

* Все тексты заимствованы из богослужения Великой Суббо-
ты (каноны и похвалы).

СИЯ ЕСТЬ БЛАГОСЛОВЕННАЯ СУББОТА

Размышления пред св. плащаницей

Днешний день тайно великий Моисей прообразоваше глаголя: и благослови Бог день седьмый. Сия бо есть благословенная суббота, сей есть упокоения день, в ночь же ночи от всех дел своих Единородный Сын Божий, смотрением еже на смерть плотию субботствовал...

(Стихира Великой субботы на Господи воззвах)

Господь во гробе, и мы у сего гроба. Еще единожды почил Бог от дел Своих и вкушает покой субботний. Небо и земля в трепете приникли к Господнему гробу. В сей торжественности тишины, внятности молчания, светлости печали созерцает, плачет, молится и наша бедная душа. Люди однажды убили пришедшего на землю Бога, но и доньше они непрестанно Его убивают. Пред лицом этого гроба нет места бессильной самозащите, ибо пронизает вся сокровенная души свет его, и мы видим в этом свете свою немощь, злобу, падение. Мы, люди, вонзаем шипы в Его Чело, все и каждый, делом или неделанием. Или мы лучше тех, которые тогда Его оставили, от Него отреклись, в Нем усомнились, Его мучили и распинали? Нам только не суждено

было этого испытания, внешне мы его миновали, но от того не стали свободны и мы от преступного соучастия: в лице тех богоотвергшихся, слепых и ожесточенных, богоубийство совершил род человеческий, в пленении у князя мира сего.

Господь — человеколюбец. Он пришел спасти Свое создание, воззвать к жизни в землю падшее и умирающее зерно. К нам, таким, каковы мы есть, к богоубийцам, человекоубийцам и самоубийцам, пришел Бог и нас ради вкусил крестную смерть. Человеку ли убить Бога? не легионы ли ангелов готовы в защиту Его? не испелится ли от гнева Его всякое создание? Но Он пребыл беззащитным пред убийцами и не воспротивился смерти. Отец послал, и Сын пошел — принять смерть. Ум разрывается в противоречии и изнемогает пред тайной.

Господь — человеколюбец. По образу Своему сотворил Он человека для славы Своей, превыше всех тварей возлюбил его первозданную нерастленность. Но как возможна любовь к человеку падшему, в котором обнажилось зияющее ничтожество твари? Как можно меня любить? И однако к человеку падшему, ко мне и ради меня пришел Сын Божий, и Он умер для меня и со мною, чтобы меня, как и всякого человека, спасти. Невместима для нас мера любви Божьей и снисхождения, ибо всех Бог заключил в непослушание, чтобы всех помиловать (Рим. 11, 32), и для всех и за всех почил Господь в гробе. Сей гроб есть откровение любви Божьей к человеку, есть дар ненасытной жертвенности ее: отдать все для любви, чтобы ничто не осталось неотданным. "Больше сея любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя" (Ио. 15, 13). И се Творец, прирав человекское естество, жизнь Свою полагает за Свое творение.

Господь сотворил мир шестодневно и почил в день седьмый от дел Своих, сия — первая суббота покоя Божия. Господь дал самобытность миру в человеке, который

свободой своей может отпасть от Него, к этой свободе Господь подклонил Свое всемогущество. Мир Божий взятежил на Бога и остался вне Его. Чтобы спасти мир, возвратить его к Себе, Сам Бог снизошел в мир и вочеловечился. Бог Сам соделался творением, соединившись с ним. Бог принял страдание человеческой жизни. Он изнемогал немощью человеческой плоти (Мф. 26, 42), Он страдал от человеческого греха и демонской злобы (Мф. 17, 17), Он изведal человеческую скорбь смертного естества (Мф. 26, 38; Ио. 11, 33, 35). Кроме греха, Он познал все человеческое. Бог не оставил человека в смерти, вместе с ним Он прошел чрез ее врата. Бог умер человеком ради человека, и се предлежит нам "во гробе плотски". Жадное ничто, из которого создан человек, от греха обнажившееся, разверзло зев и внесло смерть в творение. Стало смертно человеческое естество, но Бог не воспротивился и для Себя этой смертности. Ад на удицу смертного естества принял самого Бога. Ничто, тьма крошечная, после сотворения мира еще раз предстала пред Богом, и Он светом Своего воскресения облистал эту тьму. Сомкнулся круг творения. Окончен труд Божий спасением мира, — не во всемогуществе силы Его, но всемогуществе жертвенной любви. Наступил новый покой субботний: Господь, почивший от дел творения, почил и от дел спасения. Сей гроб, мнимая победа смерти, есть победа над смертью. Нет мрака смерти, ибо в ней таится свет воскресения, светлый покой божественного субботства. Врата ада отверзты, путь пройден и освящен, ибо с нами Он и в смерти, и в ней мы не оставлены Любовью.

Смерть Бога... Она — высший дар и предельная жертва от Бога любви Богу правды. Бог как Творец пред Собой отвечает за Свое творение. Сотворяя мир, Он предвечно приносит за него Агнца, закланного от создания мира (Ап. 13, 8). Бог тако возлюбил мир, что не пощадил для него Сына Своего (Ио. 3, 16). Бог совершил мир сначала всемогущим

Словом Своим, а затем и крестною смертью Слова. Отец посылает Возлюбленного Сына на нее, и Он вольно грядет сотворить волю Отца, помазанный Духом Святым. Ум немеет пред жертвоприношением любви Божьей, мир творящей и за него самораспинающейся. Любовь Божественная, предвечно в себе жертвенная, изливается жертвенностью своею миру, вся тварь, горняя и дольная, ужасается нестерпимого зрака сего. И в этом самопроятии Божьем дается непреложный ответ вопрошанию о всякой человеческой скорби и страдании: жертва Бога для мира больше всякой человеческой скорби, и она есть жертва любви спасающей. Да утихнет у этого гроба печаль о мире, да умолкнет ропот сердца человеческого!

Но как же Бог, предвечный и преблаженный, может страдать и умереть человечески? Для того Он и стал человеком, приобщился Своему творению, чтобы его жизнь сделать и Своею жизнью, помочь ему не извне, но изнутри, в нем самом, и прежде всего принять на Себя Самого всю тварную немощь, все человеческое страдание. Он стал братом нашим, чтобы соделать нас, как Он, сынами Божьими. Он приял наше страждущее, смертное тело, чтобы прославить его Собою. Вместе с полнотой человечности, Он принял и грех этой человечности в его богоотверженности. Единый Безгрешный не ведал отравы греха, но Он изведal всю силу его чрез Свое человеческое естество, единое с братией Его. Он познал всю тяжесть страдания от чужого греха безмерностью Своей состраждущей любви. В Своем Лице Он соединил всех, в Своей природе вместил все, чрез Него же бывшее (Ио. 1, 3). Бог не может ни примириться с грехом, ни простить его, оставив его без гнева Своего. Но Сам же Бог вочеловечившийся приносит Богу в жертву умилоствления и искупления все Свое человеческое естество: и святейшую душу Свою, вкушавшую духовную смерть от тяжести грехов, и пречистое тело Свое, вкусившее крестную смерть. Он приемлет со-страдание с человеком

и страдание за человека. В гефсиманской ночи, венчающей Его жизнь на земле, силою сострадательной любви Он пережил скорбь от всего человеческого греха в настоящем, прошедшем и будущем, во всей его отвратительности и мучительности. Он принял в Себя все угрызения человеческой совести и мертвенность греха, и из глубины ее молился Отцу с сильным воплем, со слезами (Евр. 5, 7). То была плачущая, стенающая и молящаяся совесть всего человечества, ответственная за всякий грех, на нем тяготеющий. Поднять эту тяжесть не под силу никому из людей, токмо Единому Безгрешному Человеку и Богу. Но подымая ее на Себя, Он обессилил грех для самих грешников, Собой заслонил человека от гневного Лица Божия, примиряя его с Богом, умилоулавляя Бога. Всякий грех человеческий оплакан во тьме гефсиманской ночи и погружается в нее. Но грех, вливающийся со всех сторон в Его безгрешную душу и терзающий ее богопротивностью своею, восстал со всею силою своею и против Него самого, вселившегося в царстве греха. Слепые слуги его возъярились на Христа, чтобы совершенно истребить Его с лица земли. В этом противоборстве есть внутренняя необходимость, к нему подготавливал Господь учеников Своих, предваряя их, что Ему надлежит быть предану в руки грешников и быть убиту от них. Победа над воинствующим злом неосуществима без его противоборства. И Господь вкусил полную чашу страданий: в ней срастворились малодушная измена друзей и лютая ненависть врагов, — грубая свирепость воинов и утонченное издевательство вождей, — холодная жестокость закона и исступленное ожесточение народа, — а над всем этим последняя бездонная печаль одиночества в поединке со злом всего мира и его князем: "Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил" (Мф. 27, 46).

Но все самые ужасные мучения души и тела не могли еще исполнить меры без того, чтобы не приразился к

Нему и последний, а вместе и первый враг человеческого естества — смерть. Ее не существовало, как необходимости, для Его безгрешности, но Он вольно ее принял, чтобы принести Свою жизнь как высшую и последнюю жертву Богу. Никто не отнимает (жизнь Мою) у Меня, но Я Сам отдаю ее (Ио. 10, 18). Он отдает ее во свидетельство безграничности жертвенной любви Божьей, в победу над смертью. Тело и кровь, в которых жизнь наша, есть наша полная и исключительная принадлежность. Их отдать, — преломить Тело Свое и излить Кровь Свою, — значит Себя отдать. В крестной смерти полнота силы боговоплощения. Кожа за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что у него (Иов, 2, 4), говорит сатана об Иове, и се zde Бог отдает за человеческое естество Свое Тело и Кровь. Бог умирает, смертью смерть поправ...

Любовь Божья исчерпала все свои жертвы. Соверши-
шася (Ио. 19, 30): в творении спасение, в осуждении
искупление, в отвержении примирение, в смерти воскре-
сение. Бог упокоился от дел Своих и к Себе в божественный
покой призывает человека, да подвигнется он к пути
спасения и не ожесточит сердца своего. "Убо оставлено
есть субботство людям Божиим. Вшедый же в покой Его, и
той почи от дел своих, якоже от Своих Бог" (Евр. 4, 9-10).

О ПОДВИГЕ РАДОСТИ

В преддверии св. Пасхи

...и се Иисус встретил их и
сказал: радуйтесь!

(Мт. 28, 9)

Во тьме предрассветной, среди глубокой скорби, при землетрясении великом прозвучала весть о воскресении: "Радуйтесь!" Ее возвестил тогда сам Господь воскресший, и Он ее ныне возвещает. Что нужно нам, которые разучились радоваться, чтобы победно раздалось в нашем сердце это слово, а не осталось для него мертво и хладно, как бы само себе не доверяя и само себя стесняясь? Призванные встречать Воскресшего, как скажем свое "Воистину воскресе!"?

Мы вступали во дни Великого Поста не без растерянности духовной и не без трудности. Ныне они уже истекают, совершившись разными по-разному. Каждому по-своему было дано коснуться сердцем и душеполезно провести св. четырехдесятницу. От нее уносим мы тихие светлы, от которых предстоит нам возжечь свещу Воскресения Христова. Много ли или мало могли мы потрудиться духовно, всех зовет Христос на пир, да "приемлет ныне динарий": делавшие и от первого, и от третьего, и от шестого, и от девятого, и от одиннадцатого часа. Ибо Он "приемлет последнего как и первого", да внидут все в радость Господа своего. "Никто да рыдает убожества... никто да плачет согрешений". Сам

Господь нисходит радостно светоносно в открывающееся Ему сердце. И да откроется оно!

Но ко гробу Господню и в самую ночь воскресную привален был камень, приложена печать, приставлена стража. Мы чувствуем и теперь тяжесть, придавившую сердце и запечатавшую гробницу с Телом тридневного Мертвеца. Она налегла на нас от непосильного, кажется нам, бремени жизни, от лютости стражи воинской, от непреодолимой печали на сердце. По-своему все изнемогают: одни от ожидания бед грядущих, другие от уже пришедших; одни от немощей и обстоятельств, другие от горестей и лишений. В душе каждого есть то, что мертвит и омрачает ее в канун Христова Воскресения.

Невольно вспоминается светлость и легкость дней миновавших, когда победно входила в мир радость пасхальная в светлых своих одеяниях, в ликовании и щедрости благодатной. Казалось тогда, что мы достойно приемлем нам принадлежащее, и сами светлые и радостные, воскресные и воскресающие. Нам оставалось лишь праздновать дар тот, чем пышнее, тем соответственней. Ныне же далекой и чуждой, холодной и ненужной кажется нам эта пышность. Душе стало мало ее, и бессильно одно только внешнее, она ищет иного и большего, — силы и света воскресения, радостей его свободы, покаяния смерти со Христом и во Христе. Мы зовем и ждем Его: пусть сам Он приблизится, скажет нам свое РАДУЙТЕСЬ! так, чтобы от него затрепетало сердце наше.

Что же нужно для силы пасхальной радости, от победы над смертью? Что ею в нас да побеждается? Что надо совершить нам самим в себе и над собою, чтобы приять эту радость, подаваемую Христом, на этот зов отозваться? Ответно явить надо подвиг радости, поднявшись до нее на крыльях свободы, самим освободиться хоть на краткое мгновенье. Тогда блеснет нам и сама радость, захлестнет нас волна ее, озарит ее свет. Мы — рабы ныне. Нас поработает

страх и скорби, растерянность и хладность, обыденность и сухость, безрадостная повседневность. Мы — рабы князя мира сего, в какие бы обличия он ни облакался, рабы мира, и лишь пытаемся от того закрыться бездейственными одеждами пышности. Но на пути к радости надо разорвать цепи рабства, и свобода ее обретается в Боге. В Нем можно забыться от мира со скорбью его, от самого его существования, услышав зов Христов: "Не бойтесь, это — Я!" И нужно оглохнуть и ослепнуть для мира, чтобы хотя на краткое мгновение освободиться от него, став как бы вне его, погрузиться в бытие Божественное. Такова и природа радости пасхальной. Тогда будет и ныне наша пасхальная радость победной и ослепительной, как во времена былые, как во времена первохристианские, когда исторгалась молитва: "Ей, гряди, Господи Иисусе!" (Откр. 22, 20). Но этого надо восхотеть, — всей силой, которою "Царствие Божие нудится, и употребляющие усилие восхищают его" (Мт. 11, 12).

Грешно и малодушно думать нам, что мы обделены или оставлены Богом. Он не знает лицепрятия. Но мы избраны и призваны к радости пасхальной не тем, что богаты и взысканы милостию Божьей, но тем, что бедны и умалены, жалки и несчастны. Сила нашей радости — не в благополучии, но в неблагополучии — она есть независимая поистине и свободная, как радость подвига, пасха на крови, рядом с Голгофой, выстраданная победа веры нашей. Пусть она, кратко сверкнув в нас, и скоро угаснет, но тем ярче и радостней будет явление Воскресшего.

Чем темнее ночь, в которой Христос воскресает, тем ярче Его сияние вечное.

Христос да воскресает!

1942 г.

ВЕСЕЛИМСЯ БОЖЕСТВЕННО !

Радость моя в вас будет и радость ваша исполнится.

(Ио. 15, 11)

Приидите... божественного веселия...
Царствия Христова приобщимся.

(Пасх. Кан. п. 8, тр. 1-ый)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

В пасхальную ночь, когда крестный ход, обойдя храм, останавливается перед закрытыми дверями, в душах проходит неуловимое во времени, но духовно значительное мгновение некоего недоумевающего, вопрошающего молчания: "кто отвалит нам камень от двери гроба" (Мр. 16,3)? и явится ли гроб пуст, ибо воскресе Христос? И когда отверзаются двери пред знамением креста и входим в сверкающий огнями храм при пении ликующего пасхального гимна, сердца наши заливают радость, ибо Христос воскресе из мертвых. И тогда совершается пасхальное чудо в душах наших. Ибо мы "видим Христово воскресение". "Очистив чувства" зрим "Христа блистающегося" и "приступаем исходящу Христу из гроба яко жениху". Мы тогда теряем сознание того, где мы находимся, выходим из себя самих в остановившемся времени, входим в субботство "покоя народа Божия" (Евр. 4,9-10). В сиянии белого луча пасхального

погасают земные краски, и душа зрит только "неприступный свет воскресения": "ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя". В пасхальную ночь подается человеку в предварении увидеть жизнь будущего века, вступить в царство Славы, в царствие Божие. Не имеет слов язык нашего мира, чтобы выразить в них откровение пасхальной ночи, ибо она есть тайна будущего века, которого "язык — молчание". Радость совершенная, подаваемая в эту ночь по обетованию Господа, есть Дух Святой, являющий нам волею Отчею Христа воскресшего. Дух Святой есть сущая радость во Святой Троице, Отца о Сыне и Сына об Отце, и Он есть радость в нас о воскресении Христовом. Им зрим мы воскресшего Христа, Он есть в нас Свет Христова воскресения. Пасха не есть для нас один из праздников, но "праздников праздник, торжество из торжеств". Все двенадцать великих праздников дают нам ведение Царствия Божия в делах Божьих, как событиях этого века, Пасха же не есть память о подобном событии, ибо обращена к веку грядущему. Пасха есть на земле преддверие явления славы, о коей молил Отца Христос в первосвященнической молитве Своей, — небесного Иерусалима, который сходит в свершение времен, по пророческому видению, с неба на землю: "светися, светися новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия". Пасха есть жизнь вечная, состоящая в боговедении и богообщении. Она есть правда, мир и радость о Дусе Святе. Было первое слово воскресшего Господа в явлении женам-мироносицам: "радуйтесь" (Мф. 28,9), и слово Его же в явлении апостолам: "мир вам" (Лк. 21,36; Ио. 20,19,29).

Жизнь будущего века не есть простое отрицание этого века с его уничтожением, но увековечение всего, что в нем того достойно, как и вечность есть не забвение или упразднение времени, но остановка его изменчивого бега. Прославление твари в воскресении совершается силою Божьею, однако же в собственной ее жизни подвигом самоотречения. Ибо Воскресение Христово происходит

силою Его вольного страдания и крестной смерти: "Смертию смерть поправ". Победа над смертью совершается изнутри, самую смертью. Жизнь этого мира до конца изживается в истощании смерти Христовой, как и смерть, до конца изведанная и пережитая, уже бессильна Его удержать (Д. А. 2, 29), ибо она сама в Нем истощается: "где твое, смерти, жало?" (1 Кор. 15, 55), "поглощена смерть победою" (1 Кор. 15, 54). Воскресение есть не сотворение новой жизни, но победа над смертью в самой смерти, вечная жизнь, воссиявшая из смерти, "исходящу Христу из гроба, яко жениху". Воскресение Христово есть поэтому и увековечение Его спасительной смерти, которая венчает Его искупительную страсть и весь путь воплощения. Воскресение Христово есть крестное, ибо совершается Крестом, силою жертвенного подвига любви и послушания. "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое поем и славим". В попрании смерти, в победе воскресения крест есть основание и сила радости воскресной. Блаженство рая хранит память о просветленном и преодоленном страдании, как и свет есть победа над "тьмой верху бездны", как Божий мир облакает красою и строим "землю пустую и безвидную". Сей век, сохраняясь, переходит в будущий, преобразается в него, как преобразилось в воскресении земное тело Господа Иисуса. Тело воскресшего Господа хранит в себе язвы гвоздинные и ребро прободенное, как свидетельство своего самотождества, в этом единстве жизни сего и будущего века и раскрывается сила Христова воскресения.

Образ воскресения начертан в природе, и печать его в весеннем ее воскресении. Из земли после зимнего оцепенения весна подымлет живые ростки, острыми иглами выходят из нее новые побеги, и они наливаются соками жизни. Весна одевается пестрой одеждою воскресения под живящими лучами солнца. И каждая весна природы пророчествует о грядущей весне всего мира. Смерть природы побеждается теплом жизни, и пасха природы естественно дает место

пасхе христианской. И как зима трудным путем своим ведет к весне, так и в христианской жизни дни Четырнадцатидесятицы и Страстной седмицы вводят в св. Пасху. Иногда хотят люди избежать этого пути, не изведав, не пережив Страстной седмицы. Но их чувства остаются неоткрытыми, в их душе не оказывается свечи для возжжения пасхального света. Ибо "вчера спогребохся Тебе совоптаю днесь, — воскресшу Тебе, сраспинахся Тебе вчера". Блажен, кто может в сердце своем повторить эти слова пасхальной песни. Радость есть увенчание скорби, свет велий во тьме и сени смертней воссиявает, смерть побеждается смертью, и пасхальное торжество есть духовный плод печали и постного подвига. После зимней печали зовет душу-невесту Жених: "встань, возлюбленная моя, прекрасная моя выйди" (П. П. 2, 10).

Лучи света Христова воскресения пронизают всю вселенную. В нем живы для нас и усопшие, им шлем мы пасхальное приветствие, как весть о воскресении, которую они по-своему ведают. Не одна одушевленная и разумная тварь приемлет силу воскресения, но вся вселенная воскресает в теле Христовом, ликуя радостью пасхальною. "Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же весь мир видимый и невидимый". Вещему взору явно в природе взыграние радости пасхальной: и солнце "играющее", и воздух, и воды, и растения озарены лучами божественного веселия. Воскресающий дух человеческий не может вне себя находить мертвеющую, не воскресшую с ним природу, и он зовет ее к Христову воскресению.

Пасха есть радость евхаристическая. Господь не разлучился от нас в Вознесении, но оставил нам связь с Ним в св. причащении. Вкушая хлеб небесный и чашу жизни, мы осязаем являющегося Христа и Его воспеваем тогда гимном воскресения. "О, пасха велия и священнейшая Христе, о, мудросте и слове Божий, и сила! подавай

нам истее Тебе причащаться в не вечернем дни царствия Твоего". Пасхальное торжество уже есть этот не вечерний день, и радость пасхальная роднится с радостью причащения. Верующие напоены Христом, Господь близок с нами, Он нам является, как являлся апостолам до Вознесения. Пасха есть нарочитое таинство, подаваемое Церкви Духом Святым для ведения воскресшего Господа: "воскресение Христово видевше поклонимся Господу Иисусу".

Пасха есть радость о Церкви, ее силою мы обретаем себя в Церкви, в единой жизни единого тела, тела Христова. Что остается обычно только призывом и обетованием, предстает ныне, как высшая действительность. Радость церковная дает нам видеть друг друга в Боге и радоваться чрез то о ближнем своем, как свойственно любящему о любимом. Пасха исполняет нас Духом Святым, который есть радость любви. Сей дар подается мужам духоносным в воздаяние подвига их. В душе преп. Серафима всегда сияла Пасха, и пасхальным приветом — "Христос воскрес, радость моя" — встречал он приходящих. И в нас, утрюмо-сумрачных и скупых на ласку, открывается в эту ночь сердце ликованиею любви, в пасхальном целовании и приветном благовестии: Христос воскрес! В этом свете гаснут личные обиды, исчезают недобрые чувства. Разве любящим можно не прощать и разве не высшая радость любви прощение? Оно уподобляет нас Богу, прощающему блудного сына, венчающему его в брачном пире. Пасха есть общее прощение в радости любви. В огне ее все плавится и соединяется. "Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем. Рцем, братие, и невидящих нас простим вся воскресением". Пылает сердце радостью любви, которою оно горело у двух учеников, когда они видели и слышали Его идущим с ними на пути. Се и ныне Он среди нас, невидимо видим. Аминь.

СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Диптих

I

Крепка как смерть любовь.

(П. П. 8, 6)

”Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего, чтобы мир спасен был чрез Него” (Ио. 3, 16-12). Сын совлекся славы Божества, ”сошел с небес”, вочеловечился и понес всю тяжесть жизни грешного мира. Он пребыл послушен воле Отчей в проповедании и в делании, — в страдании и в терпении. ”Господь возложил на Него грехи всех нас” (Ис. 53, 6). Изнемогая под тяжестью этих грехов, вопиал Безгрешный: ”Прискорбна душа Моя даже до смерти”, ”если возможно, да минует Меня чаша сия”. Но чаша не миновала. ”Господу угодно было поразить Его и Он предал Его на мучение” (Ис. 53, 10). И это была смертная чаша. Отец послал Единородного на смерть за люди своя, и Сын пошел принять эту смерть. Богочеловек умер — ”за всех и за вся”...

Смерть Бога не вмещается в нашу мысль, но ее разрывает. Ибо Бог есть Жизнь, и Христос Сам назвал Себя Жизнью, и вот — Жизнь во гробе. ”Животе, како умираеши”? В смерти Христовой мы поклоняемся предельной тайне Боговоплощения, жертвенного самоумаления Божества, и она есть сила любви Божьей к человеку. Эта смерть есть исчерпывающая полнота, а потому и предел для жертвы любви, связанный с концом ее страданий. Последние иначе стали бы ”вечны-

ми” муками. Жертва Христова не знает для себя никаких границ. Сын всего Себя, всю Свою жизнь отдал на жертвенное послушание, и однако беспредельная длительность его противоречила бы его полноте, ибо при ней не могло бы быть отдано все, а Сыну надо было это все отдать. Жертва Божественной любви не терпит ограничений: тако возлюби Бог мир... Только смерть могла вместить эту полноту жертвы, она все в себя включает, и самого жертвующего.

Но разве смерть не была противоестественна для Единого Безгрешного, ибо Бог смерти не сотворил, и грехом вошла она в мир? Смерть не имела власти над Безгрешным, но она могла быть вольно принята, попущена как насилие князя мира сего. И тем смертнее была эта смерть. Смертная скорбь ее — “прискорбна есть душа Моя даже до смерти” — была скорбью всех скорбей и болезнью всех болезней. Бог для принятия смерти должен был совлечься Божества, как бы перестал быть Богом... “Боже Мой, Боже Мой, вскую Меня оставил!” — таков крестный вопль умирающего Бога, — Бога, оставленного Богом. Как будто Сам Дух Святой, Жизни Податель, должен был Его “оставить”, чтобы эта смерть “совершилась”.

Грех Адама явился смертоносен для всего мира, которого он был средоточием. И смерть Богочеловека, испутившего дух на кресте, также была новою смертью всего мира и судом над этим миром, она была всей полнотой смерти: солнце померкло, и земля содрогнулась, и тьма опустилась на землю в час крестного истощания. Это была как бы смертная судорога всего мира. Смерть ветхого Адама явилась плодом его самости, отделившей его от Бога, он не мог уже удержать в себе жизнь своею собственной силой, смерть стала для него горькой необходимостью. Но Сын Божий, победивший в Своем человеческом естестве смертоносную самость, имел власть над жизнью. “Никто не отнимает ее от Меня, но Я сам отдаю ее, власть имею отдать ее” (Ио. 10, 18). Богочеловек Сам вольно принимает смерть в жертвенном самозаклании. В нем “совершишася”, все отдано любви к миру, и более нечего

уже отдавать и нечего более совершать. Эта вольная смерть есть любовь, победившая самость.

Наступает торжественный покой Благословенной Субботы. Первая суббота Божия венчает свершение творения, вторая суббота Бога во гробе венчает жертвенное истощание. Разлучение души с телом в смерти противоестественно человеческому естеству, оно есть отрицание, ущербность жизни, — и не только в тоске умирания, но и в скорби смертного покоя. Жизнь в смерти есть "ад", и смерть Богочеловека явилась также "сошествием в ад". Но для Того, над кем смерть лишена власти, но была лишь попущена вольным приятием, и сошествие во ад явилось продолжением Его служения. Солнце взошло в полночной стране, во тьме и сени смертной. "Егда сошел еси к смерти, животе бессмертный, тогда и ад умертвил еси блистанием Божества". Во аде прозвучало слово Жизни, тени обестелесненные услышали благовестие Христово. Солнце совершает свой путь и в стране закатной.

В тридневное пребывание во гробе Господь вкушает смерть вместе с человеческим родом, ее разделяет с ним. И эта смерть не есть сон бездействия, но продолжающееся служение, непрерывающееся послушание воле Отчей. Эта смерть есть любовь. Во гробе Христовом умерщвляется самость, упраздняется жало смерти, умирает смерть. Эта смерть Бессмертного есть преодоление смерти, ибо сила смерти самость, а смерть Христова — любовь. Любовь крепка, как смерть, но она сильнее смерти.

II

Жизнь жительствоует.
(Св. Иоанн Златоуст)

Как возможна смерть, которой Бог не сотворил? Смерти нет, ибо есть только жизнь, жительствоющая жизнь от Жизни

Подателя. Смерть принадлежит небытию, "из" которого, или "поверх" которого Бог создал мир. Небытие преодолено в творении творческою силою Божьей. Однако оно подняло голову, получив для себя место в творении, и тем небытие стало относительным бытием в тварной самости, своевольно отпавшей от Бога. И эта сила небытия, жизнь его в твари есть смерть. Тварь закрылась от полноты даров Жизнедателя и чрез то впала в смертность. Смерть стала жесточайшим уделом всего человеческого рода, который не может от нее защититься своим противлением, своим самоутверждением. Она стала для него горчайшей необходимостью. Но смерть Христова не была необходимостью и не была плодом самоутверждения. Напротив, это была вольная смерть, принятая любовью, чтобы спасти род человеческий. Такая смерть несет в себе внутреннее противоречие, она теряет свою силу и право; она подкашивается в своей основе, которая есть самоутверждение, любовью побеждается самость твари. И потому "смерти невозможно было удержать Его" (Д. А. 2, 24).

Вольная смерть уже таит в себе силу воскресения. Она есть последняя победа духа над косностью вещества. Духовный человек свободен и потому всемогущ, ибо ему Сам Бог возвращает силу жизни, и он достоин и способен ее принять. Посему "Бог воскресил Сына Своего Иисуса" (Д. А. 3, 15). Пред лицом надвигающейся смерти, хотя и вольно принятой, но подлинной и непризрачной в мертвящем могуществе своем, и Он оставлен был силой Божией, силою Духа Святого. Но это было спасительное оставление, ибо оно открывало дорогу для спасительного подвига смерти. Для того, кто совершил последнюю победу любви к Богу и человеку, явил последнее послушание воле Отца, это оставление было и последним испытанием, как и последней победой, — победой смерти над смертью. Принявший вольную смерть после Своего оставления Богом приемлет от Отца силу Св. Духа в воскресении (Римл. 10, 9; 6, 4). Это ниспослание

Духа Святого после оставления, как бы в возмещение, есть новое творческое действие Бога в мире, новое творение, которое не было возможно односторонне, силою Божьего всемогущества над человеком. Оно требовало для себя участия и самого человека, которое и совершилось в лице Богочеловека. Нужно было, чтобы Воскрешаемый из мертвых был и Воскресающим, явился способным к вкушению воскресения силою Своей духовной победы над смертью через ее приятие. Воскресение Христово было действием Богочеловеческим, — Бога в человеке и человека с Богом. Воскресение есть образ Пятидесятницы Христовой, сошествие Жизни Подателя Духа Святого на Божественного мертвеца. В первородном грехе ветхого Адама Дух Божий оставляет человека, и его постигает смерть. Новый Адам принял на Себя это оставление, но в смерти Его Дух Божий возвращается к человеку; и его достоянием становится жизнь воскресения. Во Христе со-умирает все человечество ветхого Адама для того, чтобы с Ним совоскреснуть, обрести новую жизнь. Эту новую жизнь получает он в Пятидесятнице, которая, в числе других даров, таит в себе силу грядущего всеобщего воскресения. Пятидесятница есть сила Христова Воскресения, она есть вечная жизнь, дарованная Христом. "Как во Адаме все умирают, так и во Христе все оживут" (1 Кор. 15, 22). Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Ныне вся исполнишася света,
небо же и земля и преисподняя.

Когда блаженные жены-мироносицы "со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам об явлении ангела, се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!" (Мт. 28, 9-9).

А когда Господь, явившись ученикам, стал посреде их, Он сказал: "Мир вам!" (Лк. 24, 30), и еще раз было Им повторено слово сие при новом Его явлении (Ио. 20, 19, 26).

Воскресший Господь приносит мир и радость миру. И это есть исполнение обетования Его прощального при отшествии на страсть крестную: "о радости совершенной, которой никто не отнимет от вас" (Ио. 15, 11, 22), и о мире во Христе (Ио. 15, 33), который Он оставляет нам: "Не так, как мир дает, Я даю вам" (Ио. 14, 27).

Ученикам, "плачущим и рыдающим", растерянным и смятенным, не легко было воспринять весть о воскресении Господа, и даже пред лицом Его Самого, им явившегося, еще оставалась непреодоленной эта трудность, "они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа" (Лк. 24, 37). Надо было их зрительно и чувственно удостоверить, что пред ними не призрак и не дух, который "плоти и костей не имеет, как у Меня видите" (Лк. 24, 39). До их сердца, очевидно, не сразу доходит даже и приветствие мира (Лк. 24, 36). И однако

мир и радость о Христе явились и для них подлинным удостоверением воскресения.

По воскресении Господь не жил уже с учениками, как до него, но лишь на краткие времена являлся им, от них снова скрываясь, а по вознесении Его и вовсе прекратились эти явления. И тогда-то, уже не видя Его очами, но движимые Духом Святым, Им от Отца ниспосланным, они вышли на вселенскую проповедь о Христе воскресшем.

Так же и мы, как и все христиане до нас и после нас, веруем и исповедуем веру в воскресшего Господа, который пребывает недоступен прикосновению и незрим очам. И без этого пребывает в нас, как высшая действительность, сила Христова воскресения.

Если мы не имели Его явления нашим очам и перстам, то мы имеем ныне духовное Его явление, и свидетельством о нем, об этом чуде духовном, исполняются хваления уста наши. Таинственно и незримо Он приближается к нам в светлую ночь пасхальную и дает мир Свой, как не дает и не может дать его мир, и радостей радость о Себе совершенную.

Господь и по вознесении Своем с нами таинственно пребывает, и ныне является с такою явностью духовной, как будто мы видим и чувствуем Его приближение, внемлем гласу Его благословения. И в этом явлении Христа духовном предоткрывается грядущее, возвещаемое Господом: наше всеобщее воскресение и новое Его пришествие в мир, после которого мы всегда с Господом будем. Нашего сердца касается любовь Божественная, приносящая радость, мир и блаженное успокоение, и оно устремляется навстречу к Нему, в мир паки грядущему Господу.

Христос Воскресе!

Ей, гряди, Господи Иисусе!

Аминь.

1941 г.

ТРИ СЛАВЫ

Триптих

Благовещение — Вход Господень — Пасха Христова

Сердцам человеческим надлежит ныне расширяться, чтобы вместить три радости, три торжества, три свершения, которые в эту годину ужаса и скорби, как небесное созвездие, светят в омраченные души, так близко одно к другому. Бог в милосердии своем тем утешает особым утешением, и мы должны напрягать струны душ своих, чтобы они прозвучали ответным созвучием славословия и благодарения. Они различны между собой, эти звуки небесного радования, но они и сродны, соединяясь между собой в дивное трезвучие. Можно без конца оставаться в созерцании их в отдельности, и тогда каждое из них как будто одно другим вытесняется, всецело заполняя душу собою; но можно и соединять их в едином постижении, как откровение любви Божьей. И к этому совокупному постижению нас призывает это небом самим ниспосланное их сближение во времени, особой силой которого мы должны проникаться.

I. — БЛАГОВЕЩЕНИЕ пресвятой Богородицы явилось первою Пятидесятницей, как сошествие Святого Духа на человеческое естество в Деве Марии и начало всеобщего его обожения. Вместе с самым сотворением человека предначертан

был и этот священный день и час, когда пошлется великий архангел с благою вестью к ее достойной, — святейшей Приснодеве Марии. К пришествию в мир сей новой Евы мир уготовлялся во все века бытия человека, как и к ее брачному часу Невесты Невестной, Матери Божьей. И вот он настал. Гавриил, архангел-благовестник, возвещает волю Божью Пречистой и ждет от нее ее ответного слова. В нем должны предопределиться судьбы человеческого рода, как некогда определились они в раю отвратным движением омрачившегося сердца Евы первой.

Но ответное слово Марии сказало о приятии воли Божьей о ней: "Се раба Господня, да будет мне по слову твоему". И словом этим еще раз изменилась судьба человека, решилось человеческое спасение: Приснодева стала Богоматерью, она явилась вратами для вхождения в мир Сына Божия, Его вочеловечения. И никто в мире тогда не узнал о том, что совершилось в горнице назаретской. Одной лишь Елизавете, "южике", дано было о том ведение Духом Святым.

Но что же совершилось в священной горнице, и что, и какую тайну смотраения Божия приняла в смирении "Раба Господня"?

Вещим сердцем своим увидала она все, что принимает, и какова о ней воля Божья. Она уведала весь крестный путь рождаемого Сына своего, и Гефсиманию, и Голгофу, и крестное "свершишася", как и свой собственный удел, вместе с Его распятием и свое сораспятие, с оружием, которое пронзит материнское сердце.

Но ей же тогда открылось и славное Его воскресение, вместе с ее прославлением, как честнейшей херувим, превыше всякого творения живого сосуда Духа Святого, духоносицы. Она признала и прияла крестное свое благовещение и крестную свою славу о человечестве, за человечество и вместе с человечеством. Священная тайна совершилась... Возвещены были начало и конец нашего спасения.

II. — Оно совершилось пришествием в мир Сына Божия. Путь земного Его служения, нас ради человек и нашего ради спасения, неумолимо и неуклонно вел Его ко кресту. Он весь был крестоношением, которое закончилось крестною смертью. Такова была спасительная воля Отца, которая стала волею и для Сына. И это было единственным путем ко спасению мира, к Его победе в нем. О том не переставал Он учить в земной жизни своей, призывая к последованию за Ним, как и о грядущей славе своей. И готовясь отойти из мира, Он восхотел особо вложить в сердца эту истину о крестной славе и крестном воцарении в мире сем, и не словами лишь, но неким действием, которое имело запечатлеться в душах и свидетельствовать о Нем, как о Царе, ныне вольно грядущем ко кресту в царственном шествии своем. Господь совершает царский вход в царственный град, в торжественном, но вместе смиренном образе шествия на осляти, однако во славе грядущего во Имя Господне Царя Израилева, в ознаменование царства будущего века воскресения.

Здесь, так же как и в Благовещении, хотя знамение было явлено всенародно, тайна его осталась сокровенной для мира. Так несоизмеримо было явленное в сравнении с тем, что оно означало, знамение с откровением. Потому непосредственно же после торжества своего оно погружается в молчание и скоро гаснет во мраке гефсиманской ночи и скорби голгофского пропятия, и для мира, в слепоте и глухоте его, остается только последнее.

Церковь в страстные дни воспоминательно переживает эту скорбь, со-умирает со Христом, со-слезит с Пречистою, однако, в глубине сердца несет она обетованную благовесть воскресения. Она ведает, что Христос есть единый Царь мира, который и воцаряется в нем, вопреки всем тщетным усилиям к противодействию князя мира сего и его слуг.

III. — И се, приходит оно, спасительное воскресение, праздников праздник, торжество из торжеств. Созерцаем

его ныне еще издалече, грядущее с высоты востока. Пред светом его немотствует человеческое слово, оно бессильно высказать радостей радость, еще ранее ее наступления сердце не вмещает его торжества. Но Церкви вверены богодухновенные глаголы, устами великих своих песнописцев, чтобы славить воскресение Христово, ликовать вместе с небесными ликами, когда, в ночь Христова воскресения, ликует небо, земля и преисподняя. Как в свете солнца гаснут ночные светила, так и пред лицом Пасхи Христовой как бы изнемогают другие, и великие и малые, празднества. Однако, в ряду приближения к ней и они сохраняют свою нарастающую славу, ибо все они говорят об одном – о спасении человеческого рода и грядущем его во Христе воскресении, ибо "так возлюби Бог мир". И подобно тому, как знаем мы, находясь еще в зимнем удалении от солнца, что наступает весеннее равноденствие с его теплом и светом, так и ныне, еще отсюда, из голубизны Благовещения, чаем мы лучезарности света пасхального, сего явления повсегодного чуда духовного.

Вечность неизмеримо глубже и выше временности с ее злободневной изменчивостью. Она остается недосягаема для последней. Однако, для временности достигаемы наши души, которые непрестанно захватываются ее волнами, ее мутными водами замутняются. Ныне, может быть более чем когда-либо ранее в человеческой жизни, стоим мы пред событиями, сатанинской жестокостью и ужасом, своими размерами леденящими сердце. И никто не знает, какими скорбями могут еще омрачиться даже святые дни пасхальные. Оттого может сохранить нас только чудо милости Божьей. Тьма сатанинская движется навстречу свету воскресения, как и древле, она тщится поглотить его. Смутный страх перед ней проникает в сердца человеческие, хочет угасить в них радость пасхальную. Уже не в первый раз в нашей жизни последних лет переживается нами это борение тьмы против света и отчаяния против радости, уныния против

упования. Подобно и ныне мы призываемся к бою духовному за радость пасхальную, к духовному подвигу.

Благодатный дар радости пасхальной предстоит нам ныне воспринять усилием духовным, подвигом поста не только молитвенного, но и бодрственного и мужественного. Мы призываемся к победе над страхом смерти силою веры в Христово воскресение. "Христос воскрес из мертвых смертью смертью поправ"... Им поправана и наша собственная смерть, которую мы должны быть готовы достойно, христиански встретить, когда она будет Богом послана нам. Эта смерть, ныне всегда готовая поглотить нас, побеждена воскресением Христовым, обессилена им. Нам надлежит соединить чувство смертности и умирания с победой над смертью, свободой от страха ее.

Как же вместить в это немощное, страшливое сердце наше чувство, ему столь чуждое и противоречащее, как не отдаться природному безблагодатному страху?

Но пусть это и противоестественно, превышает меру тварного нашего естества, однако невозможное человеку возможно Богу, и сильна благодать Божия, преодолевающая страх человеческий. О ней будем молить Христа воскресшего, как о чуде духовном, чуде пасхальной радости в ответ на угрозы князя мира сего, его устрашения.

Будем хранить в сердцах источник радости, который озарял мучеников христианских, ибо и мы живем во времена мученические. И в наше пасхальное целование, которым будем приветствовать друг друга, будем влагать всю полноту нашей веры, любви и надежды и ведения христианского, которое все в себе вмещает, в эти великие и святые дни воспоминаемое.

Радуйся, благодатная, Господь с тобою!
Благословен грядый во Имя Господне!
Христос воскрес!

Аминь.

1944 г.

СЛОВО ПАСХАЛЬНОЕ

В неделю Антипасхи (в неделю о Фоме)

Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ...

Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное.

Как выразить нам радость пасхальную? Какое слово достойно и сильно, чтобы явить ее исступленность, исхождение из собственного нашего естества? Язык бессловесен и слово немолствует, радость же поет и струится в мире и в нас самих. Она свидетельствует о совершившемся воскресении Христовом и о жизни будущего века как о некоей самоочевидности: "От смерти бо к жизни, и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе... Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало... Яко воистину священная и всепразднственная сия спасительная ночь и светозарная, светоносного дне восстания сущи провозвестница... Приидите, нового винограда рождения, божественного веселия... Царствия Христова приобщимся..."

С захватывающим дыханием, в потоке речи стремимся поведать мы о совершившемся чуде воскресения. Это чудо впервые и с единственною, неповторяющеюся

силою потрясает нас в Христову ночь, когда мы внемлем вести воскресения от ангелов и человеков. Она берет нас во власть свою и уводит из здешнего мира, делает нас иными себя самих, как бы уже совоскресшими Христу и живущими жизнью воскресения. И нам хочется утвердиться в этом новом мире и на этой высоте, остаться навсегда в иступленности, восходя выше и выше, трепеща сильнее и горячее... Однако далее мы уже лишь повторяем это самосвидетельство, ото дня ко дню, и от часа к часу, уповая, что оно в нас сохраняет и утверждает свою силу...

Благодать праздника еще дает нам эту радость, которая светится в храме и в сердцах наших, когда мы внемлем пению гимнов пасхальных и ответствуем на их призывные возгласы "Христос воскрес" своим "воистину воскрес". Однако повторения скоро теряют свою первую, непосредственную силу. Душа не взлетает в иной мир, но остается на земле. Праздников праздник становится лишь одним из праздников, даже будучи и первым из них. Радость в нас ослабевает и как бы затихает. И так приближается день, когда в храме уже затворяются отверстые Царские Врата, и для нас закрывается небо, хотя и продолжаются еще дни Пятидесятницы. По окончании же их наша жизнь возвращается в обычное русло, впредь до нового пасхального взлета...

Христианская Церковь родилась в радости воскресения, в явлении Воскресшего ангелам и человекам. Апостолы свидетельствовали о воскресении Христовом: "Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его" (Деян. 2, 24). Воскресший же являлся здесь на земле многим, доколе не вознесся в небеса и не скрылся от земли, чтобы там, в небесах, "умолить" Отца послать нам "Другого Утешителя" (Ио. 14, 16), Который "пребудет с нами вовек, научит всему и напомнит все". И другое еще обетование дает Господь: "Я иду приготовить место вам, и когда пойду и приготовлю место, приду опять и возьму вас

к Себе” (Ио. 14, 2-3). Об этом новом, втором пришествии во славе, как Царя, Судии и Воскресителя мертвых, многократно обетовал Господь. Это обетование глубоко залегло в сердца христиан. В ночь пасхальную отзываются они на весть “Христос воскрес!” своим “воистину воскрес!”, а в пасхальную седмицу, в первохристианстве, ответною молитвой Церкви Христовой было: “Ей, гряди, Господи Иисусе!” (Отк. 22, 20). Этой молитвой молились первые христиане, ею они вдохновлялись, она давала силу мученичества и исповедничества, как и радость пасхальную. Многократно повторялись пророческие слова Откровения, что “время близко” (Откр. 1, 3; 22, 10), и переходит образ века сего, приближается конец его, обновление и преображение. Пришествие Христово мнилось им не страшным, но радостным, какова ныне радость пасхальная. Но как угасает в нас эта последняя, так затихла и как бы позабыта теперь и эта молитва “Ей, гряди!”, та которая должна стать первою молитвой, наряду с молитвой к “Другому Утешителю” Духу Святому: “Прииди и вселися в ны!”

И ныне, когда поет душа “Христос воскрес из мертвых”, остается ли в ней место еще для другой молитвы “Ей, гряди!”? Или же она сливается с первой, ею поглощается? Та радость, которая возвещается в ночь Христову, переходит даже по ту сторону Христова воскресения. Оно совершилось здесь, на земле, в этом веке, но восполнилось вознесением в небеса. От того свершения, которое открывается в ночь пасхальную, нас отделяет вся полнота веков, прошедших и еще грядущих, как и вся жизнь загробного мира. Светлое Христово воскресение чрез все грани мировых свершений является пророчески проникающим и все в себе вмещающим. И вот почему даже эта христианская молитва “Ей, гряди!” здесь как бы умолкает, ибо исполняется в предварении пророчески: Христос воскресший в нас и с нами. Мы испытали, пережили эту радость Его духовного явления. Но после того с новой силой и остротой начинаем мы чувствовать Его вознесение в небеса, которое есть от нас удаление. Оно спасительно и

не оставляет нас сырыми, но возвращает к нашему земному бытию, к которому относится также и загробное состояние. Отсюда-то и родилась первохристианская молитва "Ей, гряди!" Радость воскресения сменилась для учеников недоуменным созерцанием того, как "Господь поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их". В ответ на это недоумение, "когда они смотрели на небо во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: "Мужи галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видите Его восходящим на небо" (Деян. 1, 10-11). В ответ же на это и зародилась в сердцах молитва "Ей, гряди, Господи Иисусе!" Она явилась тогда как бы продолжением славословия пасхального. Она стала внутренней силой воодушевления, ждущего Церковь. И она не может прекратиться или заглохнуть до самого своего исполнения, до обетованного пришествия Господа. Поэтому и в наших сердцах, вместе с угасанием торжества пасхального, должна звучать полнее эта молитва, как молитвенная душа Церкви.

Однако в жизни ее, в земных ее судьбах мы этого не наблюдаем, и даже видим совершенно обратное. Она как бы забывается, теряет силу, становится ненужной, несущественной. Она отсутствует в нашем молитвенном самосознании. Что это значит? О чем свидетельствует? О преизбыточной ли полноте или ущербности нашего сознания, которая требует для себя творческого восполнения? Когда любим, мы жаждем любимого: зреть его, чувствовать, познавать, жить с ним. Эта жажда проникает нашу собственную жизнь и ее воодушевляет. Из нее родится сила христианства в истории, ею побеждается языческое обмирщение и антихристова злоба.

Чаяние Христа, грядущего в мир, есть и радость пасхальная в нас действенная. Она в ночь пасхальную благодатно нам подается, но с тем, чтобы стать животворящей силою всей нашей жизни. И она не может умолкнуть в нас, когда

умолкают гимны пасхальные, она должна звучать в нашей жизни увереннее и победнее. "Ибо Христос для того умер и воскрес и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и живыми" (Рим. 14,9). Мы призываемся здесь, на земле, к подвигу творческой веры. Во дни, когда являлся ученикам воскресший Христос, оказался среди них и Фома неверующий, который хотел для себя телесного доказательства воскресения, и Господь в явлении Своем низошел к этой его немощи. Однако и сам Фома преодолел маловерие и исповедал с тем большею силою свою веру: "Господь мой и Бог мой!" (Ио. 20,28). Господь же сказал ему: "Ты поверил, потому что увидел Меня. Блаженны не видевшие, но уверовавшие".

К этому блаженству подвига веры зовет нас после-пасхальная неделя о Фоме. Она обращает сердца наши к непрестанному молитвенному зову христианства: "Ей, гряди, Господи Иисусе!"

1943 г.

МАРИЯ МИРОНОСИЦА

Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: "Раввун!" – что значит: Учитель.

(Ио. 20, 16)

Эти два дня воскресных после Пасхи как бы смотрятся друг в друга: неделя о Фоме испытующем, который ищет проверить осязанием свидетельство веры и лишь после того открывает двери своего сердца, и неделя о Мироносицах, явивших любовь и веру до креста, у креста и после креста, показавших себя вернее самих апостолов, кроме возлюбленного. И среди них первая – Мария, которая на рассвете воскресного дня "стояла у гроба и плакала" и уже тогда удостоилась явления двух ангелов во гробе живоносном. Она была мироносица не потому только, что она несла миро, но самое ее сердце источало это миро верности и любви ко Христу. Это она помазала Иисуса на погребение на вечери в Вифании (Ио. 12,1-8), и она же, вместе с другими женами, теперь снова пришла помазать тело Его погребенное. И ей же Он первой явился по воскресении, после Богоматери. И именно апостол любви и сам возлюбленный ученик Иоанн евангелист повествует об этом явлении, которым воскресший Господь воззвал из мрака и оживил отягченную печалью душу.

Она пребывала в такой унынии, что не признала, не различила любимые черты Явившегося. Очи ее были удержаны подобно тому, как и тех двух учеников, которые провели с Ним в пути весь день, Его не узнавая. Они открылись для них чрез горение сердца лишь в час расставания. Также и Мария Его не уведала, доколе не услышала Его голоса и слова, исполненного столь ведомых ей ласки и власти, любви и откровения. Но слово это было одно лишь: Мария! Он только

назвал ее по имени, но, как огненная стрела, то призывное слово пронзило ее сердце. Она отозвалась на него также одним только словом, которое, однако, все сказало, чем Он для нее был: Раввуну-Учитель! Учитель жизни, премудрости, любви...

Среди всех повествований о явлениях Христа воскресшего этот краткий рассказ особенно потрясает своею силою, соединенной с краткостью. Только Христос мог призвать человеческую душу, назвать ее по имени, ибо Он знает и дает все имена. "Через Него все было, и без Него ничто не стало быть, что стало" (Ио. 1, 3). И каждая душа несет в себе свое имя, как священную тайну своего бытия, своего сотворения и определяющего призвания. Им она имеет быть названа и призвана Христом, в этой ли еще жизни, или в воскресении, когда будет и к ней обращен глас повелевающий: Лазарь, иди вон!

Имя это есть прежнее и новое, сего века и грядущего. Прежнее – ведомо, но "нового никто не знает, кроме как кто получает" (Откр. 2, 17). Им печатлеется любовь Христа к Своему созданию, но в нем же откроется и ответная его любовь к Создателю. В нем совершается та личная встреча со Христом, при которой источает миро любви своей душа мироносица. Сказание евангельское сладким трепетом исполняет душу, и не только как драгоценное воспоминание о событии в жизни всего человечества в лице жены "много возлюбившей". Оно относится к каждому из нас, а не к одному только светоносному образу любви и верности, который явлен миру в этой женской душе. Человеческая душа в любви ко Христу есть женственно раскрывающаяся, как невеста, встречающая Небесного Жениха. Она ищет Его в этом мире у его вертоградарей: "Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его" (Ио. 20, 15), доколе не услышим призывно ответного: "Мария!"

Ведомая Духом Святым, она есть та, о которой сказано возлюбленным, ибо возлюбившим, учеником-тайновидцем: "И Дух, и невеста говорят: Приди! Ей, гряди, Господи Иисусе!" Аминь.

1941 г.

РАДОСТЬ РАЗЛУЧЕНИЯ

И тии поклонишася Ему и возвратишася в Иерусалим с радостию великою.

(Лк. 24, 52)

Господь на Тайной Вечери прощался со Своими учениками пред вольной страстию Своей. Но не только к Голгофской смерти относилось это прощание. Господь говорил тогда и о том, что Он идет к Отцу Своему уготовать там место ученикам (Ио. 14, 3), и что лучше для них, чтобы Он пошел, иначе Утешитель не придет к ним. И еще сказал: "если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что — Я сказал: иду к Отцу" (Ио. 14, 28). Во всех этих словах говорилось не о ближайшей разлуке в страданиях и смерти, но о последнем разлучении в Воскресении Христовом. Этих всех слов не могли вместить тогда ученики (Ио. 16, 12), но они путем многих скорбей и после новых откровений, которые имели от воскресшего Господа, приблизились к горе Елеонской, созрели, дабы приять Вознесение и возрадоваться радостью разлучения с Господом. Не так ли Господь всегда ведет и воспитывает сердце человеческое от временного к вечному, от обладания к разлучению ради паки приятия?

Зачем вознесся Господь? отчего не остался жить посреди нас, являясь нам, назидая, чудотворя, царствуя над нами? отчего — повторяя вопрос апостолов на пути к Елеону — во время сие не восстановил Он царствие Израиля (Деян. 1, 7)? Эти вопросы подсказываются лишь нашей слабостью, маловерием,

стремлением опереться на внешнюю силу, но не нуждами нашего спасения. Господь же пришел спасти нас от власти мира, но не отдать нас в нее окончательно. И вознесся Он также, как и воплотился, ради нашего спасения, в его исполнение. К тому была внутренняя необходимость для завершения дела Христова в Его вочеловечении. Господь не мог оставаться на земле более того 40-дневного срока, в который совершалось таинственно окончательное прославление и приуготовление к Вознесению Его воскресшего Тела. Как сорок дней готовился Он в пустыне к земному Своему служению, так сорок дней протекли и до Его Вознесения. Доколе Господь оставался на земле, не было еще завершено дело спасения и обожение человеческого естества. Господь пришел "яже на земли соединить небесным" (кондак), для этого Он сошел с небес и воплотился от Девы Марии, но, будучи истинным Богом, "един сый Святыя Троицы", Он имел пройти и обратный путь Своего нисхождения. Небеса, открывшиеся для Его схождения к твари, должны были открыться и для обратного восхождения Плотноносца. Если бы Господь пребыл на земле и не возвращался бы на небо, это означало бы, что человеческому естеству нет дороги в небесное, и Приявший его тем отделился бы от Святой Троицы, как бы оставшись бессильным обожить и прославить человеческое естество. К таковой хуле ведет мысль малодушная. Но Сын Божий получил "власть над всякою плотию, да всему даст Он жизнь вечную" (Ио. 17, 2), а посему и молит Он в первосвященнической молитве Отца, "да прославит Он Его славой, которую имел Он у Него прежде создания мира" (Ио. 17, 5). Это сказано о грядущем Вознесении. "Ныне же к Тебе иду и сие говорю в мире, чтобы они имели в небе радость совершенную" (Ио. 17, 13), – радость Вознесения. Вознесение на небо и одесную Отца седение означает полное и окончательное спасение и обожение человеческого естества: нет разделения небесного и земного, ибо в небесах сидит на престоле Бог, носящий человеческую плоть. Вознесение есть сила Рождества Христова,

ибо знаменует нерасторжимость божеского и человеческого естества. Вознесение есть сила Воскресения, которое не завершилось бы, если бы Воскресший не обрел Себе власти вознестись на небо с пречистою Своею плотию. Вознесение есть прославление человеческого естества: "и славу Твою, которую Ты дал Мне, Я дал им... Отче, которых ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал мне, потому что возлюбил Меня прежде окончания мира" (Ио. 17, 24). Вот что означает в любви Божьей к миру вознесение Христово. Но не только завершение искупительного дела Христова соделывает Христово Вознесение, но оно пролагает путь к схождению в мир Духа Утешителя, к созиданию на земле Церкви Христовой. Вознесение есть основание и предварение Пятидесятницы, "Господь вознесся на небеса, да пошлет Утешителя миру" (стихира на Господи возвах).

Господь предварял на Тайной Вечери учеников Своих: "уне есть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам: аще же ли иду, пошлю Его к вам" (Ио. 16, 7), и о том же Он подтвердил им пред самым Своим Вознесением: "примите силу нашедшу Духу Святу на вы" (Д. А. 1, 8). Непостижима для человека тайна – жизнь Святой Троицы, как и связь ниспослания Святого Духа с Вознесением Христовым. Однако нам явлено значение этой тайны в деле спасения нашего. Дух Святой осуществляет чрез Церковь дело спасения человек, совершенное Христом, и начало сего исполнения стало возможно лишь после полного завершения этого дела. Доколе не совершилось Вознесение, не наступило время схождения Третьей Ипостаси, путь для него пролагается лишь Вознесением. Дух Святой имел излиться на Церковь как Тело Христово, прославленное и обоженное. И Сам Дух Святой соделывает небесное земным, сообщает силу этого обожения всей твари. Посему непреложно значение Вознесения на путях домостроительства нашего спасения. И, празднуя Вознесение Христово, мы любящим и благодарным сердцем

славим любовь Божию к Своему творению, которая не знает границ, ибо ради его спасения Сын Божий оставляет славу Свою, унижается до зрака человеческого, но и этот зрак человеческий искупив, возводит в славу Свою. Изумевает ум пред безмерностью любви Божьей, прославляющей человеческую природу седиением одесную Отца, в недрах Святой Троицы, в лице воплотившегося Сына Божия.

Но и в самом разлучении проявилась любовь Божья к людям. Лишая их внешнего с Собою общения, Господь охраняет их свободу, Он не хочет связать их Собою, Он не хочет быть для них внешней властью и непогрешимым повелителем. Он сохранил за ними всю свободу хотения, веры, любви, и те, которые ищут в делах веры лишь велений внешнего начальничества, противятся Христову Вознесению. Но Он обещал пребыть с нами всегда, ныне и присно и во веки веков. Он дает зреть Себя очами веры, вкушать Себя в Теле и Крови Христовых. Он ниспослал нам от Отца Духа Утешителя, который научает всякой истине и напоминает все, сказанное Им. Таинственно вознесшийся Господь пребывает с верными в Церкви Своей, живет в них. "Не оставлю вас сиры: прииду к вам. Еще мало, и мир ктому не увидит Меня, вы же увидите Меня: яко Аз живу и вы живи будете" (Ио. 14,8-19). Так говорит в лице апостолов всем верующим Господь. Но они должны возлюбить вознесшегося и уже невидимого Господа более, нежели все видимое очами, и должны взыскать Его, подъявши крест мироотречения. Когда ученики говорили между собою, что же значат эти непонятные Его слова: "вскоре не увидите Меня и паки вскоре увидите", — как можно увидеть невидимого, вознесшегося Господа, — Он сказал им с особой силой: "аминь, аминь глаголю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет". Подобно рождающей женщине, "и вы же печаль имеете убо ныне: паки же узрю вы и возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возьмет от вас" (Ио. 16, 20, 22-23). И ради этой радости совершенной,

ради любви к Господу, нужно быть готовым пойти вслед за Ним, навстречу Его Вознесению: "желание имый разрешиться и со Христом быть", как свидетельствовал о себе апостол Павел. Господь вознесся от нас не для того, чтобы скрыться от нас, но чтобы привлечь нас к Себе, вознести нас за Собой: "и аще вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе" (Ио. 12, 32), глаголет Господь. Любовь к дальнему и к ближнему, к Вознесемому и в нас Живущему, любовь как тайна души, сокровенность сердца, как совершающееся таинство богообщения дается нам Светлым Христовым Вознесением. О радостное разлучение, о светлая встреча!

Возносясь, Господь оставлял мир и человеческий род иными, нежели они были, когда Он к ним нисходил. Земля та тогда была земля проклятия, и род человеческий – чада гнева. Но эта земля носила Его, зрела Преображение Его, хранила Его тридневно в недрах своих и просветилась Воскресением Его. И роду человеческому дана "область чадом Божиим быти, верующим во имя Его" (Ио. 1, 12). Благословение Божье дано творению: "извед же их вон от Вифании и воздвиг руке Свои и благослови их. И бысть егда благословляше их, отступи от них и возношашеся на небо" (Лк. 24, 50-51). Господь вознесся благословляя: Он благословил учеников Своих и в их лице род человеческий, Он благословил землю и воды, воздух и все исполнение их. И это благословение почиет на мире, спасенном, искупленном и снова благословенном. Мир помнит и хранит это благословение.

Ученики Христовы проходили долгий и трудный путь, приведший их вместе с Учителем к горе Вознесения. Было время, когда они хотели построить три кущи, чтобы там удержать Его и остаться с Ним. Было, когда они, ужасаясь перед грядущими страданиями, в страхе и смятении покинули Его, предавшегoся в руки грешников, и по смерти Его пребывали "плачущими и рыдающими", так что Сам Господь, явившись им, "поноси неверствию их и жестосердию их" (Мк. 16, 10, 11), и с трудом преодолевалось сомнение

их даже при явлении Воскресшего (Мф. 28,17). Но за эти сорок дней, когда "Он являлся им и говорил о Царствии Божием" (Д. А. 1,3), отвергая им "ум разумети писания" (Лк. 24,45), Господь возвел их к высшему постижению путей Своих и приуготовил их к Вознесению Своему, к последнему разлучению. Правда, как последний отголосок угасших мечтаний, еще звучит вопрос их, когда Он предварял их о наступающем крещении Духом Святым: "не в это ли время восстанавлиешь Ты Царство Израиля?" и строгим отклонением самого вопроса, — "не ваше дело знать времена или сроки" — явился Его ответ. Но это была уже бледнеющая тень прошлого, последнее искушение, через которое перешли ученики. И когда Господь вознесся, и вместе с Вознесением должна была угаснуть последняя надежда на земное царство, "тии поклонишася Ему и возвратишася в Иерусалим с радостью велию" (Лк. 24,52), они возросли уже до радостного разлучения. Они лишились земного явления Христа для того, чтобы встретить Его и чаять Его в небесах, согласно реченному им двумя мужами в белой одежде: "сей Иисус, вознесыйся на небо, такожде придет, имже образом видесте Его, идуща на небо" (Д. А. 1,11).

Когда мы взираем на небо, душа наша расширяется и помышляет о горнем. Она чувствует в небесах след возносящегося Господа, она помышляет со страхом и трепетом, но и радостью великою о грядущем явлении Его. Молитва наша, верою собравшихся днесь у горы Елеонской, да будет едина с первенствующей Церковью, единого чаявшей, — пришествия Господа: Ей, гряди, Господи Иисусе! Вознесыйся на небо, Господи! Научи Сам нас молиться о Твоем пришествии, пошли Духа Твоего, вопиющего в сердцах наших, воспламени любовью Твоею. Научи звать Тебе: Ей, гряди, Господи Иисусе!

1925 г.

О ВОЗНЕСЕНИИ

Опустела земля. Закрылись небеса. Осиротели апостолы, более не слыша сладчайшего гласа Господня. Настало молчаливое ожидание. — Чего? — Сошествия Св. Духа, обещанного от Отца. Это ожидание на нашем человеческом языке исчисляется десятидневием, во время которого происходит приуготовление к принятию Св. Духа. Это приуготовление совершается не только на земле, но и на небесах. Господь вознесшийся поведал: "И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек" (Ио. 14, 16). Вознесшись от земли на небо, Господь сидит там одесную Отца, Он умоляет Отца о ниспослании Утешителя, тем довершая дело нашего спасения. Это происходит в небе, в недрах Св. Троицы, — мы не можем дальше проникнуть в тайну Св. Троицы.

А что происходит на земле? — Церковь молчит. Ей повелено ждать. Но Церковь никогда не молчит, даже в своем молчании. Что происходит с апостолами в это десятидневие, и что ныне должно происходить с нами — в апостольской Церкви? Апостолы были единомышленны и пребывали в молитвенной собранности души. Среди себя они имели и Духоносницу — Марию, Матерь Божию (Д. А. 1, 14). Деяния Апостолов указывают еще и другую черту: в это время избрали вместо Иуды Искариота двенадцатого апостола, чтобы был такой, который был свидетелем учения с первых дней (Д. А. 1, 21-22). Двенадцатый апостол был избран для свидетельства. Мысль апостолов была сосредоточена вокруг тайны о том, что Господь был на земле и отошел на небо.

Содержанием десятидневия было молитвенное созерцание этой тайны — тайны Боговоплощения.

Теперь Церковь учит нас тому же созерцанию тайны Боговоплощения. Мы празднуем ныне память 318 св. Отец I Никейского собора. Мы должны сосредоточиться мыслью не столько на них самих, сколько на том, что они установили, — на догмате Боговоплощения. В свете этого догмата, в созерцании тайны Боговоплощения мы должны ожидать наступления Пятидесятницы. Пятидесятница наступит потому, что Бог сошел на землю и соединился с человечеством во Втором Лице Св. Троицы и Он имеет соединиться с ним и в Третьем Лице Св. Троицы. Сегодняшнее Евангелие (Ио. 17, 1-13) — первосвященническая молитва Господа — есть самое торжественное место в Евангелии, потому что это есть прославление человечества Богом. В Никее был торжественно установлен догмат Боговоплощения и был составлен Символ веры — наше величайшее сокровище, в котором содержится этот догмат. Сегодняшнее воскресение — праздник Никей. То, что установлено в Никее, есть достояние всего христианского мира.

Принято думать, что догматы только для богословов, но Церковь учит нас сегодня, что этот догмат для всех нужен, нужен для нашего спасения. Это не отвлеченная, а жизненная истина. Если кто поврежден в этом догмате, то он поврежден во всей своей вере. Мы все теперь мысленно взираем на небо в ожидании, что Господь пошлет нам Утешителя.

28 мая 1933 г.

РАДОСТЬ В ПЕЧАЛИ

(Ио. 16, 20)

Через Вознесение к Пятидесятнице

Скорбь причиняется разлучением, в сердце им оставляется рана. Она тем мучительнее, чем сильнее любовь, тем убийственнее, чем выше, дороже, прекраснее любимый. Но если и возможно еще различать и сравнивать образы и степени любви, то не было и не могло быть священнее, проникновеннее, беззаветнее той любви, которою, при всей человеческой немощи своей, любили ученики своего Учителя. Видеть Его лик, слышать Его голос, ощущать присутствие было высшей радостью и блаженством, которые только доступны человекам. Не сам ли Он однажды сказал им об этом: "Ваши блаженны очи, что видят, и уши, что слышат. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали" (Мт. 13, 17).

И, однако, пришло время, когда должно было прекратиться и для них это блаженство. Сначала ученикам дано было вкусить всю скорбь о смерти Его, а теперь, на горе Елеонской, им предстояло новое, уже последнее с Ним разлучение. Самая мысль о нем настолько не вмещалась в их сознание, что они не поняли сказанного об этом и стали

спрашивать о восстановлении царства Израилю, о земном Его торжестве, тогда, когда их ожидало новое осиротение с удалением Господа из этого мира. Недоуменно "смотрели они на небо", приявшее возносившегося Господа "во время восхождения Его" (Д. А. 1,10), а церковная песнь даже так изображает эту скорбь их: "Рыданием слез скорби исполняемы, рыдающе глаголаху: Владыко, не остави нас сирых!" (Стих. на Господи воззвах).

Однако эта скорбь учеников явилась лишь данью немощи в великом призвании и светлом обетовании, им данном. Они возвратились в Иерусалим уже "с великою радостью" (Лк. 24,52). В сознание их вошло слышанное в прощальной беседе, накануне страсти Учителя, оно запечатлелось в памяти возлюбленного ученика и через него поведано миру: "Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек" (Ио. 14,16), "не оставлю вас сиротами, приду к вам". "Мир уже не увидит Меня, но вы увидите Меня, ибо Я живу и вы будете жить". "Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его, и явлюся ему сам". "Теперь вы имеете печаль, но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем" (Ио. 16,22-23). Эти глаголы Господни небесным благовестом прозвучали в сердцах учеников, принявших благословение возносящегося Господа. Они достигли высшего разумения, если обрели в себе силу радоваться, уже не видя Господа. По возвращении в горницу Сионскую, они "единодушно пребывали в молитве и молении" (Д. А. 1,13-14), но также как и в заботе служения делу Христову, чрез избрание нового апостола в среду свою. Ею охваченные, они оказались уже обращены от неба к земле, чтобы здесь начать свое служение. В этом единодушии и встретили они пришествие "Другого Утешителя", посланного им Сыном от Отца. Они тогда познали, что разлучение с Учителем было делом той же спасающей любви Божьей, как и Его пришествие в мир, по

слову Его: "Лучше для вас, чтобы я пошел, ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пришло Его к вам" (Ио. 16, 7).

Отцом посылается в мир, вслед за первым Утешителем, Сыном, и "другой" – Дух Святой. От Обоих единое утешение. Не два, но одно об одном, во свидетельство любви Божьей, во откровение Святой Троицы. "Другой" Утешитель, вместо самого Сына Божия, восшедшего на небеса, имеет свидетельствовать о Сыне (Ио. 15, 26). "Он наставит на всякую истину. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам". "Он научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам" (Ио. 16, 26). Это напоминание будет не словом только или мыслью, но и самим делом, жизненным откровением. В Духе Утешителе ученики будут иметь присутствие Самого вознесшегося Господа. Чрез Него будет осуществляться живая связь и единение их со Христом. Потому Он и возвещает им, как последнее свое обетование: "Се Аз с вами есмь до скончания века" (Мт. 28, 20).

Пятидесятница совершилась в лице апостолов Христовых для всей Церкви. Дары Св. Духа ей до скончания века присущи. Христос живет в ней и действует в благодатных таинствах, приемлемых всяким верующим по вере своей. Но не только это таинственное присутствие Божье в Церкви дано в Пятидесятнице, а еще и ее особый зов и обетование, обращенное ко всему христианскому миру. Это есть новозаветное призвание к пророчесственному вдохновению, в дерзновении христианской свободы, в Духе Святом. В этом, и только в этом одном, и состояло обетование Пятидесятницы устами ап. Петра. Он говорил к народу словами пророка Иоиля: "Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны и дочери, и юноши и старцы, и рабы и рабыни" (Иоиель 2, 28 - 29).

Пророчества ветхозаветные о пришествии Сына Божия не упраздняются, но исполняются в Завете Новом. Они приемлют

новую силу и Пятидесятницу, новую обращенность ко грядущему (Ио. 16, 13). Это возвешение грядущего содер­жится в письменах возлюбленного ученика Христова Иоанна, оно запечатлено в видениях его Откровения, но оно же постигается и в творческих откровениях жизни, приемлемых в озарениях Духа Истины. Церковь живет и дышит этим вдохновением. Когда оно оскудевает, то и она немощствует. Отец, открывающийся в Сыне чрез Духа Святого, не умаляет своего дара и не отнимает обетования, относительно которого равны все люди – последние и первые, бывшие и будущие, как и мы, настоящие. Дух Святой, сошедший в мир от Отца, в нем пребывает, а чрез Него – сила и Истина Христова.

Тайна Пятидесятницы есть, прежде всего, ипостасное пришествие в мир "Другого Утешителя", Духа Святого, для нас невидимое и неосязаемое, но жизненно ведомое и непосредственно открывающееся. В Нем же и вместе с Ним снова возвращается, духовно приходит Христос, плотию вознесшийся от нас на небо. Утешитель в своем пришествии возвращает и Его миру. Это возвращение отличается от земного пребывания Христа с человеками. Мы уже не видим Его телесными очами. Однако, оно имеет для нас всю силу духовной действительности. Ведь и в нашей человеческой жизни мы способны чувствовать, не видя глазами, будучи лишены непосредственного общения с любимыми, отделенные от них расстоянием, даже когда они уходят из этого мира.

Человек имеет этот дар духовного ведения, преодолевающего пространство и время. И тем более не должно вызывать недоумения это духовное общение со Христом чрез Духа Святого. В этом смысле и Вознесение преодолено, превзойдено Пятидесятницей. И однако, в нашей памяти о горе Елеонской, мы не можем забыть того чувства сиротства и одиночества в мире, которое испытали святые апостолы, а вместе с ними и все мы, христиане, при Вознесении Христовом.

Человечество обрело уже не одно только духовное общение с Господом, но узнало Его и в телесном образе, в котором Он "с человеки поживе". Оно не может и не хочет забыть об этой утраченной полноте общения, которая ему и снова обещана в явлении через ангелов после Елеонского разлучения: "Сеи Иисус, вознесшийся от вас на небо, снова придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо" (Д. А. 1, 11). Посему и мы продолжаем смотреть на небо с немым вопрошанием, не грядет ли Он паки. И оно порождает в душах невольное молитвенное призывание: "Ей, гряди, Господи Иисусе!" Оно изначально зазвучало в Церкви, ей внушаемое от самого Духа Утешителя, по свидетельству тайнозрителя Иоанна: "Дух и Невеста говорят: "Прииди!" (Откр. 22, 17), а в ответ "Свидетельствующий говорит: "Ей, гряди скоро. Аминь". На это еще раз отвечает своей молитвою Церковь: "Ей, гряди, Господи Иисусе!"

Поэтому, хотя мы пребываем ныне уже после совершившейся Пятидесятницы, но чувствуем себя еще и в десятидневии по Вознесении, после отшествия Господа и в чаянии Его паки пришествия. Без такого чувства оставалось бы скудно и наше нынешнее празднование, и неполно наше им вдохновение. В Пятидесятнице подается радость совершенная о Господе в Духе Святом, но и она не освобождает от скорби об Его удалении из мира. Это засвидетельствовано пророчески еще в ветхозаветном гимне Невесты к Жениху: "На ложе моем ночью искала я того, кого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по граду, по улицам и площадям, и буду искать того, кого любит душа моя" (Песня Песней 3, 12). Пятидесятница поэтому, сообщая духовную близость со Христом, по-своему оживляет в нас и чувство Его удаления из мира, с ожиданием Его нового пришествия.

То будет Страшный Суд для нашей греховности, пред которым трепещет душа, но и радость встречи в любви к Нему нашей, и не напрасно сказал нам апостол любви, что "совершенная любовь изгоняет страх" (1 Ио. 4, 18). Пятидесятница

зовет нас к встрече Христа, в мир паки грядущего, хотя остаются сокрыты от нас ее времена и сроки.

Но еще и ранее того, во все времена земной нашей жизни, Господь с нами в Духе Святом пребывает на всех путях ее и свершениях. Он восшел на небеса и приял славу от Отца, однако, не с тем, чтобы оставить нас, забыть о нас, но дабы довершить свое спасительное дело победой в мире над силой вражией, уготовать Царствие свое и возвратиться в нем со святыми своими и тем "приготовить место" нам. "Иду уготовать место вам, и когда уготовлю место вам, приду опять и возьму вас к себе" (Ио. 14, 13).

Господь воцаряется в мире во все дни бытия его, во всех судьбах его и борениях сил вражеских с силою Христовой. И, согласно непреложному обетованию пророчества (Откр. 20), наступит время, когда воцарится Он на земле со святыми своими и воссияет царство Его на некое время, еще прежде кончины этого века, прежде последнего восстания против Него. Посему и в этом продолжается и ныне Пятидесятница в силе своей. И к нам, и к нашим временам, так же, как и ко всем другим, остается обращенным слово ап. Петра в день ее. Слышим ли мы его теперь, достигает ли оно нашего внутреннего слуха в наши дни, перед лицом ныне происходящего в мире? Как сочетать дикий разгул сил разрушения со светлым обетованием? Не кажется ли оно наивным и бессильным мечтанием пред лицом человеческого ожесточения и каждодневной гибели, угрожающей каждому из нас? Не находится ли оно в вопиющем противоречии с действительностью? Остается ли в силе то, чем мир жил доселе, до наступления этих невиданных, небывалых бедствий? — Мы не можем не спрашивать себя так, со всею искренностью и ответственностью испытывая свою веру.

Но, прежде всего, сгущение тьмы и скопление бедствий в человеческой жизни является ли неожиданным и непонятным, или же оно целиком вмещается в христианские пророчества о том, а потому страшное не есть еще непонятное. Господь

сам настойчиво предвещал об этом своих апостолов: "Вот Я сам наперед сказал вам... претерпевый до конца спасется" (Мт. 24, 25, 13). И апостол Петр в слове своем в Пятидесятницу включил в ее обетования и такие слова пророка Иоиля: "И покажу чудеса на небе и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма. Солнце превратится в тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный" (Д. А. 2, 19). Это же слово и ныне к нам остается обращенным, не с тем, чтобы вселять в нас страх, но дабы освободить нас от внутреннего испуга даже тогда, когда невольно он леденит сердца наши. Христиане предвещены, что им суждено будет встречать и провожать Пятидесятницу в крови, огне и курении дыма. И однако, все это явится пред нею бессильно. Пророческие озарения и обетования должны остаться в нас ликующими и неугасимыми, побеждающими и не изнемогающими в подвиге веры и упования, христианского мужества и терпения.

Но как же это осуществить в себе, как этого достигнуть нам? Пусть это даже невозможно одним человеческим усилием, остается у нас надежда на спасающую силу Божью, которая совершается вопреки нашей немощи. Христос неотступно с нами в дни сии. Он тем ближе к нам, чем темнее ночь. Он незримо и таинственно воинствует, вместе с ангелами и святыми, против зверя и лжепророков с полчищами их. Он воцаряется ныне, когда на земле совершаются страшные судьбины Божьи. На небе тогда раздаются "громкие голоса говорящие: царство мира сделалось царством Господа нашего Иисуса Христа, и будет царствовать вовеки" (Откр. 11, 15). Такова высшая действительность, которой надлежит внимать пророчесственным слухом Пятидесятницы, и таково да будет и наше ныне празднование. Аминь.

1944 г.

ПОСЛЕ ВОЗНЕСЕНИЯ...

Ныне мы находимся в десятидневии после Вознесения до Пятидесятницы. Что значит это десятидневие? Что совершается в это священное время на небе и на земле? Христос пребывает на небе, умоляя Отца о ниспослании Духа. Об этом Он сам говорил в своей последней беседе. Что есть это умоление? Дни эти нужны и для Него Самого, ибо, воскреснув, Он проходит путь своего прославления. Он проходит путь к Славе для ниспослания нам Духа Утешителя. Но это тайна, пред которой преклоним благоговейно свои сердца, а обратимся к тому, что было на земле.

Апостолы возвратились с радостью в Иерусалим и пребывали в иерусалимской горнице. Они непрестанно пребывали в единоконии. Здесь сосредоточилась вся Церковь, жизнь которой есть единоконие. Они пребывали в молитвах и молениях. Молитва эта была изливанием восторга и, вместе, их собранности после радости разлучения — в священном ожидании Пятидесятницы. Они были проникнуты лучами Вознесения, его трепета. Но что самое поразительное — они пребывали с Матерью Господа. Об этом сказано на протяжении Деяний Апостольских один только раз.

Около кого было соединиться, как не около той, которая была Его Матерь. Незреченная святость которой была в ней. Дух Святой собирал Церковь около Божьей Матери, Ею Он радовал и утешал ее. Все, что мы знаем о десятидневии

Церкви, как бы покрыто покровом Пречистой. И если бы об этом и не было написано, мы отгадали и прозрели бы это сердцем.

Далее повествуется об избрании двенадцатого апостола. Мы видим, насколько апостолы созрели уже: сначала они хотели непосредственно видеть земную славу Мессии; но ныне они не спешат, а ждут; и восстанавливается в терпении свершений святая Двенадцатирица апостольская, в которой Церковь уготовляла себе полноту.

И наконец то, что не пребывало, но что отсутствовало: апостолы еще не совершали преломления хлеба, ибо еще не сошел Дух Святой, давший силу Церкви совершать это величайшее из таинств.

Что предлагается нам, собравшимся в это десятидневие? Церковь обращает наше внимание на Первый Вселенский Собор, установивший Божество Христа, и, обращаясь к этому величайшему историческому событию, Церковь как бы отвращает наш взор от прямых событий этих дней. Но естественно подтвердить в это светлое время, что Господь есть Бог, что Он проходит путь к Божественной Славе.

И наконец последний вопрос: как можем входить мы в это священное десятидневие? Мы ведь приняли, имеем уже Духа Святого, нам дан Он в Церкви и Церковью. Но мы не вмещаем еще сего дара. Мы всегда в ожидании, "в молитве и трезвении". Нам надо твердо совершать наше призвание в уповании на Господа всегда в искании полноты. И надо, преодолевая леность духа и уныние, проходить наш путь в собранности и молитвенном ожидании. Нам все дано, но мы все же изнемогаем. И потому ожидаем в вере и надежде. А надежда не постыжает. Аминь.

ПЯТИДЕСЯТНИЦУ ПРАЗДНУЕМ И ДУХА ПРИШЕСТВИЕ

Слово в день Пятидесятницы

Господь создал человека по образу Своему, для того, чтобы иметь его другом Своим, приобщить его Своей божественной жизни, вселившись в него, сделать его богом по благодати. Когда человек через грехопадение отклонился от пути к своему предназначению, Сын Божий принял человеческое естество, и, искупив человеческий грех, он вернул ему утраченную возможность. Божеское естество в Нем и через Него совершенно соединилось с человеческим. Но дело искупления, совершенное Христом, должно было принести свой плод в спасении, осуществиться в новой жизни, к которой имел приобщиться человек в приятии Святого Духа животворящего. После отшествия Христова из мира, в котором Он, однако, пребывает неотлучно, как совершенный Богочеловек, в мир должен был низойти Дух Святой. Сошествие Святого Духа находится в прямой связи с боговоплощением; можно сказать, что оно составляет его цель, как и изъясняет Христос своим ученикам: "уне есть да иду ко Отцу", чтобы ниспослать Духа Святого, Огнем крестить учеников. Боговоплощение Христово дает нам единение со Христом, непреложное основание для участия в жизни божественной, но лишь приятие Св. Духа осуществляет эту жизнь в нас, таинственно и неизреченно являет в нас единение и взаимопроникновение жизни человеческой и жизни божественной. Мы называем вдохновением в человеческом

смысле такое состояние, когда человек чувствует в себе присутствие новых сил, как будто притекающих из его высшего существа; не теряя себя, он чувствует себя как будто другим, находя в себе новые, неизведанные возможности. Но это вдохновение, открывающее человеку сокровенные или дремлющие силы его собственного духа, является только образом того, когда человек примет Духа Божия и, проникаясь им, обожается им, а через то становится едино со Христом, живущим в человеке. Сошествие Святого Духа есть осуществление дела Христова и исполнение замысла Божия о человеке, ибо он и создан был храмом Духа Святого, вместе с природным миром, быть главой и душой которого он поставлен. Всемирная Пятидесятница в Сионской горнице предварялась и уготовлялась от самого создания мира, всегда животворимого Духом Святым. При самом сотворении, когда к бытию вызвана была еще безобразная и пустая земля, "Дух Божий ношашеся верху бездны", и это была первая природная Пятидесятница в предварении. И вторая, уже человеческая, Пятидесятница была, когда Бог, создавая человека, Сам "вдунул в него дыхание жизни" (Бытие 2, 7). "Святым духом всякая душа живится", свидетельствует св. Церковь. Первозданный человек был создан духоносным, хотя он и утратил свои дары вследствие грехопадения. Однако и в грехе не вовсе отнята от него благодать Духа Божия. Она подается ему и через естественные его духовные силы, ибо, хотя затмился, но не утратился в нем изначальный образ Божий. По особому же смотрению Божию, в избранном стаде, в церкви ветхозаветной, подавались ему благодатные дары Духа Святого, в различных служениях: в священстве, старейшинстве, царстве, пророчестве, воинствовании, искусстве. Жизнь ветхозаветной церкви преисполнена облагодатствования. И все же разрыв между Богом и человеком оставался непреодолимым до пришествия Христова, и благодатные дары были действиями Святого Духа, лишь как бы извне озлащавшими человека, но неспособными проникнуть в его существо и

сделать его храмом Духа Святого. Однако чрез благодатное воспитание и медленное восхождение человек приуготовлялся к богоприятию, и, наконец, пришло время, когда явилось на земле существо, способное приять Духа Святого и стать храмом Божества – Пречистая Дева. И на Нее сошел Дух Святой при Боговоплощении, совершилась Богоматерняя Пятидесятница. Но и она, хотя и дала Деве Марии силу стать Матерью Господа, но для самой Пречистой еще оставила возможность участия во всечеловеческой Сионской Пятидесятнице. Полнота Пятидесятницы совершилась над человеческим естеством Господа Иисуса Христа при крещении Его, когда на Него сошел Дух Святой в виде голубине, и это схождение Его на Нового Адама уже заключало в себе основание для грядущей всеобщей Пятидесятницы. Но для этого было нужно, чтобы совершилась вся полнота не только искупительного подвига, но и прославление человеческого естества в вознесении на небеса и одесную Отца седении. Лишь оттуда, до конца обожив и прославив полноту человеческого естества, Сын Человеческий от Отца Небесного посылает на все человечество Духа Святого, подобно тому и по силе того, что и на Его человеческое естество был ниспослан Дух Святой, пребывающий на Нем. И об этом было последнее Его обетование апостолам, выражающее полноту дела Его, перед Вознесением: "ждите обещанного от Отца... вы будете крещены Духом Святым" (Д. А. 1,4-5).

Сошествие Святого Духа явилось событием, совершившимся в определенном месте и времени. Его описывает в Д. Ап. св. евангелист Лука: "и бысть внезапно с небесе шум, яко носиму дыханию бурну... и явишася им разделени языцы, яко огненни, седе же на едином коемждо их, и исполнишася вси Духа Свята" (Д. А. 2, 2-3). Сошествие Святого Духа совершилось для всех осязаемым и даже видимым образом, и столь же наглядно осязаемым было и действие этого сошествия на приивших Святого Духа, ибо

они почувствовали себя новыми людьми и обрели дар глаголения на разных языках. При столпотворении Вавилонском, которое явилось предельным выражением отпадения от Бога, человеческого богоборства, появилось, по воле Божьей, это разделение языков, в Пятидесятнице же оно исцелевается. Дух Святой соединяет в Церкви все языки, ибо во Христе Иисусе нет эллинов или иудеев. Каждый из апостолов получил отдельный язык единого Святого Духа, ибо, по разъяснению св. ап. Павла, "дары различны, и служения различны, и действия различны, но тот же Дух, и каждому подается проявление Духа на пользу" (1 Кор. 12, 4-7). И в первенствующей Церкви дары Святого Духа столь преизобиловали, что появлялась даже взаимная ревность об этих дарах, как это изображает ап. Павел в 1 Кор. 12-14. И сошествие Святого Духа при возложении рук апостольских было делом всегда осязаемым, как свидетельствуют разные примеры: на самарян (Д. А. 8, 15-17), на евнуха (Д. А. 8, 39), на язычника Корнилия и дом его (Д. А. 10, 44-47), на ефесян (Д. А. 19, 2-6). И если, по нашей греховной немощи и по особому смотрению Божию, в дальнейшей жизни Церкви, как и в наши дни, эти дары извне становятся не всегда осязаемыми, от этого не изменяется сила и действительность их. Огненные языки, сошедшие в Пятидесятницу, в мире пребывают, и мы, род христианский, живем действительной силой Пятидесятницы, ибо она есть пребывающая Церковь Христова. Все, что совершается в Церкви, — таинства, молитвы, тайнодействия, — все это пребывающие в мире огненные языки Пятидесятницы. И вся святость церковная, духовные дары и достижения, совершаются силою Пятидесятницы. И на вершинах святости языки Пятидесятницы и среди нас становятся осязаемыми: лик преп. Серафима Саровского сиял, как солнце, когда он являл присутствие Святого Духа Мотовилову. Но не сияют ли и ныне лики и очи людей в час их молитвенного восхищения, свидетельствуя явно о почивающем на них Духе Святом? Каждому из нас

дано причастие Пятидесятнице, но мы должны возгревать ее дар, стяжать его трудом и усилием. Пятидесятница, незримо и зримо продолжаясь, совершает свое дело в мире и человеческом роде. Дух Святой, живущий в Церкви, созидает в ней Тело Христово, царство святых, ждущее грядущей славы. К этой славе предназначен не только человек, но и вся природа. В Пятидесятницу устраивались древесные кущи сынами Израиля, и ныне христиане приносят в храмы цветы и зелие травное, и ветви древесные. Вся природа становится причастна чрез них храму Сионской горницы, приобщается Пятидесятнице. Вся тварь ожидает, по слову апостола, откровения славы сынов человеческих, ждет преобразования в новое небо и новую землю, мировой Пятидесятницы, которая грядет за гранью всеобщего воскресения. Дух Святой, живущий ныне в Церкви и содевающий ее Царством благодати, Он же совершит и Царство Славы, и Божий лик вообразится во всем творении, будет Бог всяческая во всех. Но это грядущее царство Славы будет исполнением уже совершившегося делом Христовым, чрез сошествие Святого Духа в мир. Господь уже соединился со Своим творением, его обожил и в нем пребывает. День сошествия Святого Духа мы зовем и днем Св. Троицы, как бы вторым богоявлением. Бог-Отец, открывшийся в Сыне Своем, открывается и в Духе, от Отца исходящем и Сыном посылаемом. Бог есть любовь триипостасная, взаимная любовь божественных Ипостасей, и любовь к творению, являющаяся в богоснисхождении. И се ныне до конца открывается это богоснисхождение: Господь сотворил мир, но и вселился в него, — Отец Сыном и Духом Святым. Аминь.

1927 г.

СЛОВО О ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Святому Духу еже царствовати подобает, освящати, подвизати тварь: Бог бо есть единосущен Отцу и Сыну.

(Степенны в неделю 3-ю по Пасхе.
Антифон 1, Слава)

По вознесении Господа апостолы ожидали исполнения обетования о сошествии Утешителя. И в день Пятидесятницы, когда все "они были единомудушно вместе, внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них, и исполнились все Духа Святого" (Д. А. 2, 2-4).

Это событие явилось рождением новозаветной Церкви, первым знамением коего была проповедь на всех языках, обращенная ко всем народам. Огненные языки, сошедшие на землю в Пятидесятницу, на ней оставшись, всегда пребывают. Почившие на апостолах, они переданы ими в благодатных дарах их преемникам. Каждый член Церкви приемлет свой дар Святого Духа в таинстве миропомазания, получает свою "печать дара Духа Святаго", и это есть его личная Пятидесятница. В такой мере очевидно и ощутительно было это принятие Духа Святого, выразившееся в различных дарах, в

век апостольский, что тогда непосредственно знали, был ли уже преподан дар Духа (Д. А. 8, 14-9; 19, 2-6).

Вся жизнь Церкви, движимая Духом Святым, есть продолжающаяся Пятидесятница, она есть та новая, благодатная жизнь, о которой говорил пророк Иезекииль: "И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам" (Иез. 36, 26). В природную человеческую жизнь вселяется новое, благодатное, сверхприродное. Вдохновение естественно-человеческое осеяется Духом Святым, оно становится боговдохновенным. Дух Святой возвещает Христа в человеке, ибо "от Моего Он возьмет и возвестит вам" (Ио. 16, 13-14), по слову Господа, — не о себе свидетельствует, но об имени Христовом, о жизни во Христе, живущем в своем человечестве.

Дело Христово является действенным для Церкви силою Духа Святого. Жизнь в Церкви есть Дух Святой, в ней живущий и свидетельствующий о Сыне, а в Нем и об Отце. Сын и Дух Святой нераздельны в предвечном бытии, в самооткровении Отчем, ибо Дух Святой почивает на Сыне, Его являя Отцу. Также и во времени мы имеем откровение Отца в Сыне, совершенное Духом Святым. Он есть неиссякающий источник божественного вдохновения в Церкви, о котором проповедовал в день Пятидесятницы словами пророка Иоиля ап. Петр: "И будут пророчествовать сыны ваши, и дочери ваши будут видеть видения, и старицы ваши сновидениями вразумляемы будут" (Иоиль 11, 28; Д. А. 2, 17).

Дух Святой есть неиссякающий источник духовных даров, которые сообщает Церковь в таинствах своих, Он есть богоносное дыхание Церкви. Дух Святой есть сама Церковь в силе своей, Им она усваивается Сыну, как Тело Христово, Невеста Христова, чтобы в Сыне покориться Отцу, да будет Бог всяческая во всех.

Духом Святым напечатлевается в Церкви образ Святой Троицы, посему и Пятидесятница есть праздник Святой

Троицы, вселенское Богоявление. Его предварение было в Благовещении, когда Дух Святой осенил Деву Марию, но тем самым явлена была и Святая Троица: Отец посылающий, Дух нисходящий, Сын рождающийся.

Богоявление совершилось и в крещении Господа при сошествии Святого Духа и Отчем свидетельстве о Сыне. Вселенское Богоявление свершилось в Пятидесятницу, и не только для человеческого естества, но и для всего творения, в человеке имеющего главу и средоточие; в ознаменовании сего приносим цветы и украшаем ветвями храмы, тем и всю природу делаем храмом. Вспоминаем при сем и ветхозаветный образ Богоявления — явление Святой Троицы в виде трех ангелов.

Но и этим не исчерпывается содержание праздника Пятидесятницы. Великое светило имеет спутником себе еще и малое; ко дню Пятидесятницы прислоняется еще и следующий день, освященный именем Святого Духа. Подобно этому меньшему светилу, бледнеющему, хотя и не гаснущему, в лучах величайшего, праздник Святого Духа совершается неприметно и как бы потаенно: не в ряду великих, двенадцатых праздников, Господских или Богородичных, но лишь около них.

Не отмечен этот день и собственной службой, в которой раскрывались бы величие и святость праздника, в его отличие от Пятидесятницы. Но надо уразумевать смысл и силу не только глаголов Церкви, но и ее молчания. Праздник этот, как запечатленная икона, или запечатанная книга, есть немая тайна, которая раскроется за пределами этого века, когда вселенская Пятидесятница сделается явной всему творению и Бог станет всяческая во всех. Тогда будет ведом и собственный лик Третьей Ипостаси, Духа Святого, которого ныне знаем только в благодатных дарах Его.

Церковь в празднике Духа Святого дает надежду и обетование. Мы любим Господа Иисуса Христа личною

любовью, зная Его в собственном лице. Но мы не знаем собственного лица Духа Святого, а потому и лишены возможности любить Его лично, знающей любовью, хотя и хочет Его любить сердце наше. Ничему так не радуемся и ничего так не жаждем мы в мире, как личного явления святости, когда явно загорается огненный язык над человеком. И тогда в его лице светится Лик самого Духа Святого.

Всего явственнее его мы предсозерцаем в лике той, которая соделалась пречистым сосудом Духа Святого, в преблагословенной Деве Марии, хотя, ведая ее человеческий лик до прославления, мы только предощушаем ее прославленный и пренебесный лик.

Тем не менее, хотя и не ведаем Духа Святого ипостасно, но молимся Ему лично, к Нему обращаемся. Сравнительно скудно, по указанной причине, число непосредственных молитвенных обращений к Нему, однако знаем одну исчерпывающую молитву, какую каждодневно повторяем, и с особенной торжественностью в день Его праздника: "Царю Небесный". В этой молитве Церковью подается краткое учение о Духе Святом.

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины. Как Бог, Дух Святой равночестен другим лицам Святой Троицы, и в сем смысле есть Царь Небесный, как и Сын и Отец. По личному своему свойству Он есть Утешитель, любовь и радость любви Отца и Сына во Святой Троице. Он есть и радость творения, ибо исцеляет язвы его, делает его собою самим. И как почивающий на Сыне, который есть Истина, Он есть Дух Истины, ее являющий в Боге и в человеке. Бог есть Дух в своем естестве, одинаково и Отец, и Сын. Однако Дух Святой, завершающий откровение Отца в Сыне и тем запечатлевающий внутреннюю жизнь Троиединого Божественного Духа, есть Дух Духа, Его самовдохновение.

Иже везде сый и вся исполняяй, сокроуище благих и жизни подателю. Здесь выражается

отношение Духа Святого к творению, — всемогущество и всеприсутствие Божие, вместе с животворящей силой Его. "Святым Духом, — поет Церковь, — всяка душа живится". Мы знаем о Слове, что "вся тем быша"; Оно есть мыслительная, словесная основа всякого бытия, которое исполняется, животворится, становится самобытным — Духом Святым. Божественное действие может быть только благом, ибо никтоже благ, токмо един Бог (Мт. 19, 17), но высшее благо, благо всех благ, подаваемое из Их сокровищницы, есть Жизнь. И если Слово есть Жизнь, как ее начало, то Дух Святой есть само животворение.

Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. В этих просительных словах молитва обращается к нашим нуждам. Не впадаем ли в противоречие здесь с вышесказанным о всеприсутствии Святого Духа? Ответственна ли молитва о вселении в нас Того, Кто всюду присутствует силою Своею? Однако для нас недостаточно лишь такого присутствия. Благодать не насилует человека, но ожидает свободного ее приятия, отверстия сердца, которое становится престолом Царствия Божия внутри нас.

От всемогущества и всеприсутствия Божия не могут укрыться даже и демоны, но нужно и ответное движение любви нашей к Творцу, чтобы Он жил в нас не только силою своею, но и произволением творения, согласием любви Творца и творения. И молитвенно призывая пришествие Утешителя, мы открываем уже для Него свое сердце, и в ответ на это огонь Святого Духа попаляет наши грехи и тем переплавляет, спасает души наши. Живя в Духе, Его дарами, мы приемлем и дерзновенное упование, хотя за гранью этого века, познать и самого Духа Святого в Его собственном ипостасном лице. И утешенные Его утешением, уповаем узреть и самого Утешителя. Аминь.

1929 г.

РАДОСТЬ СОВЕРШЕННАЯ

... да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна.

(Ио. 15, 11)

Пятидесятница, вместе с днем Святого Духа в таинственном о Нем молчании, есть праздник о радости. Всякому празднику свойственно свое особое радование, но этот праздник есть о самой ипостасной Радости в Боге, сходящей на землю, и она есть Дух Святой.

Радость бытия есть высший дар Творца творению в безмерности жизни, в премудрости и красоте. "Да плещет море и что наполняет его, да радуется поле и все, что на нем, да ликуют вместе все деревья дубравные пред лицом Господа" (1 Пар. 16, 32-33). В радости бытия, его напоющей, вся тварь призывается к благословию Господа (Дан. 3, 57-90). Радость природы переливается и в сердца человеческие, в ее ознаменовании приносятся в храмы цветы, ветви и травы. Но высшая радость творения открывается в любви человеческой, в даре взаимного любования. Для самой Премудрости Божьей, которая была "художницей", пред лицом Творца веселящейся о всем творении, "радость была

о сынах человеческих” (Прит. 8, 30-31). Только им, вместе с полнотой образа Божия, дана эта радость взаимной любви со всею ее многоликостью, неисчерпаемый источник радования образом человеческим. Но все природные лики любви человеческой еще не вмещают и не выражают высшего ее дара, любви духовной. Они могут даже затемнить ее и ей противодействовать.

Человек призван любить в Боге, а такая радость любви есть благодатный дар Божий, который воспримется ответным усилием человека, самоотданием, духовным подвигом.

Господь в прощальной беседе с учениками обещает им дать Свою радость совершенную, исполненную. Какова же эта радость Христова? В чем состоит ее совершение, а вместе и совершенство и полнота? Она отличается от скоро преходящих утех мира тем, что никто не отнимет ее от ее уведавших (Ио. 16, 22). Она есть радость победная, которая обретается в печали, рождается под крестом: ”Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет” (Ио. 16, 20), радость крестную.

Ее первообраз дан в небесах. В жизни святой Троицы Божественное Ее триединство утверждается жертвенным самоистощанием Ипостасей в любви взаимной. Бог есть триипостасная жертвенная Любовь, которая увенчивается радостью исполненною, совершенною. Образ этой крестной радости приносит в мир Сын Божий. Сошествие Его с небес и все земное служение, с уничтожением до принятия смерти крестной, есть это исполнение радости совершенной, которую Он сам приемлет в небесах во славе своей и сообщает ученикам чрез ниспослание Духа Святого на землю. К этому совершению и относится последнее слово Господа в мире, сказанное на кресте в смертном Его истощании: ”Совершишася!” (Ио. 19, 30). Совершилась крестная радость в силе своей, хотя и не воссияла еще во славе победы над миром.

Таково обетование Господне. Но что же предрекает Он ученикам своим о земных судьбах их в этот час расставания? Не радости земные, но скорби, не славу мира, но вражду и гонения, вместе с их собственным духовным изнеможением. И лишь проходя чрез эти испытания, уведает они утешение Утешителя, благодатную радость о Нем и мир Христов. Христианская радость не чуждается искушений, напротив, нуждается в них, и даже "с великой радостью принимает их" – учит апостол (Иак. 1, 2). "Когда нас огорчают, мы радуемся" (2 Кор. 6, 10) радостью крестною, победною.

После Пятидесятницы видевшие апостолов в священном их иступлении спрашивали в недоумении, не "напились ли они сладкого вина" (Д. А. 2, 13). Они приняли от Духа Святого в божественном веселии ведение "будущего", обещанное им Христом, и радость совершенная наполняла сердца их. Прикосновение или даже только приближение к этой радости дается лишь подвигом веры в Господа: "Еще не видевши и доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченной и преславной" (1 Пет. 1, 8). Она же сияет в ликах святых, и дар ее являет меру нашего духовного восхождения.

Однако высшее, хотя само и не вмещается в низшее, но, превосходя его, в себе его вмещает. Поэтому и земные, тварные образы любви и радования о ней не погубляются и не возбраняются любовью совершенной, но в свете ее находят свое оправдание. Противление миру относится к тому, что противится в нем воле Божьей по его состоянию, но не к самому его бытию первоначальному. Любовь Божья почит на всем творении, и вся тварь "ожидает откровения сынов Божиих" (Рим. 8, 20-23). Праздник Радости ипостасной дает нам благодатное предвестие о грядущем преображении мира, которое совершится в явлении Господа и уже предсовершилось в пришествии Утешителя. Сердце человеческое и ныне радуется радостью всего творения.

Да внемлем же и о себе самих. Пред лицом величайшей скорби, ожидавшей учеников, вместе с предварением о ней, давал Господь им заповедь о радости совершенной, которая не отменена, но со всей силой относится и к нам ныне, в эти страшные дни. Доходит ли до нашего слуха этот призыв и обетование Господа со всею его силою и правдою, или же, их не вмещая, мы только внутренно защищаемся ими от последнего ужаса, от предельного отчаяния? Побеждает ли в нас "победа, победившая мир, вера наша" (Ио. 5, 4)? Если знаем мы страх и изнеможение веры, как ведомы они были даже апостолам Христовым в Гефсиманскую ночь, то и обновление, в котором нуждается мир, совершается свыше в огне испытаний. Не к смерти, но к новому рождению в земле умирает зерно пшеницы Божьей. Мужеством терпения закаляются сердца, раскрываются к радости вечной. Грядем же к победе духовной. Сказал Господь: "В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, ибо я победил мир" (Ио. 16, 33). И сей единый Победитель смерти да дарует и нам ныне радость Утешителю. Аминь.

1941 г.

ПЯТИДЕСЯТНИЦУ ПРАЗДНУЕМ И ДУХА ПРИШЕСТВИЕ

Да простится мне ныне это слово о себе самом, слово благодарения о величайшей милости Божьей, ко мне явленной, и о радости о Духе Святом в день Святого Духа.

Четверть века назад дано мне было в этот день принятие пресвитерского сана в граде Москве по благословению святейшего патриарха Тихона, десницею святителя Феодора Волоколамского, во дни священного Московского Собора и его Высшего Церковного Управления, коим я принадлежал недостойно. Через то открылись для меня двери церковного служения. Я вступил в клир Московской Патриархии во дни пребывания на родине моей, но не престану принадлежать к нему духовно и ныне после изгнания, будучи от него внешне отторгнут.

Исповедую себя священнослужителем Церкви Российской, а через нее Церкви Православной, как и Церкви Вселенской, Христовой, коей воссоединения во всех частях своих, ныне разделившихся, уповаю.

Едино есть тело Христово, как един Дух Святой, в мир пришедый Утешитель. В сей день незабвенный благодарным сердцем воспоминаю я прежде всего друзей и братьев своих, в тот день собравшихся в московский храм Духа Святого со мною разделить торжество духовного брака. Их лики вижу пред собою, среди них первее всего сослужителя священномученика иерея Павла, а также и многих, сущих в мире, как и из него отшедших. Благодарной памятью и любовью воспоминаю всех тех, кто был мне дан как сомолитвенники на пастырском пути моем, на родине и в изгнании. Их образы светят в моем сердце, их имена горят в памяти, исполняют ее молитвенной

благодарностью и духовным восторгом. Их благодарно благословляю, с ними как в жизни соединяясь, так и разлучаясь по воле Господней. Уповаю, что ныне молитвенно со мною те, которых "Ты дал мне", и да простится же мне это о себе дерзновенно сказанное слово, в великий день Пятидесятницы.

ПЯТИДЕСЯТНИЦУ ПРАЗДНУЕМ И ДУХА ПРИШЕСТВИЕ.

В мир днесь пришел и вселился Дух Святой. "Внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго" (Д. А. 2, 2-3). И "когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение... и все изумлялись" (Д. А. 2, 6-7). Событие в малом доме быстро сделалось событием и для всего святого града, а далее всей земли, оно стало распространяться силою своею в мире, во всей Церкви Вселенской, и даже до дня сего. Мы и ныне сотрясаемся духом от Духа пришествия и сами себя вопрошаем: как же теперь мы переживаем Духа пришествие, вместе ли с апостолами и подобно им, вместе ли со всею Церковью и христианским миром, вместе ли с природным миром, со всем тварным бытием? Как нам измерить и определить это ВМЕСТЕ, это пресветлое единение, осознать себя в нем? Как принял мир это пришествие Духа Святого, и продолжает ли принимать его? Как он на него отвечает? Дух Божий принимается духом же, хотя и человеческим, но духовно. Он жив и действенен, он ищет и жаждет, беря воспринимает. Нужна духовная жажда, чтобы отверзлись врата Пятидесятницы, по слову Господа: "Кто жаждет, иди ко Мне и пей!" (Ио. 7, 37), "И в радости будете почерпать воду из источника спасения" (Ис. 12, 3). "Сие же сказал о Духе, которого имели принять верующие в Него" (Ио. 7, 39). Если будете жаждать, искать Духа Божия, хотеть жизни духовной, тогда откроются воды спасения, "из чрева потекут источники воды живой" (Иоиль 13, 18).

Дух пришел в мир, но достигает ли нас Его источник, жаждем ли его? Или же нам ныне становится непосильно духовное его торжество? Увы! На Пятидесятницу мир отвечает столпотворением Вавилонским, на шум с неба ревом воздушных и земных орудий, на разделяющиеся языки, почивающие на каждом, адским огнем учений ненависти и разделения сатанинской гордости и насилия.

Мир горит и разрушается, а не преображается. Он не вдохновляется изливанием Духа, но задыхается в иступлении. Не гибнет ли он от этого своего бездушия? Таково наше недоумение, таково отчаяние, такова скорбь, такова растерянность ныне после Пятидесятницы, которая сменяется всемирным потоком... Такие вопрошания искренни и по-своему оправданы, от них нельзя укрыться, да и куда же и как? А в таком случае, где же сила нашего торжества и что мы празднуем? И на это мы отвечаем твердым и непреклонным исповеданием своей ВЕРЫ В ПЯТИДЕСЯТНИЦУ, как совершившееся, неотъемлемое, на вечные времена СОБЫТИЕ.

Утешитель, Дух Святой, пришел и вселился в мир, в нем пребывает, его освящает и освещает. Его свет и присутствие таинственно и незримо, такова природа духа. Его действие может быть неосязаемо, и, будучи в нас, он может сокрываться в смирении и уничтожении, доколе не явит всей силы и славы своей, не предстанет в победной своей очевидности. Но Его уже знаем и потому Его чаем, Он для нас открывается в бытии и присутствии своем, Он ПРИШЕЛ И ВСЕЛИЛСЯ в нас. Это свое ведение и откровение мы несем в себе, его торжествуя свидетельствуем, его дерзновенно утверждаем, его исповедуем как веру свою, как знание, как свершение...

Когда Бог творил мир, то о каждом дне творения свидетельствовано было его свершение в красоте и совершенстве, как ДОБРО ЗЕЛЮ. Мир запечатлен в нем Духом Святым, Пятидесятницей творения, она неотъемлема от мира, как радость его о себе самом. Пред этим ДОБРО ЗЕЛЮ мира бессильна мировая скорбь, даже если она собою еще его

омрачает. Ибо за этой радостью творения мира грядет его преображение, которое победит и устранил его тени, явит его в радости совершенной. Подобна сила преображения, и не только природного, но и духовного мира. Человек предстанет в чистоте и славе своей под действием Духа Божия, в мир пришедшего и в нем сокровенного.

И силою этого знания мы "Пятидесятницу ПРАЗДНУЕМ", как событие в нас, от нас неотъемлемое, как радость нашу совершенную, и ее ликуя возвещаем. В этом возвещении для каждого из нас состоит подвиг Пятидесятницы. Господь не дал нам плотской, мирской, человеческой очевидности Пятидесятницы, которая ждет нас лишь в веке грядущем, но Он даровал нам на то силу подвига ее, дар Духа Святого.

Посему мы призваны к терпению в подвиге этой веры, ее упованию. Но не к этому лишь подвигу борьбы за духовное свое существование мы призваны, мы призываемся еще к иному и большему вдохновению Пятидесятницы, пророчественному ее дару, прозрению грядущего сквозь настоящее, вопреки ему.

Апостол Петр в первоапостольском слове своем о сошествии Святого Духа изъяснил событие его словом пророчества Иоиля: "И будет в последние дни", — и эти дни приближаются для нас и ныне, — "излию Духа Моего на всякую плоть и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши и юноши ваши будут видеть видения и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать" (Д. А. 2, 17-18; Иоиль 2, 28-32). Об этой радости пророчествования и его вдохновении дается обетование и к нему призывается всякая тварь, сыны и дочери, старцы и юноши.

Непокоривость настоящему, непримиримость с ним и вера в грядущее нас да вдохновляет. Веление Пятидесятницы есть творческое устремление нашего духа, которое для каждого свое. Оно противится ослеплению и ожесточению настоящего, оно зовет к грядущему, которое приходит и придет чрез

все испытания настоящего, о котором не напрасно говорит пророк: "Солнце превратится в тьму и луна в кровь, прежде чем наступит день Господень великий и славный" (Иоиль 2, 20).

Но он наступит. Пятидесятница не сулит нам мира и торжества на земле, их не сулит нам и Христос, но зовет к борьбе, к творческому делу, дает ее обетование и торжество. Посему должна быть не только вера, но и ДЕЛО Пятидесятницы, ее преобразующая сила в мире, по слову Христову: "Верующий в Меня, дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему гряду" (Ио. 14, 12), ибо "Утешитель, Дух Святой, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам" (Ио. 14, 26).

Пусть же каждый блюдет себя в своем бытии духовном, таково да будет обетование Пятидесятницы: "Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог Ваш" (Ио. 2, 39).

Христос послал нам "другого Утешителя", Духа от Отца исходящего, с тем, чтобы чрез Его присутствие на земле самому сокровенно присутствовать в мире после отшествия на небо. Но эта Его сокровенность останется только до времени, так же, как и сокровенное действие Духа. Се Христос грядет в мир во Славе своей, и Слава эта есть явление Его силою Духа Святого.

Дух Святой, в мире пребывающий, грядет со Христом въяве. Он явится тогда не только в образе или КАК БЫ сильного ветра и огненных языков, но во всей силе и славе своей. И к этому пришествию обоих Утешителей, Сына и Духа, устремлены наши пророчесственные упования, наше творческое вдохновение, вся наша жизнь.

Они уже пришли в мир, но и в него грядут. Им молимся и зовем Их:

Ей, гряди, Господи Иисусе!

Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны!

Аминь.

1943 г.

ПРОПОВЕДЬ В ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА

Вчера, когда нам открылась слава божественная Духа Святого, мы пели: "Величаем Тя, живодавче Христе, и чем всесвятаго Духа Твоего, Егоже от Отца послал еси божественным учеником Твоим". Но в сошествии огненных языков мы не видали самого Духа; таинственным молчанием закрыта Его Ипостась, ибо Она откроется лишь в веке будущем. Но нам известно Его место в Святой Троице. Он есть любовь соединяющая, любовь в Святой Троице и также любовь в нас и среди нас.

Господь говорит, чтобы мы имели любовь между собою и радость совершенную, ибо какая радость больше, нежели любовь. Любовь по новой заповеди — любовь церковная, это любовь Святого Духа. Обратимся к тому, что умолчано ныне в Евангелии. Мы слышали свидетельство о Церкви, в которой любовь: "Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я, Христос, посреди их". Но как можно быть собранным во Имя Его, если не соединяющим и вдохновляющим Духом Святым. Им и ведаем мы Христа, любим Его и друг друга. И эта любовь есть любовь церковная. И не может быть ее в наших сердцах, если там иная любовь — любовь от мира, а не "горение сердца".

Любовь молчалива, она не может выразиться в слове, и однако она о слове, о Логосе, о котором явилось свидетельство с неба. В Духе Святом Он оживляет, делает действенными слова. Любовь не бессловесна, хотя сама она молчит. Посему

и ныне Церковь молчит о Духе, но горит эта любовь победная и побеждающая.

Пред предстоящими событиями ныне хочется высказать, что веяние единства совершается во всем мире, даже за пределами наших храмов. Этим летом предстоят два больших события, на которых мы призваны к участию. Да даст Господь совершить православным дело любви и единства подобно тому, как оно совершается ныне в день сошествия Святого Духа и как оно совершалось на Соборах: "Изволися Духу Святому и нам..." Аминь.

1937 г.

В ДЕНЬ ДУХА СВЯТОГО

Возлюбленные! Мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть.

(1 Ио. 3, 2)

Еще не открылось... Посему и днесь, в день Святого Духа, немолствуем мы о тайне будущего века, как и о Нем самом. И однако трепетно к ней приникаем, ибо уже прияли Духа в даре Пятидесятницы, Им живем. Сколь бы ни была скудна эта жизнь, но и над нами пламенеют Его языки, и от них загораются сердца, как горели они на пути в Эммаус у учеников, внимавших Христову учению (Лк. 24, 32). И ныне не внемлем ли мы Его учению о Духе Святом?

Последнюю, прощальную беседу свою, обращенную к ученикам, Он навсегда и для всех оставил. В ней и мы внемлем Его обетованию о Святом Духе и откровению о Нем. Бесконечные его глубины раскрываются для всех времен, и нынешнего века, и за пределами его, как и в путях собственной жизни каждого из нас. И в этой безмерности и неисчерпаемости сердце слышит и избирает живительные и близкие глаголы, в него ударяющие. Слово о Духе было самооткровением Его самого, на Христе почивающего. Оно и вдохновляет, и радует, всегда по-новому, как и теперь слышим мы блаженные слова: о радости в печали и о дружбе Христовой...

Пред лицом печали приблизившейся, которой печальнее нет, и не было и не может быть, в канун крестной страсти, поруганий, заушений, отвержения, распятия и смерти учит Господь "радости совершенной", Богом даруемой и человека достойной. Это есть призыв и обетование, даруемое нам. Мир живет в глубокой печали, нам кажется порой, что не было еще печали большей, нежели та, что мы созерцаем. Однако, если она есть самая широкая в своем разливе, то не есть самая глубокая, как та, которая ожидала учеников, когда "пришел час Его". Но и тогда говорил Христос ученикам, и нам Он продолжает говорить о победе духовной, о радости совершившейся и совершенной.

Но эта радость совершается в печали, как и победа в борении. "Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет" (Ио. 16, 20), "Вы теперь имеете печаль, но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас" (Ио. 16, 22). Не ищите же радости беспечальной, того счастья на земле, которого ищут сыны века сего. Достойна человека лишь радость крестная, обретенная чрез страдания, не в себялюбии, но в печали "ради Бога" (1 Кор. 7, 10). Такова радость рождающей женщины, забывающей страдания свои пред лицом плода рожденного. Но всем дано рождение, если не телесное, то духовное. Бог ведет нас чрез мрак к свету, чрез печаль к радости совершенной. Как познать ее, чтобы жить в ней, с нею и ради нее? Ее подает Дух Святой, в котором к нам приходит Христос, таково Его обетование. Да коснется и нас хотя на мгновение божественная радость совершенная в день праздника Радости всех радостей, да сохраним ее в себе, пронеся в жизни даже до конца ее память о Нем.

И другое слово Христа прощальное, заповедь Его "новая" вонзается в сердце: "Да любите друг друга", и чрез то "пребудете в любви Моей" (1 Кор. 15, 9). Таковых называет Господь не рабами, но "друзьями" своими. Сила же любви для нас исходит от любви Божественной, от Духа Святого.

В мире оскудевает любовь, иссыхают сердца, как будто утрачивается дар ее, бессильно содрогаясь мы от внутреннего холода. Но слово Христово на Вечери обращено и к нам, оно и нас зовет и судит. Однако оно же содержит и обетование Утешителя утешения. Он напомнит и научит, подаст новую силу, в луче этого утешения снова засветятся сердца...

Как мы радуемся любви, когда видим ее в живом образе, в нем созерцаем мы явление Духа. Пред великими скорбями и искушениями, грядущими на нашу родину, дано было ей таковое явление в образе духоносного мужа преподобного Серафима, подвигом стяжавшего радость о Господе и любовь друга Христова. Мы жадно всматриваемся в просветленные его черты, вслушиваемся в нездешние звуки его речей, стремимся постигнуть его благодатную тайну. И кажется, что более всего нам приоткрывается она из двух его слов приветных, святящихся радостью о Духе Святе. И первое есть "Христос Воскресе!" — привет пасхальный, которым он, по свидетельству жития, всех всегда встречал. То, что может показаться странностью и возбужденностью, было свидетельством о той нездешней радости воскресения Христова, которая всегда царила в его душе и изливалась из нее. Другое же слово ласки, которое он обращал к духовным друзьям своим, было: "Радость моя!" То не было словом внешней ласки, под которым у людей нередко скрывается равнодушие или даже недоброе чувство, это было свидетельством личной любви, которая дает радование о любимом. Оно не было безлично и безразлично ко всем, к каждому он обращался с личным к нему отношением.

Всякому человеку свойственна личность, он любит, как и любим по-своему, с каждым ведет душа свой разговор, своим особым голосом. Любовь многолика, но не безлика, многообразна, но не единообразна. В полноте дара любви, ее радости совершенной, включена и эта личная радость духовного узрения и встречи, которая выражалась в словах преподобного. Она будила, а вернее уже и предполагала и

ответное движение сердец. Отсюда и та слава его, которую имел он еще при жизни.

Он имел и являл разные дары, но из них самый первый и всеобщий, который был для всех одинаково дорог и нужен, есть дар любви и радость о ней. Нас не только пленяет, но, может быть, еще более смущает этот образ, если мы не скользим мимо него вниманием; он пробуждает в нас сознание своей собственной скудости. Но это есть живой образ исполнения заповеди Христовой и Его обетований о любви и радости совершенной. Господь же ко всем обращал свое слово, и никто не может его отклонить от себя.

Он знал и знает все о каждом из нас, и все-таки обращает свое обетование о ниспослании Утешителя, да пребудет с нами вовеки; и здесь, и ныне, слышим ли мы Его или не слышим, знаем или не знаем?

О даре Его, об Его пришествии просим мы ныне Отца во Имя Христово, да явит Он в нас силу Божию, освободит от рабствования миру сему, возбудит наше упование и возвестит нам "грядущее", о котором сказано Господом: "В тот день не спросите Меня ни о чем" (1 Кор. 16, 23). По слабости своей мы вопрошаем Его вместе с учениками, и недоумеваем, смущаемся и даже Его оставляем. И мы хотим сохранить и явить Ему верность до последнего испытания, сохранить в сердце память об откровении и вдохновении этого дня, в его неизреченности.

Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны.

Аминь.

1942 г.

В НЕДЕЛЮ ВСЕХ СВЯТЫХ

Ныне творится память всех святых. В этом мире Церковь представляет собою единство всех святых в полноте. Есть много и не прославленных святых, но которые включаются в общее число "всех святых". Здесь все, и прославленные и не прославленные, которые воссияют в будущем. Все это приурочено к Пятидесятнице. Дар Духа Святого освящает Церковь. Пред нами встает главный вопрос: что такое святость? Отдельные подвиги и добродетели сливаются в одно смутное представление, что у этого человека есть "сила святости", отличающая его от других. "Это святой человек", говорим мы. Но это суждение было бы неверно, если оно только человеческое. Святость от Бога. Это Бог в человеках свят. Но что это значит, что Господь свят? Об этом мы не можем говорить, но молчать... Говоря о святости Божьей, мы должны были бы включить в нее и благодать, и силу, и мудрость...

Однако святость Божья нам как-то сообщается. И наше призвание быть святыми. И если мы призываемся к святости, тем самым мы призываемся к Богу, то есть призываемся быть изъятыми из мира.

Мы знаем, что среди "святых" членов Церкви были и люди грешные, но все же они входили в одно целое... Наши

немощи и греховности освящаются, как паутина или пыль в лучах солнца. Это должно вызвать в нас надежду, что наша греховность не будет препятствием... Дух Святой ищет в нас живое место, через которое Он мог бы войти к нам и, войдя, воцариться.

ЗОВ АПОСТОЛЬСТВА

Слово на день памяти свв. первоверховных апостолов
Петра и Павла 29 июня

Церковь творит ныне память двух первоверховных апостолов Петра и Павла, но в лице их и всего апостольства (недаром следующий же день, 30 июня, освящен памятью "собора 12 апостолов"). В них как бы олицетворяются обе стороны апостольского служения: иерархическая в лице старейшины апостольского собора ап. Петра, и учительственная в лице ап. Павла, более всех потрудившегося в проповедании Евангелия. А между ними явно присутствие и самого возлюбленного ученика Христова, апостола любви, "старца" Иоанна (хотя память его и совершается особо). Все апостолы (кроме ап. Павла) были "свидетелями" (Д. А. 1,8) земной жизни Господа, призванными возвестить о том, что они "слышали, что видели своими очами" (Ио. 1,1-3). Пришествие в мир Господа во исполнение времен и сроков было приуготовано на земле. Его ждали, готовые встретить, все те, которые были удостоены этого избрания, начиная с Предтечи и праведного Иосифа Обручника. В числе их были избранники избранного народа Божия, смиренные рыбаки, но будущие апостолы. Их Господь избрал и призвал, их сделал свидетелями чудес Своих, им открывал тайны Царствия Божия. Их Он посылал на проповедь, наделяя даром исцеления и властью над бесами еще в дни земной жизни Своей, им повелел проповедовать Евангелие всей твари по воскресении Своем. Им ниспослал

Он от Отца — Святого Духа, и в этой полноте даров в них явил полноту Церкви Своей. Во исполнение веления Господа "во всю землю изыде вещание их и во все концы вселенныя глаголы их". Церковь ублажает свв. апостолов, как избранных Христовых, и "чет болезни и труды" их, подъятые "во благовестие Христово".

Теперь спросим себя: что же именно в служении апостольском принадлежит только лично апостолам, и что вверено и завещано в лице их и всей Церкви, которую представляли они в Сионской горнице в день Пятидесятницы? Прежде всего, полнота всех даров, сосредоточенных в личности каждого из апостолов, конечно, не передается целиком ни одному из членов Церкви. В этом смысле их дары и служение были единственны и непередаваемы. Апостолы соединили в себе, с совокупностью иерархических полномочий, дар и пророчества, и чудотворения, и проповедания. Они в себе воплощают всю силу Церкви, власть и совесть ее, почему они и явятся в день Судный сидящими на престолах судить 12 колен Израилевых (Мф. 19, 28). И, конечно, не может быть передано то их исключительное личное преимущество, что все они "видели Господа". Однако же вся полнота даров Духа Святого в лице их вверена Церкви, хранится в ней и сообщается членам Церкви, хотя и никакой отдельный человек не может иметь ее так, как ее имели святые апостолы (и лишь римский первосвященник ныне мнит иметь эти дары даже в большей полноте, нежели все отдельные апостолы, именно как ап. Петр, с лицом которого он себя отождествляет).

Прежде всего, хранится общее иерархическое преемство через епископское рукоположение с властью тайнодействия. В этом и состоит так называемое апостольское преемство иерархии. Передается далее и власть сообщения даров Святого Духа, совершавшегося апостолами над всяким крещеным христианином через рукоположение, а ныне через таинственное миропомазание. Церковь имеет и дары исцелений, и власть над демонами, и силу пророческого служения, но эти дары

уже не передаются преемственно и непрерывно, но подаются во времена, угодные Богу, лицам, для того предизбранным. И, наконец, Церковь содержит и апостольское служение, состоящее в проповедании и исповедании веры. Это и есть, прежде всего, апостольство: "шедше убо научите вся языки" (Мф. 28,9); "идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всей твари" (Мр. 16,15). К кому же прямо относится это заповедание Господа: к апостолам ли только, непосредственно предстоявшим Ему, или же — в лице их — ко всем членам Церкви без всякого ограничения.

Можно, конечно, уразумевать эти слова и в первом, суженном, смысле, относя их только к богоустановленной иерархии и изъясняя проповедание слова как ее исключительное преимущество. Несомненно, в этом толковании есть своя доля истины, состоящая в том, что иерархия получает через рукоположение нарочитый долг и сугубый дар церковного проповедания, в частности, в связи с богослужением, с высоты церковного амвона. Однако, было бы преувеличением, доходящим до своевольного искажения слов Спасителя, совершенно исключать этим толкованием призвание и всякого христианина к проповеданию, которое есть прежде всего исповедание, ибо ко всякому обращено слово Господа: "Кто исповедает Меня перед людьми, того исповедую и Я пред Отцом Моим небесным" (Мф. 10, 32). Св. мученики, исповедавшие свою веру пред властителями мира сего среди мучений, являлись и самыми действенными проповедниками, и подобно этому, можно сказать, что каждый христианин, словами и делами призванный исповедовать Господа и тем самым Его проповедовать, призывается к апостольству, хотя и различны бывают пути и образы этого проповедания, так же, как и различны дары. Можно сказать, что между разными дарами апостольства некоторые, именно полномочия иерархические, усвоятся только немногими, другие же, как пророчества и чудотворения, в подавляющем большинстве случаев и вовсе не наследуются, составляя

достояние лишь единичных исключений, но дар проповедания и долг исповедания сообщается всем. Все христиане причастны к призванию и служению апостольства, а, стало быть, и его дару, все, помазанные Духом, составляют народ Божий, царское священство, все имеют зов апостольства. Об этом свидетельствует, прежде всего, наличие чина равноапостольства, которое, конечно, означает служение, подобное апостольскому. И этот чин применяется Церковью независимо от того, является ли его удостоившийся носителем церковного сана. В этом чине есть и мужчины, и женщины: царь Константин и великий князь Владимир, свв. Кирилл и Мефодий наряду с царицей Еленой и великой княгиней Ольгой, мироносицей Марией Магдалиной, первомученицей Феклой и св. Ниной. Они, будучи в своем звании, вошли в подвиг и труд апостольства, разумеется, не в том, что составляет апостольское достояние, но в том, что для всех христиан доступно, а следовательно, и обязательно, именно исповедание, а тем самым и проповедание веры Христовой. Ко всем обращает слово свое первоверховный: "будьте всегда готовы всякому требующему у вас отчета о вашем уповании дать ответ с кротостью и благоговением" (1 Петр. 3, 15). Здесь одновременно говорится и о том, что слово исповедания дается лишь в ответ на вопрошание, как и о том, что к нему надо быть всегда готовым. Эта готовность, правда, не всегда встречает применение в жизни. Однако она явно свидетельствовалась в первенствующей Церкви, когда христиане были ведомы на судбища и убиваемы за Имя Христово, и она же свидетельствуется непрестанно и в наши дни на родине нашей, где исповедание веры стало не менее ответственным, нежели в первохристианстве. Но и вне прямого внешнего гонения на веру, она всегда находится в состоянии более тонкого преследования насмешкой, презрением, даже равнодушием, и ее исповедание большей частью является некоторым нравственным мученичеством, но тем самым и проповедью. При этом такая проповедь не может ограничиваться только

одной духовной самозащитой, потому что она должна вытекать из деятельной любви и заботы о других братьях наших, не ведающих Христа. И если прежде эта проповедь имела в виду преимущественно язычество внешнее, то теперь она обращена и к язычеству, возникающему в христианской среде, к тому богоборству и христорборству, которое происходит во всем мире, и прежде всего в нашем отечестве. Христианин не может относиться к этому натиску неверия, к проповеди антихристианства с равнодушием, или даже только оборонительно, он должен стремиться вести с ним и наступательную борьбу, потому что это не есть борьба лишь за отвлеченное учение, но и за живые души. И эту встречную проповедь свою он должен вести применительно к требованиям места и времени, для всех быть всем, чтобы "некако некий спасти" (Кор. 9, 22). Возрите на самого апостола Павла, как различно он проповедует послание к Евреям от послания, скажем, к Ефессянам. Посмотрите, сколь различна даже самая проповедь Евангелия, например, у евангелиста Марка и евангелиста Иоанна Богослова! Проповедь Евангелия есть зерно вечной жизни, которое облекается в различные [...] покровы в еврейской синагоге и в афинском ареопаге. И для нашего времени мы должны исткать ему собственный покров, чтобы достойно явить его. Сознание современного человечества находится в зависимости от научных достижений его, оно подавлено ими, и долг современной проповеди, современного апостольства состоит, между прочим, и в том, чтобы, подъявши с веком духовное иго его научности, подклонить его кресту, а также и в свете науки являть свет истины Христовой. Современное апостольство в таком смысле требует нарочитого труда для приготовления к нему. Конечно, свет христианства остается в неизменности своей во все времена, как бы ни изменялись понятия века, и, с другой стороны, всегда остаются в силе различия духовных возрастов и состояний человека. Поэтому и теперь остается свое место для разных образов исповедания и проповедания. Мать, обучающая

молитве и истинам веры своего ребенка, смиренная старица, образом благочестия своего невольно заражающая всех, ее видящих, скромный пастырь, в тишине и терпении работающий на ниве духовной, совершают то же апостольское дело, что и ученый богослов, вооруженный истинным знанием против знания лжеименного, поборающий светом Христовым мнимый свет того просвещения, которое есть тьма. Ревность апостольская объемлет все средства и все возможности, и каждому дается свой дар и свое служение.

Свв. апостолы, сами приявши слово от Слова, передали Церкви преемство слова, которое проповедуется в ней до скончания века, и все христиане суть служители слова, ими воспринятого.

Да умножится в Церкви Христовой сила этого служения, молитвами свв. первоверховных апостолов Петра и Павла!
Аминь.

ВЕЛЕЛЕПНАЯ СЛАВА

(2 Петр. 1, 17)

День Преображения Господня (6 августа) стоит как бы вне общего порядка Господских праздников, соответствующего последованию событий земной жизни Христа. Место для него избрано как будто случайно, приурочено к времени освящения плодов. Но последнее не является, конечно, существенным именно для этого праздника. Более же глубокий смысл этой как бы внеположности праздника можно видеть в том, что самое событие Преображения Господня по внутреннему значению указывает на жизнь будущего века, вне нашего времени. Оно говорит о царстве славы, преобразении мира, которое свидетельствуется им в некотором предварении, в видении отсюда. "Господи, добро есть нам zde быти". Таково было непроизвольное свидетельство ап. Петра' пред лицом этого видения "Царствия Божия, пришедшего в силе" (Мр. 9, 1). Ему хотелось удержать то, что хотя и было в этом веке, но на самом деле ему не принадлежало. Только в пришествии Господа во славе мы "так всегда с Господом будем" (1 Фес. 4, 17). А здесь, на Фаворе, чудесное видение погасло, и апостолы, сходя с горы Преображения, почувствовали себя снова в непросветленной области князя мира сего, среди бесноватых, больных, маловерных.

Преображение Господне свидетельствует нам о славе грядущего века, открывающейся в парусии.* Однако само

* Таково греческое именование Второго пришествия Господа во славе.

оно включено в ткань событий евангельской истории и земного служения Господа Иисуса. Внимательное чтение евангельского повествования убеждает нас именно в том, что это событие является в Его жизни гранью, подобной той, которою явилось явление Христа миру в Крещении. Последнее с человеческой стороны являет созревшую волю Христову к Его служению, есть как бы к нему посвящение. Первое же есть свидетельство о созревшей воле к страданию, к восхождению в Иерусалим для крестной смерти. Господь с некоторого времени все настойчивее начинает готовить к этому своих учеников, которые противятся по человеческой немощи этой спасительной воле. В это приготовление включается и сила Преображения: "да егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное". Но это явление славы Христовой, которая открывается в Преображении, свидетельствует о Его прославлении, уже предсвершающемся чрез эту решимость.

Когда на Тайной Вечери Господь таинственно предсвершает с учениками грядущую крестную смерть Свою, то Он свидетельствует и о предсвершении Славы. События отбрасывают свет из грядущего в прошлое и в настоящее, уже чреватое этим грядущим. И в этом смысле пред Своей страстью Господь говорит о славе: "ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем" (Ио. 13, 31). Так же и здесь, еще прежде того, на горе Преображения, явившиеся из загробного мира, также осиянные предварением грядущей славы, Моисей и Илия, беседуют с Ним об исходе Его в Иерусалим для страдания. И Отец приемлет волю Сына к страданию уже за его свершение и ниспосылает "велелепную славу", по осенении облака. Как при Крещении Господа, при сошествии на Него Св. Духа, принесся с неба Отчий глас усыновления: "Сеи есть Сын Мой возлюбленный, о нем же благоволих" (Мф. 3, 17), тот же глас усыновления и здесь раздается "из облака" славы, т. е. при новом явлении силы Св. Духа, и в Преображении. С этим может быть сопоставлен и глас Отчий с неба пред страстью Христовой о грядущем Его прославлении: "и прославих и паки

прославлю” (Ио. 12, 28). Отец венчает славою жертвенную волю Сына и утверждает ее как бы новым усыновлением. Преображение Господне, уразумеваемое в этом смысле, есть духовно предсовершившееся самозаклание Сына, согласно воле Отца, — сыновнее: ”да будет воля Твоя”.

Но что же новое, никогда не бывшее в мире, открылось при этом на горе Фаворской? Что увидела эта гора, и воздух, и небо, и земля, и вселенная, и изумевшие ученики Христовы? Что был этот свет, осиявший апостолов? Это было явное действие Духа Святого, почивающего на Христе и в Нем преобразующего тварь. Это было предварительное явление ”нового неба и новой земли”, преобразенного, осиянного красотой мира. Это было, подобно Богоявлению, откровение всей Св. Троицы, — Отца, ниспославшего Духа Своего на Возлюбленного Сына, а в Нем и на всю тварь, с которой соединился Христос приятием человеческого естества. Это было явление того, чего наступление связано лишь с Воскресением Христовым и грядущим всеобщим воскресением. Царство Божие пророчествуется не словом только, но и самым делом. Свет Фаворский был подлинным божественным светом, а не зрительным лишь восприятием апостолов, по существу же как бы призрачным. Это был тот же самый свет осенения твари Духом Святым, который видели и являли избранники Божьи, мужи духоносные, некие святогорцы, св. Симеон Новый Богослов и преп. Серафим Саровский в наши дни. От Фаворского света Преображения возжигали и они свои свечи. Церковь посвятила изъяснению этой истины особое внимание. Ее предварительное догматическое раскрытие дано было в определении, связанном с т. н. паламитскими спорами (в Константинопольской Церкви XIV века). Косвенно этот догмат о Фаворском свете, как подлинном явлении Божества, есть и догматическое свидетельство о силе Преображения Господня, явившего человекам ”свет присносущный” Божества (тропарь Преображения). Это догматическое определение содержит в себе не только ту частную мысль, что в Преображении

Господнем ученики зрели подлинное сияние Божества, но и еще более общую истину, именно, что свет Преображения уже проник в мир и в нем пребывает. Совершилось предварение мирового преобразования, по силе Христова вочеловечения и Пятидесятницы Духа Святого.

Дух Святой действует ныне в мире благодатию, которая находится во всей жизни Церкви, в таинственных Ее дарах. Но Он присутствует в мире и Славою, которая до конца этого века пребывает сокровенна, однако по воле Божьей являет себя и ныне избранныкам Божьим, как явлен был свет Преображения троим избранным для сего Христом от среды апостолов — Петру, Иакову и Иоанну. Дух Святой сошел в мир, и прославление мира уже совершилось, хотя еще и не явлено. Однако в свете Фаворском, как молния, сверкает для избранных этот подлинный грядущий образ мира. Мир предстает в своем преобразении.

Но что же означает это пре-обращение? Некую ли перемену образа с отменой прежнего, или же его подлинное раскрытие в славе, в покоряющем, ибо убеждающем, явлении Красоты? "Добро зде быти", — "добро зело". Но именно так и сотворен мир смотрением Божьим, хотя донныне еще не явлен человеческому созерцанию. Однако, на Фаворе он уже явлен. И это созерцание нетленной, первообразной Красоты есть радостей радость, "Радость совершенная". Вот почему этот праздник есть особый день предчувствия радости, праздник Красоты. Красота еще не царствует в этом мире, хотя и воцарилась в нем чрез Боговоплощение и Пятидесятницу. Она проходит за Христом путь своего пропятия, красота распинается в мире. Она есть красота крестная, в отношении к которой и говорится об "исходе" на страсть. Но она есть красота. И праздник этой крестной Красоты торжествуем мы в день Преображения Господня.

"Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный".
Аминь.

СВЯТАЯ РУСЬ

**Ко дню празднования всех святых, в
земле российской просиявших**

... Остаток спасется.

(Рим. 9, 27; Ис. 10, 22)

Спаси, Господи, народ Твой,
остаток Израиля.

(Иер. 21, 7)

Церковное празднование святой Руси есть молитвенное исповедание нашей верности родине в годину безмерного уничтожения и духовного растрепания, ее постигнувших. Святая Русь сделалась ныне очагом безбожия и лжи, жестокости и рабства. И невольно рождается вопрос в душе: где же эта прославленная святость? Куда сокрылись великие дары, ей от Бога дарованные? На чем можем мы утверждать свою верность? Не подобно ли смерти духовной это уже десятилетия длящееся бесовское одержание? Сохранилось ли еще ее высокое призвание, или же Господь отъял его в праведном гневе своем, сдвинул светильник, "раскаялся, что создал их" (Быт. 6, 7)? Таков наш плач Иеремиин, печальная дума, которая лежит на сердце пред лицом российского безвременья.

Станем искать просветления и ободрения в Слове Божьем, раскрывающем судьбы человеческие, а в них и постижения нашей собственной судьбы. Оно являет нам образ народа, самим Богом избранного, чтобы послужить делу боговоплощения, явить миру превысшую святость Богородичную, дать человеческую плоть самому Бого-человеку.

Народу Божьему вверены были писания – Закон и Пророки. Сам Бог открылся ему на вершине Синая и вел его в пустыне в столпе огненном. Ему была дана вся полнота боговедения и богообщения, какая только была доступна Ветхому Завету, в нем были достигнуты вершины его святости от Моисея до Предтечи Иоанна. И в то же время, каков этот образ избранного народа в его жестоковыйности, в поклонении золотому тельцу у самого подножия Синая, в мертвящем обрядоверии и непрерывных падениях и вероотступничестве? Обличением во всем этом преисполнены книги пророческие. Но этой неверности его соответствовали все превратности его внешних судеб, как изображены они в Библии и раскрываются они в летописи человечества, даже до дня сего. И однако, несмотря на все это и вопреки всему, народ Божий осуществил свое призвание, явил миру Христа, и избрание Божье осталось неотменным и после его измены Христу, по свидетельству великого апостола языков Павла, который сам, будучи "иудей из иудеев" (Фил. 3,5), обратился к проповеди среди не избранных, но призванных ко Христу языков. Ибо, согласно пророческому его ясновидению, и в отпавшем народе хранится "священный остаток", который "спасется", и это спасение чается миром к полноте всеобщего свершения дела Божия в нем.

И всякий народ, призванный Богом к своему делу в мире, таит в себе некий священный остаток, в котором и ради которого он призван к бытию, как его плоть. И во все времена своего бытия знает его в себе народ российский, призванный

к великому духовному свершению, к откровению святой Руси, без которого и Церковь еще не являет миру всей полноты своих даров.

Об этом избрании Божьем уведали и поведали братьям своим делатели Христовы, каждый по-своему, на путях духоносной святости, творческого подвига, пророчесственного вдохновения. И нужно ли нам еще новое удостоверение?

И однако и перед лицом горестного настоящего имеем мы свидетельство смотрения Божия о том, что не оставил Господь народ свой. Таковым являются великие его страдания, которые не позволяют ему устроить жизнь свою на лжи и в ней успокоиться, в особенности же непрестанное мученичество, претерпеваемое христианами от врагов креста Христова, вместе с небывалым по длительности и жестокости гонением на веру христианскую. Знамение креста, "сим победиши", сияет над Церковью российской. Нас потрясает великое множество отпавших от Церкви в гонении и духовно удушаемых прежде своего рождения, и неприметны в смирении и тихости своего подвига веры мученики и исповедники христианские, имена которых написаны на небесах. Как велик подвиг и высок удел этого священного остатка избранных, до конца претерпевающих и тем спасающихся.

Пусть же всякий из нас воскресит в себе эти светлые образы, каждому ведомые, в кротком их сиянии.

Сам Господь ведает времена и сроки для явления силы своей. Не Он ли древле отвечал пророку Илии, возревновавшему и восскорбевшему пред лицом отпадения от веры сынов израилевых: "Я оставил между израильтянами тех, чьи колена не преклонились перед Ваалом и всех сих уста не лобызали его" (3 Цар. 19, 18).

Так же и ныне отвечает Господь нашему нетерпеливому маловерию. Да сохранится же в нас духовная верность святой Руси, родине нашей. Она питается любовью нашей.

Но от любви рождается и утверждается вера, а вера светит в будущее надеждой, с пророчесственным ясновидением судеб грядущих. "Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых" (Евр. 11,1). "Дары же и призвание Божие непреложны", по слову апостола (Рим. 11,29), но они требуют верности от самих призванных. Аминь.

1941 г.

ВОЗНЕСЕНИЕ БОГОМАТЕРИ

В канун Успения Пресвятой Богородицы

Праздник Успения есть Богородичная Пасха, и читателям ее надлежит в дни ее празднования приветствовать друг друга взаимным пасхальным приветствием: "Пречистая воскресе! — Воистину воскресе!" Она воскресла, воскрешенная Сыном своим силою почивающего на ней ипостасно Святого Духа и вознесена была на небо, где и пребывает одесную Сына своего.

Благочестивому созерцанию, изумевашему пред этим образом прославления Богоматери, естественно представляется вопрос: что представляет ее восхождение на небо? Согласно преданию церковному, гробница Пресвятой Богородицы, открытая по желанию ап. Фомы, уже не содержала в себе ее тела, воскресшего и вознесенного на небо. "Гроб и умерщвление его не удержаста". А явление Пресвятой Богоматери в небесах в окружении ангелов, согласно тому же преданию, в тот же третий день по ее погребении, есть свидетельство ее пренебесного восхождения. Царица небесная пребывает в небесах, хотя и "мира не оставила".

Каково же это небо, где она пребывает? Есть ли оно небо ангельское, где пребывают святые ангелы? Нет, ибо оно выше ангельского неба, как и обитель той, которая есть "честнейшая херувим и славнейшая без сравнения

серафим". Есть ли оно райское небо, где пребывают души святых в чаянии своего воскресения? Также нет! Ибо Пречистая прешла уже время телесного воскресения и пребывает ныне на небеси в прославленном теле своем. Есть ли это небо небес превыше всякого творения, в котором обитает триипостасный Бог, во святой Троице сущий, и в котором Сын ее сидит одесную Отца по вознесении своем? И также нет, ибо, хотя и святейшая всякой твари, она все же есть творение Божье, которому нет места в обителях всяческих Творца.

Но где же это ее небо, место ее пребывания в славе? Это место — насколько уместно здесь говорить о "месте" (конечно, в условном смысле), определяется на земном, человеческом языке как "одесную Отца седение". Богочеловек принял в руки свои пречистую ее душу от смертного ее ложа, чтобы, воскресив ее телесно, вознести вместе с собою и в небо, доколе она могла быть вознесена, как Матерь Его, давшая Ему свое человеческое естество, "багряницу Ему исткавшая из пречистых кровей своих". И где Сын, там и Матерь Его. "Тебе, по Господе Бозе, Госпожу Богородицу исповедуем, истинного Бога Матерь" (мол. ко Пресв. Богородице, иерейский молитвослов). "Несть ми иного высочайшего на земли и на небеси, якоже ты по Господе Бозе моем Иисусе Христе" (там же).

"Одесную Сына седение" означает соединение Богоматери с Сыном в прославленном Его человеческом естестве, воспринятом Им в боговоплощении своем. Вознесшийся Господь — Богочеловек вошел в недра Святой Троицы и воссел одесную Отца как Бог, "един сый Святыя Троицы", совершенно обожив свое человеческое естество. Богочеловек мог вознести в божественную жизнь свое человечество как прославленное, но и совершенно духовное, свободное от плоти. Само человеческое тело, плотское и тварное, остается как бы за гранью пренебесного неба Божьего. Это не значит, что развоплотился Господь, как бы сняв одежду своей

плоти, напротив, эта одежда Его человечества соединяет Его с творением, как "сошедшего с небес и воплотившегося". Однако, в небесах Он пребывает по вознесении своем не самой плотию, но силою воплощения, в этом смысле телом духовным, а не телесным. В то же время Он обращен к миру и соединен с ним человеческой телесностью своего воплощения. Господь пребывает тем самым над миром и выше его, однако сохраняя свою связь с миром, каковая осуществляется в божественной евхаристии. Господь подает себя в причащении к вкушению Его земного, плотского тела и крови во святых своих тайнах. Это есть совершенно обоженное и прославленное Его тело, каковое в жизни воскресения сообщится и всей человеческой плоти: "Тогда праведники воссияют как солнце в царствии Отца их" (Мт. 13,43). Но Пречистая и ныне, в воскресении и вознесении своем, уже воссияла как "Жена облеченная в солнце", в славе уже прославленного человечества Сына своего.

Она предвосхищает в своем человечестве всю славу будущего века, как славу Преображения Господня, в которой Он в небесах ныне и пребывает. Посему честное Успение есть и то ее преобразование во славу, которого не дано ей было видеть в его предварении на горе Фаворской.

Вот что знаменует собой ее сидение одесную Сына. Оно есть вхождение ее в славу человечества Его, насколько оно относится и к Его человечеству. Богородица дала Сыну своему человеческое естество, свои тело и кровь, Сын же возвращает ей его прославленным божественной славой и силой, совершенно обоженным, так что Сын и Матерь становятся уже едины в этой обоженности, с отсутствием всякой преграды между ними. И соединяющей силой обожения является Святой Дух, почивающий ипостасно не только на Сыне, но и на Матери Его — Духоносце.

Дух Святой есть Слава Божия, соединяющая Отца и Сына, а также удочеряющая Отцу божественную дочь, Мать и Невесту невестную Сына. Посему празднование Успения

Пресвятой Богородицы во всем его объеме, как включающее и воскресение, вознесение и прославление Пречистой, есть и нарочитый праздник Святого Духа, Его сошествие на творение и полноту Его приятия миром в лице Богоматери. Этот праздник Святого Духа, имеющий раскрыться в полноте своей в веке будущем, ныне остается сокровенным как бы под покровом некоей священной тайны.

Богоматерь в небесной славе своей есть не только препрославленное творение в небесах, но и Христово человечество на земле, Его тело и кровь евхаристические. Как един сый Св. Троицы, Господь вознесшийся удален от тварного мира в Божестве своем. Но в человечестве своем, которое есть богоматернее, Он остается соединен с миром, в нем пребывает, "всегда, ныне и присно и во веки веков". На Тайной Вечери, до страсти своей и воскресения, хотя и в предварение их, Он причащал своих учеников своим земным, человеческим телом, взятым из мира и с ним соединенным, подобно хлебу и вину. И это было человечество Богоматери (хотя она непосредственно на Тайной Вечери и не присутствовала). Так же и ныне Тело и Кровь Христовы, в которые прелгается хлеб и вино, есть прославленное человечество Богоматери, оно же есть и человечество Сына. Сын и Матерь в божественной евхаристии составляют некое двуединство, как пребывающая связь богорождения. Недаром "воспоминание" евхаристии включает в себя всю земную жизнь Спасителя от Рождества (конечно, предполагающего в качестве своего предшествующего и всю земную жизнь Богородицы с Благовещением включительно) до прославления Богоматери в ее честном Успении. И становится понятной мысль, которую таит Церковь, когда научает нас молиться о даровании св. причащения не только самого Причащающего, но и Его Матери, как призывает и к благодарению ее за приятие сего дара. "Тебе ради бысть Господь сил с нами, и тобою Сына Божия познахом и сподобихомся святого Тела Его и

пречистой Крови Его” (мол. ко Пресв. Богородице). ”Благодарю тя, яко сподобила мя еси недостойного причастника быти пречистого Тела и честныя Крове Сына твоего” (мол. благодарения по святом причащении). Это означает, что, причащаясь Тела и Крови Сына, мы сопричащаемся их от Матери Его в небесной ее славе, которая есть слава честного ее Успения.

Во Успении мира не оставила еси Богородице... свидетельствует Церковь о Пречистой. Как понять догматически это уверение? И прежде всего: что происходит при смерти со всяким человеческим существом, как изменяется и по-новому определяется его отношение к миру? Является ли смерть уходом из мира, его оставлением?

Можно ответить на этот вопрос: и да, и нет. Умиравший уходит из мира в том смысле, что для него прекращается жизнь в теле, во всей ее полноте. Но то, куда он уходит, загробное пребывание, все же не выводит умирающего из мира в его тварности, он принадлежит этому миру, хотя лишь в ущербленном, обестелесненном, лишь душевно-духовном образе бытия. Однако это как бы развоплощение не есть выход из мира с его жизнью и вселение в премирную, небесную область. Загробное пребывание, различаясь по своему состоянию (ада и рая), остается все-таки тварною жизнью в мире, и это яснее всего подтверждается временностью этого состояния. Полнота возвращения к жизни осуществляется вместе с воскресением телесным, имеющим прийти для всех мертвецов в день и час, определенный Богом. И воскресение мертвых, хотя оно есть также и всеобщее преображение — притом не только тел наших, — но и всего видимого мира, именно является полным и окончательным укоренением в жизни этого мира, в котором веки с нами пребывает воскресший Господь по втором своем славном и страшном пришествии.

Тем не менее загробное состояние при всей ущербности жизни в нем является и выходом из мира вследствие неучастия в его видимой жизни, и в этом смысле его можно считать оставлением мира (не в метафизическом, но лишь природном, эмпирическом). Такова была даже смерть Господня, как состояние смертного сна: "Плотию уснув, яко мертв". Его пребывание во гробе, конечно, не исчерпывается смертным покоем, вследствие сложности, двуприродности Его богочеловеческого естества. С одной стороны, она есть пребывание в разлученности с телом: "Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в рай же с разбойником", — все это еще в мире, хотя и загробном. Однако, с другой стороны, говорится, что "на престоле был еси присносущный", т. е. в премирно-божественном бытии, во Святой Троице, как "Единый Святыя Троицы". Такое двойство, соответственно двойству природ во Христе, божеской и человеческой, свойственно одному только Богочеловеку, который пребывает в мире как человек, а как Бог — выше мира и над ним. Это несвойственно даже Богородице, которая есть всецело человек и в этом смысле вполне принадлежит тварному миру, в жизни и смерти. И посему Успение Пресвятой Богородицы не есть и даже не может быть "оставлением мира" в точном смысле после смерти ее, поскольку и смерть не выводит тварного бытия за грань мира, но лишь ограничивает для него пределы и возможности. Она делает его временно как бы внемирным, но не сверхмирным. И в этом смысле Успение Богородицы не отличается от всякой кончины человека.

Однако, Успение Пресвятой Богородицы, уже в отличие от всякой человеческой кончины, является неоставлением мира в особом и единственном смысле, именно в том, что "гроб и умерщвление ее не удержаста". Она воскресла из мертвых, будучи воскрешена Сыном своим и вознесена Им, восшедши "от земли на небо". Вознесение Богоматери не было оставлением мира как области тварного бытия, для

жизни божественной, но лишь приобщением к ней в полноте обожения. Однако, тварь и обоженная остается все-таки тварью, принадлежащей миру. Но состояние воскресения и вознесения Богоматери в прославленности ее делает ее миру недоступной и сверхмирной, как если бы она была удалена от мира и в нем совершенно отсутствовала.

Таким образом, она принадлежит миру, оставаясь выше него по своему состоянию. Но эта высота ее и прославленность не отменяет существенного ее единства с миром, которого вершину она собою представляет. Поэтому она удерживает для себя и все земные одежды тварного своего бытия. Врата смерти, через которые она "оставила мир", для нее не закрылись, и смерть не имеет для нее своей покоряющей силы: "яко Живота мать, к животу предстала еси". И, следовательно, она принадлежит миру, пребывая выше его в своем сверхмирном состоянии, как царица всей твари.

Может ли она отделиться от мира, замкнувшись от него в своей сверхмирности, для чего возможность дана самой силой ее прославленности? Эта наличествующая возможность здесь заранее исключена по свойству той, которой дана эта небесная слава. Свойство это всецело и нераздельно присуще Богоматери, это есть ее любовь. Она всех любит в Сыне своем, соединяющем в себе полноту всяческого во всех, и она всех любит в своем всечеловеческом существе, как мать, соединяя их в сердце своем и в природе своей. Нет никого и ничего, что оставалось бы чуждо этой любви, даже если само это существо ответно для нее не открывается. Все равно, любовь богоматерняя объемлет всех и стучится кротким призывом в двери каждого сердца. Эта мысль образно выражена в рассказе из жития преп. Андрея. Ему открылись небеса, в которых, однако, отсутствовала всегда сущая в них Богородица, ибо она сходила на землю к людям своим. Будучи

в небесах — следовательно, выше мира, — она живет в мире и с миром, в материнском о нем попечении, поистине как душа этого мира и сердце его.

Отсюда и проистекает еще и такое последствие. Будучи в небесной славе и блаженном единении с Сыном своим, но и оставаясь в единении с миром, Богоматерь вкушает вышнее небесное блаженство, которое, однако, растворяется со скорбью и страданием этого мира. Ее сердце пронзается мечом и ныне, и она плачет о мире и с миром, как поведено было тому же блаженному Андрею в видении ее Покрова, расprostираемого над миром.

Она живет с нами, и эта ее близость к миру, человечеству и природе, к каждому из нас, составляет некую тайну откровения о Богоматери, сущей в мире. Это присутствие Богоматери, соиспивающей с нами всю горечь жизненной чаши, должно быть принято в самом буквальном смысле, как этому и учит в выразительных образах Церковь, чтобы тем глубже внедрить в нас эту мысль во всей ее силе и правде. На ложе смертном, как и в болезни, на поле брани и над бушующей пучиной вод, в радости и в скорби, из которых состоит жизнь, с нами всегда она, милующая и спасающая, вдохновляющая и радующая. Она есть радостей радость, духоносица, ибо радость и есть сам Дух Святой, в ней нам открывающийся.

Эта тайна сопребывания Пречистой в мире и выше мира относится не только к Матери, но и к Сыну, который от нас "вознесся во славе" и, однако, в мире пребывает со страждущим человеком, с ним сораспинаясь, причем в сораспятии этому кресту Его предстоит и Богоматерь. Это есть почти невместимая тайна со-распятия обоих распинающемуся миру, и притом до скончания века. Здесь нет противопоставления раньше или позже, до или после, до прославления в Вознесении или после него, тут есть таинственное и спасительное вместе: в немеркнущей славе небес и земном страдании... Тайна о Богоматери

всего естественнее раскрывается в молчании, если только хотеть его слушать. Если Господь о себе одном открывает, что Он алчет в алчущих и жаждет в жаждущих, состраждет всем человеческим страданиям, то значит ли это, что Мать Его остается безучастна, пребывает в своей небесной славе, далеко от мира в высоте своей? Или она, "в молитвах неусыпающая", обращается к Сыну еще прежде, чем Он подвигнется на чудесную свою помощь с ходатайством: "вина не имут", вина жизни с ее бодростью, радостью, вдохновением, но имеют скорбь, распинаются?.. Доколе Мать Иисусова оставалась на земле, ее любовь была как бы ограничена земною плотью, как и Иисус на земле ведь ограничивал свое служение лишь теми, кто встречался Ему на Его пути. Но уже всякая граница снята с Его восшествием на небо и во вселенском Его служении, для которого "дадеся Ему всякая власть на небе и на земле".

И эта же вселенскость служения, хотя и по-своему, — в присутствии Матери ее образе — дана ныне и ей, в честном ее Успении, в котором и она звана вместе с Сыном на брачный пир человечества, на Пасху Христову, в Успении своем, пасхе Богородичной.

1940 г.

В ДЕНЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Праздник Успения Пресвятой Богородицы сопровождается и особым чином ее погребения, который имеет ныне правиться и в нашем храме. Этот чин соответствует по содержанию празднования соединению Успения Богоматери (как отшествие из этого мира) и ее восшествия на небеса к божественному Сыну. Мать и Сын, Жених и Невеста соединяются ныне в пренебесной их славе, и это соединение выражается в самом замысле и строении последования.

Совершенно ясно и преднамеренно оно построено по подобию службы погребения Спасителя, причем его песнопения изменены только применительно к Богоматери, так что мы присутствуем как бы на Богородичной заутрене Великой Субботы. Это подобие придает особую красоту и торжественность чину погребения Богоматери, его напевам и священным текстам, со включением трех погребальных статей со стихословием 118 псалма и торжественного хода с плащаницей Богоматери вокруг храма.

Но больше и значительнее этих литургических красот чина погребения Богоматери его вероучительное содержание, в котором Церковь исповедует догматические истины, относящиеся к Богоматери и ее честному Успению. Основная из этих истин относится к ее прославлению, ибо Успение Богоматери есть и ее небесная слава.

Церковь в сдержанных и кратких образах излагает это учение, и сей чин есть один из важнейших догматических к нему источников. Успение Богоматери есть, по ее тридневном пребывании во гробе, преславное воскресение и одесную Сына седение. Посему мы и воспеваем ныне:

”В чертог божественный, тебя, невесту Божию, Жених призывает, Богоневесто”!

”До престола Божия, идеже свет Троицы страшный и неприступный, достигла и почила еси, Дево, истинно”.

”Чистое твое тело, Дево, тления во гробе не увиде, но с телом прешла еси от земли к небеси”.

”Бог славы, Сын твой, чистая, со славою яко мать прият тя и посади одесную себе”.

”Облечена и приукрашена благодатию, ныне предстала еси Богу, яко царица и Мать Божия”.

”О, радости неизреченная, о чёсте безмерная, Мариам со Иисусом Сыном своим царствует на небеси и на земли”.

В таких словах свидетельствует Церковь о воскресении и вознесении на небо Пресвятой Богородицы. Это не означает, что она вошла во Святую Троицу с Сыном своим, но, как ”обожившая естество смертных”, она пребывает духовно и телесно в непосредственной близости к своему Сыну, выше всей твари. С Ним она погребается: (”Бог погребется и Мать Божия; Бог в темная снїде, и Мать Божия”), и с Ним она воскресает телесно, и с Ним она ”царствует на небеси и на земли”. Поэтому честное ее Успение восхваляет вся тварь — ангелы и человеки. И мы ныне, недостойные, шествуем за ее гробом в небошественном ее восхождении.

Царица неба и земли. Ты — во Успении мира не оставила еси. Ты зришь, в какой скорби мир совершает твое честное погребение. Ты сама ведаешь, что ждет его уже завтрашний день. К светлой радости твоего гроба приносим мы ныне всю скорбь и мрак, нас окружающие. Будь ныне

с нами, царица небесная и земная, милосердная Матерь наша. Блажим тя вси рѣди, Богородице Приснодево, и славим Успение твое!

Проповедь эта была написана в женской обители во имя Казанской иконы Божьей Матери, где, отдыхая после тяжелой операции горла, о.Сергий совершил первую после болезни литургию в день Успения Божьей Матери. Вот как он сам говорит об этом в одном из своих частных писем: "...В день Успения Пресвятой Богородицы Матерь Божия разрешила меня от епитимии. По приглашению милейшего отца Евфимия, который с самого моего приезда об этом думал, я совершил с ним в этот день божественную литургию. Конечно, всю дьяконскую часть и значительную часть священнической правил он, — у меня для этого нет ни голоса, ни дыхания (да, видимо, и не будет), но все евхаристические возгласы произносил я, совершил таинство и причастил всех. Таково было мое блаженство!" ...

1939 г.

СЛОВО НА УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

В славном Успении Твоем небеса радуются, и ангельская возрадовашася воинства, вся же земля веселится.

(Стих. на Хвалит.)

Успение Богородицы по человечеству есть ее кончина, которая для всякого умирающего есть скорбное разлучение души и тела. Но она не познала скорби в час своей кончины. Она уже ранее приняла эту смертную скорбь вместе с Сыном своим, с Ним соумирая у креста. Она была ею изжита и побеждена в свете Его воскресения, когда она узрела Воскресшего в славе Его. Поэтому и когда Он оставлял этот мир, возносясь от земли на небо, она также не извела скорби, ибо знала, что это было небесное Его прославление.

Земная скорбь была изжита ею до смерти, вместе и с собственной ее жизнью. Она оставалась на земле уже не для себя, но для Церкви, для которой была светлой радостью и духовным средоточием. Когда же пришел час ее разлучения с миром, то над нею надлежало исполниться всеобщему определению Божию: "Земля еси и в землю отыдеши", и она предала дух свой в лоно Сына своего. Она "преставилася к животу матери суици живота", а Успение ее явилось настоящим торжеством жизни в Духе Святе для духоносицы. Не познало истления и ее пречистое тело, носившее в себе Спасителя мира. Она воскресла из мертвых силою Христова воскресения

и вознеслась на небо силою Его вознесения. "Ангелы усение Пречистыя видевше удивишася, како Дева восходит от земли на небо". Посему и празднуем Успение Матери Божией как Пасху Богородичную.

Однако уместно ли нам, человекам, ликовать об этом разлучении с Матерью Божьей в ее успении? Радует ли мы, теряя в смерти близких своих и мать свою? Или же для нас не может быть скорби большей, чем это разлучение? И посему, не приходит ли нам на мысль невольно, насколько радостней была земля и мир сей, когда в нем жила Пречистая? А потому не естественнее ли было ей навсегда остаться с нами на земле? Но вопрошая так, мы сами не понимаем, чего хотим и о чем просим. Успение Богородицы явилось благодетельным миру делом любви ее к нам. В нем восхотела она не отделяться от всего человеческого естества, которое дала она Божественному Сыну своему. Став Божьей Матерью, она осталась и воистину человеком, для которого смерть является законом жизни, неотвратимым роком первородного греха. Однако смерть была побеждена в ее успении, ибо в нем воскресла она силою воскресения Сына своего. В ее же лице предвоскресает и весь род человеческий, который она сретаает во всеобщем его воскресении.

Это воскресение было для нее и вознесением на небеса в славе божественной и "боголепной", и оно явилось столь же спасительным человечеству, сколь было спасительно и пребывание ее на земле. Оно есть продолжение ее дела. В нем и после него она пребывает в меньшей, и даже большей близости к нему, нежели была здесь, на земле. Ныне она есть Мать всего человечества, всегда и всюду и во веки веков. "Во успении мира не оставила еси, Богородице", поет Церковь, и надо уразумевать эту истину откровения. Пречистая, пребывая на небе, как "честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим", все же не отделяется от нашего тварного мира. Сын ее, вознесшийся в премирное небо и сидящий одесную Отца, пребывает выше мира, но

Пречистая Богородица принадлежит ему, пребывая на высшей его грани, как совершенно обоженное творение, "лествица к небеси". Она живет в мире и с миром, и в том великая для него радость. И эта особая ее близость для нас ведома и ощутима, и, прежде всего, молитвенно. Она есть для нас "в молитвах неусыпающая и в предстательствах непреложное упование". Она милостивно дает чувствовать свою близость к человекам в чудотворных иконах и в явлениях своих, которых удостаиваются смертные. И эта связь ее с миром во успении и его неоставление есть некий молчаливый, таинственный, но незыблемый догмат церковного ее почитания.

Однако даже этого недостаточно, чтобы выразить всю полноту нашего о ней упования. Ибо мы имеем не только ощутимость близости ее к миру, но не можем не уповать и на личную с ней встречу в этом мире, которого она воистину не оставила. Когда мы разлучаемся с существом, для нас близким и любимым, то какая же иная мысль больше всего волнует наше сердце, наполняет его сладким очарованием, как не надежда новой с ним встречи? И ее мы, однако, лишаемся, когда проходит между нами грань смерти, пресекающей это упование. Но успение Богородицы не является смертным с ней разлучением, в нем она не оставила мира. Господь, оставляя мир в своем вознесении, обещал снова придти в него "таким же образом, как мы видели Его восходящим на небо" (Д. А. 1, 11) во втором и славном пришествии своем. И как бы в залог этого обетования Он научил христиан чаять этой встречи молитвенно. Они научены Церковью молитвенно призывать в молитве Иисусовой Его спасительную помощь нам, искать таинственного с Ним общения в причащении Тела и Крови Его. Но нам дано чаять и новой встречи с Ним, носить в сердце своем зов, тоску, упование, дано молитвенное призывание, которое есть первая и последняя, первохристианская и всехристианская молитва: "Ей, гряди, Господи Иисусе" (Откр. 22, 20).

Но не имеем ли мы подобного же упования о встрече Пресвятой Богородицы, ее новом пришествии в мир и к нам возвращении? И прежде того, встреча эта ждет нас, насколько мы этого достойны, в час смертный, за гранью земной жизни. Врата смерти пройдены ею в честном ее успении, и, верим, там встречают ее восходящие ввысь на этом пути. Посему и успение Богородицы становится особенно для нас близким через откровение смерти, сродников наших, как — верим — и нашей собственной, нас ожидающей.

Веруем также, что Пресвятая Богородица, в успении своем нас не оставляющая, близка к загробному миру. Она ведет его и воспитывает вместе со святыми ангелами, материнской любовью и попечением к грядущему воскресению, ее помощью возрастают души в меру возраста совершенного, созревают к воскресению.

Но теперь не кажется ли нам иногда в маловерии нашем, что Богоматерь оставила мир в эти години страшных испытаний, когда человечество, зверея, истекает кровью?

Однако именно теперь-то и становится ощутимее ее приближение к нему, уготовляется путь для ее нисхождения в мир, нового в него пришествия.

Нам надлежит верить и исповедовать, что Богоматерь чрез успение свое приближается к грядущей встрече с ним.

Господь приходит в мир во Втором Пришествии своем не один, но со всеми ангелами и святыми, но Пречистая грядет во главе этого небожественного нисхождения.

Чаяние этого брачного часа Невесты и Матери Христовой должны мы носить в сердцах наших. И если мы всегда молимся ей: Пресвятая Богородица, спаси нас, то и благоговейным шепотом прибавляем ныне эту пасхальную молитву честного ее успения: Ей, гряди, Пресвятая Богородица! Аминь.

1943 г.

КРЕСТИТЕЛЬ И ИРОДИАДА

Размышления на день Усекновения Главы Предтечи

Память усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна Церковь переживает как радостную скорбь, торжество мученичества величайшего пророка: "Тем же за истину пострадав радуясь" (тропарь Предтече). Какое может быть большее торжество для пророка, нежели смертное страдание за истину? Какая иная слава для Предтечи, нежели явиться Предтечей и в мученической смерти, — в предварении приобщиться страданию Агнца Божия, им проповеданного? Естественная кончина была бы противоестественным умалением для Предтечи Господня, свершившего дело свое на земле, и истина должна была явить свою силу победой над смертью, обличив тем самым бессилие зла. Вот почему сердца верующих исполняются торжества в этот день, и алая капля крови на холодном лезвии меча сияет пасхальным рубином.

Но все это — при мысли о нем. А при мысли о нас, о том мире, который не мог потерпеть в среде своей величайшего из пророков, его не уничтожив? — Холодное лезвие вонзается в сердце, полное стыда и печали. Способно ли оно вместить это торжество пророка над смертью, или бежит от этой мысли, боится остановиться на ней? Но, чтобы иметь часть в этом торжестве, нужно вместить и изжить

весь ужас этой смерти, ее жестокую непонятность и видимую бессмысленность.

Как оно произошло, это преступное и низкое убийство во мраке темницы? Кто был усечен мечом "спекулятора"? Это — тот, кого пришествие в мир за века предвозвещено было пророком, и о грядущем рождестве кого возвестил в алтаре архангел Гавриил, служитель Благовещения, а совершившееся оно исполнило трепетом сердца Израиля.

Великий пророк восстал с проповедью покаяния и зовом к крещению, и на зов этот, вместе с народом, приблизился Христос, исповеданный им как Агнец Божий. Это Он сам свидетельствовал о Крестителе как о величайшем из людей, рожденных от жены, — тогда уже, когда этот величайший томился в темнице Ирода, забытый и оставленный всеми, — только не ненавистью Иродиады. Посланный ею воин отсек главу Предтечи и принес ее во дворец на блюде, среди пьяного пира. И земля не потряслась, и сердца не дрогнули, когда совершилась эта безвестная кончина, и только ученики погребли тело его. Таковы начало и конец, в которых светоносное явление ангела смежается с черною тенью кровожадной Иродиады...

Отчего эта жажда крови Предтечи, в чем ее прямая причина? — Не от хранителей ветхозаветного закона, и не за проповедь покаяния, и не за свидетельство об Агнце Божьем, — не за свое служение Крестителя, пророка и Предтечи был умерщвлен Иоанн.

Конечно, пророческая неумолимость в обличении нарушителей закона, не сгибающаяся перед сильными мира правда навлекли гнев Иродиады и воспламенили в ней мстительное чувство. Однако сколь случайным и даже незначительным в сравнении с подлинным делом и служением Предтечи является это столкновение, и какое несоответствие с величием Иоанна в этой мстительности, вызванной семейными неурядицами областного царька! Было ли вмести́мо для

убогой души Иродиады подлинное величие того, кого она решила устранить, вся единственность служения величайшего из людей?

Об этом величии отдаленное и смутное представление имел Ирод, по-своему чтивший Иоанна, но не его разъяренная наложница, которая явилась орудием сатаны, в известной степени подобно камню, сваливающемуся на голову прохожего и причиняющему ему смерть. Разве те грубые воины, которые распинали Христа (вероятно, в числе многих других распинаемых), сознавали, что они делают и кого распинают, или же они "не ведали, что творят"? Не является ли поэтому и для них судьбой, как бы случайным жребием то, что именно они, а не кто-либо другой, являлись совершителями дела самого страшного, но и самого спасительного для мира? И эти жертвы своего неведения если и несут тяжесть этого греха, то уже не как своего, но как всечеловеческого, или даже всемирного.

Иродиада своей злобой, своей мстительной волей — грешнее этих воинов, как грешнее и своей дочери, и того воина, которому суждено было непосредственно совершить эту казнь.

Но во всей вине прокоубийства и ее темное сознание является повинным лишь в меру того, насколько она действительно была способна вместить. По человеческому же разумению самая встреча с Предтечей и роковое с ним столкновение также является для нее как бы судьбой и страшным испытанием, ибо сколько же низменных, честолюбивых и жестоких в своей мстительности Иродиад проходит в мире, не встречая на своем пути подобного соблазна! — По высшему разумению, такая встреча есть тайна смотрения Божия, а вместе — и тайна о человеческой душе и ее судьбе.

Злое дело Иродиады, будучи ее личным грехом, а постольку и личной судьбой, расширяется тем самым в общечеловеческий грех, которому причастно все падшее

человечество, — если не делом, то мыслью, чувством, попушением, малодушием, равнодушием.

Никто не хотел гибели Иоанна, но все ее пустили. Кто был повинен в распятии Христа: только ли воины-распинатели, или же обольщенный народ с воплями: "Распни Его!", или хранители закона на "Моисеевом седалище", с законнической узостью сердца и рабством духа, или, наконец, все те, которые были современниками Христа и потому могли быть прямыми или косвенными участниками Голгофского свершения? Или же все люди являются сораспинателями Христа — своей холодностью, греховностью, себялюбием, жестокостью сердца?

Мы считаем себя свободными от вины не только тогда, когда преодолеваем соблазн, но и тогда, когда ему не подвергаемся лично и, самое большее, являемся "посторонними зрителями" и попустителями зла. Однако Бог видит тайная сердец и судит не по внешнему, а по внутреннему. Грех мира как будто избирает для себя особых носителей, делая их своими жертвами, и они, ужасая нас собою, заставляют вместе с тем забывать о всеобщем грехе и ответственности, как бы сосредотачивая последнюю на себе. Мир не мог вынести в себе святости Предтечи, — как не мог вместить и Единого Безгрешного, — и он искал так или иначе извергнуть их из себя. И если эта внутренняя неизбежность находит для себя личных исполнителей, то соответственно ли возложить на них всю вину этого дела, а самим отрицаться не только от них, но и от своей доли участия в этой вине, от своей ответственности?

Если бы человеческая жизнь исчерпывалась этой видимой временностью, то не было бы тайны, и убийство величайшего из рожденных от жены, Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна по злему капризу пустой и развращенной царицы явилось бы печалью безысходной, утрачивая ту высшую целесообразность, имя которой есть Промысл

Божий. А вместе с тем и вся жизнь, в которой самое ценное и святое беззащитно уничтожается низостью и ничтожеством, становилась бы бессмысленным игрищем сатаны. Что же иное можно сказать о мире и жизни, если рассматривать их только из времени, пред лицом крестной смерти Страдальца, преданного, оставленного, мучимого и умирающего в крестной муке с воплем: "Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?" Не темнеет ли и мир весь в этой богооставленности и не совершается ли последняя, предельная победа зла? Но мы знаем, что совершается за пределами этого видимого мира, ибо во тьме Голгофы прозираем свет Воскресения. И мы знаем также, что в смерти Предтечи происходит не только победа истины над ложью, но и открывается новое его служение. Церковь приподнимает край завесы над тайной этой смерти: "благовестил еси сущим во аде Бога, явльшагося плотию". Для этого благовестия и нужна была эта смерть, причиненная злобой Иродиады. Проповедь Предтечи во аде prepares явление и проповедь за гробом Самого Христа. Мы даже еще не вмещаем всего догматического содержания этой мысли, облеченной в язык символов, но душа трепещет от ее значительности, ибо в ней подается надежда на спасение до-христианского и не-христианского человечества. Там нельзя не узнать Христа, как не узнали Его распинатели, не ведавшие, что творили, и как бы влекомые им самим неведомой судьбой: "вóззрят нань, Его же прободóша" (Зах. 12, 10). Там ждет и Иродиаду за гранью смерти новая встреча с ее жертвою, когда она впервые постигнет, что она сделала, кого обезглавила, и ужаснется содеянного, — как и той своей судьбы, которая послала ей в жизни эту встречу, отяготила ее немощную душу таким злодеянием. Но тогда же, когда, в ужасе позднего раскаяния, узнает она свою жертву, — тем самым войдет она в ее сердце острым жалом любви, кающейся и в этом покаянии уже прощаемой, или же, напротив,

зная, ожесточится в последней злобе, с принятием полной ответственности за содеянное и теперь как бы вновь содеяваемое убийство. Покрывало спадет, и откроется тайна сердца вместе с тайной судьбы, — та неведомая нам теперь высшая целесообразность, которая восхотела этой встречи на путях жизни Крестителя и Иродиады.

1933 г.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПЯТНАДЦАТУЮ

Приникая умом и сердцем к словам Господа, запечатленным в Его св. Евангелии, мы находим в них, в источнике Премудрости Божественной, неисчерпаемое и всегда по-новому открывающееся содержание и поучение. В них, как в глубокой синеве неба, для нас загораются новые звезды, возжженные Божественною Мыслью, и освещают пред нами нашу жизнь, и путь, и судьбу. "Словеса Господни – словеса чисты, серебро разжженно, искушено от земли, очищено седмерицею" (Пс. 11, 7). Каждое слово Господа таит в себе безмерный, во все стороны расходящийся лучами смысл, и отдельные лучи этого смысла освещают нашу душу. Нельзя ни достаточно истолковать, ни исчерпать Вечной Книги, но всегда можно и нужно припадать к ее живительным водам. Такие звезды вечной жизни, видимые и невооруженному глазу, горят и сверкают в ныне чтмом Евангелии: (Мф. 22, 35-40). Законник хотел искусить Господа вопросом о наибольшей заповеди в законе. Мысль его была двоядушна и неискренна: он думал наперед, что как бы ни ответил ему Господь, он станет Ему возражать и с Ним спорить, но это значит, что он и сам не знал такой наибольшей заповеди, да и не мог ее знать, потому что ему, законнику, все заповеди представлялись одинаково важными и наибольшими. Нарушение закона во всякой заповеди считалось одинаково губельным. А закон Моисеев содержал в себе постановления и обрядовые, и нравственные, и общественные, а к ним законники создали еще ограду

закона, о которой говорит негодуя пророк: "стали у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного и там немного" (Ис. 27, 10, 13). На эту зыбкую почву хотел вовлечь Господа совопросничеством искушавший Его законник. Своим ответом Господь ниспроверг это жалкое ухищрение. На вопрос, заданный человеческим коварством, ответствовав, рекла Премудрость Божья слово мудрости, исчерпывающее все заповеди и определяющее всю жизнь человека. Кого хотел искусить законник? Того, чье Слово и Премудрость дали и самый закон этот и заповеди для сыновнего воспитания избранного народа, — "в законе сени и писаний образ видим вернии". И в этом законе, среди многочисленных и многообразных его предписаний, Божественная Премудрость вложила и ту заповедь, которая не есть одна из многих заповедей, наряду со всеми, но есть единая и единственная всезаповедь, которая все собою объемлет, наполняет, оправдывает. И эту единую заповедь, хотя и написанную в законе, но и как бы скрытую среди множества заповедей его, указывает перстом Сама Божественная Премудрость. Эта "первая и наибольшая заповедь" в соединении со "второю подобною ей" такова, что вне ее теряют смысл и становятся обременительной ненужностью все остальные заповеди, как об этом в проповеди своей свидетельствовал еще пророк Исаия: "к чему мне множество жертв ваших?.. курение отвратительно для меня, новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие и празднование... и когда вы простираете руки ваши, я закрываю от вас очи мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу" (Ис. 1, 11-15). А ведь все эти установления даны были Богом, они казались столь же священными и нерушимыми, как и наше теперешнее богослужение. И однако Господь вменил в ничто все это обрядовое благочестие за ожесточение сердца. И тогда невольно начинает спрашивать себя смущенно и наша христианская совесть: не могут ли относиться эти слова и

к нам, гордым, может быть, своим обрядовым благочестием? И тем сосредоточеннее хочет она вникнуть в то, что Сам Господь являет как непреложное основание всего нашего спасения. Эта заповедь проста, ясна и доступна, она в двух словах содержит весь закон и всю мудрость жизни, вложенные в нас зиждительной Премудростью Божьей: возлюби Бога, возлюби всем своим существом: "всем сердцем твоим и всею душою твою, и всем разумением твоим, и всею крепостию твою". Возлюби Бога цельно и нераздельно, всеми силами души твоей: сердцем, в котором есть средоточие нераздельной жизни духовной и из которого исходят помышления добрые и злые, и всеми чувствами страстного человеческого естества, которое может быть посвящено Богу и преображено от похоти плотской к жизни духовной; и всею мыслью, всеми силами познающего, понимающего ума, который, совлекаясь сатанинского самообольщения, становится "умом Христовым", просвещенным Духом Святым на всякую истину"; и всей крепостию своей воли, которая направляется не на самоутверждение гордости и не на совершение своей похоти, но на исполнение воли Божьей. Никакая сила души человеческой не отрешена от любви Божьей, и никакая не осуждена на небытие этим отрешением, и никакая не убита: все богозданное человеческое естество со всеми силами богоподобного духа призвано к любви Божьей и к ней благословлено в нераздельности человеческого существа. И вся жизнь человека, в которой раскрываются эти дары его: ум, страстное естество и воля, главенствующая сердцем человеческим, седалищем любви, призываются к любви Божьей. Во всей своей жизни, делах и творчестве человек должен искать любви Божьей, творить и жить во имя Божье, не для себя, но для Господа. Вся жизнь его может и должна стать единым делом этой любви, в чем бы она ни раскрывалась: все для Господа, ничего без Господа. Любовь к Богу не есть одно из дел или одна из задач человека, существующая наряду с другими, это есть одно единственное содержание

всей жизни, способное всю ее наполнить, осмыслить, освятить. На ней все утверждается, и вне ее ничего не существует. Посвящение и освящение всей жизни человеческой во всех ее проявлениях, делание всего во славу Божию, или, еще резче, — все для Бога и ничего для себя, во имя свое, — вот эта заповедь, не частная, но всеобщая, не временная, но вечная. Но эта заповедь наполняет нас смущением и страхом, и безответны мы пред нею, ибо знаем мы всю свою немощь, все недостойнство, всю непризванность к такой заповеди. И однако призваны Самим Богом, Который есть Любовь и Мудрость. Он вложил ее в сердца наши и во все наше существо не как внешне данный закон и предписание, но как внутреннюю необходимость, коренящуюся в самой природе богозданного нашего естества. Для Себя, для любви Своей создал и призвал Бог человека, и не может успокоиться душа человеческая, доколе не обретет себя в любви Божьей. Для нее жизнь духовная есть любовь к Богу, и вне этой любви нет иной жизни, — а есть только смерть. В этой заповеди заключено все возвышенное в человеке, в нем истинно человеческое, в качестве высшего призвания, и никакая иная любовь, никакая иная цель его недостойна. Только такая истинно человеческая жизнь в любви Божьей достойна человека, и призвания к ней он заповедью Божьей удостоен. И только все то, что связано в жизни с любовью Божьей, поднимает человека от естественноживотной жизни даже там, где бывает служение "неведомому Богу" по омрачении ведения истинного.

Посему заповедь любви к Богу не есть внешнее веление, которого могло бы и не быть; она есть внутренний закон жизни человека, созданного по образу Божию и призванного к любви Божьей. В ней жизнь и блаженство, вне ее смерть и адские муки, пустота и ничтожество. И однако, мы страшимся заповеди о любви Божьей, смущаемся и стыдимся, ибо сознаем, как обличает она нашу пустоту и леность духовную. Нам ли, холодным, жестокосердым, расчетливым, маловерным,

внимать этой заповеди? И однако, можем ли мы, смеем ли эту заповедь от себя отклонить? Разве же не горит и наше сердце и не распяется любовью к Господу, когда бывает исполнено мысли о Нем? Природа любви такова, что никогда нельзя достаточно любить, любовь ненасытна, она всегда разгорается и требует большего, она никогда не вмещается в человеческое сердце, ее всегда мало, она всегда собою недовольна, она всегда теряется в пустоте своего сердца. Господь чит Свое творение тем, что дает человеку заповедь невместимую: любите Бога всеми силами души своей, будьте святы, ибо свят Отец наш небесный, будьте милосердны, ибо милосерд Отец ваш небесный, будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный. Они кажутся страшны, обращенные к нашей пустоте, они кажутся странны, обращенные к нашему ничтожеству, они кажутся неуместны пред лицом нашей лени и праздничества. Однако, зачем нам страшиться, если эти заповеди даются нам Отцом нашим небесным? Бог дает нам заповедь неисполнимую для того, чтобы Своей благодатной силой не без нас, но за нас ее исполнить. Ибо невозможное человеку возможно Богу. Не нужно страшиться неосуществимости человеческими силами того, что их превышает, но нужно хотеть того, что возможно человеку. Заповедь о любви к Богу не означает, чтобы мы одним желанием совершили в себе, вместили эту невместимую любовь, она хочет от нас подвига этой любви, труда ее, пути ее, борьбы с своим греховным, ленистым, страстным, себялюбивым, гордым человеческим естеством. Труд неустанный и неленистый, противление греху, видение и ведение себя в грехах своих, непрестанная память о Боге и освящение именем Его всех дел и движений души нашей, непрестанная сердечная молитва, борение с греховными делами и помыслами, — вот неоплатный долг любви к Богу. Дела любви и путь любви, указанный ап. Павлом в гл. 13-й 1-го Кор., есть наша работа Господня. Наша немощь и лень духовная, наше греховное естество противится

любви Божьей, но любовь эта — и о сем необходимо помнить христианину — всегда взаимна, ибо любящий или хотящий любить Бога всегда узнает ответную любовь Его к человеку. Любовь к Богу никогда не остается безответна и разгорается пламенем огня, который Господь пришел принести на землю. Любовь есть чудо. Но как можно любить Бога? Мы еще можем любить человека, хотя немногих, близких и родных, мы привязаны к разным благам, плотским и духовным, потому что мы их видели и знаем. Но как можно любить — и притом всеобъемлющей любовью — Бога, которого мы не видим и не знаем и в лучшем случае только верим, постоянно укрепляя свою веру в борьбе с неверием? Возможно ли любить отвлеченную мысль? И однако ведала сама Истина, когда провозгласила первую и наибольшую заповедь как исчерпывающую истину о жизни: и вера, и ведение Бога открывается любви, ибо и вера, и надежда прейдут, любовь единая пребывает. Человеку дано любить Бога, он призван и создан для этой любви, вложенной в него Самим Богом вместе с образом Божиим, но он должен хотеть этой любви исканием Бога, деланием заповедей, посвящением Богу всего своего труда и делания, неустанной и неослабной напряженностью сил недремотного духа. И эта любовь, как и всякая любовь, существует по образу единой любви, только в ней находит свой смысл и цель. Она бескорыстна, она ищет Бога только для Бога и даже не ради спасения или каких-либо духовных благ, ибо любовь не есть своекорыстие. И однако природа этой любви и сила ее таковы, что она имеет в себе и спасение, и блаженство, и вечную жизнь в познании Бога, ибо это познание дается только любви.

Любовь к Богу есть подвиг жизни, она есть труд, она есть путь восхождения, знающий многие ступени. Путь бесконечен, и каждая ступень так же далека от высшей цели, как и предыдущая, и как капля воды отличается от неизмеримых бездн моря. Но важен путь, важно ступенное восхождение, ибо навстречу ему совершается божественное

нисхождение, и свеча, еле мерцающая в сердце, зажжена от пламени Божественной Любви.

Любовь к Богу есть ненависть к миру, пребывающему во зле, борьба с ним в своем собственном сердце, разделяющий меч. И однако, любовь есть огонь, изливающийся из воспламененного сердца на все, ему доступное. Любовь к Богу, как некое бурное дыхание, устремляется к тому, что носит на себе Его печать, ко всему Божьему творению, наипаче же к человеку, венцу творения, образу Божию в нем. Это есть лишь раскрытие любви, прямое ее последствие: иная заповедь, подобная ей, — подобная, т. е. по существу тождественная. Человека нам легче, природнее любить, чем Бога, потому что мы видим человека, а Бога не видим, по крайней мере, в падшем своем состоянии (ибо прародители видели Его прежде своего грехопадения). И любовь к человеку может быть в нас также путем любви к Богу, если она совершается для Господа, а не с противлением Ему, потому что тогда она есть лишь прикрытая борьба против Бога. Любовь нераздельна и едина, как это и раскрывается на Страшном суде, где Господь все добрые и злые дела, сделанные человеку, относит и непосредственно к Самому Себе. Любя Бога, нельзя не любить человека истинной, неживотной и не страстной любовью, не любя его в Боге, не любя в нем Бога. И это путь бесконечный, это — жизнь вечная, здесь, во времени, предназначаемая. И на эту же связь указывает Господь искушавшему Его законнику в ныне чтомом зачале Евангелия, когда рядом вопросов заставляет признать, что Тот, Кого считают сыном Давидовым, Давидом же называется, по вдохновению, Господом, есть Бог и Человек (Мф. 22, 41-46). И в этом вопросе заключается и ответ, почему существует такая связь между Богом и человеком и почему вторая заповедь подобна первой. Бог открылся человекам через боговоплощение во Христе Спасителе, в котором соединилось нераздельно и неслиянно божеское и человеческое естество, Бог и Человек. И любя

Христа, мы любим в Нем Бога в человеке и человека в Боге, и любовь эта нераздельна и безусловна, ибо это есть и любовь Самого Бога — Отца небесного к Богу и вместе Человеку, воплощенному Сыну Божию.

Господь дает нам — всем вместе и каждому в отдельности — заповедь любви, как будто не замечая того, что мы так болезненно и смущенно замечаем, того, как мы недостойны этой заповеди, как она неприменима кажется к мраку и хладу нашей жизни, к скудости нашего сердца. Но Господь в безмерности любви Своей и Своего снисхождения к твари обращает Свою заповедь именно к нам, какие мы есть, зная и видя нас лучше, чем мы сами. Он утешает нас этим призывом, свидетельствуя, что бесконечно великое существует и в бесконечно малом и в капле присутствует как-то и сила всего океана. Любовью Любви подается и вера, и упование, и радость о Господе, сладкий плод упования. Но поскольку заповедь зачехлившись рождает грех, Господь Своей заповедью любви являет нам во всей силе наш грех против любви. Он пробуждает в нас совесть любви, которая судит нас, но не только судит, а и исправляет, и нет ничего совести нужнейшего. Посему Господь поистине ответил на вопрос законника, Он дал заповедь единую, все в себе содержащую. Да будем же судимы совестью любви раньше, чем предстанем на суд Любви, которая голосом Правды скажет тогда: отойдите, Я не знаю вас. Но да будем среди тех, кого требовательная совесть оградила от самообольщения и которые на зов Любви ответят смиренно: Господи, когда мы видели Тебя страждущим и возлюбили Тебя?

ВИДЕНИЯ И ОТКРОВЕНИЯ ГОСПОДНИ

Слово в неделю девятнадцатую

Перейду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли не знаю, вне ли тела не знаю, Бог знает) восхищен был до третьего неба... восхищен в рай и слышал речения неизреченные, которых человеку нельзя пересказать.

(2 Кор. 12, 1-4)

Вот о чем поведано нам святым и великим Павлом в апостольском чтении нынешней (19-ой) недели. Но звучит ли это для нас, воспринимается ли нашим внутренним слухом? Естественно, что поведением этим возбуждается в нас удивление и преклонение пред великим апостолом, таинником Божьим. Однако является ли это достаточным на него откликом, может ли на нем остановиться ответное движение нашей души, или же оно с необходимостью должно пойти далее, но куда же и в какую сторону? Коснеем ли мы в немощи, или же призываемся к мощи? Испытываем ли испуганность и смущение, или же вдохновение восторга?

Сознаемся, что первым движением души является в нас желание укрыться от поведенного нам, и как бы от

него защититься в ленивом своем покое и праздности духовной, остаться как были. Таково было и первое слово Симона Петра пред лицом чудесного улова рыбы: "Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный", ибо ужас объял его и всех бывших с ним от этого лова рыб" (Лк. 5,8-9). Его первое движение было защититься от призывного знамения (Лк. 5,10-11) и не следовать за Христом для нового лова, — не рыб уже, но людей. Таковы и все мы в своей человеческой немощи, о сем же свидетельствует о себе самом и апостол Павел: "Собою не хваюсь, разве только немощами моими", хотя в них и совершается сила Божья, и обитает в них сила Христова. И этого немощного человека апостол противопоставляет в себе самом этому вознесенному в рай избраннику Божию. Апостол в себе самом с удивлением созерцает дела Божьи и к тому же зовет и нас, которым поведал о них. Зачем и почему поведал он — не только о трудах и болезнях своих апостольских, но и об этой тайне своей сокровенной, и не только коринфянам, но через них и всем нам. Для того ли только, чтобы потрясти наше воображение величием своего избранничества, смутить нас или же призвать и нас к последованию себе, и уже не только в немощи, но и в мощи? Однако не безумием ли звучат такие слова о дивных делах Божьих в применении к нашему убожеству, которое мы сами в себе знаем? Да, это и есть безумие для человека в немощи, однако в ней совершается сила Божья, пред которой всегда и неизменно изнемогает и истощается мощь человеческая: Павла ли, Аполлоса или Кифы (1 Кор. 1,12), "ибо немудрое Божие премудрее людей, и немощное Божие сильнее людей" (1 Кор. 1,25).

Станем ли мы мерить себя мерою великого апостола, а свои касания иного мира его видениями и откровениями, которых мы постигнуть не можем и даже приблизиться не дерзаем? Да не будет! Однако во всей нашей малости не дано ли и нам ведение Божественного, которое так и

именуется благодатью, благодатным даром. И эти касания Божественного не суть ли и для нас неизреченные глаголы, "восхищение в третье небо и в рай", когда мы преклоняем колено духовно и раскрываем святилище сердца? Ибо небо открыто для нас Христом и неизреченные глаголы звучат в Его Церкви, — имей уши слышати да слышит! И в Церкви же совершается восхищение в рай и в третье небо, — прииди и виждь.

Разве в Церкви не совершаются святые таинства? Разве на трапезе Господней не призываемся мы к совершенному соединению со Христом? Разве в миропомазании не сообщается сила Пятидесятницы каждому из нас, подобно как и в других таинствах церковных? И не есть ли все это сила Божья, которая совершается в нашей немощи? Обо всем этом мы научаемся на уроках вероучения, однако часто воспринимаем их лишь умом и памятью, а между тем это есть не только мысль или учение, но сама живая действительность, к которой и призывает нас ныне апостол чрез повествование о видениях своих и откровениях.

И суть ли они единственные данные великому сему апостолу во свидетельство истинности его апостольства (1 Кор. 9, 1)? Нет, не единственно ему, и он не единственный даже при всем своем величии. Разве возлюбленный ученик, тайнозритель, не зрел отверстого неба, престола Божия и Сидящего на нем и Агнца? И не исполнены ли летописи церковные повествований о видениях и откровениях горнего мира святым человекам, об явлениях Пречистой Богоматери со апостолами и святыми, об явлениях самого Христа, как Он являлся и ап. Павлу на пути в Дамаск? То, что было ему явлено, дано не ему одному, но Церкви и "употребляющим усилие" к восхищению Царства Небесного (Мт. 11, 12). Здесь остается повторить слова апостола: "На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов" (2 Кор. 10, 7). Не для того, чтобы от нас отделиться и над нами превозвестись, поведал нам апостол

о данной ему благодати апостольства, даже и в нем самом совершающейся в немощи человеческой, в которой обитает сила Христова, но чтобы к нам приблизиться и нас призвать к последованию за собою: "Умоляю вас, подражайте мне, как я Христу" (1 Кор. 4, 17; Фил. 3, 17; 2 Сол. 3, 7). Но и не только себе самому зовет подражать апостол Павел, но и всем наставникам, которыми для нас являются святые: "Взирая на кончину их жизни, подражайте вере их" (Евр. 13, 7). Он зовет нас к духовному сему дерзновению.

Но не явится ли оно в нас лишь бесплодной дерзостью, если мы станем мерить себя их мерой, безмерно превышающей нашу собственную, и свою малость, свое ничтожество сопоставлять с совершившими подвиг веры, "взирая на начальника и совершителя веры Иисуса" (Евр. 12, 2)? Не объемлет ли нас страх, и не противится ли в нас и законное смирение, ведение себя самих, каковы мы есть в грехе своем? Однако не станем мнимой или даже подлинной добродетелью сокрывать подлинный свой грех духовной лености, холодности, безразличия. Ибо все мы, как христиане, призваны стремиться к "цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе" (Фил. 3, 14), и "не мерою дает Бог духа" (Ио. 3, 34). Дар благодати дает Бог, но лишь взыскующим его, — верою, молитвою, трудом, всяческим усилием: "Ищите и обряцете!" (Мт. 7, 7). И применяем ли мы эту умеренность и благоразумие в отношении к тем, кто явили безумие и безмерность в духовном своем дерзновении?

Чего же нам искать? Знаем ли и можем ли искать, чего не знаем? Однако и это как будто искреннее недоумение не есть ли также лишь отговорка для того, чтобы сохранить нам покой духовной неподвижности и бездействия. Так ли мы бедны и обделены Даятелем даров духовных, Богом милости и щедрот и человеколюбия, как сами себе представляем? Или же здесь поражает нас бич забвения, отсутствие внимания духовного? Правда ли, что есть среди верующих

хотя кто-либо, кто на путях своей жизни не встретил Бога, кого не коснулось бы веяние Духа Божия? Пусть каждый из нас в тайниках своей души, пред лицом совести своей сам на это ответит, и ответ его да не будет, ибо не может быть отрицательным.

Рассматривая жизнь, в ее радостях и горе, благополучиях и потрясениях, в скорбях и испытаниях, когда рассекается сердце и открывается душа, когда человек призывается пред лицо Божье, не обнаружим ли мы и в нашей собственной жизни "восхищения" в небеса и слышания "глаголов неизреченных", как бы ни было оно тускло и глухо? Но мы в том сами себе не верим, сами от себя убегаем, забываем и забываемся, а между тем нужно хранить в душе сокровище, помнить о том, что есть ее жемчужина.

И память эта есть священный залог при взыскании Царствия Божия, якорь спасения от гибели. И ныне, в дни бедственных испытаний, надлежит сугубо хранить эту память о том, как явлена была нам милость Божья, и дана была личная встреча со Христом, как было это с Павлом накануне его обращения: "Савле, Савле, что ты Меня гонишь? Трудно тебе прати против рожна!" (Д. А. 9,4).

Да и нужно ли искать каких-либо особых проществий в жизни, чтобы ощутить близость Божью, опознать душой прикосновение благодати Божьей. Ибо Господь являет себя не только в буре, огне и землетрясении, но и в "дыхании хлада тонка", в тишине души, в ее молчании.

Не является ли восхищением в рай благоговейное приближение к святыне, — в таинстве или горячей молитве, особенно же в величайшем даре любви Божьей, во вкушении Тела и Крови Христовых, к которому призываемся мы приступить со "страхом Божиим, верою и любовью"? И то, что подается нам в этом даре, есть восхищение не только в третье небо, но в самое небо небес, к престолу Господню...

Посему да внимлем слову апостола Павла не рассеянным и не хладным слухом, как рассказу о чем-то далеком, нам чуждом, высоком, и страшном, а как к самому дорогому и нужному, и к каждому из нас близкому, о чем он доверил нам для пользы нашей, ободрения и утешения. Ибо, если мы и немощны, то сила Божья в немощах совершается.

Не будем же от нее укрываться в немощь, но и собственным нашим усилием ее совлекаться. Аминь.

1940 г.

С Л О В А И Б Е С Е Д Ы
Н А Р А З Н Ы Е С Л У Ч А И

БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ ОТЧЕ НАШ

(Ялтинский Новый Собор. Осень 1921 г.)

1-я беседа

Что есть молитва? Предстояние Богу, устремление к Богу, — "Горé имеем сердца" — обращение к Богу, действенное состояние всего нашего существа — ума, сердца, воли. Не мысль только о Боге, не слово, не мечтательное волнение, но устремление к богожитию, к жизни с Богом и в Боге. В этом — главное значение молитвы, а без нее нет и веры. Великие святые суть великие и молитвенники. Из них святейший Господь был и первым великим молитвенником: молился всегда, но чаще уходил молиться на гору и молился "обнощию" (так, накануне избрания учеников, в ночь Преображения, в Гефсиманскую ночь).

Если хотите знать духовную меру человека, надо знать его молитву. Как мы молимся: блуждание мыслей, рассеянность, холодность, леность, многословие, своекорыстие, маловерие?.. Господь учил молиться с полной верой (притча о неправедном судии), слова нагорной проповеди: просите и дастся вам. И поистине, всегда дается, даже если и не исполняется самая просьба, ибо самая молитва есть благо: "Всегда молитесь!"

Содержание молитвы: 1) славословие — вся природа, небесные силы славословят Бога, 2) благодарение — "благодарим Господа" — евхаристия, 3) прошение о всяких нуждах человеческих духа и тела.

Молитва всегда имеет содержание: человек есть словесное существо, и слово соединяется здесь с сердечным движением и трудом молитвенным, и волевым устремлением. Бывают разные ступени молитвы: от прошения к созерцанию и восхищению (ап. Павел, вознесенный на третье небо и слышавший неизреченные глаголы). Но правильная молитва — дело непростое: "Не знаем, о чем молиться, как должно, но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными" (Рим. 8, 26). И сам Господь предваряет относительно многословия: "Молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны" (Мт. 6, 7). Может быть и ложно направленная молитва, ведущая к ложным улаждениям, совершенная без надлежащего смирения и ведущая к духовному прельщению. Посему искусство молитвы есть труднейшее, и тем, кто непрестанно молится "умным деланием", надлежит искать руководителя-старца. Посему так дороги нам молитвенные правила угодников Божиих.

Святая Церковь имеет обширный вертоград благоуханных молитв, наитием Святого Духа осененных, на всякое время года, на всякую потребу. Бесценно это сокровище церковных богодухновенных молитв, которые знает Церковь, и безумны те, кто не ценит и отвергаются этого сокровища ради своих измышлений, как сектанты.

И однако каждый, как имеет свою судьбу, так и имеет свои нужды, и свою молитву, и он может творить ее рядом с церковной, блюдаясь, однако, не быть, как язычники, в многословии своем или даже греховных прошениях своих. Однако чаще и естественнее не знает человек, как молиться, и просит научить его молиться, дать ему молитвенное правило.

Следует ли удивляться, если апостолы, уже в первые дни своего хождения с Учителем, видя Его непрестанную молитву и стремясь от Него научиться, слыша также о том, что Иоанн научил ей учеников, обратились к Господу

с просьбой ("Случилось, что когда Он в одном месте молился и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи, научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих". Лк. 11,1). Ученики неоднократно обращались к Учителю с неисполненными просьбами, которые Он отвергал: то они просили поглотить огнем непослушные города, то посадить одного одесную, второго ошуюю, то отречься от страдания. Но этой просьбе Господь внял, ибо сразу ответил: "Когда молитесь, говорите так": Лк. 11,2 (согласно Мт. 6,9, даже без особой просьбы, в нагорной проповеди сказал: "Молитесь же так"). И дал нам молитву Господню, — это драгоценное сокровище, чудо из чудес, это "сокращение всего Евангелия" (Тертуллиан). Как, вперяя взор в глубину неба, открываем все новые звезды, так нельзя постигнуть всего содержания божественной молитвы, которую истолковывали и будут истолковывать величайшие мужи духа, и от них и мы зажигаем робкую свечечку. Всеми вероисповеданиями благоговейно сохраняется молитва Господня. Она есть единственная общая молитва всего христианского мира. Кто ее отвергает, тот не молится вместе с Господом. На всяком молитвословии, частном и общем, читается или поется она, наипаче же при святой евхаристии, когда на святом престоле сам закланный Агнец и Научитель ее, окруженный тьмами херувимов, святыми. — (Пение Отче наш).

Отче. Господь выше имени и посему не исчерпывается никаким именем, а посему неисчислимы имена Его. Как назвать Его, как призвать Его, как обратиться к Нему. Изнемогает мысль и бессильно слово из бесконечности слов избрать Имя. И се слышится дерзновенно-сладчайшее: Отец. Если бы прийти к владыке вселенной с трепетом малости нашей, и вдруг узнать во всемогущем вседержителе — Отца, как научил нас Его Сын. Впервые в мире прозвучало это дивное имя Божие: Отец. На Синае, на Хориве Моисею было открыто в громах и молниях имя Иегова, а затем и ряд других

священных и великих имен Божиих: Адонай, Цебасть, Святый Израилев и др., но не это дивное Имя. Его мог открыть и принести миру только Сын, пришедший открыть Отца. Предчувствие этого имени мелькало и в Ветхом Завете, и даже в язычестве (Зевс-Отец, Брама, Мардук), но здесь это омрачается грубыми антропоморфными представлениями.

Отец — прежде всего Того Сына, Который научил Его так называть: Бог-Отец Бога-Сына. От Него, по слову апостола, всякое отцовство человеческое. Мы слабо понимаем отцовство, ибо мы и отцы, и сыны, и братья, и притом отцовство у нас связано с рождением от плоти. Господь же есть Отец. Люди в сыне любят лучшее свое я, ему все отдают, в нем хотят видеть себя. Бог-Отец все предал, открыл, явил в возлюбленном Сыне, посему никто не знает Сына, кроме Отца, ни Отца кто знает, кроме Сына. И когда в мире явился Сын, явлен был и Отец. Сын Человеческий и братьев Своих по человечеству соделал сынами Божиими. Мы — род Божий и сыны Божии, если взываем к Богу: Отче. Какая радость подается, теплота, покой. Отец ваш небесный даст блага просящим у Него. Если довериться, что в небе слышащий нас Отец, какое спокойствие должно быть в сердце и какая к Нему любовь. Как же можем мы дерзать так Его именовать? 1) по рождению: весь мир создан словом Божиим и лишь человек сотворен, но в него вдуно Богом дыхание жизни, частица Божества (Быт. 2, 7), Того убо и род есьмы... род убо суще Божий (Д. А. 17, 29); по возрождению: когда Бог послал Сына Своего вочеловечиться, то Он не стыдится называть их братьями, говоря: возведу Имя Твое братии, посреде Церкви воспою Тя (Евр. 2, 11-12). Сын усыновил падшего Адама, искупил его кровию Своею и возродил его новым рождением в крещении: даде им область чадом Божиим быти... которые... от Бога родились (Ио. 1, 12-13). Бог есть Отец в силу отеческого попечения о роде человеческом, как оно раскрывается в Слове Божиим. Но это сыновство должно быть возгреваемо подвигом, иначе гаснет в душе. Каковы должны

мы быть, предстоя Богу и призывая Его как Отца? Совместно ли с этим злобное, себялюбивое, низкое чувство? Разве неблагодарные, злые, мстительные, холодные могут быть сынами небесного Отца, родом Божиим, братьями Спасителя, изрекшего: братья Моя и Мать Моя суть творящие волю Божию.

**2-ая беседа на молитву Отче наш
(Ялтинский Новый Собор. 31 октября 1921 г.)**

Наш. Не Отче мой и не Отче их, но Отче наш. Мой обособляет: мой значит не твой, не его: отталкивание эгоизма, которое невозможно пред лицом Божиим: не любяй ближнего, как может любить Бога, как с холодным сердцем Ему молиться. Однако мой неустранимо из жизни и из молитвы, и первый пример — Господь Иисус Христос, который научил молитве Отче наш, Сам Он молился Отче Мой, если возможно, да мимоидет Меня чаша сия, и постоянно говорил про Отца Моего. Это означает, что Он — и только Он — есть воистину Сын Отца, едиnorodный, а мы — сыны по усыновлению, как братья Его, сыны в Нем и через Него: Отче наш, потому что для Него Отче Мой. Его Мой = наш. Далее, мой необходимо в личных отношениях каждого: Господь мой и Бог мой — вырвалось у Фомы неверного; "встану, пойду к отцу моему и скажу: отче" — говорит блудный сын. Каждый должен иметь личную встречу с Богом, покаяние, слезы, спасение, ощутить в Боге своего Отца, в Христе — своего Спасителя, каждый приходит к Нему со своей личной молитвой о спасении грешных, от них же первый есмь аз. Итак, наш не исключает, но предполагает мой, но оно неизбежно расширяется в наш, в этом тайна религии, связи людей, соборности. Наш не значит не мой, но: мой, и твой, и его, и их, и не в их раздельности, но в их единстве: наш — это множественное мой, многие я в братском единении, как после вознесения апостолы: "бяху терпяще единомудно в молитве и молении" (Д. А. 1, 14). Люди, молящиеся вместе,

образуют единение в духе и истине, союз церковный. "Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то будет им от Отца Моего Небесного" (Мф. 18, 19), двое – это уже мы, наш – тайна Церкви и сила молитвы (молитва 3-го антифона на лит. Иоанна Злат.: "иже общия сия и согласныя даровавый нам молитвы, иже и двема или трем согласующимся о имени Моем прошения подати обещаый, сам и ныне раб Твоих прошение к полезному исполни"). Каков объем и сила этого наш: от двух или трех до всех, всей Церкви: древний чин церковного братотворения и обычай побратимства, молитва Господня при венчании двух во едино, в семье, при совершении Евхаристии, при всяком молении. Количественно – наш может иметь различный объем, качественно это всегда Церковь, один в другом, многие в едином (как три отрока в печи огненной "яко едиными усты пояху и благословляху Бога" (Дан. 3, 51)). Отче наш – призыв к церковности, к воцерковлению, к братству. Так Церковь есть всечеловечество и все человечество. Христианское понимание Бога в сравнении с языческим: языки – веры, национальные, обособляющие, таков даже и Ветхий Завет, – с избранным народом. Лишь в христианстве "шедше научите вся языки", во Христе несть эллин ни иудей. Все человечество едино в своем корне – новом Адаме, одна сущность и сила человечности, лишь многолика. Человечество есть Христос, Сын Отца, и в Нем и мы сыны, и Он – наш Отец. Это и есть истинное братство и равенство. Как ни различны мы в своих личных судьбах и положениях, но, глядя вверх, мы отвлекаемся от всего. Воистину молящиеся все равны пред Богом и все братья, как чада единого Отца, и никто не дерзает назвать Его, опираясь на свое богатство, ум, красоту и под., Отец мой (но не их), не впадая в безумие фарисея.

Что значит равенство и братство, о котором так много говорят на языке мира сего? Равенство – ложь, ибо люди в мире неравны, и их равенство могло бы состоять лишь в их различии, – *sumus sicutque*, но завистливая проповедь равенства

хочет именно сравнять их в неравном. На чем опирается равенство, кроме зависти и различия, — на братстве, но братство не есть равенство; но и на чем братство, — на происхождении от обезьяны, всеобщем сообезьянстве? Но разве назовем мы поросят от одной свиньи братьями, а не только ли говорим о людях? Нельзя внедрять братство, искореняя отцовство и сыновство, что делает современность. Люди суть сыны, а потому со-сыны, братья, а не обезьяны, но единого Отца. Лишь так можно чтить человека. Посему только в Церкви может быть и равенство, и братство, как выражение любви церковной, а любовь коренится в наш: "да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино" (Ио. 17, 21). Вот что значит наш и мы. Судите, к чему зовет нас Господь, научая молиться Отче наш. Какую незлобивость, простоту, мир, любовь Он от нас ждет.

Иже еси на небесех. Вот странные, звенящие глаголы: на небесех. Наверху, — но тогда, по слову блаж. Августина, птицы ближе нас к Богу (или аэропланы), "оставим небо воробьям" — глумится безбожие. Есть ли небо небес и небеса, или земной мир есть единственный. Чему верить: очевидности чувств или веры; что: любить мир сей или горняя мудрствовать? Вера в Бога во всех религиях рождалась из живого чувства неба, неединственности и неподлинности этого мира. Есть то, что выше мира, но ведомо человеку, который находит это в душе своей как основу: как истину, благо, красоту. Есть ли все это мирское, человеческое, или премирное? Есть ли только мир или то, что выше мира, Бог? Рядом с людьми духовными, видя их, невозможно и спрашивать об этом, как не спрашивают и людей плотских. Человеческая душа знает и тоскует по небесной родине ("Ангел"), она принадлежит двум мирам, и вера наша учит нас: "не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем". И небо отвечает человеку, и воздвигается

лествица молитвы и веры. Но требуется постоянное усилие: "горé имеем сердца". Итак, небо есть духовное начало в человеке, открывающее ему действительность духовного мира. Человек есть духовное существо, имеющее духовную родину. Призывая небесного Отца, человек свидетельствует, что отец по плоти не есть ему истинный отец: "и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах" (Мф. 23,9). От Отца небесного "именуется всякое отечество на небесах и на земле" (Еф. 3,14-15). Этим не отвергается святыня земного отцовства (охраняемая 5-ой заповедью), но указывается, что отцовство земное существует лишь по образу истинного, небесного, и, имея по плоти разных отцов, мы имеем одного Небесного Отца. Мы различаем еще от рождения по плоти духовное рождение, точнее – возрождение от духовного отца: "дети мои, для коих я снова в муках рождения" – не раз говорит ап. Павел, как он в муках рождал духовных детей. Посему есть двойное отцовство: небесное, вечное, и земное, временное, по душе и телу, от отца и матери, и бывают случаи, когда эта связь расторгается духовным рождением, например, в монашестве. Итак, исповедуя небесного Отца, человек и себя сознает как воплощенный дух. Небеса есть духовный мир – ангелов, святых. Божия Мать и Господь Иисус Христос на небесах. Призывая небесного Отца, Отче наш, от лица Церкви, мы присоединяемся и к Церкви небесной, прославленной, образуем единый мир: "вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжественному собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства" (Евр. 12,22-23). Проскомидия: 9-чинная просфора.

Итак, призывание обращено к Богу на всяком месте и во всякое время: поклонение духом и истинно, а не в храме Иерусалимском. Вселенский купол – небесный. Бог вездесущий и вечный, скоропослушный, высокий и близкий. Творец миров и отец. В Троице сущий. Отчая

Ипостась. Первое Лицо Св. Троицы. Одно призвание, без всяких прошений есть уже молитва, именование, имя. Молитва Духом Святым: авва, Отче. Молитва Иисусова в призывании имени Иисусова. В имени присутствует Сам Бог. Сила и тайна и смысл молитвы. Сердце человеческое становится небом и престолом Божиим. "Не вёсте ли, что вы храм Божий и священнослужители в нем".

3-я беседа о Молитве Господней (14 ноября 1921 г.)

Да святится Имя Твое. О чем просить Бога: о себе, о нуждах своих, — нет, о Боге в нас: яко на небеси и на земли да святится Имя, да придет Царствие, да будет воля Твоя. И первое слово, прошение наше: да святится *ἁγιασθήτω*: о святости говорит оно. Что есть святость? Естество Божие и все, от Бога исходящее. Что слышится всего чаще в молитвословиях? Свят Господь Бог наш, — прославление святости. Видение Исаии: серафимы взывают друг к другу и говорят: свят, свят, свят Господь Саваоф (Ис. 6, 1-3), и то же зрел Иоанн: четыре животных ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, иже был, есть и грядет (Апок. 4, 8). И к этому славословию ангелов присоединяемся и мы при божественной Евхаристии, когда вспоминаем о воинствах небесных, "победную песнь поющих", и тайная молитва иерея: "с сими и мы блаженными силами, Владыко человеколюбче, вопием и глаголем: свят еси и пресвят Ты и едиnorodный Твой Сын и Дух Святой, свят еси и пресвят, и великолепна слава Твоя". Еще и в Ветхом Завете Господь возвещал о Себе Своему народу: "святые будьте, ибо свят Я, Господь Бог ваш" (Лев. 19, 2; 11, 44-45), и к тому же зовет апостол в Новом Завете: "по примеру призвавшего вас, Святого, и сами будьте святые во всех своих поступках" (1 Петр. 1, 16). В первосвященнической молитве Господь молит: Отче Святой. Соблуди их во Имя Твое... святые

их во истину Твою, и за них Аз свящу Себя, да и тии освящены будут во истину” (Ио.17,17,19). Как святость есть естество Божие, так освящение, струящаяся сила святости есть естество Церкви: вместилище святости и сила освящения. В Церкви все свято: храм, алтарь, предметы, молитвы, священнодействия, тайнодействия, таинства. И воцерковление есть освящение. Церковь есть школа святости, питомник и единение святых. Святые — имя верующих, святые — земные граждане неба: дивен Бог во святых своих, — Он во святых почивает. Пред лицом вечности спрашивается не об уме, не о силе, но святости. Вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас. Бессилие человеческой святости самой по себе и всесилие благодати. Поэтому первое значение да святится Имя Твое означает: да святит нас св.Церковь, да изливаются ее благодатные дары, да познаем Господа, да любим Его, да живем в Нем, да святимся Им. Но Господь не хочет сделать из камней сынов Авраамовых: можно освятить все, но не человека, который должен сам себя посвятить Богу и тем освятить себя. От человека требуется подвиг восхождения в святости и к святости. Святость есть не только вершина, доступная для избранных, но и общий, единственный путь христианской жизни. Все мы движемся или к святости, или от святости, или святим, или хулим. Посему второе значение да святится будет — да святим мы; как на небе, так и на земле: херувимы, но и мы с сими блаженными силами. Славословие, приличествующее святости Божией, главное дело сил небесных и столь настойчиво и постоянно возглашаемое на нашем ангелоподобном богослужении. Третье значение: да славословим Имя Божие. Богослужение и ангелов и человек есть прежде всего славословие. Имя Твое — *тὸ ὄνομα σου*. О каком это Имени говорится? Не значит ли это просто описательное выражение, равное Ты? Не это ли имеет в виду третья заповедь: не приемли Имени Божия всуе — легкомысленное упоминание Имени Божия. Однако и заповедь, и первое прошение говорят о страшной тайне и силе Имени

Божия, которым у нас в Церкви совершаются таинства, которое пред жертвоприношенным Агнцем зовемся мы, верующие, "единым сердцем и едиными усты славить и воспевати всесвятое и великолепное Имя Твое". (Оглашенные — да и тии с нами славят всечестное и великолепное Имя). Нет, это не парафраз только. Ибо Господь в Ветхом Завете говорит устами Соломона о храме, который он создал "Имени Господа Бога Израилева" (3 Цар. 8, 16-20) и о котором Господь сказал: "Я освятит сей храм, который ты построил, чтобы пребывать Имени Моему там вовек" (3 Цар. 9, 3). И в Прощальной Беседе Господь говорит: "Я открыл Имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира" (Ио. 17, 6). Какое Имя открыл Господь? Ведь Он показал нам Отца, Которого никто не знает, кроме Сына, и кому Он открывает. По таинственному истолкованию сего прошения св. Максимом Исповедником, Имя Отца есть Сын: о тайне Св. Троицы здесь говорится: в призывании о первом Лице Ее, в первом прощении о Сыне. И тогда это прошение значит: да прославится Сын Твой, святящий нас и святящий Себя в жертвоприношении за нас. Но священие Сына в том, что Он жертвоприносится за мир, голгофская жертва искупает грех мира и спасает. Прикровенно говорится здесь о тайне искупления. Но сила Христова действует в Церкви, она есть живое Имя Его в мире. И посему: да святится Имя Твое = да святится Церковь Божия на небе, как и на земле. Пусть в нас совершается воцерковление, живая полнота сил, действующих в Церкви, вливается в нас и освящает. В чем же может выразиться освящение Церкви, которая свята и непорочна? Но ведь и Господне Имя свято и пресвято, однако же, да святится. И Церковь Божия вринута в историю, имеет земные судьбы и эпохи. Она основана в раю, до грехопадения, она жила в Ветхом Завете, она основана в водах крещения Нового Завета. Она знала многие времена: первохристианство, мученичество, подвижничество, соборное творчество. Ее земные судьбы прикровенно совершаются в Апокалипсисе. И ныне

совершаются судьбы Церкви в нас и через нас и сверх нас, в небе и на земле. В небе идет борьба Михаила и воинств небесных с драконом и его воинством, а в это время на земле свирепствует безбожие. Назревает полнота и близится час славы Церкви, явление ее силы на земле. И молимся о сем: да святится Церковь Твоя.

Имя Божие есть благословение Божие, им запечатлевается все святое: молясь о нем, молимся об искоренении всего нечистого, безбожного, скверного, об освящении всей жизни: домов наших, делания нашего, государственности, хозяйства, культуры, да творится все во Имя и славу Божию; да истребятся различия между Церковью и жизнью, то "отделение" Церкви от государства и общества, жизни которого ищет безбожие, — да будет Бог всяческая во всем. Все, что достойно бытия, может быть во Имя Божие, а то, что не может, его не достойно. Душа едина и человек неразделен, хотя и может дышать частью легкого, вместо целого. Дух дышит, где хочет, и не мерою дает Бог Духа.

Итак, первое — следовательно самое важное, настоятельное, неотменное прошение от нас к Богу, Святому и Пресвятому, о святости и освящении, о славе Его, Отца и Сына, о славе Церкви Его, о всеобщем освящении и о нашей святости. Будьте святы ибо Я Свят, гремит глагол Господень, и как ни извиваемся, не можем его не слышать и не понимать. Будьте совершенны как Отец ваш небесный, так глаголет Сын. Содрогаются сердце наше, чувствуя себя пред Страшным Судом этого зова, но и радостно трепещет, отдается детски молитве Господней. Он, Сердцеведец, знал создание Свое, ведал, кому говорил, и Он не пустословец, не давал пустых и неисполнимых заповедей. Он зрит и ваши и наши сердца, зрит их мрак, холод и пустоту, но и зрит веру нашу и надежду, и любовь, и наше желание стать к Нему ближе хотя на волос, подняться над собой хотя на песчинку. И Он подает нам бодрящую руку помощи, научив нас дерзновенно молиться: да святится и в нас, нами и чрез нас Имя Твое, да святится имя христианина.

4-я беседа о Молитве Господней (28 ноября 1921 г.)

Второе прошение: да придет Царствие Твое. Что такое Царствие Божие? Наиболее употребительное выражение: самое Евангелие есть Евангелие Царствия: проповедь Иоанна и Спасителя открывается призывом: покайтесь, приблизилось Царствие Божие (Мф. 3, 2). Проповедь блаженств есть проповедь Царствия Божия: блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Божие (Мф. 5, 3; Лк. 6, 20). Господь говорит, что Он прислан благовествовать Царствие Божие (Лк. 4, 43) и на то же посылает апостолов (Лк. 9, 60). Тайны Царствия Божия разъясняет Он прикровенно, притчами, и прямо, по воскресении в течение 40 дней являясь, Он разъясняет тайны Царствия Божия — и Царствие Божие повелел Он искать прежде всего, и все прочее приложится (Мф. 6, 33). Путь к Царствию Божию указывает Он в покаянии и в усилении: "Царствие Божие нудится и нуждицы восхищают е" (Мф. 11, 12). Царствие Божие есть цель миротворения и конец всего, и само оно не имеет конца (Символ веры). На Страшном Суде скажет Господь благословенным Отца Своего: приидите в уготованное вам царство от создания мира (Мф. 25, 4), как сказал благоразумному разбойнику, просившему Его: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое (Лк. 23, 42), причем никто из "невозрожденных водою и Духом Святым не войдет в Царствие Божие" (Ио. 3, 5), как не имеет там наследия "блудник, нечестивый и любостяжатель" (Еф. 5, 5). Господь в притчах так уподоблял Царствие Божие: Царствие Небесное подобно человеку, сеявшему доброе семя на поле, но пришедший враг всеял плевелы, но при жатве будет разделение (Мф. 13, 24-30). Царствие Божие подобно зерну горчичному (Мр. 4, 30-32), закваске (Лк. 13, 21), семени, брошенному в землю (Мр. 4, 26-29), сокровищу, скрытому в поле (Мф. 13, 44), купцу, ищущему

жемчужины (Мф. 13, 45-46), неводу (Мф. 47-48). Спрошенный книжником, когда придет Царствие Божие, Господь сказал: "не придет Царствие Божие с соблюдением, ниже рекут: се зде или инде. Се бо Царствие Божие внутри вас есть" (Лк. 27, 20-21), и апостол учит: "несть бо Царствие Божие брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе" (Рим. 14, 17). Но Сын Человеческий явится во славе Своей, как молния от востока до запада. Из сопоставления текстов ясны два смысла Царствия: внутри нас и во всем мире, или царство благодати и царство славы. Царствие Божие внутри нас создается покаянием и благодатию Божией, усвоением жизненного спасения Христова. Сей мир есть область князя мира сего, и в нем мы странники и пришельцы, но если Бог царит в нас, и мы имеем Его в себе, то мир Христов, превосходящий всякую мысль, сходит в душу, и отказываясь от всего и теряя все, мы имеем больше всех, как и свидетельствовал Господь ученикам. Царствие Божие есть Церковь Христова, а Царствие Божие в нас есть мера нашего воцерковления. Но в нас и чрез нас Царствие Божие должно проникать, как закваска, в жизнь. Люди века сего ищут преобразовать общество извне, христиане – изнутри, однако, хотя мир и во зле лежит, и это зло все усиливается, добро должно воинствовать со злом и Царствие Божие строиться в мире.

Еторое значение Царствия Божия – это пришествие во Славе, кончина века, когда Сын передаст Царство Отцу, покорив всех врагов. Время наступления этого знает только Отец, и "не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти" (Д. А. 1, 7), когда будет Бог "всяческая во всех".

Иоанн Богослов говорит еще о 1000-летнем Царстве Христовом и первом воскресении, причем ожившие "будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним 1000 лет" (Апок. 20, 6). Различное понимание этого текста. Осуждение Церковью грубо чувственного понимания, связанного с иудейством, надежды на появление белого луча в истории.

Что же означает здесь молитвенный призыв: да придет. Во-первых, да вступим мы на путь покаяния и стяжания даров духовных; во-вторых, да прославится на земле Церковь Христова, да расширится и воссоединит отпавших и заблудших; в-третьих, да наступит полнота времен, — равносильно молитве: "ей, гряди, Господи Иисусе" — молитве первохристианства, которая уже с половины II века сменилась молитвой *de mora finis*. Под силу ли нам эта молитва о конце мира? И однако требуется от нас и она. Итак, моление о священнии Имени предваряется и восполняется молением о наступлении Царствия Божия, как на небе, так и на земле: на небе Господь царствует всецело в ангелах и блаженных душах. Мы возглашаем: яко Твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно. В небе была попытка нарушить Царствие Божие падением сатаны, но он с клеветами был низвергнут Михаилом и ангелами его после войны (Апок. 12, 7-11): "ныне бысть спасение и сила и царство Бога нашего и область Христа Его, яко низложен бысть клеветник братии нашея, оклеветая их пред Богом нашим день и ночь". И в тот час, когда произойдет великое землетрясение, — пред самым концом мира, "бѣша гласи велицы на небесех глаголюще: бысть царство мира Господа нашего и Христа Его и воцарится во веки веков" (Ап. 11, 15), а во время земного своего служения Господь говорил: "Царство Мое несть от мира сего; аще бы от мира сего бысть царство Мое, слуги Мои убо подвизалися бѣша, да не предан бых был иудеом, ныне же царство Мое несть отсюду" (Ио. 18, 36).

В чем же выразится Царствие Божие в нас в этом мире победной силой? Не внешним преодолением царящего зла, но внутренним его бессилием — побеждающий тело бессилен над духом: победа терпения, страдательная, внутренняя, она станет и победой внешней. Тайнозритель видел Небесный Иерусалим, сходящий на землю: "И ничего уже не будет проклятого, и престол Божий и Агнец будет в нем, и раби Его послужат Ему" (Ап. 22, 3).

Второе прошение молитвы Господней, по свидетельству св. Григория Нисского, в некоторых древних списках Евангелия от Луки, имело важный вариант: "Да придет Дух Твой Святый и да очистит нас", то есть Царство Божие прямо приравнивается пришествию Святого Духа. Посему скрытый и глубочайший смысл этого прошения говорит о третьей Ипостаси, есть молитва о Духе Утешителе, которого посылает Сын от Отца. Таким образом в призывании и первых двух прошениях сокрывается тайна пресвятой Троицы: Отец, открывающийся в Сыне и царствующий в Духе Святом.

5-я беседа о Молитве Господней (9 января 1922 г.)

Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли.

Воля Божия совершается всегда и всюду силою всемогущества Божия. Создание тварей, их сохранение, управление есть дело промысла Божия, общего о мире и человеке и частного о каждом из нас: "Не две ли птицы ценятся за ассарий, и ни одна из них не падает на землю без воли Отца вашего. Ваши же власы на голове все сочтены" (Мт. 10, 29-30). Но Господь, творя мир, дал место человеческой тварной воле и свободе, на которую Он не посягает, и третье прошение говорит о том, чтобы согласовалась наша свободная воля с Божией, чтобы последняя творилась не помимо нас, но нами.

Господь Иисус Христос сам есть руководящий пример: "Снидох с небес, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца" (Ио. 6, 38). "Мое брашно есть да сотворю волю пославшего Мя Отца и совершу дело Его" (Ио. 4, 34). "Послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя" (Фил. 2, 8). "Аще и Сын бѣше, обаче навѣче от сих, яже пострада послушанию" (Евр. 5, 8). Вечное значение Гефсиманской молитвы: "Отче, аще волиши мимонести чашу сию от Мене, обаче же не Моя воля, но Твоя да будет!" (Лк. 22, 42). Судьба наша и

близких, судьба целого общества, народа, мира — несение креста и самоотвержение. *Oboedientia activa* и *passiva*: творение воли Отца и послушание.

”Яко на небеси”. Небо есть мир ангельский, созданный в ”начале”. Ангелы суть духи бесплотные, совершеннейшие душ человеческих, как стоящие ближе к Богу, хотя и ограниченные, как твари, по природе, уму, крепости и могуществу.

Бесконечное число ангелов...

Притча об одной из 100 овец потерянной: Лк. 15,5; Мт. 18,12...

Чины ангельские. Тройственная иерархия: три чина и девять ликов: престолы, херувимы и серафимы, — власти, господства, силы — начала, архангелы и ангелы...

Служение ангелов: славословие, их соучастие в нашем богослужении, орудия промысла Божия над миром... Вестники воли Божией *ἄγγελοι*, хранители стихий, человека...

Участие ангелов в Ветхом Завете (посланники Божии на Синае)...

В Новом Завете: слуги Божии. Хранители целых обществ, церквей и частных лиц.

”Ангели их выну видят лице Отца Моего небесного” (Мт. 18,10).

Падение Люцифера и война в небе (Михаил и воинства низвергли сатану).

Совершенство ангелов, ныне не допускающее падения, и непоправимость падения бесов.

Зло и его происхождение.

Относительность зла для человека вследствие ограниченности человеческого суждения...

Корни зла в духовном мире — падение сатаны, и в природном мире — в падении человека.

Зло и страдание...

Искажение природы...

Где воля Божия?..

Господь направляет ко благу, соблюдая собственную природу мира и человека в неприкосновенности...

"Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли" — может быть по сокровенному смыслу отнесено к Церкви-Софии. Она есть Желанная, Вожденная, Невеста Слова, *Θέλημα*. На земле и на небе есть единство Церкви торжествующей и воинствующей... Церковь прославленная... Церковь предвечна и в месте и во времени. Она едина.

Если призывание и первые два прошения содержат тайну Святой Троицы, то третье — тайну святой Церкви, которую Господь искупил честною своею Кровию. И Гефсиманская молитва была молитвой от лица земной Церкви: Да будет.

Четвертое прошение: Хлеб наш насущный даждь нам днесь.

Первое прошение человека о себе есть молитва о насущном хлебе, каковою освящается труд человека. Бог дает пищу человеку: "Суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, чтобы пресытившись я не отрекся от Тебя и не сказал: кто Господь?; и чтобы обеднев не стал красть и употреблять Имя Бога моего всеу" (Притч. 30, 8-9). "Очи всех на Тебя уповают, и Ты даешь пищу во благовремени, открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению" (Пс. 144, 15-16).

Откуда же нужда? Слово Божие открывает, что земля проклята, и в поте лица дает хлеб. Человек обречен на бедность и труд. Четвертым прошением благословляется труд человека: "Не трудивыйся да не яст". Апостол увещевает делать "дело свое, работать своими собственными руками, как мы заповедали вам" (1 Фес. 4, 11). "Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом, а кто подражает праздным, тот насытится нищетою" (Пр. Сол. 28, 9). Но не надо давать сердца заботе: "Не заботьтесь о душе своей, что вам есть и пить, ни для тела вашего, во что одеться" (Мт. 4, 25). "Не

заботьтесь о завтрашнем дне” (Мт. 6,38). Забота погашает Божие слово в сердце, как терние семя в притче (Мт. 13, 22)...

Искушение в пустыне и ответ Господа: ”Не о хлебе едином живет человек”... — ”Ищите Царствия Божия и правды его и прочее приложится!”... Современные учения о пище...

Чем должен руководиться человек в своем труде? — Потребностью в необходимом: ”Великое приобретение быть благочестивым и довольным. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем” (1 Тим. 6,6-8).

Сребролюбие есть корень зла и бед...

Что значит: ”Не заботьтесь о завтрашнем дне”?..

Что разумеется под хлебом насущным? — Все, необходимое для жизни, то есть пища, кров, одежда, здоровье... Далее и хлеб духовный, о голоде, о котором говорит прор. Амос: ”Дам вам не глад хлеба, ниже жажду воды, но глад слышания Слова Божия” (Ам. 8, 11).

Пища есть Слово Божие (”Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение” (1 Петр. 2,2), благодать Святого Духа (”Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет!.. сие же рече о Дусе Святе” — Ио. 7,37-39), главное же святое причащение, хлеб жизни, ”Плоть Моя истинно есть брашна и Кровь Моя воистину есть пиво” (Ио. 17,55). ”Аз есмь хлеб животный” (Ио. 6,53). ”Не лишай себя чаши”...

О частом причащении...

”Хлеб наш насущный. Мы не можем обращаться к Отцу нашему с просьбой о хлебе ”моем”! В этом призыв к взаимопомощи, то, о чем спросится на Страшном Суде.

”Насущный” — *ἐπιούσιον* — сегодняшний или насущный...

”Днесь” — сегодня, по толкованию св.Максима Исповедника, сей век.

”Итак, ядите ли или что пьете, все делайте во славу Божию” (1 Кор. 10,31). ”Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом” (Фил. 6,6).

6-я беседа
(23 января 1922 г.)

Пятое прошение: и остави нам долги наша...

После испрошения благ просим об удалении зла. И первое прошение о прощении грехов наших. У св. Матфея 6, 12: "Остави нам долги наша". У св. Луки 11, 4: "остави нам грехи наша". Мы бесконечно должны пред Богом за все и можем заплатить лишь ответной любовью и исполнением воли Божьей. Но в действительности мы, после первородного греха, неоплатные должники греховности всего своего естества. Прежде всего, мы должны сознать нашу немощь...

(Прав. 129 Карфагенского Собора о смысле слов: "остави нам")...

Еретики и сектанты: ..."Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды. Если мы говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас" (1 Ио. 1, 8-10).

Как мы идем на исповедь, так должны быть и на молитве пред всеведущим, праведным Богом, всякая молитва должна быть молитва мытарева. Надо увидеть себя и узнать, ужаснуться себя и возненавидеть свой грех, но и признать неоплатность долга и немощь естества.

Но тогда какой же исход, кроме отчаяния?! Естественный человек и колеблется между равнодушием, сном души и отчаянием. Но Господь приводит его к своему кресту и научает молить Отца: "Оставь долг!", "не вмени греха!" Просим о несправедливости. Но любовь Божия выше человеческой меры: "Всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать".

Пятое прошение молитвы Господней говорит о тайне искушения, о тайне Голгофской жертвы, которую уплачены все долги человеческие, принесена бесценная жертва, и мы

зовемся только приобщаться к ее силе. Господь, сам не ведый греха, дает эту молитву как Первосвященник, ”и приносяй и приносимый”.

Можно ли простить грех, сделать его не-грехом? Нельзя. Но можно сделать его несуществующим, изгладить его, проведя его носителя чрез смерть и воскресение — крещение и покаяние. Грехи наши Господь делает как бы своею виною, как Творец, и приемлет на себя их тяжесть и их оплачивает. Божественная правда, не знающая примирения с грехом, удовлетворяется, а на человека возлагается лишь то, что он может понести — покаяние. Человек не может спастись от греха своими силами (”Бедный я человек, и кто избавит меня от сего тела смерти”), но он должен спастись от грехов покаянием.

Пятое прошение есть зов к покаянию, молитва о нем... о спасении — к Спасителю. Она свидетельствует, что спасение есть, если принесем покаяние. Но она же указывает и на природу покаяния: условием его является прощение ближним. Господь много и настойчиво говорит об этом: Мт. 6, 14-15...

Притча о жестоком управителе: Мт. 18, 23-25...

Почему прощение ближнего связано с покаянием? Потому что непрощение свидетельствует об отсутствии истинного покаяния: оно видит себя в самом печальном освещении, и видя свою вину пред Богом и всеми, зовет к милосердию. Господь жалел грешников и никого не презирал и не отталкивал. Непримируемость ко греху и прощение грешнику. Высота заповеди прощения — богоуподобление: ”Отче, прости им, не ведят бо, что творят”. ”Будьте милосердны, ибо Отец ваш небесный милосерд”. Мы не всемогущи и не можем помочь ближнему, но мы владем сердцем, и никто без нас и за нас не может примириться и простить. И это прощение говорит о долгах наших. Почему? Здесь-то и уместно было бы говорить о долгах моих? Но, как и ранее, Господь научает нас молиться и о других, оказывать им молитвенную любовь и

помощь. Мы молимся друг о друге, о близких, обо всех живых, любящих и ненавидящих нас, молимся и об усопших, не могущих нам ответить, мы как бы соучаствуем в уплате их долгов. И вместе мы исповедуем связанность всех во грехе (всеобщую "карму").

Все за всех и во всем виноваты...

Возгорение сердца о близких и о всем творении и слезы о твари у подвижников, смягчение сердец... Да будет это главная и общая молитва русского народа!

7-я беседа

Не введи нас во искушение. Это прошение не означает просьбу об освобождении от испытания: "Иже не искуситесь, мало весте" (Сир. 34,10). "Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различни" (Иак. 1,2), "ведяще, яко искушение вашей веры соделывает терпение, терпение же дело совершенно да имать" (Иак. 1,3). "Искушает вас Бог, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душою вашею" (Втор. 13,13). Искушение-испытание, которое может оказаться и гибельным...

Искушение праведного Иова...

Искушение Христа Спасителя в пустыне и в Гефсиманском саду...

"Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его" (Иак. 1,12). "В искушении пусть никто не говорит: меня искушает Бог. Ибо Бог недоступен искушению злом и Сам не искушает никого. Но каждый подвергается искушению, увлекаемый и обольщаемый собственной похотью" (Иак. 1,13-14).

Примеры двух апостолов: Иуды и Петра, в искушении предательства и отречения. В первого вошел сатана, относительно второго Господь сказал: "Симон, Симон, вот, сатана

добился того, чтобы просеять вас, как пшеницу: но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих” (Лк. 22, 31-32). Бог не искушает, мы сами подвергаемся искушению. ”Поэтому кто думает, что он стоит, пусть смотрит, чтобы не упасть. Испытание вас постигло не иное, как человеческое: и верен Бог, который не попустит, чтобы вы были искушены сверх сил, но в самом искушении даст и выход так, чтобы вы могли вынести” (1 Кор. 10, 12-13). ”Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение”. Испытания попускаются для испытания нашей веры: ”Об этом ликуйте, немного теперь поскорбев, если нужно, в различных искушениях, чтобы испытание веры вашей, которое драгоценнее золота гибнущего, хотя огнем испытываемого, было к похвале и славе и чести в откровении Иисуса Христа” (1 Петр. 1, 6-7). ”Якоже искушается в печи серебро и золото, тако избранная сердца у Господа” (Притч. 17, 3).

Испытания попускаются для испытания нашей любви (Втор. 13, 3) ... нашего повиновения (Втор. 8, 2) ... нестяжательности (Иов. 1, 9-12). Откуда происходит искушение? – От похоти плоти: ”Ибо плоть желает противного Духу, а Дух – противного плоти; они друг другу противятся, чтобы вы делали не то, что хотели бы” (Гал. 5, 17). ”Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; ибо желать я могу, но совершать добро – нет. Ибо я творю не то доброе, которое хочу, но злое, которого не хочу, это делаю” (Рим. 7, 18-19)...

Повреждение плоти первородным грехом...

Слабость плоти и удобосклонность греху...

Испытания молодости и старости, здоровья и болезни, избытков и недостатков...

Правила – костыли для души... Аскетика тела. Посты... Молитва...

Далее... Испытание приходит от мира: ”Не любите мира, ни того, что в мире”. Мир – это страсти наши, предстоящие

пред нами как внешняя организованная сила. Всякое делание может быть хождением пред Богом, а может стать и искушением.

Главное — гордость и тщеславие, суетность и рассеянность, страх и уныние. Исторические и личные испытания: потери близких и имущества, здоровья и самой жизни.

Искушения проистекают от дьявола, который как лев рыкающий, ищет нас поглотить. Его роль раскрывает Слово Божие. Действие его явно — на подвижников и святых и скрыто (современное отрицание дьявола и нечувствие).

Искушение тайноведения — спиритизма и под., в котором человек напрашивается на искушение.

Искушения продолжаются в течение всей жизни человека, ибо всю жизнь он растет и меняется.

Средства борьбы: а) — пост духовный и молитва; б) — терпение: "Претерпевый же до конца, той спасен будет!" (Мт. 10, 22); в) — воспоминание о смерти и вечных муках. "Бодруйте и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение!" (Мт. 26, 41). Надо следить за собой и быть внимательным к своей жизни и надеяться на помощь Божию.

БЕСЕДЫ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

1. Где же Бог?

Где же Бог? Так вопрошает себя ныне человеческий разум и совесть перед лицом совершающегося в мире. Если Бог есть, то как Им попускается это? Если Он любовь, то как же Он не сжалится над родом человеческим? Если Он всемогущ, то почему Он этого не упраздняет властью Своей? Если премудр, то почему не укажет исхода из того тупика, в который забрело человечество? Мы остаемся одиноки в ужасе жизни без Бога. И нет ответа на наши вопросы безответные, как будто и Его нет или же нечего на них и Ему ответить. Если же Он есть, то остается, подобно Иову, состязаться с Богом о мире Его, который как будто является страшной ошибкой Творца, или же такое его состояние свидетельствует и об Его бессилии. Так мы совопросничаем злорадно и безнадежно, в сознании какого-то своего на то права и своей правоты. Однако же спросим себя, почему мы только теперь, перед лицом всех этих ужасов войны и всей лжи в мире, забеспокоились о бытии Божьем, так что стали о нем вопрошать? Почему мы оставались равнодушны к Нему, пока жизнь наша катилась по ровной дорожке, без опасных толчков и ухабов? Были ли тогда мы столь близки к Богу, что не могли и родиться в нас нынешние недоуменные вопрошания, и все казалось понятнее в мире, нежели теперь. Или, напротив, тогда-то мы по-настоящему забывали о Боге, просто не думали о своем к Нему

отношении, пребывали в беззаботном и несознательном безбожии. Да, именно так это и было для многих из нас, — если только не для всех, по крайней мере, в известные времена жизни. А потому не стали ли мы именно теперь, больше по крайней мере, думать, вспоминать о Нем? Перед нами властно встали эти вопросы о мире, о нашей жизни, о добре и зле, обо всем, о чем мятется ныне душа наша, мучается и изнемогает. В уши наши как будто ворвался звон с высоты. Мы мечемся, внемля этому звону, еще не понимая, куда и к чему он зовет, о чем говорит. Однако все же уже ищем понять этот зов. Но где же нам искать ответа, как не у Учителя, который Сам есть Путь, Истина и Жизнь, в словах Своих и делах: как же Он Сам в Своей земной жизни изживал страшное в мире, подобное чему и мы теперь изживаем? Его жизнь была исполнена богообщения и молитвы к Отцу, Он искал лишь творить Его волю, быть с Ним воедино. Перед Его боговедением бессильна была злоба душезлобного мира. Однако и в Его жизни наступило время, когда Он молчал, не отвечая на предъявляемые Ему вопросы, даже к удивлению вопрошающих (Мт. 26, 63; 27, 14). А после сего молчания возопил велиим гласом, умирая на кресте: "Или, Или! Лама савахфани!" — "Боже Мой, Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил!" и с этим воплем испустил дух (Мт. 27, 46-50). И ему дано было, вместе с приближением смерти, испытать безответность, молчание неба. И для Него жизнь предстала в богооставленности своей, в которой возможны явились смерть и положение во гроб. Однако, на этом не останавливаясь, учит нас далее наша вера: смертью поправил Он смерть, чтобы воскреснув вознестись на небо.

Однако, так ли это? О каком же оставлении Им нашего мира можно думать, когда Он Сам, уходя от нас, нас уверил: "Вот Я с вами во все дни до скончания века!" (Мт. 28, 20). Значит, Он с нами во всем и всегда (кроме грехов и преступлений наших), с нами и теперь, и в этом братоубийственном человеческом безумии. С нами и о нас страждет, но

с нами и о нас молится Отцу. Нет, мы не оставлены Им, не одиноки на земле. Земное Он навеки воссоединил с небесным. Он пребывает на престоле славы, не оставляя и нашей юдоли смерти. Если же это так, тогда ничего уже не страшно последним страхом, ничего не скорбно скорбью безутешной. Он знал о них, потому что Сам сказал, уходя от нас: "Да не смущается сердце ваше и не устрашается, веруйте в Бога и в Меня веруйте... Я иду приготовить место вам и, когда приготовлю место, опять приду и возьму вас к Себе" (Ио. 14, 1-3). Придет, чтобы взять нас. И не только в грядущем придет, но и здесь не оставляет: всегда, ныне и присно и во веки веков.

Но это значит, что так и может быть почувствована и опознана наша встреча с Ним уже здесь и теперь. Она и совершается подвигом веры нашей, нашим к Нему устремлением. Он отвечает на него пришествием Своим. Для сего повелел Он творить Его "Воспоминание" в божественной Евхаристии. В ней приходит к нам Христос, и мы к Нему. Она и есть обетованная встреча и Его пребывание с нами.

Но для этого нам прежде всего надо жизненно понять и усвоить, что содержит божественная Евхаристия, что значит она, мимо чего в неведении и в непостижении мы рассеянно мимоходим. Чем именно является, вернее, чем должна для нас являться божественная Евхаристия, как наша молитва и богослужение, как наша жизнь во Христе и со Христом. Об этом должны мы спросить себя, чтобы внять зову и обетованию Христа, данному Им через учеников Своих Церкви. Аминь.

2. Всегда с вами есмь

Когда Христос был на земле, Он ходил по стране Иудейской, "уча в синагогах и проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях... и следовало за Ним множество народа" (Мт. 14, 23-25). В эти

блаженные дни жизни мира всякий, кто хотел, мог Его видеть и слышать. Об этом и Сам Господь говорил ученикам: "Ваши же блаженны очи, что видят, и уши, что слышат. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели и слышать, что вы слышите, и не слышали" (Мт. 13,16-17; Лк. 10,23-24). Не вспоминают ли о том невольно и многие из нас в эти дни мировой скорби: "О, если бы и мы могли Его видеть, и знали, где Его встретить! С какой радостью и упованием присоединились бы и мы ко всем за Ним следующим!"...

Однако, этими словами Господь не хотел умалить пророков и праведников, но, напротив, их возвеличить. Они, и не видевши, и не слышавши Его на земле, зрят ныне в небесах, Кого предзрели в дни жизни своей, уча о Нем и пророчествуя еще прежде Его пришествия в мир. Но подобно им и мы также не лишены Его близости и после Его отшествия от мира. Ибо, отходя, Он Сам это подтвердил: "Вот Я с вами во все дни до скончания века", а если всегда, то значит и теперь. Как можем мы ощутить Его присутствие, где Его искать? Его нельзя уже познать внешними чувствами. Конечно. Но по воле Своей Господь может и теперь явиться, подобно как Савлу, который услышал голос с неба: "Савле, Савле, что ты гонишь Меня!" (Деян. 9,4). Будем чаять, что некогда услышат Его и другие Савлы, ныне Его гонящие. Однако не исключительно к явлению суда и гнева относится обетование о радостном с Ним общении.

Где же Его искать? Не в храме ли? Даже в ветхозаветном храме, который при освящении его наполнила во облаке Слава Божия (3 Ц. 8,10), там молился Соломон: "Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: "Мое Имя будет там" (3 Ц. 8,29). "И Господь сказал ему: "Я услышал молитву твою и прошение твое. Я освятит храм сей, чтобы пребывать Имени Моему там вовек, и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни" (3 Ц. 9,3-4). Но то, что сказано о храме ветхозаветном,

имеет еще большую силу в отношении к новозаветному. И не только во храме рукотворном, но и во храме сердца нашего совершается наша молитвенная встреча с Богом силой Имени Божия, сладчайшего Имени Иисусова. По свидетельству делателей молитвы Иисусовой, Христос посещает сердце наше, и Имя Его есть как бы место Его духовного присутствия.

Но Он нам обетовал даже и большее, — прямое Свое присутствие, пребывание в мире через "воспоминание", не умственное только или душевное, но жизненное, исполненное силы действительности. Именно таково и есть Его пребывание во Святых Тайнах. Перед Чашей Христовой исповедуют веру к ней приступающие: "Яко воистину еси Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир"... Пусть наше сердце и разум вместят всю силу этого исповедания и правду его. Разве не имеем мы здесь исполнение нашего сокровенного и пламенного желания, — встречи со Христом и соединения с Ним? Правда, эта встреча есть не явная, но таинственная, доступная лишь очам веры. Однако ее действительность является не меньшею, нежели пребывание Христа на земле, до воскресения и после него.

Таинство Евхаристии в том, что хлеб и вино здесь силою преложения суть Тело и Кровь Христовы, в них пребывает Христос в полноте Своего боговоплощения и вочеловечения. Это чудо любви Божьей совершается на божественной литургии, которая через это и становится местом пребывания Христа на земле. И перед Чашей не соединяемся ли мы во Христе? О первохристианской Церкви, образ которой является руководящим, так говорится: "Они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и молитвах" (Деян. 2, 42). Об их единомыслии и взаимной любви даже сказано: "У множества уверовавших было одно сердце и одна душа" (Деян. 4, 32), и: "Из посторонних никто даже не смел пристать к ним" (Деян. 5, 13). И наше общение в Евхаристии должно также иметь последствием

внутреннее сближение, в котором преодолевается взаимная отчужденность. Если нами утеряно чувство такого единения, то к нему все-таки ведет нас литургийное общение. Сердце наше невольно расширяется через участие в жертвоприношении "о всех и за вся", как в широте его беспредельной, так и в определенном устремлении, в памяти любящего сердца о живых и отшедших. Отблеск радости такого единства подается и нам во дни общего причащения, в недели великого поста, в Великий Четверток, в день самого установления Христом святейшего таинства. Эти чувства должны в нас воспитываться непрестанно, возрастая вместе с разумением всей силы великого таинства. Аминь.

3. "Мир вам!"

Тьма сгущается над миром, и на сердце ложится черная тоска. Таков вопль беззвучный, который стелется над землей, такова слезная жалоба, плач человека о самом себе перед лицом происходящих бедствий. И кажется ему, что совершающееся в судьбах мира происходит неожиданно, по чьей-то ошибке и злобе. Пусть это в частных случаях будет даже и так, но не забывается ли общее предварение Христово, обращенное, без обозначения времени, ко всем, по крайней мере указующее такую возможность. Господь так говорил ученикам на горе Елеонской о "кончине века", иначе сказать, о всех временах человеческой жизни без ограничения, до самого ее окончания: "Услышите о войнах и военных слухах, смотрите не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть" (Мт. 24, 6). "И это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все это начало болезней" (Мт. 24, 6-8). Главным же бедствием будет оскудение любви в людях: "и возненавидят друг друга... и по причине умножения беззакония охладает любовь" (Мт. 24, 10-11).

Что значит это "надлежит сему быть"? Надлежит быть тому, от чего стынет сердце и опустошается душа? О какой неотвратимости всего этого, как бы предустановленности его говорит Господь? Но на это Сам Он не дал ответа, оставляя его на наше уразумение. Только одно лишь прибавил: "Претерпевший же до конца спасется" (Мт. 24, 13), "и тогда придет конец" (Мт. 24, 14), конец, как некая полнота земного свершения, после которой "будет Пришествие Сына Человеческого" (Мт. 24, 27).

Этим Господь заранее отвечает и на жалобы, и изнеможение. Он призывает к мужеству терпения. Какого же терпения хочет от нас Господь? Есть ли оно рабское, бессильное оцепенение в испуге и унынии, безнадежности и отчаянии пред тем и от того, от чего по-человечески может быть нельзя и не отчаиваться? Или же оно есть нечто совсем иное, есть приятие судьбины Божьей во Христе и со Христом, Который ее прорекал и Сам именно так ее принимал от Отца Своего: "Если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем, не как Я хочу, но как Ты!" (Мт. 26, 39)? И трижды повторил Он Сам эту молитву о терпении в борении гефсиманском. Он подъял тогда бремя скорби всего мира в человечестве Своем, Он принял ее за все времена и народы, судьбы которых прорекал на горе Елеонской, и в человечестве Своем с нами ее разделяет. Ибо это именно и значило Его прорицание. Он не прорицал бы, если бы Сам не изведal, не принял, не сделал Своим всякое человеческое страдание, чрез Свое сострадание с ним. Но как мы можем приблизить к себе Его сострадание, Его близость, Его любовь, Его спасительную помощь? Но Он Сам же и указал к этому путь: "Сие творите в Мое воспоминание", в котором Он пребудет с нами во все дни до скончания века. Это же "воспоминание" есть Его собственное присутствие во святых Его Дарах, в божественной Евхаристии. Мы должны знать, что мы приближаемся через нее к Самому со-страждущему с нами Христу. Мы не оставлены Им в Его вознесении на небо, Он пребывает с нами

со-человечным, как и был на земле. Его гефсиманская скорбь и спасительная страсть как бы продолжают в мире, и, Седящий одесную Отца, Он с нами, – Богочеловек, но и со-человек с человеками.

Мы приближаемся к Нему, подобно тому, как приближались тогда толпы народные, теснившиеся около Него, каждый со своею мукой, со своим искушением и немощью. Он знает всякого, кто к Нему прикасается, как почувствовал Он жену кровоточивую, прикоснувшуюся к Нему и в этом прикосновении прившую силу и исцеление. Но оно не должно оставаться как бы случайным и только телесным касанием теснящейся толпы, но вольным движением веры и упования, нашим внутренним устремлением ко Христу. Мы должны искать встречи со Христом, ее жаждать. И если мы остаемся холодны и безразличны во дни благополучия, то сердца наши открываются страданием и согреваются со-страданием со Христом. Господь слышит вопль нашего сердца, а мы можем слышать это Его слышание, даже во всякой молитве через призывание Его Имени, нарочито же в таинстве Тела и Крови, спасительного Его воплощения. Он даровал нам эту встречу, как дар "вспоминания", не только чрез причащение святых Его Таин, но и в духовном приобщении, молитвенном предстоянии на божественной литургии.

Да будут же наши мысли и скорби, недоумения и вопрошания, сомнения и изнеможения к Нему обращаемы, и буря нашего сердца, страх и смятение утишатся таинственным, неизреченным чувством Его близости, которая станет тем ощутительнее, чем настойчивей наше моление: "Господи, спаси нас, погибаем! И говорит им: Что вы так боязливы, маловерные?!" (Мт. 8, 25-26).

Одною и тою же в вечной неизменности своей остается божественная литургия, меняются лишь человеческие волны, к ней притекающие. Но да будет ведомо, где искать божественного укрепления, мира и утешения, и как его

искать: иступлением веры, воплем любви, усилием упования, молитвенным созерцанием Тайн Христовых.

"И пришед Иисус, стал посреди и говорит им: Мир вам. Сказав это, Он показал им руки и ребра Свои" (Ио. 20, 19-20). Аминь.

4. Да будет воля Твоя

Всякому человеку суждено переживать испытания, "удары судьбы": несправедливость и жестокость человеческую, разлуку и скорбь, утраты и болезни, и всякие иные горести. И он легко склоняется к тому, чтобы считать себя онеоправданным и обиженным, как жертва жестокого и непонятного жребия. Такое чувство несет он в сердце и им отравляется. Действительно, не легко принять то, что является для нас непонятным и страшным. Не вопиял ли к Нему сам праведный Иов: "Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне" (Иов. 2, 25), и "проклинал он день свой" (Иов. 3, 1), хотя и сам только что говорил жене своей: "неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?" (Иов. 2, 10). Так тяжек был его удел, хотя и ублажает его апостол за долготерпение: "Вы слышали о терпении Иова" (Иак. 5, 11). Но и Сам Христос, восприяв полноту человеческого естества, познал до глубины и всю тягостность его испытания. И о Нем сказано, что "во дни плоти Своей Он с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти" (Евр. 5, 7), "и был пот Его, как капли крови, падающие на землю" (Лк. 22, 44), так что явился Ему ангел с небес и укреплял Его, и находясь в борении, прилежнее молился".

О чем же было борение и эта молитва? Она была такова: "Отче, о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!" И учеников своих звал Он к той же

молитве: "Встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение" (Лк. 22, 46), ибо "дух бодр, плоть же немощна" (Мр. 14, 38).

Даже для Богочеловека неминуемый удел являлся таким, которому противилось святейшее человеческое естество. Однако и Сына Своего не освободил от сего удела Отец Всеблагий. Лишь пройдя борение гефсиманское, дано было Ему превозмочь "немощную плоть" и в полноте любви и покорности трижды реши: "Если не может миновать Меня чаша сия, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя!" (Мт. 26, 42).

В Богочеловеке согласно соединились две воли, божеская и человеческая, нераздельно и неслиянно. Решения воли божеской не нужно было домогаться особым усилием, то была Его собственная сыновняя воля. Но ей предстояло до конца склонить к согласию с собой волю человеческую, которую, "Себя умалив", вместе с плотию, принял в Себя Сын Человеческий. Но ей Он не противился божественным Своим всемогуществом. Последнее молчало, оставляя полную свободу самоопределения воле человеческой, доколе эта последняя сама не подклонила себя воле божественной, которая есть и Отчая воля: "Я ищу воли пославшего Меня Отца" (Ио. 5, 30).

Вместе с Сыном Человеческим, для каждого человека существует та же борьба и выбор, неизбежный и спасительный: принять или же не покориться судьбе своей, в которой выражается о нас воля Отчая. Такое решение не часто совершается в краткое мгновение, но может простираться на долгие годы, иногда на всю жизнь. Решение Христа в Гефсиманском борении ожидалось Творцом и творением, небом и землей, ангельским собором и человеческим родом. Однако, когда оно за всех было принято, навсегда нерушимое, теперь от каждого из нас оно так не ожидается. Но оно ждется от нас уже Самим Христом, за Себя и за всех единожды ответившим: "Да будет воля Твоя!"... Теперь Он Сам склоняется Своим человечеством к нашему изнеможению, Он хочет, чтобы Его ответ сделался и нашим, Он со-страждет с нами во тьме нашей Гефсиманской

ночи, ожидая от нас труднейшей победы — над собой самими. "Как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь" (Евр. 2, 18). Он протягивает утопающему спасающую руку, которая им и должна быть принята. Но как? Как можем мы действительно призвать Христа, чтобы соединиться с Ним, познать Его спасающую силу? Конечно, это происходит во всяком сердечном Его призывании, однако с исключительной силой и действительностью в спасительном "вспоминании" Его вочеловечения, в таинстве Тела и Крови, в божественной литургии, в котором Он жертвоприносится "О всех и за вся". В эту ее вселенскость вмещаются наши беды и горести, борьба и изнеможение, но и вместе с победой над нашей немощью.

Господь становится близок нам в причащении не только устами, но и духовном. Он ныне и присно, как бы сходя с небеси, в земном пребывании с нами со-страждет, не гнушается нашей малостью. И мы с верою и дерзновением должны ответно припадать к Нему со скорбями и недоумениями, сомнениями и малодушием. Незримо, неведомыми путями Он приближается к нам, посещает нашу душу, целит ее, воскрешает, дарует ей мир и небесную радость, как капли росы ее освежающую. В нас появляются новые силы жизни, новая воля к несению своего креста за Ним и вместе с Ним. Посему, христиане, несите ко Христу, присутствующему во святых Своих Тайнах, и ко кресту Его свои собственные кресты, ищите благодатного от Него осенения и помощи в молитве, наипаче же в божественной литургии, в которой "смерть Господня возвещается, дондеже приидет" Христос, жизнь наша и радость. Аминь.

5. О всех и за вся!

В литургии приносится крестная жертва Христова, "сие творится в Его воспоминание". Это не есть только человеческая память о ней, но она сама, таинственно продолжающаяся через

приношение руками священника, который в нем являет собой самого "Иерея вовек по чину Мельхиседекову", Господа Иисуса Христа. Господь есть "и приносящий и приносимый" (как говорится в тайной молитве на Херувимской).

Любовь Божья к миру и человеку, раскрывшаяся в боговоплощении, продолжает и ныне являть себя миру в этой вселенской жертве, приносимой за всех людей и о всем человеческом бытии, от лица всего творения, принявшим человеческое естество Сыном Божиим. Она одновременно есть жертва любви Его к Отцу в вечной жизни Святой Троицы, как и Сына Человеческого от лица человечества и всей твари. В этом смысле со Христом, в Его Богочеловечестве, и мы ее приносим Богу. Полноту этой истины и должны мы вместить в свое немощное и ограниченное сознание.

Но можем ли мы говорить о вселенской силе этого жертвоприношения, если оно является ограниченным в пространстве и времени, участвующие же в нем члены Церкви составляют лишь малую часть всего человечества? Принадлежит ли Христу вся эта Его другая часть, или же она остается Ему чуждою, неведущею или отрицающею Его? Извне может так и казаться, что это человечество не есть Христово, хочет принадлежать самому себе, а через то отдается во власть "князя мира сего", хотя внутренно и подорванную, но еще продолжающуюся. Однако, вопреки этой мнимой очевидности, человечество в естестве и судьбах своих остается единым. Оно безраздельно воспринято Христом в Его Богочеловечестве. Для нас является еще тайной, сокрытой в запредельности, как и когда раскроется и осуществится это единство рода человеческого, и жертва ныне приносится лишь христианами от лица Церкви. Однако сила и действенность ее распространяется на все человечество, которое предстанет и на Страшном Суде в этом своем многоединстве. И как в первородном грехе Адама все оно соединяется, так и в Боговоплощении подается ему

искушение, хотя и во всем своем многообразии. Таково радостное обетование и упование нашей веры.

Но есть в нем еще и другая светлая сторона. Вместе со Христом и мы в этом жертвоприношении участвуем, с Ним его соприносим, как "мысленную и бескровную службу". И в этом одновременно выражается молитвенно наша любовь и к Богу, и к человеку. Это есть хваление и благодарение Богу, соединяемые со всяким приношением, относящимся к нашей человеческой жизни. Однако, для нас является непосильным моление о мире и о всем человечестве, какова была молитва Христа во тьме Гефсиманского сада. Наше сердце ограничено, как и наше сознание. Оно едва вмещает молитвенную память о тех немногих, которые даны нашей молитвенной любви и попечению. О них мы молимся всякою молитвою и прощением, сознавая всю свою ограниченность, но и всю единственность их значения. Ее приносим самому Христу, предлагающему нам во святых Своих Дарах. И эта молитва — мы опытно это знаем, особым огнем, который принес Христос на землю, зажигает наше сердце. Эта потребность запечатлеть нашу любовь в молитве выражается и внешне в поименном поминовении, как живых, так и умерших, которому дается особое место в чине проскомидии. Таким образом, в трепетной памяти молитвенного сердца связуется в некоторое единство вся наша жизнь во всем многообразии ее нужд и событий. Конечно, при этом нам следует различать, о чем уместно и достойно молиться, да не уподобимся "язычникам, молясь, говорящим лишнее", (Мт. 6, 7), однако своею молитвою мы питаем и любовь свою. Молитесь о близких и дальних, о любящих и враждующих, и через то ткется тайная ткань взаимной любви нашей пред лицом Господним. И эта наша любовь срастворится с любовью к нам Господа нашего, нас ради человек сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Свята. Аминь.

1941 г.

СО СТРАХОМ БОЖИИМ, ВЕРОЮ И ЛЮБОВИЮ ПРИСТУПИТЕ! *

Тот самый голос Божественный, который возвещал устами священника, совершителя таинства: "Примите, ядите и пейте от нея вси", ныне призывает приступить. Господь зовет всех предстоящих, и только сами люди не внимлют этому и, оставаясь неподвижны, находят благословные вины для этого самоотлучения от Чаши. И если не останавливаться на определенных законных исключениях, эта неподвижность призываемых преимущественно находит для себя основание в искреннем сознании своего недостойнства. Такое сознание, естественно, должно звать к покаянному очищению, да не лишимся мы сего величайшего дара любви Божьей, однако лишь при одном условии, если исповеданием греховности, для которого есть врачество в таинстве покаяния, не прикрывает здесь лукавая совесть равнодушие и неподвижность духовную.

Пред нами в страхе и трепете закрывают лики свои многоочитые херувимы и шестикрылатые серафимы, которые, однако, предходят Ему, приходящему заклатися и датися в снедь верным.

И нам ныне Он сам повелевает преодолеть страх своего недостойнства. Приходя к Чаше, молитвенно исповедуем

* Так читается полностью этот возглас по греческому служебнику. В славянском же переводе "любовию", к сожалению, выпало, и самый возглас утратил часть своего содержания и силы.

это недостойнство, сознавая, что не можем его превзойти, а если и мним себя его преодолевшими, то становимся тем более недостойными. И однако, есть путь правого, достойного преодоления немощи нашей, и сам Господь его нам указывает. Ибо зовет нас подвигнуться в вере, страхе Божьем и любви. Божественная Евхаристия, как святейшее таинство, есть, прежде всего, пир веры, которая есть "невидимых извещение" — уверенность в невидимом. Мы присутствуем очами веры в горнице Сионской, вместе со святыми апостолами, в единении со всей Церковью, небесной и земною, сам Христос невидимо предстоит нам и нас приобщает, и хлеб и вино, которые видимы очами телесными, суть Его Тело и Кровь. Немощна наша вера и слепотствуют очи, чтобы видеть, и однако да подвигнемся видеть и слышать Его зовущие и повелевающие слова. С этой мыслью, с этим вдохновением днесь да приступаем, ибо вера есть дыхание Церкви, ее ведение.

Ясновидение веры ставит нас лицом к лицу перед Тем, пред Кем трепещут небесные воинства, и нас также объемлет страх и трепет. Началом премудрости поэтому да будет в нас страх Господень (Пс. 110, 10), в котором предстоим мы пред Господом. И не остановит ли он нас? Дерзнем ли мы приступить? Не звучат ли и для нас слова Исаии: "Горе мне, погиб я... Глаза мои видели Царя, Господа Саваофа!" (Ис. 6, 5), предлежащего нам во святом причащении. Однако, не к одному страху лишь призывает нас в подвиге веры Господь, но еще и к любви. Он зовет приступить с любовью, о коей так свидетельствует нам апостол любви: "В любви нет страха, ибо совершенная любовь изгоняет страх" (1 Ио. 4, 18). В любви он побеждается радостью, потому что в ней есть радость встречи с Любимым, духовно осязая Его близость к нам. Не об этом ли говорит и ветхозаветная Песнь Песней любви: "На ложе моем ночью искала я того, кого любит душа моя, искала его и не нашла его. А когда нашла того, кого любит душа моя, ухватилась

за него и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей, во внутренние комнаты родительницы моей” (П.П. 3, 1, 4).

Божественная Евхаристия да станет для нас этой радостью. Человеку естественно любить радость, искать ее, радоваться ей. Посему – работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом, зрите Его очами Веры!

Аминь.

СЛОВО ОБ УТЕШИТЕЛЕ

Многое должно здесь сказать важное и нужное, забытое и неуведанное. Однако все слова о Духе останутся бедны и мертвы, лишены самого Духа, Его вздыханий неизреченных и глаголов пророчесственных. И взывает тварь, молит Духа: "Прииди и вселися в ны"! Изнемогающе зовет, истаевающе жаждет. Утешитель близ, Он в мире, но не с миром, — в нас, но не с нами... Он неизменно доступен и явно ведом в дыхании своем, в таинственном присутствии своем. Через таинства Церкви дает Он нам живое богообщение. Он хранит ее и руководит ею, Его силою она для нас есть высшая действительность, которая не отнимается и не отнимется от нас, — радость навеки, свет вечности в дольном мире: Дух, сошедший с небес, ниспосланный Сыном от Отца, Отца и Сына являющий. Но с божеским в нас соединено — "нераздельно и неслиянно" — человеческое, которое имеет обожиться, стать богочеловеческим. И как печально и даже страшно оно, это человеческое, как оно чуждается Духа и бежит от Него, боится и не хочет Его: и хранители священного огня, имеющие благочестие храма, но чуждые благочестия творческой жизни, как и вовсе не ведающие святости, озлобленные ее хулители и отрицатели, порой не чуждые благочестия жизни и искания творчества. Надмение и ожесточение фарисейское и саддукейское: бездушные во имя духовности и хула на Духа ради плоти согласно соединяются в угашении духа и унижении пророчества: кустодия, хранящая суетное и

ложное, застой, возводимый в закон жизни, и безрадостный прозаизм, эта проказа лжедуховности, — на одной стороне, и демоническое богоборство с гуманистическим самообожением, животное равнодушие к духовному и погружение в плоть, — на другой. Огненные языки, вспыхивающие во тьме, озлобленно угащаются и бессильно гаснут. Ночь мира зияет мраком пустоты в царстве зверя и лжепророка. Но мир и сам уже содрогается от этой пустоты духовной, — и он жаждет вдохновения, ищет пророчества, откровения богочеловеческого о человеческом, о мире и человеке. Знает и хранит божеское, но не знает и не умеет найти Богочеловеческое. И если Бог не поможет, то и не спасется человек... Но Бог уже спас, ибо пришел в мир и стал человеком... И, вознесшись из мира, послал с небес Духа Святого, даровал Пятидесятницу. Дух Святой пребывает в мире, Он дан нам, и горе нам, если мы не в Духе. Но молим и чаем нового дара всеединой Пятидесятницы, нового ответа на вопросы безответные, нового творчества, нового вдохновения, жизнь преобразующего, зовущего ко встрече Христа грядущего. Не имущие Духа, мы жаждем Его и изнемогаем о Нем. Без Него вся наша историческая эпоха содрогается смертною судорогой. Но, таинственно орошаемые Духом в таинствах, с ними и в них чаем нового таинства жизни, дара пришедшего и с нами пребывающего Утешителя. И в агонии своей мир знает Утешение и чает Утешителя, как Любовь Божию к миру, и — любит Любовь. Он любит Любовь в делах ее, в дарах ее, которые суть дары Духа Святого. И ненасытная любовь наша хочет любить и саму Любовь, — не только силу Ее, но и лик, ипостасный лик, нам неведомый, неявленный, неоткрытый. И любовь наша ищет отражений этого лика, явления его. Она ищет и — находит: в ведомом и неведомом, земном и небесно-прославленном лике Духоносицы, Богоневесты и Богоматери, Девы Марии, препрославленной Царицы Небесной, во

успении мира не оставившей, но (как ипостасная Любовь Божия, Дух Святой) – пребывающей в мире и вместе – над миром. Наши очи слепы, чтоб видеть в небесах эту Славу, и однако чаем ее откровения, ее приближения к миру, ибо во славе грядущий Христос приблизится. Тогда явится полнота богочеловечества: Иисус-Мария, Логос и Дух Святой, открывающие Отца. Эта полнота откровения обетована изнемогающему творению. Высокими умы и очищенным сердцем восстанем завтра с зажженными свечами навстречу ему – Богочеловечеству.

Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны!

Ей, гряди, Господи Иисусе!

И Дух, и Невеста говорят: прииди!

И слышавший да скажет: прииди!

(Откр. 22, 17).

1935 г.

СИЛА ЦЕРКВИ

Господь возвещает в начале своей проповеди (встреча с Предтечей): "Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие" (Мт. 4, 23). Каково же это Евангелие Царства, как оно осуществляется и чего отрицается? Образ этого осуществления раскрывается нам в служении Господа и прежде всего в Его "искушениях" от дьявола, на которые Он нарочно веден был Духом Святым в пустыню. Здесь "князь мира сего" соблазнял Его подменить Царствие Божие царством от мира сего, воспользовавшись средствами последнего: земным богатством, покровительством земной власти и знаменами мнимого величия, — и все они были отвергнуты Господом. Он вышел на свое служение — обнаженный от всяких земных орудий властвования над душами и здешними людьми — с тем, чтобы, воцарившись в мире, сделать его Царством Божиим, и единственным победным орудием Его воцарения явился крест, на котором Он был распят, Он, Царь иудейский. И путь Его Царства в жизни Церкви ознаменован этим несением креста, "иудеям соблазн, эллинам безумие": гонимостью и непрестанным сораспятием Христу, вместе с со-воскресением с Ним.

Жизнь Церкви постигли также "искушения в пустыне". Неотступно стоит пред ней искушитель. На протяжении церковной истории получали силу обольщения и богатством, и покровительством власти, и пленением душ ложными знаменами. Все эти искушения ложились, как

черные тени, во всем многообразии своем, в светоносном храме церковном. Сгущаются они и ныне. Одни искушения уступают место другим. Отнимаются у Церкви земные богатства и покровительство власти, которая в наши дни или прямо и открыто гонит церковь, или же дает ей иудино лобзание мнимого покровительства ради собственных целей.

Церковь стоит перед своими мучителями, совлекшись своих одежд, как Христос, бичуемый перед распятием. Хотя еще и не завершилось до конца это совлечение риз, но уже совершается. И вот иные члены Церкви, в растерянности, испуге, себялюбии, вновь хватаются за эти гнилые орудия земного праха, силясь удержать их от ударов, лобызая их, преклоняясь пред "христианнейшими" правителями. Но тем только совершаются поношения Церкви. Град святых все плотнее окружается ратями воинствующего антихристианства, как будто торжествующего победу и в мысли, и в жизни. Кажется, что Церковь бессильна и безоружна пред врагами, и в опасности находится самое ее существование, — христианство как будто уходит из мира. Маловерный страх и уныние входят в души многих пред лицом современности. И являются два искусительных исхода для этого уныния: один есть широкий путь отречения от Христа, которым и идут многие: "Начал клясться и божиться: не знаю человека, о котором вы говорите" (Мр. 14, 71), — или же, оставив Его, бежать, как было с учениками, в Гефсиманскую ночь, — в царство тьмы в мире. Но наряду с прямым отречением от веры есть и другой способ того же самого: именно утрата веры в ее силу, в победу, победившую мир. Христиане начинают жить в страхе, все их желание ограничивается лишь усилием продержаться до скорого конца мира. Развивается особая упадочная эсхатология отчаяния и испуга перед историей, которая всецело представляется во власти антихриста. Это настроение иногда поражает души даже сильные и пророчесвенные (как, например, Вл. Соловьева

в его предсмертной повести об Антихристе). Эта потеря христианского мужества угрожает историческим бессилием современному христианству, поскольку оно объято этим маловерием.

Но Господь, утаив от людей времена и сроки конца истории, тем самым призвал всех и во все времена к подвигу веры и исторического действия. Никому не дано узнать и не позволено сказать, что внутренне окончена уже история. Напротив, мы видим, что она продолжается, а потому есть еще и историческое будущее, а следовательно, остаются задачи в истории и наш долг в ней.

“Яко орля” обновляется юность Церкви, и новые откровения свои являет она согласно условиям человеческим в богочеловеческих путях. Мы должны верить в силу Церкви и верою принять ее в себе самих, в мире, в истории. Мы должны искать и находить то, что нам надлежит еще совершить в истории. В какой бы час истории, ранний или поздний, ни вступили мы для труда в вертограде Господнем, мы призваны к этому, и никто не властен освободить нас от этого призвания. Ничто не может быть для этого достаточной причиной, и не может быть оправдано малодушное бегство из истории, с оставлением своего творческого поста.

Христианское мужество вселяет в нас то самообладание, которое позволяет нам видеть вещи в их истинном свете. В этом свете мы становимся способны примечать не только гонение на христианство и его ущербы, но и его победы, его расширяющееся влияние, вновь возникающие пред ним задачи. И пред лицом всего этого мы приходим к иному, совершенно противоположному исторической испуганности, заключению: в настоящее время, еще больше чем прежде, в мире раскрывается положительная сила христианства, хотя она все еще не до конца раскрылась. Мы уже становимся способны из настоящего проричать в будущее, из сегодняшнего дня смотреть в завтрашний.

Да, христианство гонимо. Однако, надо всмотреться в этих его гонителей в наши дни. Все ли они суть подлинные враги креста Христова? Таковыми по-настоящему являются представители духовного мещанства, равнодушные ко всяким высшим ценностям, которые живут по страстям и похотям и ищут в жизни лишь умножения возможности служить им. И таковыми же являются те, которые жемчужину Царствия Божия продают ради благ земных, или подменивают ее. Таковы те, которые самую веру рассматривают лишь как средство или для укрепления "тоталитарного", т. е. языческого государства, или для сохранения народности, или даже для поддерживания культуры. Все они остаются бессильны пред искушениями князя мира сего, поработаются им. Но не об этих сынах века сего идет речь, а о тех гонителях христианства, тех Савлах, которые ждут своего прозрения и обращения и к нему способны. Социальное движение нового времени, с его "гуманизмом", обязыченным, но отнюдь не языческим по существу и по происхождению, родилось из духа христианства, воодушевлено заповедью социальной любви, справедливости, человеколюбия. Эта социальная любовь, драгоценное достояние нашего времени, не существовала в древнем мире с его узаконенным рабством и отрицанием равноценности человеческой личности. Проповедь социальной правды, которая ныне раздается в стане языческом, на самом деле принадлежит благовестию христианскому. Конечно, доселе сердца ее служителей остаются ослеплены в своем неверии, они не хотят знать этого благовестия, они служат ему лишь в его практическом применении. Но не являются ли они соблазненными нашими грехами именно против этого благовестия, человеческими изменами истине евангельской, фактическим безбожием под личиной благочестия, что так беспощадно обличается именно в самом св. Евангелии? В их безбожных и антирелигиозных музеях мало ли находится, наряду с безумным восстанием против неба, жестокой и горькой правды об этих изменах христиан христианству?

Может быть, именно они завалили тяжелым камнем пути к вере для душ слабых, но искренних и прямодушных. Не нужно закрывать уши свои словам правды, даже если они свидетельствуются врагами и на языке вражеском. Народы вышли ныне из состояния неподвижности и порабощенности, они ищут путей правды. В этом искании отчасти уже содержится и прощение тех заблуждений, которые постигают их на этом пути. Они и в немотствовании своем обращают к Церкви свои вопрошания. Слышит ли их Церковь? Но она должна их слышать, и она начинает их слышать. Церковь сама вступает в новую, творческую и потому радостную эпоху своей истории. И прежде всего новый дух и новую свободу дает ей ее теперешняя гонимость в мире, которая является для нее гораздо более приличествующим состоянием, нежели покровительство князя мира сего.

Церковь, сознавая свою самобытность, отделяется от сил миродержавных, с которыми слишком долго была связана, она становится подлинно царством не от мира сего. Если сейчас еще более ощущаются ураны и разрывы, утраты и отпадения, нежели духовные завоевания, то надо помнить, что кровь мучеников есть семя Церкви, и Господь силен сердца окаменевшие воззвать к вере, воскресить и облечь плотию и мертвые кости. И это облечение, это пробуждение христианства от вековой неподвижности в преобладающем охранительстве, мы и наблюдаем ныне.

Мы дышим радостью пробуждающейся весны. И прежде всего она выражается в сдвигах религиозной мысли, в христианском сознании: в вероучении, в богословии уже встали те вопросы, которые издавна заданы жизнью, начертаны перстом Провидения на скрижалях истории: вопросы о мире и о человеке, о человеческом творчестве и христианской общественности, о силе Церкви, — все они ищут для себя разрешения в свете догматов христианства. Мы живем в эпоху пробуждающегося догматического напряжения

христианской мысли, которое отличало творческие эпохи церковной истории.

Вопросы властно поднявшиеся из самых глубин христианского сознания и повелительно поставленные жизнью не могут быть ни сняты, ни замолчаны, ни запрещены. Они властно требуют разрешения, согласно вере нашей, по обетованию: "Ищите и обряцете, толцете и отверзется вам". Мы живем в веке надвигающихся догматических бурь. На нас лежит долг сохранить в полноте и неискаженности вверенные нам сокровища веры, мы призваны к тому, чтобы не только не зарыть их в землю, но приумножить, явить как живое и в нас живущее предание.

Из углубленного же догматического сознания изойдут и новые практические зовы и вдохновения. Этим сильна явится Церковь; в свободе своей призовет она чад своих от запада, востока, и севера, и юга.

И еще другой радостный признак обновления церковного мы наблюдаем ныне. Во всем христианском мире с новой силой пробуждается стремление к христианскому воссоединению. Разделение его начинает сознаваться как грех и величайшее бедствие. Болят раны церковного раскола в сердцах наших. Существенно изменяется и сама вероисповедная психология, теряя свою остроту и воинствующую озлобленность по отношению к инакомыслящим. Наша церковная молитва "о соединении всех" начинает все громче звучать в сердце. Конечно, православие для нас есть истина церковная в полноте и чистоте, но мы научаемся лучи этой истины находить и там, где она не содержится в этой полноте и чистоте, и в союзе любви церковной и дружбы церковной стремимся явить ее и приумножить.

Начавшееся в мире "экуменическое движение", соборование "церквей" о Церкви есть великое знамение нашего времени. Участие в этом движении налагает великий долг и ответственность на каждого, кто приобщен ему. Если оно

по грехам нашим останется бесплодным и безуспешным, гнев Божий постигнет рабов ленивых и лукавых. Отнимется от нас светлое видение о вселенской Церкви, которая едиными усты имеет славить Господа и возвещать правду Божию, и черная тень снова опустится на землю. И это же вселенское движение имеет задачей возвестить и социальную правду христианства, вернуть ему то, что ему принадлежит, что у него восхищено. Происходит борьба с духом антихриста, обманно воцарившегося в общественности.

Таково светлое, исполненное обетования призвание Церкви в наши дни — стать "светом в просвещение языков". И если услышано будет нами это призвание, то перед историей откроется новое будущее. Рано возвещать конец всемирной истории и близящееся пришествие... не Христа, а антихриста. Последнее может стать лишь плодом нашего маловерия и малодушия. Но подобно тому, как в жизни каждого из нас должно одинаково найтись место и жизни, и умиранию, и памяти о смертном часе, и творческим замыслам, — так и в мыслях об истории готовность к неведомому концу должна соединяться с сознанием исторического долга, исканием действительного пути навстречу Грядущему. Девы мудрые с пламенеющими светильниками должны встретить Жениха.

"Царствие Божие силою нудится". Оно нудится в каждом из нас силою нашего личного подвига — веры и молитвы, покаяния и вдохновения. Без этого личного движения к Богу не приходит к нам сила Царствия Божия, которое внутри нас есть; сердце наше должно стать престолом Божиим. Но это движение не задерживается в нашей личной жизни (что было бы не-христианским эгоцентризмом), но Царствие Божие, которое внутри нас есть, есть и между нами, среди нас, в нашем человеческом общении, в истории, и здесь оно есть радостное и трагическое движение к новому торжественному входу Господню в Иерусалим, к Его пришествию в мир, в парусии: "Когда же начнет это сбываться, тогда

восклонитесь и поднимите главы ваши, потому что приближается избавление ваше” (Лк. 21, 28).

Такова сила Церкви. Она не наша, но Божия, однако в нас и нами в немощах наших совершается. И нельзя лишь соблазняться одними немощами, надо знать и эту силу. Путь христианина есть несение креста за Христом. Таков же и путь истории. Не о счастье и гармонии на грешной земле говорят христианские упования, но о последнем разделении света и тьмы, о последней борьбе в мире, в пору его ожидания дня своего конца и преображения силою Божьей.

Но это разделение должно до конца исполнить свою меру, и в нем должна осуществиться вся сила Царствия Божия, являемая на земле. Закваска христианства заквашивает тесто истории. И в этом сознании, в этом призвании должны мы найти источник христианской бодрости, надежды, радости, жизни, энергии.

И сказал Петр: ”Вот мы оставили все и последовали за Тобой”. Иисус сказал в ответ: ”Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более... а в веке грядущем — жизни вечной” (Мр. 10, 29, 30).

1937 г.

ХРИСТИАНСТВО – ВЕРА ВО СВЯТУЮ ТРОИЦУ

Мы называем себя христианами, прилагая к себе спасительное имя Иисусово... "И да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа" (Д. А. 2, 38), таков был призыв ап. Петра непосредственно после Пятидесятницы, когда было положено основание Церкви Христовой на земле, и "ученики Христовы стали называться христианами" (Д. А. 11, 26), сначала в Антиохии, а потом и во всем мире. Однако Господь наш, посылая апостолов проповедовать Евангелие всем языкам, повелел им крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мт. 28, 19), и тем установил, что все христиане, ученики Христовы, должны верить во Святую Троицу, и это сразу стало общим исповеданием Церкви. Стало самоочевидно, что нельзя исповедовать веру во Христа как Сына Божия, не веруя во Святую Троицу. Ибо Сын неотделим от Отца, Которого Он показывает, и Христос есть помазанник Духа Святого, Который на Нем почивает. Однако мыслию, одним дыханием в имени Иисусовом именуем мы и всю Святую Троицу. И обратно, кто не верит во Святую Троицу, тот не может быть и христианином в том смысле, который дал этому имени Господь, святые апостолы, первенствующая Церковь. Вот истина, которая нередко затемнена или даже утрачена в современном сознании, и, однако, должна сиять в нем, как солнце в небе.

Но доступна ли для человека эта истина, нужна ли ему она жизненно? Не превышает ли она меру человеческого постижения, поэтому оставаясь для него бесплодной? Вот сомнения, которые нередко слышатся в наши дни и далее ведут к искажению или же отрицанию этой основной истины христианства. На эти сомнения и вопрошания следует ответить самым решительным их отвержением. Мы жизненно ведаем истину о Святой Троице, ибо носим Ее образ в своем

собственном духе, в его жизни и строении. И в меру нашей жизни во Христе открывается она для нас, как самое глубокое и интимное в человеке.

Что же именно может для нас значить учение о Святой Троице, едином Божестве в трех равнобожественных Лицах. Не изнемогает ли при этой мысли наш разум, как от невыносимого противоречия, ибо он знает только три, или только один, а здесь он должен мыслить триединство, это сверх-число Божественное? Не оказывается ли для него поэтому более привлекательной простая и доступная мысль: Бог есть един, как и открывался Он Израилю в Ветхом Завете: "Господь Бог наш един есть" (Втор. 6, 4). Ведь и из своего опыта человек знает только единичную, а не тройственную или множественную личность. Однако задумаемся, так ли это есть на самом деле? Такой ли замкнутой в себе и единичной является и человеческая личность? Когда человек осознает свое *я*, он никогда не знает его единственным и отъединенным, но всегда подразумевает, рядом с собой, другие личности или другие *я*: это — *ты*, *он*, *вы*, *они*, и само оно таинственно сливается с ними в *мы*, срастворяясь и включаясь в некоторое многоединство, хотя и не теряясь в нем. Какую же силою дано нашему *я* жизненно преодолевать и свое одиночество, и свою себялюбивую ограниченность, выходя из самого себя, за свои собственные пределы? Эта сила есть *любовь*. В любви для человека раскрывается полнота его личности, вместе с другими, себялюбивое же самоутверждение есть не торжество личного начала, но его опустошение. Истина о личном начале содержится в словах Христовых: "Кто хочет сберечь душу свою, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее" (Мт. 16, 25).

Но это свойство личного начала в человеке есть лишь свидетельство о его божественном Первообразе, сообразно которому он сотворен, именно о Святой Троице. "Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем" (1 Ио. 4, 16). Можем ли мы Бога-Любовь мыслить как одинокое, в своем себялюбии ограниченное лицо, что является

невыносимым для нас даже в применении к нам самим, или здесь уже наперед представляется самоочевидным, что божественное Лицо не может быть ограниченным в единичности своей. Согласно откровению, Бог есть Святая Троица в Единице или Единица в Троице.

Эта троичность есть триединый вечный акт взаимной божественной любви трех Лиц в едином Боге, есть любовь. Любовь же есть действенное и жертвенное самоотречение для жизни в другом и другим, совершенная радость жертвоприносящей любви.

При этом каждая божественная Ипостась по-своему открывается и живет в других Ипостасях: Отец глаголет Свое божественное слово не Сам, но Сыном, Который, Сам будучи божественным Словом, имеет его не как Свое, но Отчее Слово. И Отец любит Сына, а Сын Отца не Своею любовью, но Духом Святым, Который, Сам будучи Любовью, имеет ее не как Свою, но как Любовь Отца и Сына.

Ограниченная человеческая любовь, хотя и выводит личность из ее ограниченности, однако до конца ее не преодолевает. Божественная же любовь не знает границ, и потому божественные Лица, оставаясь собой, совершенно отождествляются в троичном триединстве. "Я и Отец одно" (Духом Святым), говорит Господь (Ио. 10,30). "Отец во Мне и Я в Нем" (Ио. 10,38) (опять-таки, разумеется — Духом Святым). Никакая человеческая любовь, конечно, никогда не осуществляет той полноты, образ которой имеем мы во Святой Троице. Однако именно такая любовь, в которой каждая личность себя обретает во всех других и все в каждой, есть тот образ многоединства, который предвечно дан нам во Святой Троице, как самая основа жизни нашей.

Но этот образ печатлеется не только в нашей личности, но и в ее жизненном самоопределении, которое совершается одновременно в самоотречении и самоутверждении. Мы тогда себя наиболее осуществляем в своих личных дарах, когда посвящаем себя высшей сверхличной цели, вкладываем свое

дело в общую сокровищницу. Ибо человечество имеет единую судьбу, единое творчество, и на этом основана его историческая преемственность. Без этого отдельные действия отдельных личностей, не связанные между собою, тонули бы в пустоте. Но и это единство жизни целокупного человечества постигается нами также лишь в свете троичного догмата. Бог, сущий в трех Лицах, имеет одну сущность, одну жизнь, одну премудрость, одно Божество. Однако при этом каждое божественное Лицо имеет эту жизнь и эту премудрость соответственно своим личным свойствам. Особые черты, свойственные троичным Ипостасям, не упраздняются, но проявляются в едином самооткровении Божества, Его премудрости. И это же триединство проявляется в действиях Божиих, как Творца, Промыслителя, Искупителя и Спасителя мира. Здесь, в этом триединстве жизни и откровения Божества, печатлеется для нас первообраз и нашего собственного творческого самоопределения.

Итак, мы видим, что истина о Святой Троице есть для нас не далекая и чуждая, но самая близкая и нужная для нашего личного самосознания. Но таковой же она является и для нашего жизненного самоопределения. Как живое личное многоединство, человечество призвано к творчеству, которое осуществляется согласными усилиями отдельных личностей с их особливими дарами и призваниями, и однако все они слагаются в некое целое, причем в нем как бы гаснут, или, вернее, загораются новым светом, эти личные черты. "Вы — тело Христово, а порознь члены" (1 Кор. 12, 27). Члены не тело, но тело состоит из членов, которые являются таковыми лишь в составе тела. Таков путь человеческой жизни и творчества в истории. И этот образ нашего бытия, внешне воспринимаемый нами слепо и бессознательно, вновь просиявает для нас в свете веры образом триипостасного Божества. Нам дано путем жизненного подвига, "деланием заповедей" Христовых постигать этот образ, приближаться к ведению Святой Троицы, по слову Спасителя: "К тому Мы приидем и обитель у него сотворим" (Ио. 14, 23).

Христиане призваны Христом быть обителью Святой Троицы, и Господь послал учеников крестить во имя Святой Троицы все языки. Это значит, что вся полнота человечества с многообразными его дарами предназначена стать этой обителью, явить этот образ.

И личные, и народные дары удостоены этого предназначения, ибо все они имеют быть посвящены одной святыне, отданы одной задаче: все во всем и для всех, ибо в полноту времен "Бог будет все во всех" (1 Кор. 15, 28). Различие личных и народных даров в мире природном разделяет, но в мире духовном взаимно восполняет, как разные члены одного тела.

Такое же значение имеет и духовно-культурное различие между западным, европейско-американским, и восточно-православным миром, коего как бы вестником я к вам прихожу.

Западу дано явить, прежде всего, деятельное христианство, которое здесь, в этой стране, нередко даже понимается как заповедь и вдохновение к social work. Восток же издревле был и отчасти доселе остается более всего созерцательным. Богословие Евангелия от Иоанна, Вселенских Соборов, молитвенные углубления созерцательного подвижничества, — таков его преимущественный удел в истории. Но ничто в ней не имеет права на существование в односторонности и самоутверждении, и, наоборот, все призваны в вертоград Господень со своими нарочитыми талантами.

Ныне приходит время, когда на очередь становится дело вселенского объединения христианства. На брачный путь веры и служения призываются "все языки", которые запечатлены именем Святой Троицы.

Обе сестры, Марфа и Мария, удостоились личной дружбы Господа. Есть в христианстве священническое, пророческое и социальное, "царственное" служение, которые все нужны для Царствия Божия. Мы разные члены, но одного тела. Да будет же наше сегодняшнее молитвенное общение малым образом того великого вселенского единения христианского мира, коего чаем. Аминь.

ДВА ЦАРСТВА

И сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее... Иисус сказал ему в ответ: отойди от меня, сатана.

(Лк. 4, 6-8)

С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: "Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное".

(Мт. 4, 17)

Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу.

(Мт. 22, 21)

С глубоким благоговением должны мы созерцать первое явление Христа миру и внимать первым словам Его благовестия. В нем одинаково важно как то, что в них прямо содержится, но и то, о чем умалчивается, хотя бы это нам, суетным сынам сего мира, и представлялось самым нужным, именно об устройении земной нашей жизни. Господь не отвергал и не осуждал наших забот и трудов в искании насущного хлеба, как и во всем созидании земного града. Сюда относится Его общее руководящее слово: отдавайте кесарево кесарю, — однако лишь в такой мере, в какой это совместимо с служением Богу. Но искать, посвящая все силы души этому исканию, повелевается только Царствия Божия и правды его. К этому одинаково призываются сыны

Царствия Божия сначала Предтечей Христовым, а потом и самим Господом: покайтесь, ибо оно приблизилось! От нас требуется, наряду с изглаждением отдельных грехов, общее исправление пути жизни с непрестанной проверкой себя в свете совести, переоценкой своих дел, мыслей, желаний пред лицом Божиим. Оно требует от нас непрестанного и иногда болезненного усилия, "Царство Божие силою берется", и лишь "употребляющие усилие его восхищаются!" (Мт. 11, 12).

Это касается притом не одних внешних деланий, которые также различны, как и земные служения, но и всего внутреннего человека в сокровенном его самоопределении. От нас требуется все, что мы делаем, посвящать Богу, совершать во Имя Его. К непрестанному рассуждению духовному призывает Господь в Евангелии Царствия.

Знаменательно, что служение Христа на земле начинается Его искушением от сатаны в пустыне. Господь, сама Истина, не противится такому искушению, в нем совершается положительное и притом явное изображение истинного пути жизни, вместе с отвержением ложного. Сатана предлагает Христу земную власть и славу, но при одном лишь условии: "Если Ты поклонись мне, то все будет Твое" (Лк. 4, 7). Но на это искушение дается непоколебимый ответ: "Отойди от Меня, сатана, написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи" (Лк. 4, 3). Решение принято, и притом относительно всего земного пути, — от горы искушения до Голгофы. Но почему же Господь допустил к Себе сатану с его искусительными вопросами и даже на них отвечал? Ради нас смиряется Господь и нашего вразумления хочет. Сатана в безумии своем мнил соблазнить Господа, а Он явил полноту Своего уничтожения до конца, даже до прития человеческого искушения: "Как Он Сам претерпел искушение, быв искушен, то может и искушаемым помочь" (Евр. 2, 18).

Ибо искушение сатаны над родом человеческим продолжается до конца века, хотя оно однажды и навсегда

уже обессилено. Род человеческий искушается и заботой о хлебе насущном, и могуществом над силами природы, и властью земного царства. Эти искушения теряют силу, если человек хранит в сердце своем память о Боге и "прежде всего" ищет воли Его, но они тотчас ее обретают, насколько овладевают сердцем человеческим.

И притом каждому времени свойственны свои особые искушения. Таковым роковым искушением наших дней является соблазн безбожной самоутверждающейся власти, "кесарева" вместо Божьего, опирается ли это самоутверждение на мнимое превосходство крови или общественный строй с неизменным порабощением духовным. И те, кого охватывает жажда власти, ища поклонения себе, искусителю поклоняются, ему служат. Исповедники же Имени Божьего пред лицом искушения — раньше, как и теперь, — неизменно отвечают: "Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи", "кесарю же воздавай кесарево", — не безусловное, но ограниченное, относительное послушание, лишь согласно закону Божию. Так отвечали христианские мученики римскому кесарю, так отвечают они и ныне пред лицом безбожной власти на родине нашей, и так только могут христиане относиться всегда и всюду к таким притязаниям земной власти на полноту и безусловность поклонения ей, в которых повторяются древние обольщения искусителя. Заповедь Божия гласит: Я есть Господь Бог твой, и да не будет у тебя других богов пред лицом Моим, и не делай себе кумира" (Исх. 20, 1-2).

Аминь.

1941 г.

МАРФА И МАРИЯ

(Лк. 10, 38-42; Ио. 11, 1-32)

В наши дни, в связи с бедствиями войны, суждены для многих, в ней прямо не участвующих, более всего для жен и матерей, тяжелые испытания в заботе о хлебе насущном, настойчивой и неумолимой, каждодневной и мелочной. Души изнемогают в сознании своей опустошенности, которую переживают как греховное свое отпадение, но и как богооставленность. Одни в смущении и испуганности еще проверяют свою совесть, но многие другие оцепеневают в состоянии безнадежности. И те, которые еще недавно чувствовали себя в Бога богатеющими, теперь видят себя в нищете духовной. Исполняется на нас слово Откровения: "Ты говоришь: я богат и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг" (Откр. 3, 17).

Что же может ответить совесть пред лицом бедственной многозаботливости своей, вольной и невольной? Будем искать вразумления от Господа, в святом его Евангелии, и оно дастся нам, — если не прямо, то косвенно, — в рассказе о двух сестрах, Марии и Марфе, которая Его "приняла в дом свой" (Лк. 10, 38). Обе они находились в особой дружбе с Господом, ибо сказано о них, что "Иисус любил Марфу и сестру ее" (Ио. 11, 5), как и брата их Лазаря, которого и воскресил из мертвых. Господь не отверг и гостеприимства Марфы, которая стремилась достойно принять Гостя, а потому и заботилась о многом угощении. Столь же

естественно явилось у нее желание привлечь себе на помощь и Марию, которая, вместо того, "села у ног Иисуса и слушала слово Его" (Ио. 11, 39). Марфа дала себе искутиться этим, хотя и естественным и даже праведным, себялюбием сестры своей и обратилась с жалобой к Учителю в надежде найти в Нем поддержку своему, казалось бы справедливому, желанию: "Господи, или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы она мне помогла". Однако Иисус в своем ответе вступился не за Марфу, но за Марию и "сказал ей в ответ: "Марфа, Марфа! Ты заботишься и хлопочешь о многом (угощении), а нужно немного или (даже что-нибудь) одно". Этими словами Господь хотел умерить многозаботливое усердие Марфы и тем ее саму успокоить.* О Марии же Он прибавил, беря ее как бы в свою защиту: "Мария ведь избрала благую часть, которая не отнимется от нее" (Ио. 11, 42). Господь не восхотел лишить Марию блаженного ее удела, который Марфе казался незаслуженным преимуществом. Какова же главная мысль этого краткого ответа?

Прежде всего, он, очевидно, не содержит отвержения или даже только умаления Марфы в ее служении Господу, напротив, Он принял его наряду и с другими Ему служениями, которые вообще были различны и многообразны. Исполнение желания Марфы, по слову Господа, может быть достигнуто и иным путем, именно упрощением ее угощения. Тогда и она сама получит возможность усладиться беседой Учителя, и помощь Марии становится не столь нужной. Последнюю же Господь не восхотел лишить ее преимущества в "избранной ею благой части", не потому, конечно, что только

* В русском и славянском тексте имеется одна неточность, затрудняющая правильное его уразумение, именно, здесь читаем: "Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно". На самом деле не это сказано, а нечто другое.

одна она получила для себя признание и благословение от Господа (как это часто, однако ошибочно, понимается), но по особому, хотя здесь прямо и не указанному, основанию. Ясно лишь, что не по себялюбивому равнодушию к ближнему, в данном случае к сестре своей, — Мария сама "избрала для себя" эту благую часть, — но по нарочитому вдохновению, которому нельзя было противиться. Господь равно благословил, — хотя и на разном основании, — своим посещением обеих сестер. Как дары, так и призвания их различны. Но Господь не умалил ни той, ни другой в любви своей. Это становится особенно ясно из повествования о воскрешении Лазаря, "брата Марфы и Марии", причем, когда Господь приблизился к их селению, то первую Марфа, "услышавши, что идет Иисус, пошла навстречу к Нему, Мария же сидела дома" (Ио. 11, 20).

Заслуживает внимания и то, что обе сестры обращаются к Иисусу с совершенно одинаковым исповеданием своей веры в Него, именно со словами: "Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой".

Но Марфа присоединяет к тому еще и пламенное исповедание веры, по содержанию равноапостольское: "Но и теперь знаю, чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог... Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь... веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир" (Ио. 11, 25-27).

Такова была здесь "благая часть" уже Марфы. Мария же снова прияла себе свою благую часть еще и позже, именно став мироносицей. Она имела явление Воскресшего и была призвана Им по имени. Из этих сопоставлений вытекает с очевидностью, что обе сестры, при всем различии своих даров и служений, соединялись в своей любви к Господу и вере в Него, как и в ответной Его любви к ним. И таково было единое на потребу, равное для обеих.

Как же применить этот ответ евангельский к нашей теперешней жизни в ее вопрошаниях? Когда нас Господь больше

любит, и мы являем свою любовь к Нему? В унижении ли или в славе духовной? Когда мы больше могли служить Ему: тогда ли, когда для нас была возможность сидеть у ног Учителя, и в этой близости мы и сами себе казались полнее и вдохновеннее в творчестве жизни своей, или же теперь, когда уделом нашим является Ему служить в терпении и смирении, в невольном или вольном самоотвержении, когда над нами так отяготело бремя ответственности и заботы, и суеты мелочной и "очередной"? Последняя же постольку и оправдывается для нас, поскольку она применяется ради любви к ближнему, этой "второй" заповеди, которая, однако, по слову Учителя, "подобна" первой, — о любви к Богу, в ней содержится и в этом смысле тождественна и с ней нераздельна. Не всем и не всегда дана сладость первого служения, которого просит сердце, но есть и другой его образ, многотерпеливый, безрадостный, безвдохновенный, — это есть многозаботливое попечение. "Все члены тела (по слову апостола, Кор. 12, 25) должны одинаково заботиться друг о друге". И если Господь столь настойчиво призывает нас к свободе от заботы "о завтрашнем дне" с возложением ее на Господа, во утверждение своей веры и упования на Него, то это не означает безответственной праздности, ибо есть законная забота уже не о завтрашнем дне (Мт. 6, 34), во всей ее беспредельности, но о сегодняшнем, ее "довольно" для каждого дня, насколько она ему соответственна. Об этом говорится у апостола, для каждого по-своему и в своем особом смысле: "Не трудящийся да не ест" (2 Фес. 3, 10). Но есть дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа (1 Фес. 1, 3). Если этот труд и забота нынешнего дня теперь и становится столь тягостной, значит такова о нас воля Божия, которую и надо принять в смирении и покорности. Однако нужно твердо помнить, что есть здесь и мера, различие между "многим, немногим и единым", указанное Господом для Марфы, а в лице ее для каждого из нас, относительно сочетания ответственности и

свободы от заботы. Относительно соблюдения этой меры и должны мы неустанно проверять себя пред судом совести нашей. Близость Божия или же богооставленность определяется не легкостью или трудностью бремени жизни, но тем, как мы его несем, как мы храним в себе хотя бы последний остаток духовности, молитвенной жизни и веры.

В эти трудные времена призываемся мы явить свою верность Господу в борьбе с унынием, с гнетом забот, сумерками духа, в самосохранении духовном. Сказал Господь: "Верный в малом во многом будет верен" (Лк. 16, 10). Поэтому и не ищите этого многого, если от нас отъемлется по воле Господней, но неумолимо требуйте от себя посильного малого, которое во многое вменится Господом и Он пошлет в многострадальное сердце многозаботливой Марфы духовное утешение и радость Мариину. Аминь.

1942 г.

ХРАМ И ГРАД*

Введение во храм Пресвятой Богородицы зрится мне в образе торжественного шествия вслед за Нею, со свечами веры, и к этому шествию присоединяются в веках все народы, как и мы ныне к нему присоединяемся. Но этот образ восполняется для меня еще и другим, дальнейшим, — исхождения из храма в него входящих, также со свечами, возжженными уже от огня церковного, на стогна града, на его делание. Уместно в этот день празднования Храма остановиться мыслью именно на взаимоотношении того, что совершается в храме и вне храма.

Введение Пресвятой Богородицы означает, прежде всего, Ее удаление от мира с его скверною, в жилище Божье, для общения с ангелами и предстояния Богу, "воспитатися во Святая Святых". Оно есть в этом смысле зов от мира с его суетою и грехами в храм и обитель души своей для богомыслия и молитвы: "горе имеем сердца"! Однако, помимо этого религиозно-аскетического смысла, вхождение во храм Пресвятой Богородицы, по учению Церкви, имеет и сокровенно-таинственное значение. Оно означает охramление храма, которое есть, вместе с тем, и его упразднение. Сама Богородица явилась здесь истинным нерукотворным храмом, ибо в Нее вселился Святой Дух, и Она во чреве Своем

* В этом очерке воспроизведено по памяти основное содержание речи, сказанной в день Введения во храм 1930 г., на годовом празднике Христианского Студенческого Движения.

вместила невместимого Бога-Слово. Ее явление в ветхозаветном храме, который имел лишь "тьнь будущих благ, а не самый образ вещей" (Евр. 10, 1), было уже исполнением этого образа, но тем самым и упразднением этого ветхозаветного храма. Церковная завеса раздралась, явно обличив это упразднение, когда со креста сказано было: "совершишася", но оно произошло уже тогда, когда "Дева со славою вниде во Святая Святых". Явился в мире живой нерукотворный храм — человек, о котором и говорится Духом Святым: "разве вы не знаете, что вы храм Божий", и этот "храм Божий свят, а этот храм — вы" (Кор. 3, 10-11)? "не знаете ли, что тела ваши — храм Св. Духа" (Кор. 6, 19)? Небо приклонилось к земле, и она явилась храмом в человеке. Ветхозаветный храм был единственным местом на земле, где человек встречался с Богом, во Святом Святых: "над крышкой я буду являться в облаке" (Лев. 16, 2), — местом, где человек мог принести жертву Богу, доколе она не была отменена жертвой Христовой (Евр. 10, 9-10, 12). Новозаветная церковь, которая призвана к поклонению не на горе сей и не в Иерусалиме, не в каком-либо определенном месте, но "в духе и истине" (Ио. 4, 21-23), уже не знает храма в ветхозаветном значении. Она также имеет храмы, но они уже не приурочены к определенному месту, и их неопределенная множественность также ограничивает их значение в сравнении с храмом ветхозаветным в его единственности. Храм для нас не есть "скиния свидения", но место общей молитвы ("синагога")* и совершения таинств. И — сказать ли? — храмом этого храма, в престоле и в антиминсе, являются св. мощи, т. е. человек. На мощах святых совершается святейшее таинство с времен древнейших. И как ни важен храм и для новозаветного, христианского благочестия, но он не занимает в нем того места, которое свойственно было храму ветхозаветному: разрушение последнего явилось и концом

* "Синагога" — (греч.) общее собрание, "схождение вместе". *Ред.*

ветхозаветной церкви. Ныне враги христианской веры разрушают храмы, доставляя этим великую скорбь и боль христианам. Но могут ли они разрушить истинный новозаветный храм, — самого человека, сердце его, которое есть истинный престол Божий? Этот христианский храм недоступен для разрушения христорборцев. Первенствующая церковь не могла еще иметь своих храмов, но оттого она не менее сияет пасхальной радостью для всей христианской истории.

Но не только в первенствующей Церкви, которая есть исторический образ рая на этой омраченной земле, но и в подлинном саду Божьем, в раю, не было храма, ибо весь рай был храмом, куда Бог приходил для общения с человеком (Быт. 2, 15-22), где прародители могли слышать "голос Господа, ходящего в раю во время прохлады дня" (Быт. 3, 8). И что еще более значительно, нет храма и в святом граде Иерусалиме, сходящем с неба на землю, в полноту времен, согласно видению Тайнозрителя: "И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними" (Апок. 21, 3). "Храма же я не видел в городе, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его и Агнец" (Апок. 21, 22). Вся жизнь будет исполнена боговидения, когда "будет Бог все во всем" (1 Кор. 15, 28). Посему храм и храмовое благочестие имеют лишь преходящее условное значение, которое минует тогда, когда вся жизнь человеческая станет исполнена духа и силы.

Когда мы думаем о вхождении в храм для того, чтобы там укрепляться духовно молитвою и благодатными дарами Церкви, мы должны помнить и об исхождении из него, ибо христианское благочестие не кончается за порогом храма, напротив, оно здесь-то по-новому и начинается. Мир есть не только место греха и растления, но он есть и нива Божия, на которой, вместе с плевелами, произрастает и добрая пшеница, и хозяин хочет от нас честного и полного использования всех данных нам талантов, — христианского

творчества. Вдохновение добра, получаемое в храме, должно быть приносимо и в жизнь вне храма, чтобы и она становилась соответственной храму. "Оцерковление" жизни, о котором так часто среди нас говорится, и есть это снятие границ между храмом и жизнью, которые иногда считаются непреложными. Светом вечности, который загорается в душах наших в храме, мы должны озарять и текущее время, человеческую жизнь, которая может, а, следовательно, и должна стать жизнью церковною, Градом Божиим. Все живое обладает способностью самопроизвольного движения, и насколько христианство есть жизнь, оно есть и движение, движение по звездам вечности. И если мы говорим о себе как о "христианском Движении", то совершаем некоторое тожесловие, потому что нельзя оставаться неподвижным в христианстве. Оно должно быть вдохновенным порывом, творческим движением, устремлением из храма за храм, к будущему, которое есть, согласно христианским обетованиям, явление "нового неба и новой земли, в них же правда живет". К этому исходу и исполнению стремится мир, и христианская Церковь движется навстречу к Грядущему Христу. И напряженностью и искренностью этого движения определяется действительная мера и нашего вхождения в храм, нашей храмовой церковности, которая ищет излиться на весь мир и затопить его в этом разливе. Да будет же наше "Движение" причастно этому всехристианскому движению.

РАДОСТЬ КРЕСТА *

Существует суеверная примета, что найти крест значит ожидать какой-либо беды, чего-либо страшного; подарить крест — наклепать на того, кому дарят, несчастья. Но есть и прекрасный обычай — люди, в знак и в уверение наибольшей близости, меняются крестами, становятся крестовыми братьями, и эта близость даже больше, чем узы родства. Первая примета — образ ложного, недостойного отношения к кресту, второй обычай раскрывает ту внутреннюю сторону креста, которой он касается глубины наших душ и сердец.

Что такое крест и крестоношение? Не только у людей, чуждающихся креста, но и у нас, христиан, с мыслию о кресте часто соединяется представление о чем-то страшно жестоком, что нужно претерпеть в порядке послушания, что налегает на плечи и врезается в них. Это не христианская мысль, не христианское отношение. Крест есть знак победы, сила победы, крест есть радость, вдохновение. Господь сказал: "кто хочет итти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мной" (Мф. 16, 24). Эти слова, как и все слова Господа, как и все слова Евангелия, не могут быть понимаемы в смысле внешнего закона, предлагаемого по дисциплинарным или утилитарным соображениям. Если иногда в течение целых эпох господствует такое понимание креста, то это печальное отклонение в сторону от Христа, граничащее с враждой ко

* Из беседы прот. С. Булгакова на собрании Парижского Содружества, по записи слушателей.

Христу, отпадение в учение манихеев, говоривших о зле победившем. Закон креста в сущности есть закон всей нашей внутренней жизни, закон, помогающий этой жизни, связанный с самим строением нашего духа. Слова Спасителя в этом отношении означают, что кто не возьмет креста, тот не будет человеком глубокой жизни, не будет человеком, знающим богатство вдохновений, восторги творчества: кто не возьмет креста, тот никогда не будет знать радости посвященности высшей цели. Если обратиться даже к жизни людей нехристиан, то и в ней найдем ведение тайны креста, знание ее силы.

Что является предметом уважения и преклонения даже у язычников? Бесспорно, не спокойное, безбедственное существование, а героизм, творчество, подвижничество, завоевание нового, решимость ради этого жертвовать собой. Люди здесь преклоняются перед Единым Поклоняемым, хотя и не произносят "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко", не знают, чей это крест.

В чем выражается в жизни даже не христиан эта внутренняя неизбежность креста для всех, как единственного пути для каждого, кто хочет жить, а не только существовать? В том, что только тот может внутренне стать богатым, кто умеет отказаться от меньшего ради большего, кто готов страдать, чтобы достичь этого большего. Как много совершается усилий для достижения случайных, призрачных успехов. В этих усилиях человеку грозит опасность погибнуть, истощиться, так как действительно питает, обогащает только подвиг, страдания во имя подлинно великой цели.

В этой работе, напряженном труде для высшей цели, неизбежно сопряженной с опытом страданий, вырастает особая глубина. И эта глубина ничем иным не дается, как только страданиями. При встречах с иностранцами мы в силу нашего опыта страданий часто невольно чувствуем, что они, при многих превосходствах, все же дети: они чего-то не испытали, что человек может и должен изведать, чтобы достигнуть подлинной глубины. Если сопоставить эти вообще человеческие

проявления несения креста, как закона и основания душевного роста, внутренней содержательности, и христианское понимание крестоношения — в чем сходство и различие? Сходство в том, что глубокое содержание жизни покупается лишь ценой усилий и жертвы; полнота, богатство жизни неизбежно покупается, выкупается, выменивается. Этот момент сохраняется и в христианском принятии креста. Христос хочет, чтобы мы, взяв всю жизнь в ее сложности, решительно, безбоязненно пошли за Ним по пути, Им указанному. В этом моменте неизбежности жертвы, решимости на подвиг сходство между общечеловеческим законом креста и принятием креста Христова. В чем различие? С точки зрения современных языческих представлений Христово служение было служением героическим: Он отдал жизнь за идею. Но Христос совершал Свое служение не во имя идеи, а для того, чтобы совершить волю Отца, основать Царство Божие, Христос совершал свое служение ради Бога. Мысль о Боге, о воле Божьей, об этой Первой Ценности, высшей всех ценностей, является основным в служении Христа. Христос вольно подчиняет свою волю воле Отчей, ради нее пьет чашу страданий, к этому призывает и нас. Закон креста через это не только соответствует естественным человеческим сторонам, но и освящается тем, что в христианском принятии креста все приносится в жертву Небу, Богу.

Но тогда открывается н о в о е в учении о кресте. Служение идеям делает человеческую жизнь богаче и углубленнее, но только ношение креста делает человека по-особому близким к Богу, его Ему уподобляет. Человек есть образ Божий. Это мы исповедуем каждым движением, каждым сознательным обращением к Богу, но мало кто думает, что о б р а з Б о ж и й и есть крест. "Бог есть любовь", а любовь свидетельствуется жертвой, совершается в жертве. Без жертвы нет любви. Жизнь Святой Троицы есть жертвенная любовь, таинственное самоотречение каждой из трех Ипостасей Святой Троицы в беспредельности любви. Господь в крестоношении удостаивает

нас прикосновения и к этой любви, так как дает силу жертвенной любви. Если крест есть путь Божественный, Он не может быть только крестом муки, Голгофы, Он должен быть озарен и высочайшей божественной радостью. Когда ап. Петр от лица учеников сказал Господу: "Вот мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?", Господь Иисус ответил им: "истинно говорю Вам, что вы, последовавшие за Мною, — в паки бытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых" (Мф 19,27-28). Этот образ содержит ту мысль, что крест дает не только муки, но и радость. И св. Церковь поет — "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим", Воскресение дано крестом Христовым и свет его сияет над крестом и через крест. Он всегда является в озарении победы, победившей мир, торжеством, побеждающим на крестном пути. Радость через крест — единственно подлинная радость, ничем неотъемлемая от человека, так как только выстраданное чрез крестоношение имеет глубину и причастно Божественной радости. В жизни будущего века крест — не только символ страданий, но и символ райской радости. Христос, грядущий судить мир, придет с ранами на руках и ногах. Этим свидетельствуется, что радость будущего века будет радостью крестною, радостью жертвенной любви, преодолевающей страдания, так что страдания становятся радостью. Это же содержится в учении о загробном блаженстве.

Как понимать самое несение креста? Как пассивную покорность или как активное творческое принятие? Что в несении креста должно принадлежать личной свободе и что к судьбе человека, к тому, в чем он не властен, что просто дано ему? В словах Господа Иисуса Христа указан путь активности, творчества — "кто хочет по мне итти, да возьмет крест свой и по мне грядет". "Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Мене". "Иго Мое благо и бремя Мое легко" (Мф. 11, 29, 30).

Можно говорить о кресте Церкви, нации, народа. Через личное крестоношение устанавливается связь со всеми ними, человек участвует в несении ига Христова. Вера хочет от нас не только личного спасения, не только забот о белоснежности моей индивидуальности, а творческого труда для общего спасения. Поэтому принятие ига выражается в расширении сердца, не ведающего в минуту вдохновения подчинения границам.

Взятие креста есть прежде всего творческое устройство своей жизни, активный и свободный подвиг; впоследствии оно может выразиться в послушании монашества, но определяющее, центральное в нем всегда заключается в моменте свободного взятия. Здесь не должно быть упрощения. Все религиозные задачи должны ставиться в наибольшей сложности, в наибольшей трудности. Притча о талантах говорит, что зарыть свой талант — значит поступить, как ленивый раб. В вольном подвиге, в свободном творческом труде должны быть применены, раскрыты все таланты, данные Богом. В раскрытии своего таланта, в служении своему призванию во имя Бога часто и состоит личный крест. Поэтому крестоношение никогда не может быть пассивным принятием внешней неизбежности, оно всегда связано с ответственным творческим избранием своего пути, своего дела, совершается через свободу и в свободе. В кресте соединены взятие личного креста, и ига, так сказать, "судьбы", т.е. того, что мы находим, того, что дано нам, как судьба нашей Церкви, народа, государства.

В чем иго Христа? Иго Христа во взятии на себя греха мира и через взятие греха — страданий. Принятие ига Христова означает бесконечное, беспредельное расширение сердца в любви на все кресты человеческие. Если взять в пределе — это неразрешимая задача. Но евангельские заповеди и исполнимы в малом, и имеют бесконечное содержание. Иго Христово принимает всякий, несущий крест. Через принятие креста он выходит из замкнутости только личной судьбы,

участвует в несении всех крестов в мире, ибо скорбный путь, соединенный с крестом, проходится не потому, что Богу нужно нас мучить, чтобы через коридор страданий привести к блаженству. Жертвенность, отречение, страдания нужны для нас самих, так как они являются основанием радости. Крестоношение есть вечное памятование о всем пути в целом: звенья пути креста начинаются на земле, в человеческом сердце и уходят в небо. Поэтому они могут дать вдохновение, силу жизни большую и подлиннейшую, чем все в жизни. Во всяком деле, а особенно во имя Христа нам посылается, дается крест. Он труден и мы уstraшаемся, но это не должно закрывать от нас того, что крест прежде всего радость. Служение истине требует покорности, силы, жертвенности не потому, что мир создание неразумной слепой воли, но потому, что мир в состоянии греховного отпадения от Бога. Жертва легко совершается в мире неповрежденном, становится сверхъестественной, вышеестественной в мире греховном и в этом смысле подлинно естественной. Прародители в раю имели свой крест — заповедь не вкушать от древа познания добра и зла. Она нам кажется детской, но она соответствовала неразстленному детскому состоянию прародителей. Но мы в нашем состоянии уже арена страстей. Поэтому не только в силу закона, что нет великого дела без крестоношения, но и потому, что всякий шаг по пути добра в мире, отпавшем от Бога, сопровождается терниями, крест для нас неизбежно должен быть подвигом, жертвенностью, страданием. Но не только это, ибо остается в силе слово Господа о получении славы. Образ радости крестной — образ самой ослепительной радости в мире: радости мучеников, умиравших с улыбкой людей, подлинно познавших небесную радость. Эта радость — радость светлого удовлетворения, — испытывается всеми тружущимися на ниве Божьей, в случае, если дело их удостоивается благословения. Крест — высшее призвание, вдохновение человека. Радость креста — крестная сила, побеждающая мир, и эта сила — жертвенная любовь.

СЛОВА О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ

1

**Слово, сказанное пред молебствием о святейшем Патриархе
в храме св. Николая в Праге, 27 мая 1923 г.**

Больше сея любви никтоже
имать, аще душу свою положит
за други своя.

Приближаются последние, голгофские часы нашего святейшего отца. На русской Голгофе готовится новое и страшное распятие, воздвигается высочайший крест, своей тенью застилающий русское солнце. Святая Русь и православная Россия сораспинается на этом кресте. "Распни, распни его!" — вопиют палачи русской веры и русского народа. Захлебываясь в крови, они все более ее жаждут, и жаждут самой драгоценной, чистой и святой крови. Они не могли успокоиться, пока не упились священной кровью Царской Семьи. И теперь они не могут успокоиться, пока не упиются кровью нашего святейшего отца. Жалкие жертвы собственного безумия, они сами на себя произносят тем суд и приговор. Слепые орудия сатанинского исступления, они ослеплены своими призраками, и лучшие из них мнят службу совершить Богу. О них да будет молитва Господа нашего: Отче, прости им, не ведят бо, что творят. Но как те сыны злобы явились совершителями судеб Божиих от сложения мира, так и ныне в руках Божиих мучители Церкви

убеляют ее ризы, совершают хвалу ее, венчают ее славнейшим из всех терновых венцов. И это они вознесли смиренного и вчера еще неизвестного отца нашего патриарха Тихона на такую высоту почитания, которая не дается никакими средствами мира сего. Ибо если спросить, кто из христианского священноначалия является сейчас наиболее чтимым — не по иерархическому положению, а по духовному авторитету, ответ будет несомненный: патриарх Тихон.

Маловажный век ищет знамений, которые не даются по произволу не умеющим видеть и слышать. Но для имеющих очи и уши наши дни, как и всегда, исполнены знамений и чудес, и одним из самых разительных чудес и знамений, милостью Божьей явленных русской Церкви в дни гонений и скорбей, бесспорно, есть патриарх Тихон.

И все, хотевшие и не хотевшие патриархии, пришли и возлюбили его. Патриарху дано было выразить те черты, которые составляют глубочайшие и священнейшие свойства русской Церкви: смиренномудрие, кротость, голубиную чистоту в соединении с детской ясностью и радостью о Господе. Смирение и кротость есть величайшая в мире сила, ибо это есть сила Христова. Потому патриарха Тихона и не замечали, пока он не был призван, ибо он и сам себя не замечал, но зато заметила его Царица Небесная. Скоро стало ясно, что это смирение есть смиренномудрие, которое опирается на беззаветную веру в Бога и доверие путям Его. И кротость есть духовный плод мира и радости о Духе Святом. И эта веселая шутка, которой он отвечал незлобивым смехом тогда, когда люди злобствуют, есть та детская чистота, без которой невозможно вникнуть в Царствие Божие.

Нет чрезвычайных даров, которыми хвалятся люди в своей человеческой немощи: ученой премудрости, слова, но есть мудрость любви, не ищущей своего, не радующейся неправде, но состраждущей истине. Есть неотразимая сила, но сила не от мира сего, не назойливая, не суетливая, не требовательная, но молча к себе привлекающая и покоряющая.

Патриарх сделался отцом, радостью, утешением, токмо не для сынов погибельных. Но когда же мир, после падения прародителей, обходился без Каинов и Иуд! Патриарх стал как-то бесспорно духовным главой и вождем всего русского народа, живым символом его духовного единства, духовным держателем его неотъемлемых прав. И как же было не ненавидеть, а вместе и не бояться его врагам народа, его палачам, как им не добиваться его смерти?! Они долго ждали и подготавливали тот час, когда изнеможение народа даст им эту возможность, и сыны злобы оказываются искусны в делах злобы своей. Избрание на патриарший престол в годину бедственной смуты неизбежно было принесением в жертву этого избранника. Бремя власти всегда есть бремя ответственности, всегда связано с жертвой личной жизнью и личной свободой. Но здесь это предполагало прямую жертву за родину и Церковь, как это и выражено было им в первом своем послании. Избрание, по знаменательному совпадению, совершилось, когда Москва была изранена боем и покорена нынешними поработителями. И нужно было внутреннее согласие жертвы на заклание, то согласие, о котором сказано было пророком, предзревшим единую Жертву жертв, Сына Божия, распинаемого за грехи мира: "Яко овча на заколение ведесе и яко агнец непорочен, прямо стригущего его безгласен". Таковым агнцем, отдавшим себя на жертву по образу Христову, был святейший патриарх с первого дня своего служения, так принял он посох святителя Петра. Дерзнул ли говорить о мною виденном, но я видел это в его лике, в его молитвенных очах, когда стоял он на возвышении Успенского собора в священный и трепетный час своего настолования, когда Кремль уже был окружен неистовавшей чернью и грубыми бунтовщиками. И тогда уже он, я знаю это, молитвенно предавал себя Отцу Небесному, и, верю, принята была его молитва. Несомненно одно: таким он вступил на патриарший престол, и таким я видел его и знал изо дня в день те месяцы, когда я имел возможность его видеть. Страшно приближаться к тайне Гефсиманского борения, духовным и любящим взором

приникать чрез стены темницы к его крестной муке. Но не обвиняясь свидетельствую, что не страх за себя и свою жизнь может его изнурять. Ибо этот страх не имел над ним власти с первого дня его служения. Это как-то сразу и радостно почувствовалось всеми: патриарх не знает страха, и это неведение страха дает ему свободу и смелость. И больше реку: патриарх как будто искал стать жертвой за людей своих, вызывал эти случаи. По-видимому, у него была затаенная мысль и желание своей жизнью купить свободу народу, исполнить чашу народного страдания и долготерпения. И эти страшные месяцы конца семнадцатого и начала восемнадцатого года жизнь его висела на волоске, и сколько раз волосок готов был порваться, сколько раз ждали в определенный день и час его заточения или даже убийства, трепетали вокруг него, а сам он оставался невозмутимо ясен и радостен.

Посему, если и делают свое дело немощь тела и духа, присущие человеческому естеству, — ведь и Сын Человеческий свидетельствовал о том, что "прискорбна есть душа Моя до смерти", — то не это есть главная мука великого страдальца. Страшнее смерти предательство, покинутость и измена: предательство ученика, бегство апостолов, отречение первого из них. И прежде палачей тела пришли к нему духовные палачи, те тати и разбойники, которые не чрез двери, но инде проникли к овцам. И эти гнусные палачи, подсланные и послушные своим повелителям, пришли совершить духовную казнь, лишить его священного сана, который безмерно дороже жизни.

В гневе воззре Господь на них и посмеяся им, и в гневе смотрит на это злодейство свободная русская Церковь, но там, в Гефсиманском саду, нет никого, кто мог бы отереть его пот и засвидетельствовать о лжи сей: покинут и одинок, как был покинут и одинок русский царь, повелитель миллионов. Но не отдал и не отдаст он своей власти, врученной ему Царицей Небесной, земным лиходеям, свидетельствуя тем о правоте своей: противно законам и божеским и человеческим, писаным и неписаным, деяние разбойничьего соборища. Не этого суда

сынов человеческих, рабов лжи, но нелицеприятного суда Божия страшится деятель. И если дерзнем мы проникать в страждущее сердце его, то самую страшную и тяжелую гефсиманскую скорбь его узрим в этом: страшно время исторической ответственности. Церковь переживает великие бедствия и искушения, церковный корабль угрожается шквалом, и не виновен ли кормчий, который, хотя и не по своей воле и не хищением, стал у руля. Его неверные движения и ошибки — не они ли причинили эти опасности и злоключения.

О всяком деятеле современники и история произносят такие суждения, и они, одними нагло и кичливо, другими задумчиво и скорбно, произносятся и о рулевом русской Церкви. Не дерзаем предвосхищать суд истории, но выскажем и свой домысел: в этом отношении патриарх Тихон обречен был стать искупительной жертвой за люди своя, ибо вступил он на место кормчего в такую пору, когда нельзя было удержать руля в руках. Бывают положения, превышающие человеческие силы, и всем прошлым и настоящим русской Церкви и русского народа было создано такое положение. Во время шквала бессильны попытки управляться. И однако каждый должен исполнить долг до конца и, если надо, погибнуть на своем посту, ибо в этом и состоит здесь победа. Хозяин жертвы учтет все, что было нужно и как было сделано каждым для жатвы его.

Требуется не дело, но верность. И святейший патриарх сохранил эту верность и тем оказал русской Церкви великую услугу. Вековое порабощение Церкви, которое извне проникло и вовнутрь и расслабило мускулы церковной власти, тяжелым гнетом лежало и лежит на русской церковности. По воле Божьей, Церковь получила свободу, но нелегко стать свободным тому, кто не имел ни навыков, ни вкуса к свободе, и притом в разгар исторической бури и стихийных переворотов. Естественно, что одни идут в новое рабство, загоняемые страхом или корыстью, и вступают в союз с властью, прямо враждебной вере Христовой, а другие

вздыхают о мясах египетских и свои воздыхания принимают за голос самой церкви. Нужно всемерно охранять свободу и достоинство Церкви, и это делал патриарх Тихон.

Вспоминается, как при открытии нового Высшего Церковного Управления (ныне не существующего) сказал он во вступительном слове, что мы переживаем радостное время... Изумленно услышали мы эти слова про время скорбей и гонений и не сразу поняли, о чем они были сказаны. И этим бесстрашием пред властью мира сего, а вместе готовностью защищать свободу и достоинство Церкви от домогательств — и со стороны московской власти, как и со стороны некоторых зарубежных собраний, — объясняется твердый и определенный образ действий патриарха.

Разумеется, для большего успеха патриарх нуждался в сотрудиниках, но они отторгались от него, то злым насилием, то собственной волей. Быть жертвой безвременья обречен был наш рулевой, но его мудрость, верность и подвиг в том, что он по звездам направлял свой корабль, а не по фальшивым береговым огням. Патриарх, в своей гефсиманской муке, и в смирении своем, может быть, и не знает, как любит его православная Россия, но в смиренномудрии своем знает, что Церковь должна пройти неискушенной через все испытания на пути к свободе, не вступая в сделку с князем мира сего.

И се — свет вознесен на свещницу. Кроткий и тихий свет великомученика струится по всему миру, и он говорит всем о вере и любви к Богу, будит во всем мире самые святые, заветные чувства и тихие думы. Не это ли и есть "миссия" русского православия, действенная его проповедь. О нем молятся люди разных христианских исповеданий и в любовной тревоге о нем соединяются сердца всех христиан. И не есть ли это самая действенная проповедь, а вместе и уже некое предварение единения всех во Христе, соединения всех, которого мы молитвенно взыскуем.

Пред величием подвига патриарха склоняются головы и людей, далеких от Христовой веры, и к ней зовет эти сердца

из своей темницы патриарх Тихон, и это апостольское дело дает и дает свои, хотя ныне еще неведомые плоды. Разве не чудо милости Божьей к русской земле и к русской Церкви, что тот, кто облечен ныне такою силой во всем унижении своем, есть первосвятитель русской Церкви...

Так свидетельствуем мы, ибо это истина и надлежит свидетельствовать об истине. И по человеческому малодушию поднимается в нас чувство самодовольства и самопревозношения. Ибо и на самом деле так легко и естественно было, рассуждая по-мирски, гордиться и хвалиться тем, что мы принадлежим к Церкви, имеющей главу патриарха Тихона, и к народу, своим духовным вождем имеющему его же: един есть сеяй и другой есть жняй. Однако, совсем другое говорит нам неподкупная совесть наша. Пусть каждый спросит себя, достоин ли он такого отца, сын ли он этому отцу? Не предавал ли и не предаст ли он этого отца, если не малодушием, оставлением своего поста ради своей безопасности, неразборчивыми и безответственными словами и действиями, то, по крайней мере, равнодушием к высшим духовным и церковным интересам, исканием своего, а не Божьего.

Какие удары более причинили страдания Господу: бичи или заушения воинов или же бегство апостолов, предательство Иуды, отречение Петра? И как тогда, в гефсиманскую ночь, апостолы не могли побороть своего сна во время Его молитвы, так и теперь бодрствуем ли мы молитвенно, или же тяжкая дрема равнодушия смежает очи.

Мы совершаем моление за патриарха, но пусть это будет не молитвенный обряд, но и сокровенное дыхание, духовный подвиг, усилие нудящее. И для этой молитвы нет преграды в расстоянии, ни в темничных стенах, ибо она, как фимиам благовонный, возносится к престолу Божию. Ведь мы вспоминаем о том, как освобожден был из темницы апостол Петр силой молитвы. Какова же была та молитва, что сделала это! Она сотворила чудо, и если мы его не совершаем, значит скудна и немощна наша молитва. Не нужно, чтобы исполнилось всякое

наше молитвенное прошение, — Бог знает, что нам нужно, но истинная, горячая молитва в себе содержит залог своей услышанности, в себе имеет удостоверение. Наша сыновняя, человеческая молитва о патриархе может ли быть иною, чем о том, чтобы Бог спас его от врагов, сохранил его жизнь, освободил и явил его на престоле архиерейства его.

Но с трепетом приникая к мученическому ложу нового Гермогена, слышим мы сердцем, что его самого есть иная молитва. Он молится не о себе, не о жизни своей, которую давно готов отдать и в сущности уже отдал за Церковь и родину, но об этой Церкви и об этой родине, молится о том, чтобы Господь умудрил его в его служении и показал правый путь свой, научил своим оправданием. Его молитва есть та молитва Сына Божия, которую Он молился в гефсиманском саду и которую Он дал всякому, удостоенному высокого жребия стать жертвой за други своя: "Отче, если возможно, да мимоидет Меня чаша сия, но не якоже Аз хошу, но якоже Ты".

2

Рече Господь: егда глаголет
(диавол) лжу, от своих глаголет,
яко ложь есть и отец лжи.

(Ио. 8, 44)

Доселе приступали мы обычно к молению о святейшем отце нашем со скорбным сердцем, в тихой задумчивости, но со спокойной душой. И лишь впервые смятены ныне сердца и души наши. Зловещий шепот, прежде тихий, становится громче, и всех нас волнует странная и непонятная весть — якобы о новом и неожиданном волеизъявлении нашего патриарха, которое злорадство уже именуется его отречением.

Да не смущаются сердца наши, о, сколько уже раз в наше страшное время приходилось вразумлять себя

этими словами Спасителя, и да не устроятся. Вопросим свою совесть, испытаем свое сознание, чтобы смотреть нам в лицо хотя бы самой горькой и страшной действительности. Что произошло? У больного, измученного бесконечной пыткой, в состоянии изнеможения, помощью нужных советников, вырвана была подпись на документ, который, самым содержанием своим, обличает о своей лживости, с тем, чтобы свидетельствовать перед всем миром о "раскаении" патриарха. Для каждого, не потерявшего здравого смысла и совести, ясно, что здесь произведено величайшее насилие, вымогательство и ложь. Немошь плоти, смертное истощание и, очевидно, обман были использованы палачами для своих гнусных целей — отолгаться перед всем миром и, вместе с тем, совершить новое надругательство над Церковью. Надо знать все подробности, чтобы судить о том, как это совершилось. Но те, в душе которых шевелится осуждение перед этим страшным и роковым событием, пусть вспомнят слова Спасителя: "Кто без греха, тот пусть бросит камень!" Кто чувствует себя способным, в истощании и смертной тоске, почти на смертном одре, в бессилии умирания, противостать пытке, тот пусть уподобляется Хаму, который злорадствовал над наготой отца. О, во сколько крат легче и радостней принять мученическую смерть и ею венчаться во славе. Но кто знает, сколько из тех, которых мы славим мучениками, выдержали бы долгосрочную, не знающую конца или просвета пытку? Кто из стоявших близко к патриарху не знал, что он не знает страха смерти и даже как будто зовет ее, в надежде, что своей кровью он купит освобождение народа!

Когда окружающие трепетали за него перед скорой и неумолимой развязкой, он оставался светел и радостен. Но, зная это, тем меньше можем мы верить и соблазняться новым злодейством, новым насилием, над ним учиненным. Если берут руку умирающего и ею водят для подписи, имеет ли силу такая подпись, или же это волиющий, бессовестный подлог? И если, после продолжительной тюремной пытки, при

полном отлучении от всего мира, вдруг объявляется о прошедшей перемене мнений, то разве это имеет убедительность и значение? Заявление патриарха, действительно ли или мнимо им подписанное, есть лишь новое преступление сынов лжи, клевета на нашего патриарха, которая бессильна запятнать мученическую белизну его ризы. Мнимое заявление патриарха не имеет никакого значения, оно не выражает и не может выражать мыслей патриарха, потому что содержит явную и несомненную ложь, которую и хотят приписать патриарху.

Господь каждому уделяет его крест, но лишь избранныкам своим дает Он пострадать за Него, понести не только смерть, но и что иногда тяжелее: поношение и всякую клевету и злое насилие: "Егда состареешься, ин тя пояшет и поведет амо же не хочещи..." Таков был и удел нашего патриарха. Его призвал Господь на высшее служение Церкви, поставил кормчим своего корабля в русской земле в такую бурю, которая неминуемо должна была сломать руль и выбить его из рук рулевого. Быть жертвой безвременья, неудачником не по своей вине обречен был русский патриарх, кто бы он ни был, в наши дни, когда, после вековой государственной опеки, суждено Церкви было выйти на свободу в страшную ночь, опустившуюся на нашу родину. И патриарх был послушен своему уделу, он хотел быть жертвой и, поистине, явился жертвою за русскую Церковь.

Что же волил он, чего он хотел для Церкви, каких начал был он исповедником? Он хотел охранять свободу и независимость Церкви от кесаря и от велиара, он стремился, превыше всего, блюсти достоинство Церкви, не отдавая невесты Христовой никакому насильнику, никому, кто хотел бы ее использовать для своих частных, земных целей. И этим, и только этим, определяются все выступления патриарха. Он никогда не принадлежал к какой бы то ни было политической партии, как это приписывается ему теперь в составленном насильниками заявлении. Он вовсе не отвергал и не противился советской власти как таковой, во

имя предпочтения другой формы правления, как таковой же. Напротив, как действующую власть, по слову апостола, он сам признавал и звал ей подчиняться (и в своих посланиях, в частности от 25 сент. 1919 г.) и противился ей лишь тогда, когда эта власть чинила враждебные Церкви и вере, а постольку и русскому народу, деяния; по слову же апостола, "надлежит повиноваться более Богу, нежели человекам" (Деян. 5, 29). Этим, и именно этим, были вызваны послания 1918 и 1922 годов. "Анафема" нарушителям мира церковного и посягателям на народную и веру и святыни была направлена вовсе не против советской власти как таковой, но против ее воинствующего безбожия. Советская власть предприняла поход против веры народной и святыни народной. Она совершила и совершает ряд кощунств и безбожных действий, как то вскрытие мощей, публичные богохульства, вообще ведет борьбу с христианской верой и только на этой почве и столкнулась она с Церковью, и вождь ее поднял безбоязненный голос в защиту веры, против антихристового наваждения. Если бы советская власть не касалась святыни народной веры, она имела бы в патриархе и русской иерархии вполне лояльных подданных. Зачем же понадобились эти измышления? Зачем потребовалось вынуждать мнимое покаяние в том, чего никогда не было, объяснять выступления патриарха против советов политическими мотивами, которых он никогда не имел? Зачем эти пошлые и ложные обвинения в контрреволюции и приверженности определенной политической партии, как не для того, чтобы обмануть, отвести глаза, придать благовидность и оправдание тому, чего начинают стыдиться, т. е. гонения на веру?

Патриарх стоял на страже чистоты церковного дела вдали от всякой политики, даже в таких условиях, когда это порабощение становилось неотвратимым вследствие политического деспотизма. Когда же, в условиях полной свободы церковной, за рубежом он усмотрел желание связать Церковь с политической партией и сделать ее орудием для этой последней, он применил к виновным в этом первоиерархам

самую решительную меру, упразднил соответственный орган власти, и разве, пред лицом одного этого факта, можно говорить о политических намерениях патриарха? Поэтому, если это приписывается ему теперь от его собственного лица, то это свидетельствует лишь о том, насколько не является этот документ действительным волеизъявлением патриарха. Его следует отвергнуть, даже если бы он существовал в действительности, как сатанинское насилие и ложь. Патриарх, как глава русской Церкви, никогда не был органом политической партии, желающей навязать народу то, чего он не хочет, не любит, не верит. Церковь тогда только исполняет свою высшую миссию — сохранять и воспитывать духовные силы народа, — если сама блюдет свободу и независимость.

Русская Церковь ныне в оковах, и они возложены и на руки нашего патриарха. Но, вопреки мнимым, насильственно вырванным заявлениям или признаниям, для нас остается неизменным источником поучения и его деятельность в качестве главы Церкви, то направление, которое он хотел дать жизни церковной, именно стремление к церковной свободе. И этот завет надо с новой силой воспринять нам, тем, кому не своими заслугами, может быть скорее в силу слабости, суждено, оказавшись за рубежом, жить в условиях свободы церковной. И мы должны воспитывать себя в этой свободе, должны блюсти ее от посягательств, откуда бы они ни шли, ибо добровольное порабощение в очах Божиих многократно злее насильственного, есть блуд духовный, которому напрасно придается вид брака.

Помолимся же о русском страдальце, нашем патриархе, да укрепит и умудрит его Господь, и да сохранит от злого насилия, обстоятельств и обмана. И Церковь свою святую да соблюдет непорочной и свободной. Да укрепит Он нашу веру и нашу верность и да даст Он силу и отцу нашему и всем нам до конца испить свою чашу с верующей молитвой. "Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия, но не Моя, а Твоя воля да будет!"

17/30 июня 1923 г. Прага.

Трудно современникам великих событий постигать их в полном значении; для этого требуется историческое расстояние, и трудно нам теперь увидеть во всем величии образ святейшего патриарха Тихона. Для восприятия великого нужны и соответствующие силы души, духовное напряжение. Подвиг и страдания патриарха Тихона настолько единственны и огромны, что не поддаются холодному и беглому обзору. "Иззуй сапоги от ног своих, ибо место это — земля святая!" Речь наша смущается и изнемогает, имея предметом гефсиманские борения и эту Голгофу. В истории Церкви мало найдется образов, в такой степени, по-мирски рассуждая, трагических, а по вере нашей — столь явно отмеченных перстом особого избрания и помазанности. Патриарх призван был стать рулевым церковного корабля, когда надвинулся настоящий ураган, рвущий паруса, ломающий весла, вырывающий руль из рук управляющего.

Еще никогда небывалая в истории туча антихристова гонения против Церкви стояла на русском небе, когда патриарх, по избранию русской Церкви и велению Царицы Небесной, вступал на древний престол патриарший, с жезлом митрополита Петра в руках. Здесь не было места неведению или беспечности, стать на этот пост возможно было, только смотря прямо в лицо неуловимому врагу, в полном самообладании и жертвенной готовности.

Даже просто для того, чтобы сохранить ясность мысли и присутствие духа, нужно было, уже вступая на престол, принять гефсиманское решение, отдать себя и свою жизнь Отцу, сказать в сердце своем: "Да будет воля Твоя!" Нужно было уже внутренне умереть митрополиту Тихону, чтобы жить — патриарху.

И, мнится, было совершено это жертвоприношение в то утро 21-го ноября 1917 года, когда в разбитом пушками

Кремле совершалось торжество настолования, и, мнится, я видел это с трепетом и ужасом в очах патриарха, когда вступил он на свой патриарший трон и молился Отцу о помощи. И то, что совершилось в сокровенности гефсиманской ночи, оставило неизгладимый след на его душе, прошедшем через огонь жертвенного очищения.

Что поражало и покоряло в патриархе всякого, кто имел возможность его видеть, это какая-то царственная свобода, связанная с отсутствием страха, бесстрашием в личной своей судьбе. Тогда, когда смутный страх, против воли, входил в души пред лицом постоянной угрозы, патриарх был светел и спокоен пред лицом настоящей, подлинной опасности. Более того, как будто он хотел мученичества, если оно нужно для Церкви и родины, как будто он его звал. И эта свобода давала неожиданную ясность суждения и деяния. Однако ему не дано было мученичества в эти первые, бурные годы его патриаршества. Мученическая смерть для него явилась бы легкой и радостной жертвой. Но не краткое и сладостное мгновение мученичества, но крест долгого и горестного исповедничества возложен был на его плечи. Имя этому кресту — ответственность за судьбы Церкви, ответственность страшная, неумолимая и беспощадная, ибо она явно превышала силы человеческого существа. Руль выбит и сломан, но рулевой остается на корме корабля, и он несет ответственность. Страшное бремя власти в том, что она не может, не имеет права никогда бездействовать, ни даже тогда, когда отсутствует свобода действия и самая его возможность. В таком положении — скованного по рукам и по ногам и, однако, остающегося на своем посту рулевого — оказался патриарх почти с первых месяцев своего избрания.

Все, что можно было здесь сохранить рулевому, это — свободу духа и независимость суждения, не пошатнуться внутренне, и тогда бессильны окажутся оковы антихристовы и его злоба. И патриарх, как будто уже находясь за чертой земной жизни, сохранял эту свободу и верность, был

рулевым церковного корабля в бурю, во мраке общего страха и безнадежности. Бог дал ему ясность духа и незлобивое сердце, которое все терпит, все переносит, на все надеется. Обаятельной веселостью и детским смехом и незлобивой шуткой он оборонялся от угрюмости и страха, в котором изнемогали его окружающие. Он был светел во мраке и приносил с собою свет: его появление рад о в а л о, его улыбка загоралась в сердцах.

Начало патриаршего управления совпало с перестройкой отношений государства и Церкви. Государство определилось на началах воинствующего безбожия и борьбы со всякой верой, прежде всего христианской. Антихристово наступление на Церковь сначала выразилось в отнятии у Церкви всяких имущественных и общих прав и уничтожении бесчисленного ряда церковных учреждений. Первые месяцы и дни патриаршего управления были бесконечными слезными похоронами старого с плачем и воплями пострадавших, которым нечем было помочь. Затем началось прямое гонение на Церковь, убийства и заточения епископов, клириков и мирян. Одновременно с этим государство объявило себя враждебным всякой вере и воспретило обучение детей закону Божьему. Удушение церковного просвещения сопровождалось небывалым в мире разливом безбожия и развращения, заставляющего вспоминать о допотопном человечестве. Даже наступило время ограбления церквей и судебных преследований, пролилась мученическая кровь и патриарх был заключен в темницу. Выступили церковные иуды, живоцерковники. Борьба против Церкви из внешней стала и внутренней. Была сделана дерзновенная попытка низложить патриарха, и перед рулевым встал новый смерч, новое испытание.

В узилище патриарх обречен был узнавать о новых мученических испытаниях верных своих и о торжествующем, наглом хозяйничанье волков и татей в ограде церковной. В это страшное, мрачное время, во мраке

темничном, светит патриарх всему миру, он является опорой, надеждой, упованием русской Церкви, о нем молится христианская Церковь во всем мире. И Господу угодно было внять молитвам и исторгнуть его из пасти велиара, из рук палачей. Исповедник является на своем патриаршем престоле, готовый снова принять жезл. Но при этом его ждала новая жертва, новое испытание, новый подвиг самоограничения и самоотвержения.

Когда опасность гибели угрожает в море, приходится выбрасывать в море даже и ценный груз, чтобы спасти самое драгоценное. Нелегко принять такое решение, которое связано с готовностью принять за него всю ответственность, но его иногда неизбежно становится принять. И когда, волею Божьей, жребий мученичества сменяется снова жребием исповедничества, пред ним встала необходимость сосредоточить все силы на одном — обличении и разрушении лже-церкви, оставив все прочее, и подчинить одной этой основной цели свой образ действий.

Это потребовало новых самоопределений, которые трудно поддаются пониманию и смущают некоторых и ныне. Патриарх не мог, конечно, изменить своего отношения к тем действиям советской власти, которые представляют собой неслыханное и свирепое гонение на все святое и вдохновляются сатанинской ненавистью к Богу, антихристовой злобой ко Христу. Патриарх, пред лицом всего мира, осудил эти действия власти, причем, сначала, когда никто еще не верил действительности этого чудовищного и противоестественного строя, и патриарх готов был хотя бы своей жизнью дать освобождение народу. Когда стал выясняться затяжной и длительный характер болезни русской государственности, и патриарх счел необходимым признать эту длительность, считаться с этим и, подчиняясь факту, как первохристиане подчинялись факту нероновской власти, все свое внимание и энергию сосредоточил на обличении и искоренении живоцерковного раскола. Это сужение фронта, невольное и очевидное,

неизбежное, стоило патриарху принятия некоторых решений, словесных жестов в сторону советской власти, причем, конечно, в царстве лжи и насилия никогда нельзя добиться истины и узнать подлинный ход событий. Посему здесь приходится судить только по общему смыслу факта, но не по тексту тех документов, которые публикуются от имени патриарха.

В этой кажущейся уступчивости патриарха следует видеть его новую и последнюю пастырскую жертву ради своих овец: вместо мученической славы внешнее умирание и бесславие примирения. Но эта новая жертва, это юродство Христа ради, еще больше, кажется, возвеличили имя патриарха: народ принял сердцем то, что родилось из сердца любящего.

Поистине любовь всему верует, все покрывает. И скованный патриарх в скованной России сделался светочем для всего мира. Он вознес Церковь свою на свещницу; никогда еще, за все времена русской Церкви, не была она столь возвеличена и прославлена в своем святителе, как в эти дни скорбных испытаний, и не было имени, которое бы с большим уважением именовалось во всем христианском мире, как мученика-исповедника, главы русской Церкви. И это апостольское дело, этот кроткий и тихий свет православия притягивает и покоряет, творит великое дело мировой миссии православия, зовет к соединению всех. И дело святителя Тихона дает свои еще неведомые миру плоды. Разве не есть чудо милости Божьей к русской Церкви и русской земле, что дана ей такая сила во всем внешнем унижении ее: мученический глава мученической Церкви...

Таков подвиг. Но достойно подвига и дело. В чем же оно, это дело? Патриарх был стражем русской Церкви, хранителем ее достоинства, верховенства и свободы в самое страшное время испытаний. Он научил относиться к Церкви как единственно высшей самодовлеющей ценности, которую нельзя подчинять никаким утилитарным, хотя бы и самым возвышенным соображениям. Церковность, чистая, никогда не

прираженная церковность — таково было самоопределение святейшего патриарха. Патриарх был блюстителем чистоты веры и нерушимости церковного строя и хранителем внутренней ее независимости, одинаково как от страстей национально-политических, так и демагогически-социалистических.

Патриарх принял бразды правления в тот переходный момент, когда Собор восстановил начала соборности, затемнившиеся в сознании за предшествующие века. Нужно было снова воспитывать церковное общество к соборности, к свободе в послушании и к послушанию в свободе, без которых нет истинной соборности.

Я вспоминаю, как образовались новые, установленные Собором органы высшего церковного управления; в один из тяжелых дней, когда черная туча нависла над ним самим и Собором, патриарх сказал в своем вступительном слове: "Мы переживаем ныне радостный день осуществления нового строя церковного". Так видел он грани совершающегося в Церкви. Он глядел вперед, а не назад; навстречу хотя и не обеспеченному, но новому грядущему.

Новому строю не дано было осуществиться вследствие гонения и постоянного гнета. Однако патриарх, ангел русской Церкви, твердо стоял на своем посту. Быть с патриархом стало признаком положения Церкви в отношении к государственной системе; определилось как полное отделение и обособление. Это был и есть, несомненно, тягчайший ущерб и сужение значения Церкви, однако нужно было это принять для того, чтобы сохранить внутреннюю независимость и самодовлеемость Церкви. И всесторонний, полный, даже чрезмерный в своем осуществлении союз Церкви и государства, который закреплялся в лице священного помазанника Божия, теперь уступил место как бы внегосударственной аполитичности Церкви, которую нужно сохранить в своей собственной неповрежденности, не отдавая ее сокровища ни за какую чечевичную похлебку партийного или государственного покровительства.

Патриарх сохранил Церковь от чрезмерного сближения даже и с белым движением, поскольку оно выражало собою только часть, или лишь определенные круги народа, в массе своей еще не переболевшего и не изжившего большевизма. Но он, всей силой своего личного влияния, сохранил Церковь от захвата темной стихией живоцерковщины, этим порождением угодничества, оппортунизма, растерянности, карьеризма, раболепства, маловерия и духовного распада.

Хотя живоцерковничество, взлелеянное в тайниках чеки и оттуда все время поддерживаемое, не представляет и не представляло никакой духовной силы, есть явление разложения, однако опасность и вредоносность его, при данных обстоятельствах, для Церкви, при беззастенчивости и наглости его агентов и при полной связанности православия, была чрезвычайно велика. Она не может считаться и сейчас устраненной, ибо из острого состояния перешла в хроническое, и социалистические подделки церковности все время будут фабриковаться в Советской России, однако главная волна уже разбилась, в прямом бою с Церковью живоцерковство оказалось посрамлено, и победил его святейший патриарх, в узилище, в оковах, но сильный своей верой, своей непримиримостью и безграничным доверием и любовью народной.

После освобождения патриарха оно развалилось, яко исчезает дым и яко тает воск от лица огня, сохранившись лишь в виде казенных наймитов лжесинода. И это есть дело святейшего патриарха. Трудно даже исчислить те бедствия, которые постигли бы русскую Церковь, если бы это движение в нем не встретило скалы несокрушимой, о которую и разбилось в своем разбеге.

Мы слишком близко стоим к патриарху, чтобы измерить значение его дела, оно раскроется только в будущем, на расстоянии. В нем потеряла русская Церковь живой символ единства церковного, а вместе и единства народного. Если доселе народ русский носил имя своих царей, то эти

страшные дни он был народом патриарха Тихона, в нем имел он духовного вождя. Ныне отозван сей Моисей, не увидев страны обетованной, и остался в пустыне без вождя народ его. Кого укажет Бог на это место?

В том воля Божья, но есть и завет патриарха своему народу, для которого он все отдал, быть достойным своего святителя. Нами должно владеть не малодушие и смущение, но крепкая вера в пути Божьи. Пусть каждый спросит свою совесть, был ли он достоин быть сыном своего отца-святителя, распинался ли он с ним, когда он распинался за люди своя, жертвоприносился ли он в сердце своем, когда патриарх, яко агнец, ведом был на заклание по образу Жертвы жертв, единожды навсегда принесенной?

Есть грандиозная и таинственная символика священных времен, которая как-то сама выступает в жизни патриарха. Он вступил на престол при пении ирмоса недели Вайи: "На гору Сиона възиди благовествуяй", и в эту же неделю предался земле прах его в царствующем граде Москве. Господь вошел в Иерусалим как царь кроткий, Он явил Себя царем, сыном Давидовым, но это совершилось лишь тогда, когда Он пришел в Иерусалим на пропятие. Шествие на осляти было и прямым шествием на Голгофу; славословие и постигание риз — путем к пропятию. На этот путь зовет и ведет с собою Господь и избранника своего. Вступление на патриарший престол было для него путем на Голгофу, высота сана была для него только крестной тяжестью служения. Ныне он молится за русскую Церковь и русский народ, да будет он верен священному преданию, да хранит он в чистоте святиню православия, да любит он Бога больше жизни своей.

11/24 июня 1925 г.

СЛОВО НА МОЛЕБСТВИИ ПЕРЕД ГОДИЧНЫМ АКТОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

”Всякий книжник, наученный Царствию Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей старое и новое” (Мт. 13,52).

”Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш” (Ис. 40,1). Не человеческие домыслы, но божественное утешение Слова Божия. Лазарь четверодневный смердящий – русская земля – и плачет Марфа: ”Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой” (Ио. 11,4), и сыны рассеяния, на реках Вавилонских, обесившие органы. Судьбины Божии – благая и любящая рука, наказующая – кто скажет, что он без греха перед родиной? – и назидующая. Перед очами нашими пример изгнания избранного народа, брошенного в обольстительный языческий Вавилон и века пребывавший в этом изгнании.

Немногие вернулись с Ездрой и Неемией воздвигнуть храм. Что происходило в изгнании с сохранившимися? Они восприняли в меру возраста своего служение и призвание: Господь воздвигал пророков, которые раскрывали вселенский смысл веры предков. Отроки, в том числе Даниил, Азария, Анания и Мисаил, были отданы в учение при дворе, что не мешало им хранить завет свой с Богом. Видения и пророчества пророка Даниила касаются уже царств всего мира, как Иезекиилю показаны были в изгнании на реке Ховар слова Божии. Народ Божий, вернувшийся домой, получил новый закал, возраст, ценность и силу, он

возрастал к дням, когда избранники его услышат проповедь Царствия и посланы будут ко всем народам к тому часу, когда на горе Гаризим прогремят глаголы Истины: о поклонении Богу в духе и истине.

Народ Божий явился тем книжником, наученным Царствию Небесному, который из сокровища старое и новое, ценность коего обновляется, яко орел. Да будет это и с нами, ныне проходящими стезю, цель коей неведома снизу.

Путь в Обетованную Землю со скинией завета, если и немногие войдут в нее. Нужно иметь отверстые уши и зрячие очи, и вместе несокрушимую верность. Никто не знает, как растет зерно, кроме Сеятеля, и что делается с глиной, кроме Горшечника. Но совершится восхождение в новую меру вселенского возраста духовного, историческое совершеннолетие, которое потому так тяжело достается. Пробиваются крылья, и изгнанники, верные Сиону и Иерусалиму, если возвратятся с Ездрой, будут строителями храма.

Есть одно страшное изгнание — самоизгнание, — отлучение от Христа, но "кто отлучит нас от любви Божией: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8,35,39). Каждый человек должен быть подвижником, искать подвига и послушания, но должен быть у всех общий подвиг молитвы: "Бдите и молитесь, чтобы не впасть в искушение" (Мт. 26,41). Молитва самое важное дело, верьте в силу молитвы, ограждающей и спасающей. Молитва творит чудеса, и она есть проверка совести, будем делать только то, что можно в молитве просить у Бога. И благо, что праздник просвещения освящается молитвой, начинается в доме молитвы, исповедуя истинное просвещение.

Праздник просвещения да будет Христов. "Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?" (Лк. 11,35). "Аз свет миру есмь" (Ио.9,5). В свете этой славы сердца загораются и оживают лучи разума. Надо соблюдать строй души, лад духовного мира, а это при условии, если превыше всего и над всеми любовь ко Христу, Истине превыше всех истин, Правде превыше всех правд, Царю превыше всех царств... Ищите Царствия Божия и правды его и прочее приложится во Христе, Ему же слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

5/18 мая 1923 г. Прага.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Слово, сказанное за литургией, на съезде Совета Движения

Христос Воскресе!

“Аз есмь свет миру, просвещаяй всякого человека, грядущего в мир”. Мы привыкли искать в евангельском чтении ответов на наши смущения. Делаем это и в эти ответственные и трудные дни, пришедшиеся на неделю слепорожденного. Мы ищем света, и этот свет видим и знаем во Христе, Которому хотим принести всю нашу жизнь. Мы хотим ходить во свете. Свойство света в том, что не видно самого источника света, не видно солнца, но все другое видится в свете, и в зависимости от него мы видим действительность, видим ее в том или ином свете. И свет Христов для каждого человека есть единый свет. Если око чисто, то и тело чисто, и так в том свете, который в тебе, — все видится. Если есть в тебе свет — то тьмы нет. Сегодняшнее Евангелие говорит нам о брении, которое положил Христос на очи исцеляемого, который стал зрячим после того, как омылся в Силоамской купели. Нам нужна тщательная проверка, в истинном ли свете мы ходим. Задача Движения есть спасение душ от темного просвещения, возвращение их от ложного света к истинному. Этот ложный свет в нас живет в гордости, в пессимизме, в самоутверждении, в наших страстях. Нам нужна Силоамская купель, чтобы омыть наши

немощи, нам нужно работать над собою, чтобы Христос воцарился в нас.

Господь сказал про себя, что Он кроток и смирен сердцем. Нам надо воспитывать в себе кротость и смирение. Как это воспитать? Никто не может и в то же время все могут в меру собственных усилий приблизиться ко Христу. Но ложный свет закрывает путь, ложный свет от заблуждений ума, от пристрастий сердца. Надо достигнуть ума Христова. Что такое ум Христов? Все, что мы познаем подлинно, — познаем в Христе, Христовой силой. Но ум Христов может и отсутствовать в нас, в нашем познании. Вместо него может быть ум змиев, внушающий нам: "И будете, как боги, знающие добро и зло". Эта гордость ума удаляет нас от ума Христова. Господь велит быть кроткими, как голуби, ибо сам Он кроток. Ум наш возводится к уму Христову, осоляемый смирением и кротостью, Духом Святым. Поэтому да не отрицаемся ума, да не отрицаемся знания! "Дети, говорит апостол, не будьте младенцы умом". И волю будем иметь, волю, направленную ко Христу. Нужно иметь религиозную волю, нужно воспитывать ее спокойно, длительно, упорно, для того, чтобы отдать ее к одной цели — следованию за Христом.

Наши страсти все время хотят овладеть нами; воля — каменная плотина, о которую разбиваются страсти. Господь почтил нас тяжестью креста; особенно это трудно в наше время. Мы не можем овладеть самими собой. Наши грехи, в которых мы каемся, — от гордости нашего ума и от невоспитанности нашей воли. Конечно, выше всего перед нами светит христианская любовь. Нам даже тяжело говорить об этой христианской истине, настолько она обличает нас. А без любви нет христианства. Перед лицом Христа мы должны сказать, что у нас нет любви в сердцах. Любовь — это дар, но любовь не только дар, но и труд. Любовь не превозносится, не гордится, не делает всего того, чего ты сам не хочешь себе.

Вот любовь, на которую мы все способны, которая в нашей воле, — задерживать свое дурное слово, поступок. Не делать. Это — труд любви. Трудно передать, в какой мере я бываю постыженным, видя любовь у инославных и не видя любви в среде православия. Чем мы похвалимся? Церковными делениями, своими внутренними делениями? Можно недоумевать: "Если соль теряет свою соленость, то чем же осоляется мир"? "Вы — соль земли!" — это слово о Православии, ибо оно — полнота истины. Призвание Божье непреложно. И если мы недостойны его, но призваны — будем знать, что это призвание непреложно. И если окажемся все-таки недостойны, и будет это призвание отнято от нас, то это будет страшный суд Христов над нами.

Да не будет сего, Господи! Аминь.

1935 г.

SURSUM CORDA!

Дорогие братья! Хочется встретиться, духовно ощутить друг друга в эти грозные дни испытаний, суда Божия, чтобы вместе, плечом к плечу, предстать пред Ним, дать ответ о своем уповании.

Над миром несется ныне благовест смерти. Народы внемлют этому зову вечности пред лицом разрушения того, что еще недавно казалось нерушимым. История снова показывает свой трагический лик, пророчески явленный в Откровении, но забывающийся в идиллические времена "прогресса". И что мы принесем Богу в ответ на эти зовы вечности, с чем встретим Жениха в час полуночи, какое слово будет на устах наших пред лицом смерти? Будет ли это вопль испуга: "Спаси нас, погибаем!" (Мт. 8, 25)? Но "Где же вера ваша?" (Лк. 8, 25), отвечает Господь. Да не будет испуга пред страшным. Приближается личный конец для многих, который все равно, рано или поздно, наконец должен постигнуть, но не есть конец всего земного бытия, а самое большее — грань исторической эпохи, с муками нового рождения. История не созрела для своего конца, еще не наступила ее полнота, и нам не дано знать ее времена и сроки.

Однако нам сказано не о конце, но еще более раннем: "Услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец" (Мт. 24, 6). На современных событиях лежит печать исторической неизбежности, однако мы еще остаемся

в истории и должны уразумевать происходящее в свете ее задач и велений. Наш исторический дом горит, но не гибнет. Он знал много пожаров в прошлом, как и многие из нас уже прошли через пожарища своего дома, изведав его разрушение, и, однако, история пошла своим дальнейшим путем.

Как бы ни разрешалась нынешняя прят народов, но и это не есть конец Европы, а только очередное горнило истории. Созвездие Европы не угаснет, даже если изменит образ свой. Европейские народы, как и отдельные личности, оказываются во власти судьбы, их влекущей, пока не истощится пламя и не угаснет. Однако и в этом фатуме войны человек сохраняет духовную личность и творческую свободу, свою человечность. Наряду с военной бранью совершается брань духовная, на исторической наковальне выковывается новое самоопределение Европы, незримо и таинственно рождается в смерти новая ее душа, как исторический плод европейской катастрофы. Каков же будет этот плод? Будет ли то дальнейшее обьязычение и одичание мира, его дехристианизация, или же, напротив, новое духовное рождение, торжество христианства? На этот вопрос не призван никто ответить, кроме самих участников истории. Однако несомненно одно: в происходящем совершается некий суд европейскому миру и обозначается его "кризис", как свободное творческое избрание: "Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие" (Втор. 30, 19). Спасение Европы и с нею всего христианского мира, а далее и всего человечества, донныне еще не христианского, но уже антихристианского, может прийти лишь от нового обращения ко Христу.

Христос становится ближе человеческому сердцу во дни испытаний, нежели благополучия. Он всегда с нами, "во все дни до скончания века" (Мт. 28, 20), но эта близость более ощутима на ложе скорби и на поле брани, нежели в обителях мира. Если Он сам свидетельствует свое присут-

ствие с алчущими и жаждущими, болящими и заключенными (Мт. 25), то оставляет ли Он и ныне убиваемых, ранимых, замученных, в лишениях сущих? Или же состраждет и ныне на полях браней, вместе с пречистой Матерью своей, страждущему человечеству? Здесь тайна веры, открывающаяся человеческому сердцу, свидетельствуемая в созерцаниях духовных как некая очевидность. Война, как и всякое испытание, не только ожесточает, но и углубляет человека, ставит его пред лицом вечности и Бога, переводя сознание из горизонтального в вертикальное измерение истории. Человек остается волен и ныне в своей свободе не внять откровению вечности и даже утвердиться на пути к дальнейшему обмирщению и нигилизму, вместо того, чтобы открыть сердце зовам нездешнего мира, но Христос по-новому ныне стучит в сердца человеческие.

Каждого застает на своем особом месте история и к каждому предъявляет свои особые требования.

И, как члены Fellowship'a, посвятившие себя делу церковного единения, мы спрашиваем себя, как можем мы участвовать в этом духовно-творческом самоопределении, воюющие и не воюющие, как воины рати Христовой? Можем ли мы сказать себе, что теперь наступила пора перестать, остановить нашу работу за ее несвоевременностью, неуместностью в качестве дела мира в дни войны? Или же наоборот — от нас требуется еще как бы новая духовная мобилизация на духовную брань, чтобы не только сохранить, но и умножить те духовные сокровища, которые были вверены нам в ответственном чувстве нашего опознанного единства в Церкви. Мы имели много радостных его откровений в дни былые, но неужели оскудеет дающая десница Господня именно теперь, в дни великих потрясений? Даже военное разделение народов, которое ставит их в качестве противников, не в состоянии упразднить этого единения во Христе, которое Он сам дает Его призывающим, хотя оно и не имеет сейчас возможности видимого обнаружения. Воинствование есть

временное и земное, единение же вечное и запредельное. И еще более требуется это единение церковное там, где нет для него противодействия и противоборства и христиане вместе стоят в смертной опасности пред лицом Христовым. Если сердца и взоры обращены к небесам даже среди дел воинствования, то и в войне совершается единение церковное. Но надо твердо помнить, что оно не совершается помимо нас, но нашим усилием, свободой и творчеством.

Мы, члены Fellowship'а единения церковного, призваны к делу его не на срок, не временно, но навсегда. Мы связали себя обетом в брани духовной, как бы дали духовно-воинскую присягу и никогда не можем отступить от своего долга. Пусть не застанет нас врасплох духовно даже и европейская война, но да станет и она соборованием церковным. И наше сознание должно еще углубиться, а задачи расширяться. И хочется сказать, чего особенно душа просит в эти дни раздоров, новых завоеваний: дальнейшего расширения наших связей с братьями римско-католической церкви и их углубления. Мы знаем, в какой мере это не от нас зависит, по крайней мере в той форме, в какой понимается там это единение. Но сделаем то, что от нас зависит, что мы можем сделать, оставаясь самими собой в стоянии пред единым алтарем Христовым.

Пусть это единение евхаристическое пронизывает наши сердца пред лицом Христа, страждущего о нас и с нами на поле брани. В разделившемся христианстве мы чувствуем себя прежде всего членами определенных исповеданий, на которые разделилось христианство, но во Христе обретаем себя в том единстве, к которому Он нас призывает: "Да будут все едины" (Ио. 27, 21). Небесным звоном эта заповедь должна звучать в нашем сердце. Пути промысла неисповедимы, они ведут нас к новым задачам и свершениям, но воля наша да будет несокрушима. Бог творит чудеса, и будем уповать на чудо Божье, чудо христианского единения. В ответ на черные чудеса и знамения антихриста да воссияет знамение креста Христова: "Сим победиши".

НЕ УЖАСАЙТЕСЯ, НО БОДРСТВУЙТЕ

...Услышите о войнах и военных слухах. Смотрите не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец.

(Мт. 24, 6)

Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет... Будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий.

(Мт. 24, 42, 44)

Раскрывая перед учениками, как и перед всеми нами, картину грядущих бед и испытаний, Господь увещевает не ужасаться, но бодрствовать. И ныне мы слышим о войнах и о военных слухах, но от них ужасаемся, и не страхом Божиим, а человеческим. Для человека естественно ужасаться ужасного, что совершается кругом нас и с нами самими. Мнимая прочность жизненного уклада, в котором, как и в дни Ноевы предпотопные, люди "ели, пили, женились и посягали", обличается ныне в своей тленности. Рушатся города и державы, которые казались нерушимыми, рушатся с ними и души человеческие. То, что казалось в них высоким и могучим, обличается в слабости и малодушии, а то, в чем мнили себя великими, оказывается самоослеплением. Вместе с ужасами внешними нас постигают и опустошения духовные — разочарование и безочарование: "Низложи сильныя со

престол". Подлинные же ценности, сокрывающиеся в смирении, всегда труднее опознаются, нежели обманчивые. Ныне же происходит всеобщая самопроверка, которая была не под силу нам в дни благополучия, но помимо воли нашей совершается в эту годину испытаний. Она нелегка, ибо есть как бы предварение Страшного Суда, в свете совести и самопознания. Духовный же плод ее есть пока лишь уныние, как и сказано: "И будут на земле уныние и недоумение..." (Лк. 21, 25-26). Но почему же только уныние и о чем недоумение? Ведь сгорает лишь то, что доступно огню, а сотрясается то, что, не имея собственной прочности, облепшало душу, как кора. И вне ее душа обретает свободу покаяния.

Снова и снова свидетельствуется неудача земного царства, которое утверждается призраком благополучия и духовным порабощением. Потрясения земного града не знаменуют ли некоего освобождения от его духовных оков, от того лишнего и ложного, что входит в человеческую жизнь в качестве ее устоев? В ответ на наши страхования Господь и призывает: "Не ужасайтесь, но бодрствуйте! Когда увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие" (Лк. 21, 31). "Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте" (Ио. 14, 1). Христиане знают утешения веры и во времена безутешные. И однако Господь остерегает от чрезмерной легкости утешения, в котором подменяется истинный подвиг веры суеверным чаянием скорого избавления. Со всей силой Господь подтверждает: "Надлежит всему тому быть, но это еще не конец" (Мт. 24, 6); напротив, "о дне и часе том никто не знает: ни ангелы, ни люди, ни Сын, но только Отец" (Мр. 3, 32). И могут ли люди, одержимые смятением и страхом, определять, исполнилась ли уже мера и наступили ли времена и сроки Второго Пришествия Господа? То говорит не вера, а испуг, не пророческое вдохновение, а человеческая растерянность. В ответ на это сказал Господь: "Бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время". "Тогда явится знамение Сына Человеческого, грядущего на облаках

небесных с силою и славою великою” (Мр. 3, 30). Сказано было Господом во времена бегства в горы находящимся в Иудее (Мр. 3, 16): ”Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира донныне и не будет”. Но и тогда не наступил еще конец. Пришествие Его определяется не мерою бедственности, но полнотой свершения для Царствия Божия.

Иные из этих свершений указаны в Слове Божьем: и прежде всего проповедание Евангелия по всей вселенной во свидетельство всем народам, после чего придет конец (Мр. 3, 14). Сюда относится также обращение и спасение Израиля, после того как войдет полное число язычников (Рим. 11, 25-26). Но даже и это еще не конец. Посему мы находимся в середине пути, хотя и не знаем, сколь далека от конца эта середина. Для нас остается будущее исполнение еще не исполненных обетований.

Однако при всем том Господь нас призывает: ”Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и подымите головы ваши, потому что приближается избавление ваше” (Лк. 21, 28). ”От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето; так, когда вы увидите сбывающимся все сие, знайте, что близко, при дверях” (Мт. 24, 32-33; Мр. 13, 28-29; Лк. 21, 29-31).

И последнее, завершительное слово всего Нового Завета звучит молитвенным призывом: ”Ей, гряди, Господи Иисусе!” (Откр. 20, 20) с ответом Призываемого: ”Ей, гряду скоро! Аминь”. Однако невольно недоумеваем, не стоим ли мы здесь перед противоречием, которому нет места в Слове Божьем. Как понять, что мы одновременно призываемся к блюдению знамений и к чаянию близящегося конца, а вместе с тем от сего остерегаемы. Очевидно, здесь требуется правильная мера в блюдении и соответственный его образ. Мир идет к своему страшному и спасительному концу, хотя наступление срока его и остается сокрытым в неведении. Поистине сердца наши должны гореть чаянием брачной вечери Агнца. Но эта

молитва должна приноситься в великом смирении и спасительном терпении. Не подобно ли это чувство нашему приготовлению к смертному часу, ведь и он есть личный конец для каждого, за которым следует встреча с Господом. Не указывается ли и его приближение также явными признаками, подобными почкам весенней маслины? Однако и нам день и час нашей смерти остается неведом. Мы всегда должны о нем помнить, но является уже греховным дерзновением молитвенно его призывать, его знает лишь Отец наш небесный. О сем и свидетельствует великий апостол: "Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение" (Фил. 1,21), "имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами" (Фил. 1, 23-24). Апостол не хочет в этом иметь своей собственной воли, но отдает себя воле Божьей.

Потому и мы должны не закрываться страхом от знамений близящегося конца, блюсти их жадными глазами, и, однако, не преувеличивая своей способности их постигать, и, видя приближение, не мнить об его наступлении. Но главное, надо бодрствовать духом, как благоразумные девы, приготовившие масло в светильники навстречу Жениху.

В нас должно всегда гореть желание встретить Господа, с сознанием временности и бренности этого мира, с чаянием будущего века. Это есть песнь души, которая да звучит непрестанно, во все времена, в великом и малом, в испытаниях и свершениях.

Блажен раб, егоже обрящет бдяща. Аминь.

1940 г.

”В СКОРБИ ДНЕЙ ТЕХ”

Утешайте, утешайте народ Мой,
говорит Бог ваш.

(Ис. 40, 1)

Так говорил Бог древнему пророку во дни скорби народной, так и ныне говорит нам, кто призван к учительству. Ибо звучит и стелется над землею и ныне этот вопрошающий стон, широко раскрытые смотрят на нас глаза недоумевающие, люди ищут в скорби своей человеческого утешения. Но имеет ли его и сам утешающий — пред лицом страшного настоящего и еще более страшного грядущего? Как же возможны такие бедствия, что означают они, и где воля Божья в совершающемся, так вопрошают они вопрошанием Иова. Если Бог и живет в небесах, то на земле не действует ли темная, враждебная сила? В сердца закрадывается мертвящее сомнение, холодное отчаяние и тупое безочарование. Немила жизнь и постылым кажется мир. Но где же найти ответы на вопросы безответные, преодолеть их ядовитость, уберечь от них сердце свое? Ибо правдивы и искренни эти недоумения вопрошающих, в боли сердца и бессилии разума. И даже не о личной судьбе каждого из нас вопрошается, об этом уже сказано: ”Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее” (Лк. 17, 13), но о судьбах всего человечества, в судорогах содрогающегося. Кого же нам ныне вопрошать, к кому обращаться, кроме как к Самому Учителю: знал ли Он Сам об этом и поведал ли

ученикам Своим, предваряя и приготавливая всех к грядущему неизбежному и страшному? Или же, нам шепчет лукавый, и Он ошибался, не знал, и Сам отдавался мечте несбыточной?

Однако легко обессилить искусительное вопрошание: Да, Он ведал все это и о том предварял друзей своих. А следовательно, и это попущение Божье соответствует внутренней необходимости человеческой жизни, оно ведет ко благу, таково свидетельство нашей веры, которому мы призываемся внять во всей его непонятности. Не счастье земное и его утехи обещаны Им ученикам, а в лице их и всему человечеству, но горести и испытания: "Ибо когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба" (1 Фес. 5, 3), но, "в терпении вашем спасайте души ваши" (Лк. 21, 19). Судьбы мира к концу его становятся все страшнее и непонятней, страдания невыносимей, тьма все сгущается, хотя и прорезается светоносными молниями нездешнего света. В Евангелии не указано, как именно придут эти последние страшные дни, и будет ли это одно ограниченное время, или же, растягиваясь и как бы повторяясь, оно вообще определяет собою судьбы мира и человечества после Христа. Но это напряжение зла и страданий может стать таким, что "если бы не сократились дни те, то не спаслась бы никакая плоть", и только "ради избранных сократятся дни те", и "тогда будет великая скорбь, какой не было от начала века и не будет" (Мт. 24, 21, 22).

Мы не знаем также и даже не можем знать, наступила ли уже теперь эта последняя скорбь, как может это представиться нашей испуганности, которой не следует поддаваться. Однако весь мир уже пребывает в скорби, от которой способны дрогнуть наши сердца. Эта немощь веры пред лицом испытаний явила себя даже в избранных, в самих апостолах, которым и было сказано Христом: "Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь!" (Мт. 26, 31), но подобная ночь мира и ныне не надвигается ли?

Если теперь мы изнемогаем от холодности сердца и расчетливого себялюбия, то и об этом также наперед было

сказано, что по причине умножения беззакония охладает любовь в нас. Но при этом всем мы призываемся к мужественному терпению: "Претерпевый до конца спасется" (Мт. 24, 12-13). И Господь с особой силой подтверждает всю непреложность предуказанного: "Небо и земля пройдут, но слова Мои не пройдут" (Мт. 24, 35).

Мы невольно ищем в этих предвещениях и себя самих, разгадки своих собственных судеб. Послужат ли они для нас оправданием нашей собственной испуганности перед жизнью, или же, напротив, явятся уверением в том, что и при этой буре Христос остается близок, говоря нам, как некогда ученикам своим: "Ободритесь, это Я, не бойтесь!" (Мт. 24, 27), и при нашем малодушии увещевает: "Малодушный, зачем ты усомнился!" (Мт. 24, 31). И больше того: пред лицом всех ужасов и потрясений Он зовет к особой бодрости: "Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите главы ваши, потому что приближается избавление ваше!" (Лк. 21, 28). И чем страшнее кругом, тем радостнее и свободнее может быть сердце, тем ближе Христос, если только сами мы со Христом. И именно вопреки неистовству антихристову приближается явление Царства Христова на земле, обещанное еще ранее конца, как и скованность сатаны на тысячу лет еще прежде последнего боя (Откр. 20).

Таково наше христианское утешение, и иного не знаем мы, поскольку мы христиане. И разве этого мало? По милосердию Божию, оно подается нам в великом и в малом на путях нашей жизни. Господь незримо, но ощутимо простирает руку помощи утопающему, когда мы с верой Его призываем. И пусть не соблазняемся мы даже греховною немощью нашей, человеческим слабосилием. То, от чего мы ныне изнемогаем: многозаботливость и страшливость, холод сердца и рассеянность молитвы, уныние и себялюбие, все это тяжелой тучей налегло на нас, как и на весь мир. В иные времена, свободные от испытаний, мы и сами казались себе достойнее и сильнее, нежели теперь. Но этими испытаниями

почтил нас сам Бог, хотя мы и не сознаем этого своего избрания.

Испытание веры послано было самим апостолам, оно и всем ныне посылается, да устоим в ней до конца. Когда на земле сгущается мрак и торжествует царство зверя, в небесах звучат ангельские трубы и раздаются победные голоса, так нам свидетельствует Откровение. Вместе с земною печалью отверзаются нам небеса, открывается иная, неземная, высшая действительность благодатною силою Церкви, которая с нами и в нас пребывает. Мир по-прежнему охраняется воинством небесным и над ним простерт Покров Богоматери, с нами и о нас молятся все святые, угодники земли Российской ее не оставляют в ее борениях, внутренних и внешних. От мира не отнято и не отнимется "воспоминание" крестной жертвы Христовой, каждодневно творимое на алтарях земных. В мир изливается неизнемогающая сила благодати в таинствах и священнодействиях церковных. В нем звучит слово святого Евангелия. И когда и сами мы в благодатные мгновения касаемся сердцем горнего мира, то уверяемся, что не потеряны и не оставлены в нашем мире, в котором Христос пребывает Духом Святым, и Он говорит нам в напастях и бедах наших: "Не бойтесь, это Я!" Внемлите Ему. Аминь.

1942 г.

ВО ДНИ ПОСЕЩЕНИЯ БОЖИЯ

Забвена буди десница моя, аще забуду тебе, Иерусалиме.

(Пс. 135, 5)

В бедственную годину войн вспомнил Господь и о родине нашей, посетил бранью народ наш. На весах суда Божия взвешиваются ныне его судьбы. Проходили долгие годы, в течение которых народы врачевали раны свои, собирали новые силы, в холодном забвении о его судьбах. Одинокó бедствовал он, изнемогая под игом власти безбожной, жестокости ее зверообразной, в наследии войны всенародной. Кровью и слезами орошалась обильно родина наша от власти насильников. Они посягнули на всю ее жизнь, не только на древнее ее предание, но и на великие святыни веры христианской. Народ православный превратили в стадо бессловесных, лишаемых святого крещения, насильственно возвращаемых к язычеству и даже ниже его — ибо язычники знают Бога, имеют свое богочитание, здесь же, впервые во все времена бытия человеческого, воспитывался великий народ вне веры в бытие Всевышнего. Его мучили ради этой цели всеми муками, казнили всякими казнями, лгали всякою ложью, содержали его, как некогда содержался народ Божий в рабстве египетском, но не было Моисея, чтобы вывести на свободу людей своих. Одного лишь не дано было растлителям душ — обессилить и само тело народное. Оно продолжало расти, чтобы, подобно Самсону, разорвать гнилые оковы свои. Хотя и

окованный, народ наш сохранил свое место на земле, возрастая и ширясь, блюдомый к грядущей судьбине своей.

Се ныне открывается новая книга его бытия. Но в первых ее письменах начертано неожиданное и страшное – беда идет за бедою, опасность ныне угрожает свободе народа, его самобытности. Русскую землю постигло нашествие иноплеменное, над нею занесен меч завоевательный. Грады и веси, доселе оскверняемые властью безбожною, становятся военною его добычей. Поработители внешние и внутренние соединяются в угрозе целостности и существованию, независимости родины нашей. Пред лицом смертельной опасности возносим мы сердца горé с мольбою о спасении и помиловании ее. Ты, Господи, творишь яко же хочешь, Твоя воля да свершится над нами, но из глубины сердец наших к Тебе взываем: свободи родину нашу от власти безбожной, огради ее от покорения и разделения, неволи и завоевания.

В рассеянии и изгнании живущие, лишились мы родины нашей, не приняли печати "зверя" и не поклонились ему. В непримиримости этой, пред совестью утверждаем мы правду свою. Но зверя, до времени овладевшего родиной нашей, не соглашаемся мы приравнять ей самой и от нее отречься, и состояние ее болезни не отличить от самого ее бытия. Святыня ее остается незыблема для нас и в уничтожении. В злых правителях знаем мы первых врагов ее, вредящих жизни, но бессильных угрожать самому ее бытию. Они теперь соединяются с иноплеменными силами, ищущими отнять или умалить место ее на земле, данное Богом, завещанное нашими предками. И потому высшим долгом является для нас сохранить верность родине, не изменить ей мыслями или делами, не пожелать неприятелю овладения родиной нашей.

Завоеватель ищет своего, но не нашего, и он не сделает для нас и за нас того, что только мы сами призваны совершить. Бог избирает орудие воли своей. Да совершится и над нами Его святая воля, но пусть совершится попущение Божье над нами помимо нашего участия, без нашей измены духовной.

Пребывание в рассеянии сугубо крестно во дни испытаний народных, оно обрекает нас оставаться в бездейственном созерцании, доколе не окажемся явно призванными и мы к строительству на родной земле. Но и терпя эту тягостную долю, не должны мы становиться чужими орудиями. Нас смущают соблазны и личной корысти, надежда и желание получить утраченное из рук завоевателя, чтобы тем положить новое основание к внутренней междоусобице. Мы должны понять, что не свободу, но новое покорение приносит с собою меч завоевателя, и не должны мы ему радоваться как желанному. Пусть мы страдаем на чужбине, вне родины в этот грозный час ее жизни. Однако этого нельзя преодолеть мнимым, обманчивым участием, в качестве послушного орудия чужой воли. Мы сохраняем свободу духовного самоопределения, в молитвенном предстоянии нашем пред Богом. Мы верим, что оно, и будучи лишенным внешнего проявления, есть зиждательная сила, которою незримо и таинственно воздействуем мы на судьбы родины и всего мира, доколе мы не будем призваны к прямому и явному служению. Но это призвание должно совершиться не от завоевателей, но придти из недр родины нашей. Она одна вольна принять и не принять прощенных и непрощенных служителей. Дотоле же нам остается духовное самоблюдение и молитвенное предстояние пред Господом, да спасет и соблюдет Он родину нашу от нового порабощения внешнего и внутреннего, ими же весть Он судьбами. Да дарует Он ей свободу молитвами небесных сил бесплотных и всех святых, в земле Российской просиявших. Они явили собой образ верности святыне Российской в ее испытаниях под игом татарским, в нашествии польском, вторжении двенадцати языков, насилии безбожников... Они с нами и ныне в годину страшных испытаний.

Аще забуду тебе, Иерусалиме,
забвена буди десница моя!

Аминь.

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНИИ о. АЛЕКСАНДРА ЕЛЬЧАНИНОВА

(Александро-Невский собор в Париже, 14-27 августа 1934 г.)

”Да придет моя мольба ко Господу, пред Ним же да слезит око мое. О аще бы мог человек состязаться с Богом, яко сын человеческий с ближним своим” (Иов. 16, 20-21).

Вопль Иова на одре болезненном исторгается из сердца перед этим гробом. То вопль человеческого сердца перед гробом дорогого человека, над которым совершились судьбины Божьи. Не от злобы людей, не от коварства врагов, но тяжким недугом вырван он из нашей среды во цвете сил, зрелости, мудрости. Смерть как хищный коршун носилась над ним, и человеческие усилия бессильны были ее отогнать. Бессильны оказались молитвы, возносившиеся о нем столь многими его любящими, бессильна пламенная любовь самоотверженного ухода, бессильна наука и врачебное искусство. Смерть иногда как бы отходила от него, но затем снова приближалась, пока, наконец, с неумолимостью похитила свою жертву. Отяготела на нем десница Господня, и — что может человек против воли Божьей! Неисповедимы судьбины Божьи, ибо видим мы свершение их лишь ограничено из этого мира и настоящего времени, не прозирая целого. Но когда совершаются они, то человеку остается либо подчиниться им в бессилии, рабской покорности и страхе, или же он может — и должен — склониться перед ними как перед волею любящего Отца небесного, воля которого есть любовь. Непостижимы пути этой любви, но от нас она

требует, именно в непостижимости своей, подвига веры, которая есть "невидимых извещение". Страшное и непонятное в жизни должно быть принесено к подножию креста, на котором умер позорной смертью Единый Безгрешный, сам Сын Божий. Он также молился Отцу: "Аще возможно есть, да минует Меня чаша сия", но не была услышана и эта молитва, и Он склонился пред любящим приговором Отца: "Не Моя, но Твоя воля да будет", — и в этом сыновнем послушании совершилось спасение мира. И нам ныне должно склонить свое сердце в подвиге веры по образу Христа Спасителя. И не только нам, хотя и любящим его, но все-таки дальним, но и тем близким его, которых сердце рассечено этой утратой, — рассечено на всю жизнь. Человеку надо искать силу в сердце, чтобы сказать: да будет воля Твоя. Этого требует от нас наша вера. И лишь так мы окажемся во едином духе и в единой вере с предлежащим здесь любимым нами пастырем, который так верил и так молился.

Тридцать лет суждено мне было знать его и любить его и любоваться им. Издалека, как и многие его друзья, пришел он к Церкви, и из Афин шел путь его к Иерусалиму небесному. От светской образованности пришел он к церковному просвещению. Он прошел высшую светскую школу, учился и в высшей богословской, и сам принадлежал к кругу людей утонченной мысли. Он был другом тех, кем русская религиозная мысль может гордиться, участвовал во всем труде и подвиге их. То было роковое, решающее время в истории русского народа.

В русском образованном обществе начиналось движение к Церкви, и представители этого движения, друзья почившего, вместе с ним самим начинали тогда борьбу против носителей безбожия. Возникали общества, кружки ревнителей веры и христианской жизни. То было уже светское пастырство, проповедь веры в среде одичавшего в безбожии общества, и, может быть, наиболее трудная и ответственная; и ей отдавался он, будущий пастырь, ранее

своего пастырства. Количественно то была горсть против большинства, дух которого, живущий в нем, говорит о себе: "Имя мое легион, ибо нас много". — И легиону дано было победить, и он побеждает доселе. Об этом свидетельствует то, что происходит на нашей родине, как и рассеяние наше есть знамение победы легиона.

Во всей этой работе собирания духовных сил против безбожия и равнодушия, извне прикрытого верой, почивший являлся неизменным и незаменимым трудником и сотрудником, смиренным и преданным исполнителем того, что на него возлагалось. Имя его постольку должно быть вписано в историю нашего церковного просвещения, как и новейшего движения христианской мысли в России. Этому содействовали и его личные свойства, особое очарование его юности. Когда он появлялся с своим лучистым и ласковым взглядом — навстречу ему раскрывались сердца. Было у него уже тогда особое призвание и дар быть воспитателем и учителем детства и юношества. Друзья его знали, как неотразимо было это его влияние, как привязывались к нему его ученики.

Так мы жили, пока не разразилась буря, которая рассеяла нас в разные стороны, и теперь иных уже нет, иные далеко.

В эти дальние годы он всецело отдался своему изначальному призванию — делу воспитания. Но и оно прервалось, и продолжающийся ураган унес нас в землю рассеяния. И когда здесь, в рассеянии, снова встретились мы девять лет тому назад, то было ясно, что дело воспитания, хотя бы и в высшем смысле, уже не могло его всецело удовлетворить. Оно должно было быть возведено к высшему своему основанию, к Церкви. Душа его жаждала служения священнического. И жажда эта была утолена. На него с любовью простерлась милостивая рука нашего архипастыря, и он стал священником, в страхе Божьем предстоящим престолу Господню.

Это был трепетный священник, для которого совершение божественной евхаристии было воистину высшей радостью и вдохновением. И он соединил со своим прежним

даром и призванием это новое и высшее вдохновение, стал пастырем-воспитателем, умелым и любящим руководителем душ. Как много душ плачет теперь о нем, о своем духовном отце.

Естественно также, что он оказался в числе друзей и духовных руководителей Христианского Движения молодежи, которое понесло в нем незаменимую утрату, потеряв одного из немногих, увы, руководителей своих из среды пастырства.

На чувствительной пластинке запечатлеваются образы бытия, и говорят, что все происходящее в мире запечатлевается в мировом эфире. Но так же запечатлеваются в сердцах и духовные образы. И духовный образ о. Александра, запечатлевшийся в сердцах его паствы, живет как доброе семя для тех, кто ныне молчаливо плачет о нем. Молчаливо, как он, ибо был он скромнен, молчалив и кроток, чужд искания успеха или какой-либо позы.

Этой прямоотой и искренностью сердца он был доступен всем. Особенно открыта была его душа. В его образе есть нечто евангельское, евангельски-детское, то, о чем сказал Христос: "Если не будете, как дети, не увидите в Царствие Небесное". Он был кроток и смирен сердцем по образу Того, Кто о себе сказал эти слова. В нем было подлинное смирение и из него вытекавшее неосуждение.

И мудрость этого смирения, мудрость кротости, давала ему особую власть над молодыми душами. Было в нем нечто и от Богородичного рода. Этот день его погребения есть предпразднество Ее светлого Успения, и луч от лазури ее праздника светится ныне над этим гробом... В нем было нечто от смирения пресвятой Богородицы, которая есть живой и совершенный образ действительного смирения. О Ней умолчано в летописях истории и исключительно мало сказано в священных книгах, но сердцу ведома ее власть над душами. Своим молчаливым присутствием в день Пятидесятницы и во время всей ее жизни после вознесения Сына Ее, среди

апостолов и верующих, она являлась духовным средоточием Церкви. Пресвятая Богородица рекла преп. Серафиму, что он из ее рода, он, стяжавший тот неизреченный мир в сердце, который дает нам Христос. И преподобный говорил: "Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спасутся". И мирный дух этот осенял почившего, он давал ему силу незлобиво принимать и те терния жизни, которые неизбежно встречаются на пути каждого человека. Поэтому так трудно и рассказать о нем его лично не знавшим, что он сам никогда не выделялся на первые места, смиренно и тихо оставаясь в тени, как бы стараясь быть незаметным. И даже из мира он ушел тихо и незаметно, словно стараясь собой не обеспокоить. Знаем и чувствуем, сколь многих его друзей и духовных чад сейчас нет среди нас, сердца которых пламенеют молитвой о нем. Эти сердца открыты Богу, но и ему они зримы, потому что для него теперь нет земных расстояний, и он слышит их плач и молитвы о себе. Ныне в последний раз участвует он с нами в божественной литургии на земле, но "яко же на земли в церкви служителя Твоего поставил еси, тако и в небесном Твоем жертвеннике" предстоит он, "священник Твой, Христе, жрец и приноситель божественных таинств". Им зрится ныне то, что зримо было тайнозрителем: "И вот великое множество людей, которого никто не мог перечеть, из всех племен и народов и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу" (Откр. 8, 2). И ныне молится о нем Церковь: "В вере, и надежде, и любви, и кротости, и чистоте, и в священническом достоинстве, благочестно почил еси, приснопамятне. Тем же предвечный Бог, Ему же работал еси, Сам вчинит дух твой в месте святе и красне, идеже праведнии упокоеваются, и получиши во Христе оставление и велию милость".

Со святыми упокой, Христе, душу усопшего священника Твоего. Аминь.

СВЯЩЕННИК о. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Получено на днях прямое подтверждение вести о смерти великого русского богослова и мыслителя, священника о. Павла Флоренского. Он скончался в Соловках, после 10-летней ссылки в места отдаленные, — от Восточной Сибири до Белого моря.

Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший, и величайшим является преступление поднявших на него руку, обрекших его хуже чем на казнь, но на долготнее мучительное изгнание и медленное умирание. Он отошел, озаренный ореолом больше чем мученика, но исповедника имени Христова в антихристово гонение. Посему и эта смерть исполняет душу не только потрясающей скорбью, как одно из самых мрачных событий русской трагедии, но она есть и духовное торжество, как одно из тех, о которых сказано Тайнозрителю: "Отныне блаженны мертвые, умирающие о Господе, ей, говорит Дух, они упокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними" (Откр. 14, 13).

Мне суждено здесь, в чужой земле, ныне свидетельствовать перед не знавшими его о величии и красоте его духовного образа. Но никогда я не чувствовал в такой мере бессилие своего слова, как перед лицом этого своего долга. Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. Нужно слово или кисть или резец великого мастера, чтобы о нем миру поведать. При

этом он сам не только родился таким, но был и собственным произведением духовного и художественного вкуса. Черты его внешнего лика запечатлены на известном нестеровском портрете, — благодатная тихость и просветленность, образ как бы некоего небожителя, который однако был сыном и земли, ее тягости изведal и преодолел. В нем вовсе не было идиллической наивности и примитивности, это и о нем могло быть сказано: "О, бурь заснувших не буди, под ними хаос шевелится". Но он любил ее, эту родную землю, как всечеловеческую мать, древнюю Деметру, но вместе знал и чтил ее как святую Богоземлю, Пречистую и Преблагословенную, которой он так поклонялся. (См. его посвящение "Столпа": "Всеблагоуханному и Пречистому Имени Девы и Матери").

Извне он был скорее нежного и хрупкого сложения, однако обладал большой выносливостью и трудоспособностью, отчасти достигнутой и огромной аскетической тренировкой. Я был свидетелем этой его аскетической самодисциплины, как и его трудового научного подвига: обычно он проводил ночи за работой, отходя ко сну лишь в 3-4 часа пополуночи, но при этом сохраняя всю свежесть ума в течение дня, и то же можно сказать и об его пищевом режиме. И все это было в нем не только голосом его духовной стихии, но и делом железной воли и самообладания. Слабый от природы, в те годы, когда я знал о нем (увы, нашей разлуке исполнилось уже четверть века), он, насколько я помню, вообще никогда не болел, ведя жизнь, исполненную аскетических лишений.

Когда о. Павел где-либо появлялся, он естественно привлекал к себе внимание, по крайней мере, людей зрячих, как до своего священства, так и особенно после него. В его лице было нечто восточное и нерусское (мать его была армянка). Мне же духовно в нем виделся более всего древний эллин, а вместе еще и египтянин; обе духовные стихии он в себе носил, будучи их как бы живым откровением.

В его облике, в профиле, в отражении лица, в губах и носе было нечто от образов Леонардо-да-Винчи, что всегда поражало. Но вместе и... Гоголя. Помню, как мы, знавшие его и присутствовавшие при открытии памятника Гоголю в Москве (Эрн, А.Белый и др.), впервые увидавшие его после снятия закрывавшей его завесы, так и ахнули: "Павлуша!" (так называли его друзья и сверстники, школьные товарищи по Тифлисской гимназии, ныне оба отшедшие уже: В.Ф.Эрн и о.Александр Ельчанинов). И при этой внешности, мимо которой нельзя пройти, ее не заметив, в ней не было ничего вызывающего, arrogantного.

Это же было и в голосе и в речи: о нем всегда просилось на уста шекспировское слово (Гамлета об Офелии): у него был нежный, тихий голос, большая прелесть не только в женщине, но в данном случае и в мужчине. Однако в этом голосе звучала и твердость металла, когда это требовалось. Вообще самое основное впечатление от о.Павла было силы себя знающей и собою владеющей. И этой силой была некая первозданность гениальной личности, которой дана самобытность и самодовлеемость при полной простоте, естественности и всяческом отсутствии внутренней и внешней позы, которая всегда есть претензия внутренней немощи. И в путях духовного развития и самоопределения мы наблюдаем в о.Павле эти же самые черты. Можно сказать в известном смысле, что о.Павел сам себя сделал, пойдя собственным путем.

Он родился и вырос в культурной семье (отец его был образованный инженер), и воспитывался он в атмосфере Бетховена и Гете, но вне религии. Являясь духовным аристократом по воспитанию, он был до известной степени и эстетом. По окончании гимназии, где он поражал учителей своими математическими способностями, тогда уже исследовательскими, он поступил на математический факультет Московского университета, по окончании которого был оставляем при нескольких математических кафедрах (и еще долго

спустя не могли забыть московские физики и математики одаренного студента). Вместо всего этого о. Павел, резко изменяя свой жизненный путь, поступает в Московскую Духовную Академию студентом (у Троицы Сергия), принимая послушание нового научно-богословского труда, а вместе и религиозного подвига. Когда и как в нем произошел религиозный переворот, я не имею точных данных. Я узнал его уже после него.

В научном облике о. Павла всегда поражало полное овладение предметом, чуждое всякого диллетантизма, а по широте своих научных интересов он является редким и исключительным полигистром, всю меру которого даже невозможно определить за отсутствием у нас полных для этого данных. Здесь он более всего напоминает титанические образы Возрождения: Леонардо-да-Винчи и др., может быть еще Паскаля, а из русских же больше всего В. В. Болотова. Я знал в нем математика и физика, богослова и филолога, философа, историка религий, поэта, знатока и ценителя искусства и глубокого мистика.

Последние годы перед ссылкой о. Павел читал в Москве лекции по электричеству и теории перспективы. Говорят, что даже во время ссылки в Соловках он, со своей всепожирающей пытливостью ума, изучал морские водоросли. При невозможности это проверить, пусть это будет миф, естественно возникающий около личности, по-своему также мифической. И все это богатство даров, и, очевидно, достижений, сокрыто, а может быть и погребено варварством, духовным нашествием гуннов на русскую землю, раздавлено чугунным прессом "советской власти" вместе с миллионами человеческих жизней.

Мне неизвестно, что уцелело из его научного и литературного наследия, но уже тогда, в годы нашей общей жизни, то есть четверть века назад, я знал, что у него в письменном столе лежат несколько готовых исследований (об именах и переименованиях, разные философские и богословские курсы, математические и другие труды). Он вообще как-то

мало интересовался их публикацией. Но я лично считаю, что книга "Столп и утверждение Истины", которая заслуженно прославила его имя в богословии, есть еще юношеское произведение, и вовсе не последнее и единственное его слово из всего, что он унес с собою в далекую свою могилу. Однако в мире творческом ничто не пропадает из подлинных духовных ценностей, даже и погибающее здесь на земле, "дела их следуют за ними", семя их и в том мире прорастает...

Однако все, что может быть сказано об исключительной научной одаренности о. Павла, как и об его самобытности, в силу которой он всегда имел свое слово, как некое откровение обо всем, является все-таки второстепенным и несущественным, если не знать в нем самого главного. Духовным же центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его священство.

В.В. Розанов, который, однажды узнав о. Павла, затем не мог уже от него оторваться, как от источника жизни (я знаю, что у о. Павла хранилась огромная и значительная по содержанию с ним переписка, в которой они вместе погружались в мистические глубины еврейского вопроса), написал мне однажды о нем тоже совершенно гениальное по силе и выразительности письмо (не знаю, уцелело ли оно в Москве). Я помню из него только одно слово. В качестве самого существенного его определения, В.В. Розанов сказал: он есть *ιερέυς* (именно по-гречески), священник. И это было именно так. Священство о. Павла, как и все в его жизни (помимо того, что над ним совершила сатанинская антихристианская злоба), также было его собственным самоопределением, которое, извне, как будто совершенно противоречило всей его жизненной обстановке. Такое юродство, как ряса, одинаково не снилось ни его отцу-инженеру, ни гимназическим, ни университетским его учителям. Оно даже вовсе не вытекало с необходимостью из факта поступления в Духовную Академию, но таков был внутренний его голос, избрание и призвание.

Само по себе оно не имело для себя примеров и в истории русской интеллигентской общественности. Последняя еще знает отдельные случаи принятия священства, связанного с переходом в католичество, в аристократическом и светском конвертитстве, но отнюдь не в сермяжном, мужицком православии. Можно сказать, что о. Павел своим примером впервые проложил этот путь в наши дни именно для русской интеллигенции, к которой он исторически, конечно, все-таки принадлежал, хотя всегда и был свободен от "интеллигентщины", враждовал с нею.

Он своим рукоположением фактически делал ей известный вызов, конечно, вовсе о том не думая. По этому же пути, но уже после о. Павла, пошли люди известного духовного и культурного склада. Они идут с ним и вслед за ним, сами то сознавая, а иногда и не сознавая. До сих пор священство являлось у нас наследственным, принадлежностью "левитской" крови, вместе и известного психологического уклада жизни, но в о. Павле встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим, и это органическое соединение само по себе уже есть факт церковно-исторического значения.

Чего же искал в священстве о. Павел? Это не было призвание к пастырству и учительству, хотя, разумеется, он их не отрицался, но прежде всего и больше всего влечение к предстоянию Престолу Господню, служению литургически-евхаристическому. Сначала о. Павел стремился — может быть, несколько отвлеченно и идеологически — получить деревенский приход близ Сергиева Посада, так однако, чтобы совмещать сельское священство с профессорством в Духовной Академии, где ему была поручена кафедра духовной философии, (рутина и здесь оказалась сильнее существа дела, и о. Павел был отстранен от кафедр чисто богословских), но затем он получил для себя небольшой домовый храм общины Красного Креста в Сергиевом Посаде, разумеется, до 1918 года, с которого уже начинается

его священническая бесприютность. После этого, очевидно, не могло не прерваться рано или поздно и его священническое служение. Однако и большевистская Москва помнит его читающим научные лекции в рясе и в кресте. Не скажу точно года его рукоположения, кажется это было около 1910 года. Незадолго до рукоположения совершилось и его вступление в брак, для близких его по-своему неожиданное. Его аскетический путь первоначально вел его к монашеству, но затем аскеза в монастыре сменилась аскезой в семье. Он стал главой семьи, заботливым и нежным отцом нескольких детей. Разлука с ними и тревога о них, очевидно, была и особым крестом его в изгнании.

В своем рукоположении о. Павел перешагнул через то препятствие, которым для нас, вернувшихся к Церкви так сказать "интеллигентов", являлась зависимость Церкви от государства, цезарепапизм. В своей исключительной почвенности — несмотря и даже вопреки его полурусской крови — о. Павел был, точнее, хотел быть и политически скорее консервативным, хотя это в нем и соединялось с апокалиптическим и эсхатологическим чувством жизни, "не имеющей зде пребывающего града, но грядущего взыскающей". В то время, когда вся страна бредила революцией, а также и в церковных кругах возникали одна за другою, хотя и эфемерные, церковно-политические организации, о. Павел оставался им чужд, по равнодушию ли своему вообще к земному устройению, или же потому, что голос вечности вообще звучал для него сильнее зовов временности. Обновленческое движение в среде русского духовенства, позднее выродившееся в живоцерковство, никогда не находило для себя отзыва в о. Павле, как ни страдал он от всей косности нашей церковной жизни. Его христианство не было также и "социальным", хотя тогда уже вокруг него и возникали разные его течения. Но это было в нем менее всего простым охранительством, эта внешняя оболочка соединялась с пламенным горением огненного духа, хотя и с тихим

светом из него излучавшимся. Поэтому он не был потрясен и тем изменением отношения Церкви и государства, которое наступило после революции.

Он оставался внутренне свободным от государства, от которого ни до, ни после революции он ничего не искал, одинаково чуждый всякого раболепства, как перед начальством сверху, так и снизу. Можно сказать, не боясь парадокса, что о. Павел прошел через нашу катастрофическую эпоху, духовно как бы ее не заметив, словно не обратив внимания на внешнюю ее революционность. Это равнодушие выражалось и в его лояльности "повиновения всякой власти", парадоксальном "священнокнутии". Однако при этом нужно знать всю подлинную меру его свободолюбия, которое одинаково умело не только повиноваться, но и не подчиняться, конечно, в том, что являлось для него существенным и главным.

Став священником и возложив на себя во всей полноте ответственность всей канонической и иерархической дисциплины, о. Павел остался свободен и чужд слепому повиновению за страх, а не за совесть, признанию ее "infallibilitas". Он оставался свободен и в своем богословствовании, которое, однако, органически в нем было пропитано его церковностью, вдохновлялось у алтаря. Он не дождался до того прямого гонения на софиологию, которое пришло уже позже, но, конечно, готов был принять его со всеми его последствиями.

Когда началось гонение на почитателей Имени Божия ("имяславие"), о. Павел отдал свою богословскую силу на поддержку богословски беспомощного, но мистически правого движения имяславцев. Его духовное бесстрашие я мог бы подтвердить также и на основании некоторых биографических данных. К нему вообще можно применить немецкое выражение: nur für schwindelfreie möglich, и он остался schwindelfrei и в своем священстве. Характерно было то, что его можно было встретить не только в келии

аввы Исидора, у старцев Зосимовой пустыни, у еп. Антония, жившего на покое в Донском монастыре, но и в разных домах нашей тогдашней московской "Флоренции", писателей и поэтов, иногда таких, где, казалось, трудно этого было и ожидать, он являлся желанным гостем и ночным собеседником. При всей своей церковности и литургичности он оставался совершенно свободен и от ханжества, и от стильного "поповства", умея интересоваться вещами по существу. Поэтому же он не находил себе настоящего места и в академической среде с особой ее атмосферой.

Оставаясь совершенно далек от богословского "модернизма", то есть рационализма, он не был, конечно, ему чужд в лучшем, подлинном смысле, признавая, что каждая эпоха истории имеет не только право на существование, но и закон своей жизни, особые требования творческого ее восприятия, вследствие чего верность его преданию и не превращается в косное охранительство.

Когда богословские академии оказались закрыты советским правительством, мы вместе с о. Павлом стали деятельно обсуждать проект устройства вольной "религиозно-философской" академии по измененной и расширенной программе и для этого осуществления искали средств и возможностей. Однако жизнь на эти проекты с жестокостью ответила по-своему, для о. Павла заточением, завершившимся исповеднической кончиной, для меня — пожизненным изгнанием на чужбину. Таковы явились пути и веления Промысла Божия. Но и в нашем теперешнем парижском начинании, возникшем в культурных развалинах русской жизни, хочется видеть, конечно, если не полноту, то хотя некоторый слабый отблеск и наших московских замыслов, а в том, что зовется условно "парижским богословием", находить начала, роднящие и с вдохновениями о. Павла, и его духовное с нами как бы соучастие.

Однако полное цветение и плодоношение возможно лишь на родной земле и под ее солнцем, и оторванное от

почвы оранжерейное растение даже если растет, то неизбежно хиреет. Отцу Павлу было органически свойственно чувство родины. Сам уроженец Кавказа, он нашел для себя обетованную землю у Троицы Сергия, возлюбив в ней каждый уголок и растение, ее лето и зиму, весну и осень. Не умею передать словами то чувство родины, России, великой и могучей в судьбах своих, при всех грехах и падениях, но и в испытаниях своей избранности, как оно жило в о. Павле. И, разумеется, это было не случайно, что он не выехал за границу, где могла, конечно, ожидать его блестящая научная будущность и, вероятно, мировая слава, которая для него и вообще, кажется, не существовала. Конечно, он знал, что может его ожидать, не мог не знать, слишком неумолимо говорили об этом судьбы родины, сверху донизу, от зверского убийства царской семьи до бесконечных жертв насилия власти. Можно сказать, что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал... родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. О. Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление.

Четверть века уже прошло с тех пор, как мы расстались с о. Павлом, выходя из московского храма после последней нашей совместной литургии. И все, что сказано выше о нем, суть впечатления лишь первых десятилетий этого века, уже отдаленного прошлого. Тем не менее я не чувствую себя остающимся в некоем неведении о нем, ибо для меня и минувшие, вместе прожитые годы дали навсегда сохранить в душе этот образ, как бы отлитый из бронзы, подобно памятнику. Но, конечно, превосходит всякие силы поведать о нем, его не видя и не чувствуя непосредственно.

Для того, чтобы рассказать о гении, который есть ведь некое чудо природы, надо самому быть им, или, по крайней мере, иметь способность вообразить его образ силою

вчувствования. Будем надеяться, что найдутся те, которые соберут драгоценные крупички воспоминаний о нем за истекшую четверть века, хотя и все они будут стоять перед одною и тою же неодолимой трудностью: настоящее творчество о. Павла не суть даже книги, им написанные, или его мысли и слова, но он сам, вся его жизнь, которая ушла уже безвозвратно из этого века в будущий. И только те, кто верят и знают, что жизнь творчества продолжается и за гробом, что и там возможно участие в жизни здешней, те имеют христианскую надежду его встретить в родине вечной, в России умопостижимой, в веке грядущем, в котором ничто истинно ценное не пропадает, но умножается, и дела праведника идут за ним...

Предо мной неотвязно стоит воспоминание, а вместе и предзнаменование грядущих событий и свершений. Это портрет наш, писанный нашим общим другом М. В. Нестеровым (в этом году также отшедшим из этой жизни) майским вечером 1917 года, в садике при доме о. Павла. Это был, по замыслу художника, не только портрет двух друзей, сделанный третьим другом, но и духовное видение эпохи. Оба лица выражали для художника одно и то же постижение, но по-разному, одно из них — как видение ужаса, другое же — как мира, радости, победного преодоления. И у самого художника явилось сначала сомнение об уместности первого образа, настолько, что он сделал попытку переделать портрет, заменив ужас идиллией, трагедию благодушием. Но тотчас же обнаружилась вся фальшь и невыносимость такой замены, так что художнику пришлось восстановить первоначальное узрение. Зато образ о. Павла оказался им сразу найденным, в нем была художественная и духовная самоочевидность, и его не пришлось изменять. То было художественное ясновидение двух образов русского апокалипсиса, по сю и по ту сторону земного бытия, первый образ в борьбе и смятении (а в душе моей оно относилось именно к судьбе моего друга), другой же к победному

свершению, которое ныне созерцаем... Он обрел себе свое место упокоения.

Такова христианская вера и христианское упование.

Но мир как будто бы опустел без него для знавших его и любивших, став унылым и скучным, и зовет за собой из мира ушедший.

”Взглянул я, — говорит тайнозритель, — и вот великое множество людей, которого никто не может перечесть... стояло пред престолом и перед Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих... Это те, которые пришли от великой скорби... они пребывают перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его... и отрет Бог всякую слезу с очей их...” (Откр. 7, 9-17).

И верим, в их лике зрится иерей Божий Павел, мученик и исповедник Имени Христова.

[Март-апрель 1943 г.]

НА ПОГРЕБЕНИЕ Н. А. СТРУВЕ *

Христос Воскресе!

Дорогой друг и дочь моя духовная!

Во дни радости пасхальной разлучаются с тобой твой муж, дети, внуки, друзья, все знавшие и любившие тебя, а тебя любил всякий, кто только знал. Свидетельствую это ныне и я пред лицом твоего гроба, как друг на протяжении целой жизни твоей. Ты несешь ныне на суд Божий дело всей твоей жизни, как жены и матери и как верной дочери своего народа, которому служила ты на всех путях твоей жизни. Дело мужа твоего есть и твое дело, которое продолжается и будет продолжаться и после твоего ухода. Ты учила словом и делом любви и верности родине нашей, и завещаешь и ныне, пред лицом неведомых грядущих ее судеб, служить ей, как сама служила. Но ты учишь примером своим еще большему и высшему: любви и верности Церкви Христовой, которой ты предана была со всей ревностью любящего сердца. Ты воспитала в семье своей служителей церкви в священном сане и вне его, и твой образ, молитвенная связь с тобою в том мире да будет для них светлым благословением. Ты с христианской покорностью и тихой

* Нина (Антонина) Александровна Струве, рожд. Герд (1867–1943, Париж) – педагог, жена П. Б. Струве.

радостью встречала смерть, близящуюся к тебе. Ты любила жизнь, как высший дар Божий, и тебе открылось еще здесь, что еще новая жизнь ждет нас и там за гробом, где воссиял свет воскресения, и Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ. В свете радости пасхальной мы ныне расстаемся с тобой, в христианском уповании новой жизни и новой встречи.

Вечная память рабе Божьей новопреставленной Антонине.
Аминь.

29 мая 1943 г.

СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНИИ П. Б. СТРУВЕ

Дорогой Друг!

Ныне, в час последнего прощания, встает во всем величии твой светлый образ в благодарной памяти моей. Почти уже полвека исполнилось с начала нашего знакомства, когда завязалась и дружба наша, продолжавшаяся долгие годы и осиянная какой-то прощальной ласкою именно в последние дни жизни твоей. Озираю ее духовным взором, начиная с конца еще прошлого века: первая встреча в обеих русских столицах, а дальнейшие многие в зарубежье и на родине.

Вижу тебя в московском храме в день иерейского моего рукоположения, как и ныне созерцаю гроб твой теперь в священническом пред ним предстоянии. Вспоминаю общий путь нашей жизни и труды ее, наши схождения, а также и расхождения, которые никогда, однако, не могли угасить в душе моей личного почитания и невольного удивления пред твоим духовным обликом и твоей одаренностью.

Нам оказалось суждено не только быть современниками и жизненными попутчиками, но стать еще и соратниками, разделять общую судьбу, которая явилась духовной судьбой и всей нашей родины на путях ее самосознания и самоопределения. В один и тот же урочный час русской истории мы выходили на общий путь, этот долгий и трудный

путь освобождения от мрака безбожия, которым сами мы были обольщены, его исповедовали от лица лжеименного знания. И мы с тобою одновременно — каждый по-своему — его преодолевали в искании живого Бога, — на путях мысли, знания и веры, всенародно принося то покаяние, о котором сказано Предтечею Христовым: "Покайтесь и веруйте в Евангелие!" (Мр. 1, 15).

И мнилось тогда, что нам также дано стать предтечами духовного возрождения в кругах русского образованного общества. Эта проповедь возвращения блудных сынов в лоно Отчее явилась тогда делом жизни для численно немногих крестоносцев, которые подъяли этот крест борьбы с духовным равнодушием и предрассудками, царившими в его кругах. Но — увы! — количественным успехом не увенчалось наше дело. Во всяком случае до времени мы оказались сметены насилием воинствующего безбожия.

Однако духовная битва была дана, и она остается незабываема. Да будет же не забыто и то, что в первых рядах этих крестоносцев стоял и ты, со всей независимостью и бесстрашием мысли, тебе всегда во всем свойственным. Одним из первых именно тобою было произнесено Имя Божие с верою и страхом Божиим среди тех, кто сыздавна привычен к равнодушию и богохульству. Поэтому ты принадлежишь к числу детоводителей ко Христу для образованного русского общества наших дней.

Долгим и извилистым путем и сам ты пришел в лоно Церкви Христовой, которая ныне провожает тебя в вечность уже как своего сына. В силу этого ты явился одним из ответственных деятелей русского просвещения в своей писательской деятельности, охранявшим и собиравшим ее подлинные творческие ценности на протяжении десятилетий, — на родине и за рубежом. Ты был "стражем дома Израилева", по слову пророческому, как на родине, так и в изгнании. И это твое служение Богу

истины ныне надлежит засвидетельствовать пред твоим гробом, который есть лучшая проверка ценностей, истинных и мнимых.

Не умолчим здесь и о том, чему было посвящено твое личное творчество. В твоем лице всемирно прославляется русская наука, и ты был неоднократно увенчиваем ученым судом на родине и вне ее. Широта области твоих изысканий, как и твоих знаний, вместе с умственной свежестью, которая сохранялась до последних дней, поражали всех с тобою соприкасавшихся. Ты рожден был ученым и по наследственности, и по воспитанию, и умножил природные дары свои непрерывным подвигом научного труда, который, как личное твое призвание и творчество, является радостью твоей жизни.

Однако и не это одно составляет дело твоей жизни, с которым ты предстаешь на суд Божий. Главное служение человека есть то, которое требует для себя жертвенности, как первая и самая большая любовь, и такой любовью для тебя явилась не одна только наука, но, даже прежде ее, родина. Твой жизненный путь, от начала и до конца, является поэтому рядом жертв во имя родины. Будучи по происхождению, по складу мышления, по духовному облику отпрыском от нерусского, чужеземного корня, ты явил собою кристально чистый образ беззаветно любящего ее сына в наши страшные и роковые годы, ты явил — веру и верность, — честь и честность, негибающуюся твердость в век малодушия, колебания, двусмысленности, измены. Поэтому и личная твоя жизнь сделалась рядом скитаний, гонений, неприютности, в которых на каждом повороте подстерегала беда, но от нее спасала тебя Высшая воля. Свою жизнь тебе так и суждено закончить на реках Вавилонских, откуда ты до конца ее чаял возвращения в землю обетованную. И последний научный твой труд на чужбине был посвящен розыскам о судьбах русского народа времен древнейших. И родина наша не забудет и

восславит имя твое, когда станет считать и вспоминать верных сынов своих.

Да будет же уместно в сей час твоего перехода от времени к вечности напутствовать тебя словом апостольским:

Подвигом добрым я подвизался, течение совершил,
веру сохранил, и теперь готовится мне венец правды.

Аминь.

29 февраля 1944 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ "РАДОСТЬ ЦЕРКОВНАЯ"

Некоторые из друзей обратились ко мне с просьбой о разрешении издать в особом сборнике мои разрозненные слова, которые время от времени печатались в разных изданиях, преимущественно же в "Сергиевских Листках". Хотя сам я никогда не думал о подобном собрании, однако не считал возможным противиться такому желанию. К сожалению, печать отрывочности и неполноты слишком явно лежит на этом собрании. Отчасти это объясняется и тем, что я вообще никогда не имел возможности систематически вести поучения в течение целого церковного года. При этом подавляющее их количество оставалось не записанным даже в виде конспектов. Фактически, большая часть слов в настоящем собрании своим происхождением обязана студенческому братству преп. Сергия. Последнее, время от времени, на протяжении ряда лет, обращалось ко мне с просьбой написать то или другое слово для "Сергиевских Листков", причем я неизменно считал долгом следовать этому зову.

Отдавая эти слова в печать, я не могу не испытывать глубокой неудовлетворенности и по отношению к их внешней форме. Слово вообще есть едва ли не самая трудная и для настоящего времени совершенно не найденная литературная форма, в которой исключительной значительности содержание должно быть облечено в достойную одежду. Те высокие — для своего времени и в своем роде — образцы писанного "слова", которые мы имеем (митр. Филарет, арх. Иннокентий, прот. Р. Путятин и др.), уже

утеряли свое руководящее значение теперь, и отсутствие соответственного стиля, обычно заменяемого риторической напыщенностью, болезненно чувствуется в настоящее время. И поэтому нередко оказывается, что терпимое в изустном произнесении слово не поддается письменному запечатлению. Идеальная проповедь должна являться производением религиозного искусства, как икона или священный гимн. Однако, перед лицом такого требования остается только испытывать смущение и чувство неудовлетворенности, которое еще усиливается невозможностью дать достаточно сил и внимания даже и доступному усовершенствованию.

Тем не менее при всем несовершенстве сборник этот имеет право на существование, поскольку и в нем находит для себя искреннее и правдивое, хотя и бледное, отражение жизнь в Церкви. Таковая есть, по обетованию Господа, "радость совершенная", подаваемая нам в живом опыте Церкви.

Есть два мира для христианина и в них две жизни: одна принадлежит этому миру скорби и страданий, но другая сокровенно совершается в Царствии Божьем, в ликующем граде небесном. Все события, евангельские и церковные, празднуемые в разные времена церковного года, не вспоминаются только, но совершаются в нас, поскольку душа наша касается этого горнего мира. Они становятся для нас высшей действительностью, источником торжества непрестающего, радостью совершенной. Отец Небесный, Господь вочеловечившийся, Дух Святой, с неба на землю сошедший, Пречистая Дева, в горний мир вознесенная, небесные воинства и лики святых, — все становятся близкими для нас в живом опыте Церкви, и это-то свойство небесного земному и есть великое торжество, радость церковная. И поскольку она здесь, хотя и несовершенным словом — но какое же слово человеческое может быть для этой цели совершенным? — неложно свидетельствуется, то и это

свидетельство может найти доступ к сердцам, и они зазвучат, быть может, ответным благовестом... Да святится Имя Твое!

* *
*

Посвящаю это собрание слов тому братству преп. Сергия и объединению Православное Дело в Париже, которым оно — в разных смыслах — обязано своим происхождением.

*Сергиевское Подворье,
Париж,
1/14 мая 1936 года.*

СОДЕРЖАНИЕ

- Проповеди, появившиеся в сборнике *Радость церковная* (Париж, 1938), отмечены звездочкой.
- На проповеди, напечатанные в разных повременных или специальных изданиях и не вошедшие в *Радость церковную*, дается ссылка.
- Остальные проповеди и беседы печатаются впервые.

От издательства 5

Проповеди на церковный год

Радость мира, 1940 г.	9
Сила крестная,* 1924 г.	17
Крест свой, 1940 г.	23
Воздвижение Креста, 1942 г.	27
Крестность жизни, 1943 г.	31
Крестность жизни	37
День преподобного Сергия, 1940 г.	41
Светлый Покров над миром,* 1925 г.	45
Покров Богородицы, 1940 г.	51
Светлый Покров	55
День архангела Михаила, 1940 г.	59
Храм храма,* 1928 г.	63
Восхождение ко Христу, 1940 г. (ВРСХД, 1971, № 100)	67
Вхождение во храм со Пресвятой Богородицей, 1943 г. (ВРСХД, 1969, № 93)	71
И Слово плоть бысть, 1940 г.	75
Небо – вертеп*	79
Издалече пришли мы,* 1930 г.	87

Дары волхвов,* 1934 г.	91
Знамение пещеры Вифлеемской,* 1935 г.	94
Слово на Рождество Христово, 1936 г.	99
Русским воинам на день Рождества Христова, 1939 г.	103
Звезда Вифлеемская, 1940 г.	109
Радость великая, 1941 г.	112
С нами Бог, 1943 г.	115
Пречистое Материнство,* 1928 г.	121
Вечность и время*	126
Слово к Новолетию, 1943 г.	129
Угль пламенеющий*	132
Вода скачущая в жизнь вечную,* 1924 г.	139
Разводящиеся небеса*	143
Слово на Крещение Господне	147
Праздник богословия, 1938 г. (Сергиевские листки, 1938, № 1)	149
Сретение Господа в храме,* 1924 г.	155
Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, 1941 г.	158
Неделя о Страшном Суде,* 1925 г.	161
Двери покаяния*	168
О светлой печали*	171
На реках Вавилонских мы тамо седохом и плакахом, 1933 г.	177
Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя, 1934 г.	179
В преддверии Великого поста, 1941 г. (ВРСХД, 1971, № 101-102)	182
В преддверии Великого поста, 1942 г.	185
В преддверии Великого поста, 1943 г.	188
”И остави нам долги наша”, 1933 г.	191
Прощеное воскресенье, 1934 г.	193
Слово в неделю Сыропустную	195
Распенше с Ним два злодея, единого одесную... 1933 г.	197
Слово на утрени в неделю Крестопоклонную	200

Проповедь в неделю 5-ю Великого поста, 1940 г.	203
Архангельский глас,* 1925 г.	209
Страстное Благовещение,* 1929 г.	217
Благовещение – гроб Господень, 1939 г. (Сергиевские листки, 1939, № 2)	221
Крестное воцарение,* 1927 г.	225
Благословен грядый Царь Израилев! (Сергиевские листки, 1930, № 4)	233
Осанна в вышних! 1943 г.	238
Вечеря Агнца, 1941 г. (ВРСХД, 1971, № 101-102)	243
Слово в Великую пятницу, 1929 г.	247
У гроба Господня, 1942 г. (ВРСХД, 1971, № 101-102)	250
Животе, како умираеши... 1937 г. (Сергиевские листки, 1937, № 103)	255
Сия есть Благословенная суббота*	260
О подвиге радости, 1942 г. (ВРСХД, 1971, № 101-102)	266
Веселимся божественне! *	269
Смертию смерть поправ*	274
Христос Воскресе, 1941 г.	279
Три славы, 1944 г.	281
Слово пасхальное, 1943 г. (ВРСХД, 1971, № 99)	286
Мария Мироносица, 1941 г.	291
Радость разлучения,* 1925 г.	293
О Вознесении, 1933 г.	299
Радость в печали, 1944 г.	301
После Вознесения...	308
Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие,* 1927 г.	310
Слово о Пятидесятнице, 1929 г. (Сергиевские листки, 1929, № 5 / 21)	315
Радость совершенная, 1941 г.	320

Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие, 1943 г.	324
Проповедь в день Святого Духа, 1937 г.	329
В день Духа Святого, 1942 г.	331
В неделю всех святых	335
Зов апостольства*	337
Велелепная слава*	343
Святая Русь, 1941 г.	347
Вознесение Богоматери, 1940 г.	351
В день Успения Пресвятой Богородицы, 1939 г.	360
Слово на Успение Пресвятой Богородицы, 1943 г. (ВРСХД, 1952, № 3)	363
Креститель и Иродиада, 1933 г.	367
Слово в неделю пятнадцатую*	373
Видения и откровения Господни, 1940 г.	381

Слова и беседы на разные случаи

Беседы о молитве Отче наш, 1921-1922 г.	389
Беседы о Божественной литургии, 1941 г.	413
Со страхом Божиим, верою и любовью приступите!	426
Слово об Утешителе, 1935 г.	429
Сила Церкви, 1937 г.	432
Христианство – вера во Святую Троицу	440
Два Царства, 1941 г.	445
Марфа и Мария, 1942 г.	448
Храм и Град, 1930 г. (ВРСХД, 1931, № 1)	453
Радость креста (ВРСХД, 1931, № 2)	457
Слова о патриархе Тихоне, 1923 г., 1923 г., 1925 г. (ВРСХД, 1975, № 115)	463
Слово на молебствии пред годичным актом юридического факультета, 1923 г.	483

Перед началом, 1935 г. (ВРСХД, 1935, № 6-7)	486
Sursum corda!	489
Не ужасайтесь, но бодрствуйте, 1940 г.	493
”В скорби дней тех”, 1942 г.	497
Во дни посещения Божия	501
Слово на погребении о. Александра Ельчанинова, 1934 г. (Впервые в сборнике <i>Памяти о. Александра</i> , Париж, 1935 г.)	504
Священник о. Павел Флоренский, 1943 г. (ВРСХД, 1971, № 101-102)	509
На погребение Н. А. Струве, 1943 г.	521
Слово при погребении П. Б. Струве, 1944 г. (Впервые в книге П.Б. Струве, <i>Социальная и экономическая история России</i> , 1952 г.)	523

Приложение

Предисловие к сборнику <i>Радость церковная</i>	527
---	-----

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 7 DÉCEMBRE 1987
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N°154-87

ISBN 2-85065-123-0